

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ЛИНГВИСТИКА**

2019 Том 23 № 1

**Научный журнал
Издается с 1997 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61212 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUSSIAN JOURNAL
OF LINGUISTICS**

2019 Volume 23 No. 1

**Founded in 1997
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать: 36436.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика — периодическое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных лингвистических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала:

- ◆ способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей;
- ◆ знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области лингвистических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- ◆ публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, касающихся языка, культуры, сознания и коммуникации;
- ◆ освещать научную деятельность как российского, так и международного научного сообщества.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся взаимодействия культуры, языка и коммуникации. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования. Основные рубрики журнала: *язык и культура, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, анализ дискурса, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода*. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 10.00.00 — филологические науки; Специальности научных работников: 10.02.01 — русский язык, 10.02.04 — германские языки, 10.02.05 — романские языки, 10.02.19 — теория языка, 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

Электронный адрес: lingj@rudn.university.

4 issues per year

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

The Russian Journal of Linguistics is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Linguistics and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal:

- ◆ to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists and specialists in related areas of investigation;
- ◆ to disseminate theoretically grounded research and advance knowledge pertaining to the field of Linguistics developed both in Russia and abroad;
- ◆ to publish results of original research on a broad range of interdisciplinary issues relating to language, culture, cognition and communication;
- ◆ to cover scholarly activities of the Russian and international academia.

As a Russian journal with international character, it aims at discussing relevant intercultural/linguistic themes and exploring general implications of intercultural issues in human interaction in an interdisciplinary perspective. The most common topics include *language and culture, comparative linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, pragmatics, discourse analysis, intercultural communication, and theory and practice of translation*. In addition to research articles, the journal welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

E-mail: lingj@rudn.university.

Подписано в печать 05.02.2019. Выход в свет 22.02.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 33,48. Тираж 500 экз. Заказ № 16. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: ipk@rudn.university

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.В. Ларина, РУДН, Россия. E-mail: larina_tv@rudn.university

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Иштван Кечкеш, Университет Штата Нью-Йорк, Олбани, США. E-mail: ikecskes@albany.edu

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А.С. Борисова, РУДН, Россия. E-mail: borisova_as@rudn.university

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Альба-Хуэс Лаура, Национальный университет дистанционного образования UNED (Мадрид, Испания)

Биби Стивен А., Университет штата Техас (Сан Маркос, США)

Богданова Людмила Ивановна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Гусман Тирадо Рафаэль, Гранадаский университет (Гранада, Испания)

Деваеле Жан-Марк, Лондонский университет (Лондон, Великобритания)

Дементьев Вадим Викторович, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

Еленевская Мария, Технион — Израильский политехнический институт (Хайфа, Израиль)

Еслами Зохранэ, Техасский университет А&М в Катаре (Доха, Катар / Техас, США)

Жельвис Владимир Ильич, Ярославский государственный педагогический университет (Ярославль, Россия)

Зализняк Анна Андреевна, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Иванова Светлана Викторовна, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)

Ирисханова Ольга Камалудиновна, Московский государственный лингвистический университет, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Карасик Владимир Ильич, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина (Москва, Россия)

Карбо Донал, Массачусетский университет (Амхерст, США)

Лассан Элеонора, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)

Леонтович Ольга Аркадьевна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Миллс Сара, Университет Шеффилд Холлэм (Шеффилд, Великобритания)

Ойши Етсуко, Токийский исследовательский университет (Токио, Япония)

Павленко Анета, Университет Осло (Осло, Норвегия)

Понтон Дуглас Марк, Университет Катании (Катания, Италия)

Путц Мартин, Университет Кобленц-Ландау (Ландау, Германия)

Сифьяну Мария, Афинский национальный университет им. Каподистрии (Афины, Греция)

Сунь Юйхуа, Даляньский университет иностранных языков (Далянь, КНР)

Сурьянараян Нилакши, доктор, профессор, Делийский университет (Дели, Индия)

Шнайдер Клаус, Боннский университет (Бонн, Германия)

Эбзеева Юлия Николаевна, РУДН (Москва, Россия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: lingj@rudn.university

EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana Larina, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: larina_tv@rudn.university

HONORARY EDITOR

Istvan Kecskes, State University of New York at Albany, USA. E-mail: ikecskes@albany.edu

EXECUTIVE SECRETARY

Anna Borisova, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: borisova_as@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Laura Alba-Juez, National Distance Education University (Madrid, Spain)

Steven A. Beebe, Texas State University (San Marcos, USA)

Liudmila Bogdanova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Donal Carbaugh, University of Massachusetts (Amherst, USA)

Vadim Dementyev, Saratov State University (Saratov, Russia)

Jean-Marc Dewaele, Birkbeck, University of London (London, UK)

Julia Ebzeeva, RUDN University (Moscow, Russia)

Zohreh Eslami, Texas A&M University at Qatar (Doha, Qatar / Texas, USA)

Rafael Guzman Tirado, University of Granada (Granada, Spain)

Olga Iriskhanova, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

Svetlana Ivanova, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)

Vladimir Karasik, State Russian Language Institute (Moscow, Russia)

Eleonora Lissan, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)

Olga Leontovich, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

Sara Mills, Sheffield Hallam University (Sheffield, UK)

Etsuko Oishi, Tokyo University of Science (Tokyo, Japan)

Aneta Pavlenko, University of Oslo (Oslo, Norway)

Douglas Mark Ponton, University of Catania (Catania, Italy)

Martin Pütz, University of Koblenz-Landau (Landau, Germany)

Klaus Schneider, University of Bonn (Bonn, Germany)

Maria Sifianou, National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece)

Sun Yuhua, Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China)

Neelakshi Suryanarayan, Delhi University (New Delhi, India)

Maria Yelenevskaya, Technion — Israel Institute of Technology (Haifa, Israel)

Anna Zalizniak, the Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*
Computer Design *Ekaterina P. Dovgolevskaya*

Editorial office:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Tel.: +7 (495) 434-20-12;

e-mail: lingj@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

- Dick Smakman (Лейден, Нидерланды)** Cultural bias and Sociolinguistics (Культурные предубеждения и социолингвистика) 9
- Andreas Musolff (Норвич, Великобритания)** Creativity in Metaphor Interpretation (Творческая интерпретация метафор) 23
- Jana Resnikova, Anna Slatinska (Банска-Быстрица, Словакия)** Language Maintenance and Language Death: The Case of the Irish Language (Жизнь и смерть языка: языковая ситуация в Ирландии) 40
- Suren Zolyan (Калининград, Россия / Ереван, Армения)** How Not To Do Things with the Word: Barack Obama on the Armenian Genocide (Как не действовать словом: Барак Обама о геноциде армян 1915 г.) 62

ПРАГМАТИКА И ДИСКУРС-АНАЛИЗ

- Mino Alemi, Ashkan Latifi (Тегеран, Иран)** The Realization of Impoliteness in Arguments between the Democrats and Republicans over the Government Shutdown Issue in the US (Проявления невежливости в дебатах между республиканцами и демократами по вопросу о приостановлении деятельности государственных органов США) 83
- Которова Е.Г. (Зелёна-Гура, Польша / Томск, Россия)** Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации 98
- Киосе М.И. (Москва, Россия)** Текстовые показатели салиентности непрямых номинаций в русском языке: корпусный анализ 116
- Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. (Ростов-на-Дону, Россия)** Имитационность, информативность и фатика в жанрах гуманитарного научного дискурса 131
- Комалова Л.Р. (Москва, Россия)** Репрезентация вербального образа акта агрессии в информационном универсуме англоязычных СМИ 149
- Козловская Е.С. (Москва, Россия), Кобылко Я. (Варшава, Польша), Медведев Е.Ю. (Алматы, Казахстан)** Смыслоформирующая функция контекста в публицистических текстах 165
- Каменева Н.А. (Москва, Россия)** Анализ лексических особенностей английского и русского языков в сфере информационных технологий 185

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

- Мамонтов А.С. (Москва, Россия), Цэдэндоржийн Э. (Улан-Батор, Монголия), Богуславская В.В. (Москва, Россия)** Система ценностей в аспекте национально-ориентированной лексикографии (на примере русско-монгольских сопоставлений) 200

Нелубова Н.Ю. (Москва, Россия), Хильтбруннер В.И. (Вена, Австрия), Ершов В.И. (Москва, Россия) Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков	223
---	-----

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Горностаева А.А. (Москва, Россия) Рецензия на монографию Andreas Musolff, 2016. <i>Political metaphor analysis. Discourse and scenarios</i> . Bloomsbury, 194 p.	244
--	-----

Пильгун М.А. (Москва, Россия), Пивоварчик Т.Н. (Беларусь, Гродно) Рецензия на монографию Gunter Senft, 2017. <i>Imdeduya Variants of a myth of love and hate from the Trobriand Islands of Papua New Guinea</i> . Culture and Language Use. Studies in Anthropological Linguistics. Vol. 20. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 262 p.	247
--	-----

Джусупов М. (Ташкент, Узбекистан) Рецензия на монографию Рахимов Г.Х. <i>Инглиз тили Ўзбекистонда: социолингвистик ва прагматик кўрсаткичлар</i> (Английский язык в Узбекистане: социолингвистический и прагматический аспекты). Ташкент: TAMADDUN, 2017	254
---	-----

ЮБИЛЯРЫ

К юбилею В.И. Шаховского	267
К юбилею Л.А. Козловой	277

CONTENTS

SOCIOLINGUISTICS

- Dick Smakman (Leiden, Netherlands)** Cultural bias and Sociolinguistics ... 9
- Andreas Musolff (Norwich, UK)** Creativity in Metaphor Interpretation 23
- Jana Pecnikova, Anna Slatinska (Banska Bystrica, Slovakia)** Language Maintenance and Language Death: The Case of the Irish Language 40
- Suren Zolyan (Kaliningrad, Russia / Erevan, Armenia)** How Not To Do Things with the Word: Barack Obama on the Armenian Genocide 62

PRAGMATICS AND DISCOURSE ANALYSIS

- Minoo Alemi, Ashkan Latifi (Tehran, Iran)** The Realization of Impoliteness in Arguments between the Democrats and Republicans over the Government Shutdown Issue in the US 83
- Elizaveta Kotorova (Zielona Góra, Poland / Tomsk, Russia)** Pragmatics among Linguistic Disciplines: Problems of Definition and Classification 99
- Maria Kiose (Moscow, Russia)** Saliency Criteria of Indirect Non-Entrenched Textual Names in Russian: Corpus-Based Research 116
- Lyudmila Brusenskaya, Ella Kulikova (Rostov-on-Don, Russia)** Imitation, Informational Value and Phatic Communication in the Genres of Academic Discourse 131
- Liliya Komalova (Moscow, Russia)** Representation of the Verbal Image of Aggression in the Informational Universe of the English-Language Mass Media 149
- Ekaterina Kozlovskaya (Moscow, Russia), Jaroslaw Kobylko (Warsaw, Poland), Yevgeniy Medvedev (Almaty, Kazakhstan)** Sense-Forming Function of Context in Publicistic Texts 165
- Natalia Kameneva (Moscow, Russia)** Analysis of Lexical Features of the Russian and English Languages in the Sphere of Information Technologies 185

LANGUAGE AND CULTURE

- Aleksandr Mamontov (Moscow, Russia), Jenhtuja Cjedjendorzhijn (Ulan-Bator, Mongolia), Vera Boguslavskaya (Moscow, Russia)** A Value System through the Perspective of Culturally Oriented Lexicography 200

Natalia Nelyubova (Moscow, Russia), Victoria Hiltbrunner (Vienna, Austria), Victor Ershov (Moscow, Russia) The Reflection of the Hierarchy of Values in the Proverbial Fund of the Russian and French languages	223
--	-----

REVIEWS

Anna Gornostaeva (Moscow, Russia) Review of Andreas Musolff, 2016. <i>Political metaphor analysis. Discourse and scenarios</i> . Bloomsbury, 194 p. ...	244
--	-----

Maria Pilgun (Moscow, Russia), Tamara Pivovarchik (Grodno, Belarus) Review of Gunter Senft, 2017. <i>Imdeduya: Variants of a myth of love and hate from the Trobriand Islands of Papua New Guinea</i> . Culture and Language Use. Studies in Anthropological Linguistics. Vol. 20. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 262 p.	247
--	-----

Makhanbet Dzhusupov (Tashkent, Uzbekistan) Review of Rakhimov G.H., 2017. <i>Ingliz tili O'zbekistonda: sociolingvistik va pragmatik kursatkichlar</i> (The English language in Uzbekistan: sociolinguistic and pragmatic aspects). Tashkent: TAMADDUN	254
---	-----

ANNIVERSARIES

Tribute to Victor Shakhovsky	267
Tribute to Lyubov Kozlova	277

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-9-22

Cultural bias and Sociolinguistics

Dick Smakman

Leiden University, Centre for Linguistics
PO Box 9515, 2300 RA, Leiden, Netherlands

Abstract

Peoples and individuals around the globe continuously develop their own communicative habits. With each generation, adjustments to changing circumstances are made — economic circumstances, natural circumstances, and, for instance, mobility circumstances. The outcome of such transitions is cultural variation, which is visible in hierarchical social systems, belief systems, legal systems, traditions, attire, and all kinds of rituals. Communicative systems are part of culture, and they deserve a role in research focussing on language and communication. However, applying culture as a variable is a challenge, not only because of the cultural variation between peoples and individuals but also because the effects of culture on actual language utterances are hard to measure. Another issue is the dominance of Anglowestern cultural patterns in many analyses. This paper explains these issues and critically reviews the various criteria that well-known cultural models — like the one by Hofstede (1980), Lewis (1969), and Hall (1959, 1976) — use to categorise cultures. Examples of such criteria are: region, relationship with uncertainty, femininity/masculinity, and power relations. The paper concludes by giving a number of practical solutions to the challenge of treating culture as a variable in sociolinguistic research. These solutions are related to, amongst others, the reviewing process for journals, widespread norms of ‘good academic language’, author/editor selection, cross-cultural academic cooperation, and sharing of funds.

Keywords: *cultural models, sociolinguistics, Anglowestern bias, cultural criteria, solutions*

Культурные предубеждения и социолингвистика

Дик Смакман

Лейденский университет, Центр лингвистики
PO Box 9515, 2300 RA, Лейден, Нидерланды

Люди во всем мире постоянно развивают свои собственные коммуникативные обычаи. Каждое поколение приспосабливает их к меняющимся обстоятельствам — экономическим, природным, демографическим и т.д. В результате возникает культурное разнообразие, проявляющееся в социальной иерархии, верованиях, законотворчестве, традициях, одежде и разного рода ритуалах. Коммуникативные системы являются частью культуры и заслуживают внимания как объект лингвистических и коммуникативных исследований. Однако здесь возникают некоторые

сложности не только из-за культурной вариативности, но и из-за того, что влияние культуры на язык трудно измерить. Проблема также состоит в том, что во многих исследованиях превалирует западная англоязычная модель анализа. В данной статье дается критический обзор этих проблем, а также критериев, используемых в известных моделях анализа культуры Хофстеде (Hofstede 1980), Льюиса (Lewis 1969), Холла (Hall 1959, 1976), таких как отношение к неопределенности, фемининность/маскулинность, дистанция власти и др. В статье предлагается ряд практических решений, способствующих эффективному рассмотрению культуры как переменной в социолингвистических исследованиях. Они, в частности, касаются процесса рецензирования для научных журналов, широко распространенных норм «хорошего научного языка», выбора авторов и редакторов, межкультурного научного сотрудничества и совместного использования научных фондов.

Ключевые слова: модели исследования культуры, социолингвистика, англо-западные предубеждения, культурные критерии, решения

1. INTRODUCTION

Every society has historically developed under unique circumstances. Different natural and climatic conditions have led to different communities of people, each with their own systems of beliefs, ideologies, and morals, and each with their own system of wealth and power division. The different roles of women and men, in particular, have been influenced by these natural conditions; societies that were originally of the hunter-gatherer type nowadays tend to have different roles assigned to the sexes, compared to societies that were originally horticultural or, for instance, pastoral (Evans-Pritchard 1951; Halliday 2001). The natural outcome of this variation are communicative habits that reflect the cultures in question. These are deeply engrained in societies and are passed on from generation to generation, and every generation adapts the passed-on system to their emerging practical and symbolical needs. The communication patterns of each member in each new generation are thus affected by the practices and beliefs instilled through their culture, by changing needs in this society, but also through contact with other societies as well as regional and global tendencies and technical progress.

This paper seeks to treat culture as one of the key determinants of sociolinguistic systems (i.e. systems of interpersonal communication within societies); culture partly determines how people within societies communicate. It investigates how to treat culture as a sociolinguistic variable. The basic premise this paper departs from is that there is a certain overrepresentation of Anglowestern ideologies in the literature, and an underrepresentation of cultures that are not Anglowestern, including cultures that large groups of speakers adhere to. This is a fact, and this is a problem (Coulmas 2013; Meyerhoff & Nagy 2008; Smakman 2015) because this cultural bias has led to cultural assumptions. It has also led to assumptions as to whether and how to incorporate culture methodologically in research. A field like Sociolinguistics, in which human behavioural tendencies are an important factor, is particularly sensitive to this.

First, the nature of the problem is described. Then, an outline is given of the criteria that are often used to define culture. Some suggestions are then presented that may lead to an improvement of the situation; i.e. a ‘globalising’ Sociolinguistics that represents a broad range of cultures rather than a predominantly Western cultural concept.

2. THE NATURE OF THE PROBLEM

Coulmas (2013) rightly indicated that Variationist Sociolinguistics is predominantly a Western science. The same thing can be said about post-Variationist waves. Meyerhoff and Nagy (2008) laid out the realities of the mechanisms behind this bias by illustrating that linguistic situations in the United States received relatively much attention in two major international journals in the field of Sociolinguistics, namely the *Journal of Sociolinguistics* and *Language Variation and Change*. They considered this a good motivation to report more on non-western language situations and make them publically available. The issue the above authors pointed out is one of availability and accessibility of research, but another, perhaps equally serious issue is the bias in the interpretation of data. Introductory books on Sociolinguistics often place the Anglowestern way of thinking and forming categories at the basis of argumentation. Meyerhoff and Nagy (2008) as well as an important author like Jennifer Jenkins (2009) pointed out what everyone knows to be true, namely that most introductions into the field of Sociolinguistics themselves stem from an Anglophone cultural pattern and will interpret language situations through that perspective. Situations that are different from what the Western authors are used to are tacitly presented as deviant.

The treatment of standard language in the literature provides a good example to demonstrate the issue (Smakman & Barasa 2016). The most common point of departure in the literature dealing with the language norm is a monolingual culture (usually a nation state) with an obvious standard language (e.g., Swedish in Sweden and Spanish in Spain). This language is spoken in the media and in official and educational contexts. It is associated with the nation state's history and identity and is broadly supported by the nation's inhabitants, who consider it a neutral lingua franca (Smakman 2012). Educated speakers tend to speak this language. Indeed, in European countries like the United Kingdom, Denmark, France, and the Netherlands this situation is a reality. Language norms and the norm language in Africa and some Asian countries ill-fit the traditional standardness paradigm, and these themes — probably as a result of the bad fit — do not receive the sociolinguistic attention they deserve. It ill-fits because in some countries an old colonial language exists as a language norm besides a more autochthonous language. Heavy codeswitching — usually by speakers who are highly multilingual — is often the language norm in daily communication, and this also does not fit the traditional model. There is often also a nativised standard language, which is an adapted western language (most notably English and French) that accommodates local meanings and habits and generally the cultural and linguistic needs of the local community (Kachru 1976). So, all in all, there are several parallel language norms in some non-Western countries, each of which fulfills a different function. While this situation is usually described as deviant, it is highly common and deserves its own place in norm-language theories. However, the only language-norm paradigm that has so far had any theoretical impact is the Western one, which gives other situations an aura of deviancy, and this obstructs efforts towards a broader and revised mainstream theory.

Other examples of underlying assumptions that negatively affect the attention paid to non-Western situations can be found in Smakman and Heinrich (2015). This volume demonstrates how Western theoretical models are dominant to such a degree that they reduce non-Western communicative settings to near-oddities, while logically speaking,

these setting should be part of a larger theoretical framework. The volume provides a string of examples from countries where Western paradigms do not fit. The importance of dance as a form of intergenerational communication in communities in Alaska is explained, as are the intricate workings of prestige in Saami communities in the far north of Europe. Knowledge of older traditions, values, and language forms are a source of prestige in both the Saami and Alaskan native communities, and thus it is hard to differentiate the knowledge about linguistic and non-linguistic things. Prestige of someone's language lies not only in the actual language use but in the knowledge, actions, and experiences of the speaker. Politeness and gender roles in Tokyo are also described in this volume to demonstrate how assumptions hereon in mainstream discourse are in fact incorrect. The global agreement amongst such urban and less urban communities is not part of any mainstream theory. The volume reveals that many of the situations that do not fit into mainstream paradigms at some level actually apply to very large groups of speakers.

Smakman (2015) tried to clarify the mechanisms behind the Western dominance in sociolinguistic theory-making by investigating academic output in the field. He took into consideration issues such as the likely cultural backgrounds of members of editorial boards and authors. He correlated these with population size, command of English, and economic development of the country where the university of the editors and authors was. Smakman's data were drawn over several decades and showed no tendency of improvement in the last three or four decades. His data showed that the dominance of Western researchers, and Anglowestern ones in particular, is obvious and easily visible: famous sociolinguists tend to be native speakers of English, journals are mainly run by academics working at Anglophone universities — most of whom will be native speakers of English and all of whom will be acting in line with the local cultural norms of academia —, and by far most internationally renowned introductory books are by Anglophone authors. Being a good speaker of English as a second language seems to correlate with the possibilities of getting research published as well. The correlation between publishing success and human development (place on the Human Development Index) of the country where an author's university is based is even more striking, with by far most articles coming from affluent countries with western-based democratic systems.

Relatively less attention is paid to non-Anglowestern societies in the articles studied, but the contribution of data about these regions is nevertheless considerable (Smakman 2015). The good news is that although the areas with most language variation are understudied, the general attention paid to non-Western languages and cultures is nevertheless positive. However, because non-Anglophone languages and cultures are studied by a relatively high percentage of authors inspired by the Anglowestern models and modes of research, ideologies from this cultural realm will inevitably underlie the analyses and serve as a set of contrastive premises. This will be visible in the choice of research questions, variants of variables, and socio-psychological explanations of research findings. Offering respondents categories such as 'man'/'woman' and 'feminine'/'masculine' is problematic in countries where other genders are an established part of society. Western perceptions of age, too, are problematic. In Thai, age poses a challenge if one wants to investigate its effects, because many personal pronouns in that

language depend on relative rather than absolute age of interlocutors (Intachakra 2001), in addition to social and contextual factors, which necessitates determining age relative to others rather than just the speaker's biological age. Cheshire (2005) explained how some communities attach more importance to rituals than actual age and how age-related categorisation of Xhosa men (southern Africa) is on the basis of initiation rituals. Therefore, applying Western perceptions of age and gender identity when researching these situations is obviously problematic.

3. CRITERIA TOWARDS CULTURAL CATEGORISATION

Mainstream Sociolinguistics is mainly modelled on one specific type of sociolinguistic system, namely that which can be called 'solidly modern societies'. Solidly modern societies in the Western world represent the material from which mainstream sociolinguistic theory was built. They, however, do not represent a 'natural' or 'normal' or 'unproblematic' type, but are also an expression of specific cultural settings. There exist many ways to be solidly modern. Different combinations of a bundle of features define modernity differently for various regions around the world (Eisenstadt 1973), which is why non-Western modernized settings may be very different from those depicted in mainstream Sociolinguistics (Greenberg 2015).

Different types of societies must give rise to different types of sociolinguistic study. What gives structure to society needs to be taken into account first before specific sociolinguistic theories are applicable. The culture of societies thus needs to be defined. Many different models exist to define culture (some well-known ones are mentioned below), and they share certain criteria. Below are ten often used criteria to determine or describe culture that such models have yielded.

3.1. Region

Regions are not always helpful in explaining why sociolinguistic systems differ. Regions have often been defined in an ad-hoc manner, usually for political rather than cultural reasons. It would be far-fetched to expect, for instance, that concepts such as 'Southeast Asia' or 'the Slavic area' could be employed to determine patterns of language use. The borders around regions cannot be drawn with any degree of objectivity. Region is nevertheless one of the most convenient and common ways of categorising culture, as it is generally agreed that in very broad terms, ethnicity, religion, and other obvious features correlate with region. Regional categorisations often reflect one of the region's dominant ideologies, while ignoring other important ideologies that are equally native. Sociolinguistic differences cannot easily be generalised across regions.

3.2. Relationship with uncertainty

The Uncertainty Avoidance dimension, as proposed by Hofstede (1980), refers to the way a society deals with uncertainties that the future may bring. Some societies are more controlling than others; they tend towards creating safety and security, while others take a more *laissez-faire* approach. This criterion will in particular be able to provide insight into power and gender relations, including the language choices of individuals and groups that stem from these.

3.3. Individualism vs collectivism

A distinction is often made between societies that focus more on the individual and their needs, and those in which groups are the main focus in communication. Typically, members of individualist societies focus on the interests of their families, friends, and themselves. In collectivist societies, on the other hand, loyalty within groups, e.g. professional ones, outside the family is more common. The group that one belongs to takes preference in deciding on obligations and responsibilities and loyalties, rather than one's own or one's family's interests. Western societies are considered to be more individualistic in this sense, while Asian societies are stereotypically group-oriented. Morales, López-Sáez, and Vega (1998) critically addressed this cultural distinction, while Hofstede (1980) assumed this distinction to be a feasible criterion to distinguish between cultures. The workings of this criterion will present themselves in spoken, day-to-day discourse, with some speakers addressing the interlocutor's face as well as a group's face more than their own, while speakers from another culture give relatively much attention to their own face.

3.4. Economic/human development

Halliday (2001) has convincingly argued that a different economic organisation of society must be expected to manifest syntactically, insisting that “major upheavals in human history are also linguistic upheavals” (180). He suggested a distinction between hunter-gatherer societies, settlement-pastoral communities, classic iron-age cultures, and cultures marked by the advancement of learning and modernity. Size, structure, density, composition, etc. of hunter-gatherer societies, agricultural societies, industrial societies, and post-industrial knowledge societies differ considerably, and, in accordance with these differences, society is regulated and maintained differently as well. Besides linguistic effects, this also has sociolinguistic effects. What is missing in Sociolinguistics so far is how cultures create different types of sociolinguistic systems as a result of different economic organisation of societies. The relatively recent economic changes in national economies (due to globalisation, digitisation, and technical advancement) will affect communication in various economies differently, and this needs more attention.

Human development largely depends on economic structure but takes a broader approach, the idea being that wealth alone does not determine perceptions of happiness and well-being. The Human Development Index, as developed by the United Nations Development Programme (<http://hdr.undp.org/en/content/human-development-index-hdi>), can be used to this end. People's worldviews change when they as individuals and the society around them undergo socio-economic development (Inglehart & Welzel 2004, 2005). The HDI combines three factors: length and happiness of one's life, educational level, and standard of living. The latter largely reflects economic development. Countries can be placed on a cline with categories: ‘developing countries’, ‘less developed countries’, ‘developed countries’, and ‘unstable multilingual communities’. This aspect as a source of communication style has received relatively little attention.

3.5. Power relations

Individuals and groups in societies are generally not equal, and societies have ways to express the way culture handles this difference (Hofstede 1980). Power distance reflects the acceptance of this difference within a society by its powerful and less powerful members and by all kinds of institutions and organisations. This does not only affect the language (like politeness forms) but it also directly affects the way speakers address each other (structure of use of politeness forms), and even whether they actually do.

3.6. High/low context

To categorise cultures across the globe, the British polyglot Richard Lewis (1996) departed from the existing cultural model of High-context cultures and Low-context cultures (Hall 1959, 1976), which roughly refers to the overtness of information in communication. Lewis' model charts countries triangularly in terms of the tendency towards Reactive, Linear-active, or Multi-active communication. Linear-active communication is associated with an equal contribution of interlocutors to conversations, planned communication patterns, polite directness, goal-orientedness, factuality, restrained body language, and attaching a strong role to the written word. Multi-active communication, on the other hand, involves relatively much talking, broad topic planning, confrontation, emotion, people-orientedness, placing feelings before facts, relationship-orientedness, importance of the spoken word, and unrestrained body language. Reactive patterns involve much listening, reacting to actions of the interlocutor, mainly looking at general principles, polite and unconflictual indirectness, people/harmony-orientedness, the assumption that statements are promises, and subtle body language. Besides addressing linguistic differences based on this phenomenon, Lewis hypothesised in detail about how culture affects communication practices within communities through the overtness of information.

3.7. Femininity/masculinity

Cultures can be stereotypically masculine or feminine (Hofstede 1980; Hofstede Hofstede & Minkov 2010). Highly masculine societies are driven by competition, achievement, and success. High femininity refers to concerns about the lives of others and about the quality of life in general. Standing out in a crowd is not admirable in feminine societies. Although the stereotypical assumptions underlying this binary qualification may be perceived as Western and sexist in themselves, this division is often felt to exist and determine language choices across the globe.

3.8. Conservative versus progressive cultures

Some societies more than others maintain links with their own past. While conservative, traditional cultures are hesitant towards change and prefer to rely on existing truths and societal patterning, more progressive societies assume that the truth depends on the situation. Although generalisations should not be made, and cities in particular may often deviate from certain patterns, it could be suggested that North-

West Europe is at the more progressive end of the scale, while, for instance, certain Eastern European and African countries may tend more towards more conservative/traditional patterns of thought. Communicative patterns, especially lexical choices, may reveal this aspect of culture. Progressive manners of communication may involve lexical choices that reveal less sensitivity to social hierarchy.

3.9. Tendency towards indulgence

Another criterion to define culture is a society's tendency to give in to indulgence (Hofstede, 1980). The idea is that some societies allow their members to indulge themselves more (basically, enjoy themselves) while other societies aim more at the control and restraint of such natural urges. It should be clear that this aspect of culture will affect language use, in particular intonation and lexical patterns.

3.10. Cultural values

Approaching culture through values entails capturing how people in various cultures value fundamental aspects in life such as religion, happiness, materialism, gender roles, freedom of choice, self-expression, tradition, and authority. The well-known World Values Survey (WVS 2015) has tried to do this. Halman et al. (2008) and Inglehart & Welzel (2004) subdivided cultures in the world into nine categories: (1) Confucian, (2) South Asia, (3) African-Islamic, (4) Latin America, (5) English-speaking, (6) Catholic Europe, (7) Protestant Europe, (8) Orthodox, and (9) Baltic. Countries were grouped schematically with other countries within one of these cultural patterns, and at the same time they were plotted on the basis of two value scales, namely 'Survival—Self-Expression' and 'Traditional—Secular-Rational'. Traditional Values emphasize religion, ties between parent and child, respecting authority, and family values. Divorce, abortion, euthanasia, and suicide tend to be rejected in these societies. Nationalism is strong. The opposite of Traditional Values are Secular-Rational Values, which place less emphasis on traditional aspects such as religion and the family, and which are more liberal to euthanasia, divorce, and abortion. Survival Values place emphasis on physical and economic security, and are associated with ethnocentrism and low levels of tolerance and trust. The opposite of Survival Values, namely Self-Expression Values, emphasise liberal values like protection of the environment, tolerance towards foreigners and non-heterosexual people, and gender equality. A relatively high demand of individuals to participate in the decision-making of authorities is also part of this value. Where one's culture is situated on these scales, affects relationships and, as a result, communication patterns.

Several other authors have discussed human values that determine (perceptions of) culture. An important one is Schwartz (2012), who approached values in a less regional manner and presented a theory involving basic human values, including the nature of values, the features common to values, and what distinguishes one value from another. Schwartz distinguished ten basic personal values that are recognized across cultures. Schwartz' idea was that values form a circular structure that reflects the motivations each value expresses. This circular structure captures the conflicts and compatibility among the ten values and is presented as potentially culturally universal.

3.11. Other investigations

Other researchers have also made efforts to define and align criteria to determine cultures or, simply, describe cultures. Smith, Fischer, Vignoles, and Bond (2013) took a social semiotic approach, Wodak (2001) developed a gender-centred approach, and Fairclough (2003) revealed culture through critical discourse analysis. The body of research on culture, including considerable empirical evidence through large-scale surveys, as well as research on individuals shows the interest in fathoming the topic of culture, and this interest seems to be increasing in a globalised world. In such a world, cultural categories become more fluid, and this fluidity leads to more categories and more awareness that culture and individual are not connected in straightforward ways and that playing with culture by individuals is increasingly common.

4. THE CHALLENGES OF APPLYING CULTURE CRITERIA

Hofstede (n.d.) stated that “[w]e can <...> use such country scores based on the law of the big numbers.” However, he starts by saying that “[i]t may well be that the differences among individuals in one country culture are bigger than the differences among all country cultures”. Indeed, there is tension between the idea of generalisability on the one hand, and individual/situational variation and communicational fluidity on the other. To make things even more complex, today most cultures are transforming under the influence of globalisation and self-reflection, giving way to what sociologists call ‘liquid modernity’ (Bauman 2000), as well as ‘late modernity’ or ‘reflexive modernity’ (Giddens 1991).

Applying the above criteria (and others) in actual research is also problematic. There is no agreement on the nature and degree of impact of the criteria, and interculturally recognised cultural descriptions do not exist yet. To put it simplistically: all the criteria make sense, they all apply in some shape or form, but they tend to generalise, and they are often too subjective to be used in empirical research. Morales et al. (1998), for example, found that qualifying individuals as either ‘individualistic’ or ‘collectivist’ could not be used to predict politeness strategies they employ under various circumstances. Those individuals have their own relationship with their cultures, and what is more, each individual is part of a collective, making a distinction between ‘individualistic’ and ‘collectivist’ societies a rather forced one. Lozerand (2015) expanded this argument and deconstructed ideas about ‘collectivist’ non-Western societies as an ‘Orientalist’ discourse of the 19th century, in which Western scholars departed from what they perceived to be physical resemblance of non-Western individuals, projecting on these ‘similar looking people’ a high degree of ‘psychological resemblance’ as well. This then led them to conclude that the non-Western societies lacked ‘individual originality’ and were thus, in a word, ‘collectivist’. This idea was then uncritically reproduced in Western Oriental Studies, from which it found entry into other disciplines.

Criteria are also used in culturally biased ways. Models that define cultural patterns tend to ignore the emic/etic differentiation. Indeed, concepts like ‘religion’, ‘authority’, ‘divorce’, ‘age’ or ‘gender’ mean something very different across societies in the world.

The underlying conceptualisation is thus again a Western one, i.e. Western ideas about religion, authority, divorce, age, gender, or other factors underlie the research (Inglehart & Welzel 2004; Lewis 1996; WVS 2015).

These criteria tend to confuse culture with country and nation state (Greenberg 2015; Pennycook 2018). Given the fact that Sociolinguistics is ultimately about diversity, the use of models sweeping the existing multilingual and multicultural make-up of all societies around the world under the carpet is questionable. The views are static, placing given cultures in some place in the proposed grid. These cultures have, however, all arrived there at some point of time; they have a trajectory, and they are moving on to other places, too. The idea that society, culture, and language are dynamic should be part of any model.

A final issue worth noting is that Westernisation and industrialisation have had their impacts on traditional societies, and many societies have found their own ways of incorporating these inevitable tendencies, making them part of their contemporary culture. Different cultures do this in very different ways. These two tendencies, which inevitably involve a degree of hybridisation, may to a degree hide the original culture, while communicative and other patterns arising from the original culture may be as alive as ever.

5. SOLUTIONS

The above issues do not merely apply to Linguistics or Sociolinguistics but to a broad range of disciplines. The focus here is on Sociolinguistics. Smakman (2015) and Smakman, Barasa, and Smith-Christmas (submitted) presented a number of practical solutions to the problem at hand. They suggested reconsidering the reviewing process for journals and critically addressing widespread norms of ‘good academic language’; see also Smakman and Duda-Osiewacz (2014). They also suggested that translation can be used as a tool; authors write in their native tongue, and a translator and the author together translate the text into English. Furthermore, authors can be found in different ways from what is currently the case; for instance, by reaching out to specific authors, rather than waiting for articles to be submitted. They furthermore addressed the issue of funding and of intercultural academic cooperation. Finally, they suggested that the selection of editors deserves attention, as well as the availability of articles and their dissemination. Such initiatives could contribute to cultural emancipation in sociolinguistic theorisation and growth of non-Western research.

More publications on lesser known sociolinguistic settings obviously help globalise Sociolinguistics to a degree (Meyerhoff & Nagy 2008) and in the process help make lesser known cultures part of mainstream theory. One such effort is the volume by Stanford and Preston (2009), which focuses on under-represented minority communities; on descriptions of specific aspects of lesser-known sociolinguistic systems. Furthermore, the individual chapters in Bolton and Kwok (1992) described a linguistic phenomenon in a specific country or community. *The Routledge Handbook of Sociolinguistics around the World* (Ball 2010) dealt with larger areas and can thus be considered a good source of background information on sociolinguistic systems across the globe because it focuses on “notable features” (xviii) of regional and smaller-scale cultural settings. Smakman and Heinrich (2015, 2018) also placed lesser known sociolinguistic situations on the map.

An effort towards good practice that the author of this article has undertaken is Smakman and Barasa (2016). In this article, the different cultures of the authors (Dutch and Kenyan) led to a publication that has both Anglowestern and non-Anglowestern influences. They described the phenomenon of the ‘norm language’, which is often formalised and expressed through ‘standard’, ‘national’ or ‘official’ languages. The approach was one of not taking the western standard language concept as a point of departure but looking at the phenomenon that it is the upshot of, namely the apparent need of peoples to form and maintain some sort of linguistic norm. Smakman and Barasa (2016) explained the relevant factors when defining the language; colonialism, multilingualism of individuals, the existence of parallel language norms (including a nativised standard), and the possible absence of an “exclusive” interpretation of the standard language; see also Smakman (2012). The solutions they offered were to separate the functions of the standard language, to distinguish between the spoken and written norm, to treat the “codeswitched” variety as a possible standard, and to detach the norm language from its automatically assumed reliance on prestige and power. That way, culture is viewed from multiple angles, which leads to a certain nuance and fewer generalisations.

The way forward seems to be to consider new methodologies, and in particular be inspired by Linguistic Anthropology and Ethnography. These two disciplines have an edge over Sociolinguistics when it comes to culture-sensitive approaches, as they have a longer history of critically dealing with culture as a factor. This is due to the simple fact that these fields develop insights from within societies and communities rather than insights that are strongly influenced by the researchers’ backgrounds. Methodologically, research interpretation is viewed critically, and participant interpretation plays an important role. This requires long and intensive periods of fieldwork, observation and participation. It also requires awareness of one’s own cultural biases when interpreting data; our ‘conceptual lock’ (Gould 2000); “reality does not speak to us objectively, and no science can be free from constraints of psyche and society” (276); one needs to analyse one’s own cultural experiences when analysing those of others.

Sociolinguistics compensates for the relative lack of scrutiny of individuals and smaller groups with elaborate and detailed theories and methodologies, including controlled circumstances in lab-like settings. A solution then is to involve sociolinguists more in ethnographic and anthropological research, and in longer-term research. The outcome would be an approach that does not depart from existing descriptions of situations as an explanatory tool or from pre-determined variable-based research questions. Instead, the approach delves into the lowest, local, and most idiosyncratic cultural level, as well as the interpretation thereof by participants. It subsequently compares observations with research from other field studies and with existing cultural models.

© Dick Smakman, 2019

REFERENCES

- Ball, M. J. (Ed.) (2010). *The Routledge Handbook of Sociolinguistics around the World*. London: Routledge.
- Bauman, Z. (2000). *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press.

- Bolton, K., & Kwok, H. (Eds.). (1992). *Sociolinguistics Today; International Perspectives*. London, New York: Routledge.
- Coulmas, F. (2013). *Sociolinguistics. The Study of Speakers' Choices*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Eisenstadt, S. N. (1973). *Tradition, Change and Modernity*. New York: Wiley.
- Evans-Pritchard, E. E. (1951). *Social Anthropology*. London: Cohen & West Ltd.
- Fairclough, N. (2003). Political Correctness: The Politics of Culture and Language. *Discourse and Society*, 14(1), 17—28.
- Giddens, A. (1991). *Modernity and self-identity. Self and society in the late modern age*. Cambridge: Polity Press.
- Gould, S. J. (2000). *Wonderful Life. The Burgess Shale and the Nature of History*. New York: Vintage.
- Greenberg, M. L. (2015). The Slavic area. Trajectories, borders, centres and peripheries in the Second World. In D. Smakman & P. Heinrich (Eds.), *Globalising Sociolinguistics. Challenging and Expanding Theory* (pp. 164—177). London: Routledge.
- Hall, E. T. (1959). *The Silent language*. New York: Doubleday.
- Hall, E. T. (1976). *Beyond Culture*. New York: Doubleday.
- Halliday, M. A. K. (2001). New ways of meaning. The challenge to applied linguistics. In A. Fill & P. Mühlhäusler (Eds.), *The Ecological Reader* (pp. 175—202). London: Continuum.
- Halman, L., Inglehart, R. F., Díez-Medrano, J., Luijckx, R., Moreno, A., & Basáñez, M. (2008). *Changing Values and Beliefs in 85 Countries. Trends from the Values Surveys from 1981 to 2004*. Leiden: Brill.
- Hofstede, G. (1980). *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills CA: Sage Publications.
- Hofstede, G. (n.d.). Hofstede insights. Retrieved from <https://www.hofstede-insights.com>.
- Hofstede, G., Hofstede, G. J., & Minkov, M. (2010). *Cultures and Organizations: Software of the Mind* (3 ed.). USA: McGraw-Hill.
- Inglehart, R. F., & Welzel, C. (2004). What insights can multi-country surveys provide about people and societies? *APSA Comparative Politics Newsletter*, 15(2), 14—18.
- Inglehart, R. F., & Welzel, C. (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jenkins, J. (2009). *World Englishes: a Resource Book for Students* (2nd ed.). London: Routledge.
- Kachru, B. B. (1976). Models of English for The Third World: White Man's Linguistic Burden or Language Pragmatics? *TESOL Quarterly*, 10(2), 221—239.
- Lewis, R. D. (1996). *When Cultures Collide. Leading across Cultures*. London: Nicholas Brealey International.
- Lozerand, E. (2015). Il n'y a pas d'individu au Japon. Critique et archeologie d'un stereotype. In C. Galan & J.-P. Giraud (Eds.), *Individu-s et démocratie au Japon* (pp. 19—71). Toulouse: Presses Universitaires du Midi.
- Meyerhoff, M., & Nagy, N. (2008). *Social lives in language. Sociolinguistics and multilingual speech communities celebrating the work of Gillian Sankoff*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins.
- Morales, J. F., López-Sáez, M., & Vega, L. (1998). Discrimination and beliefs on discrimination in individualists and collectivists. In S. Worchel, J. F. Morales, D. Páez, & J.-C. Dechamps (Eds.), *Social identity. International Perspectives* (pp. 199—210). London / Thousand Oaks (California) / New Delhi: Sage Publications.

- Pennycook, A. (2018). *Posthumanist Applied Linguistics*. Abingdon/New York: Routledge.
- Schwartz, S. H. (2012). An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. Online Readings. *Psychology and Culture*, 2(1).
- Smakman, D. (2012). The definition of the standard language: a survey in seven countries. *International Journal of the Sociology of Language*, 218, 25—85.
- Smakman, D. (2015). The westernising mechanisms in sociolinguistics. In D. Smakman & P. Heinrich (Eds.), *Globalising Sociolinguistics. Challenging and Expanding Theory*. London: Routledge.
- Smakman, D., & Barasa, S. N. (2016). Defining 'Standard'. Towards a cross-cultural definition of the language norm. In I. Tiekens-Boon van Ostade & C. Percy (Eds.), *Prescription and Tradition in Language. Establishing Standards across Time and Space* (pp. 23—38). Bristol / Buffalo / Toronto: Multilingual Matters.
- Smakman, D., Barasa, S. N., & Smith-Christmas, C. (submitted). Towards cultural diversification in Sociolinguistics.
- Smakman, D., & Duda-Osiewicz, A. (2014). A contrastive rhetoric analysis of scholarly publications by Polish and Anglophone authors. *Journal of Language Teaching and Learning*, 4(2), 29—47.
- Smakman, D., & Heinrich, P. (2015). *Globalising Sociolinguistics. Challenging and Expanding Theory*. London: Routledge.
- Smakman, D., & Heinrich, P. (Eds.). (2018). *Urban Sociolinguistics. The City as a Linguistic Process and Experience*. London: Routledge.
- Smith, P. B., Fischer, R., Vignoles, V. L., & Bond, M. H. (2013). *Understanding social psychology across cultures. Engaging with others in a changing world*. London: Sage.
- Stanford, J., & Preston, D. R. (2009). The Lure of a Distant Horizon. Variation in Indigenous Minority Languages. In J. Stanford & D. Preston (Eds.), *Variation in Indigenous Minority Languages* (pp. 1—20). Amsterdam: John Benjamins.
- Wodak, R. (2001). Gender and Language: Cultural Concerns. In N. J. Smelser & P. B. Baltes (Eds.), *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* (pp. 5954—5960). Oxford: Pergamon.
- WVS, W. V. S. (2015). Findings and Insights. Retrieved from <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>.

Article history:

Received: 19 August 2018

Revised: 07 October 2018

Accepted: 30 October 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 19 августа 2018

Дата принятия к печати: 30 октября 2018

For citation:

Smakman, Dick (2019). Cultural bias and Sociolinguistics. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 9—22. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-9-22.

Для цитирования:

Smakman, Dick. Cultural bias and Sociolinguistics // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. No 1. С. 9—22. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-9-22.

Bionote:

DICK SMAKMAN, Ph.D., Lecturer at Leiden University Centre for Linguistics, Department of English. His research interests embrace sociolinguistics, phonetics, language learning and teaching, Dutch, English. He is a member of the editorial board of the *International Journal of the Sociology of Language* (IJSL). He publishes on the topics of sociolinguistics and the phonetics of English as a second language.

Contact information: e-mail: d.smakman@hum.leidenuniv.nl

Сведения об авторе:

ДИК СМАКМАН, Центр лингвистики Лейденского университета, г. Лейден, Нидерланды. Сфера научных интересов — социолингвистика, фонетика, изучение и преподавание языков, голландский и английский языки. Член редакционного совета научного журнала *International Journal of the Sociology of Language* (IJSL). Имеет публикации по проблемам социолингвистики и по преподаванию фонетики английского языка как иностранного.

Контактная информация: e-mail: d.smakman@hum.leidenuniv.nl

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-23-39

Creativity in Metaphor Interpretation

Andreas Musolff

School of Politics, Philosophy, Language and Communication Studies
University of East Anglia
Norwich Research Park, Norwich NR4 7TJ, UK

Abstract

This paper looks at corpus- and survey-based evidence of innovative interpretative metaphor use that changes the default meaning of well-established figurative constructions. Specifically, we look at interpretation-induced changes in the meaning of corporeal metaphors, on the basis of a corpus of British political discourse and a questionnaire survey of more than 1000 respondents from 31 linguistic backgrounds in 10 countries. The corpus-based evidence consists of metaphor-production data that show how situational variation in metaphor use can over time create a semantic-pragmatic drift that changes the dominant meaning of a conventional metaphor expression. The questionnaire survey reveals four distinct models for BODY-focused readings (i.e. NATION AS GEOBODY, AS HIERARCHICAL FUNCTIONAL WHOLE, AS PART OF SPEAKER'S BODY, AS PART OF LARGER BODY), plus a further set PERSON-focused readings. The two most frequent BODY-focused interpretations, i.e. NATION AS GEOBODY and NATION AS HIERARCHICAL FUNCTIONAL WHOLE, as well as the PERSON-stereotypes versions show divergent frequency and elaboration patterns across the Chinese- vs. English-L1 respondent groups, which may be linked to specific cultural conceptual and discursive traditions. Both data sets indicate a strong creative element in metaphor interpretation, which accounts for a significant degree of variation in the creation of new metaphorical concepts.

Keywords: *Creativity, corpus, discourse history, interpretation, metaphor reception, NATION AS BODY/PERSON, questionnaire survey, variation*

Творческая интерпретация метафор

Андреас Музолф

Факультет политики, философии, лингвистики и теории коммуникации,
Университет Восточной Англии
Norwich Research Park, NR4 7TJ, Норвич, Великобритания

В статье рассматривается инновационное творческое осмысление метафор, меняющее значение устойчивых образных выражений. В частности анализируются интерпретационные изменения в семантике телесных метафор. В качестве материала выступают корпус британского политического дискурса и результаты опроса более 1000 респондентов из 10 стран, говорящих на 31 языке. Корпусные данные показывают, каким образом ситуативные вариации в использовании метафор могут со временем формировать семантико-прагматические тенденции, меняющие доминантное значение устойчивых метафорических выражений. Опрос позволяет выделить четыре модели прочтения телесных метафор (НАЦИЯ КАК ГЕОСТРУКТУРА, ИЕРАРХИЧЕСКИ ФУНКЦИОНИРУЮЩЕЕ ЦЕЛОЕ, ЧАСТЬ ТЕЛА ГОВОРЯЩЕГО, ЧАСТЬ БОЛЕЕ КРУПНОГО ЦЕЛОГО), а также их последующие антропоцентричные осмысления. Две наиболее распространенные интерпретации — НАЦИЯ КАК ГЕОСТРУКТУРА и ИЕРАРХИЧЕСКИ ФУНКЦИОНИРУЮЩЕЕ ЦЕЛОЕ, а также варианты стереотипизации личности, демонстрируют несов-

падение частотности и толкования соответствующих единиц респондентами — носителями китайского и английского языков, что может быть связано с культурно-специфическими концептуальными и дискурсивными традициями. Оба вида данных указывают на наличие мощной творческой составляющей в интерпретации метафор, что объясняет вариативность при создании новых метафорических понятий.

Ключевые слова: *креативность, корпус, история дискурса, интерпретация, восприятие метафор, НАЦИЯ КАК ТЕЛО/ЧЕЛОВЕК, опрос, вариативность*

1. INTRODUCTION

When and where is a metaphor created: in the production event when a speaker utters it, or in the reception event when it is interpreted by one (or several) recipient(s)? Is the speaker's intended meaning the only meaning that matters for the receiver in terms of the utterance's figurative status, (target-)reference and contextually relevant connotations? Does the receiver's interpretation of the metaphor count as a mis- or non-understanding if it does *not* match exactly the speaker's intended meaning? Or can it constitute a new figurative meaning, which may even be endorsed by the speaker subsequently? If yes, do we not need to view a metaphor's meaning as variable or flexible, perhaps even in its production, i.e. in the sense of the speaker allowing for varying interpretations?

Two main types of answers have been proposed to tackle such questions. One type consists of more or less nuanced differentiations between “novel”/“creative”, “conventional”, “dead” and “sleeping” metaphors, the latter with various degrees of “revivability” (Goatly 1997; Lakoff 1987; Müller 2008). Novel metaphors are then treated as a special sub group of figurative expressions that require a “deliberate” cognitive and communicative effort on the part of the speaker and a corresponding interpretative effort on the part of the hearer/reader (Weinreich 1983; Steen 2008, 2011; Sperber & Wilson 1995, pp. 235—237; Tendahl & Gibbs 2008), which can entail a complex “conceptual integration” process (Fauconnier & Turner 2002) and further pragmatic exploitation by way of irony and sarcasm (Musolff 2017a). Conventional and fully lexicalized metaphors, on the other hand, are deemed to be produced and understood “automatically” (Lakoff 1993, 2008) and as having reached (or nearly reached) the end of their “career” or “evolution” as figurative meanings (Bowdle & Gentner 2005; Croft & Cruse 2004, pp. 204—206).

A second main avenue to deal with production-reception aspects of metaphor creation has been to allow for semantic variation of metaphors in both production and reception as a context- and culture-specific phenomenon (Barnden 2009; Kövecses 2005, 2006, 2009; Idström & Piirainen 2012; Musolff, MacArthur & Pagani 2014), with various degrees of reach in terms of the linguistic levels affected: discourse, lexical and grammatical systems. Recent research on foreign Language Acquisition, Language Contact and Lingua Franca has provided ample evidence that ‘creative misunderstanding’ of metaphors by learners and can be used as a pedagogic tool rather than as an “error” phenomenon that has to be eradicated (Littlemore 2001, 2003; Littlemore et al. 2011; Nacey 2013; Philip 2010; Piquer-Piriz 2010; Trim 2012).

This paper explores innovative metaphor use in both production and interpretation with a combination of two methods, i.e. corpus- and survey-analysis. Specifically, we

look at interpretation-induced changes in the meaning of the CENTRE-AS-HEART and NATION-AS-BODY metaphors¹, using data from a) a corpus of British figurative discourse on European politics; and b) a questionnaire survey of more than 1000 students from 31 linguistic backgrounds. Both data sets indicate a strong production element in elicited metaphor (re-)interpretation, which goes beyond mere semantic extension of conventional metaphors. Rather, the production element in metaphor (re-)interpretation accounts for considerable variation and, in some cases, creation of new metaphorical concepts. After surveying and analysing the evidence from both data sets, we will discuss their significance for a model of the relationship of production and reception sides in figurative language use².

2. CREATIVE RECYCLING OF A METAPHORICAL SLOGAN: *BRITAIN AT THE HEART OF EUROPE*

The public debate surrounding the referendum on the United Kingdom's exit ("Brexit") from the European Union (EU) has seen the revival of a metaphorical slogan that has been declared 'dead' several times already, i.e. that Britain is or should (not) be *at the heart of Europe*. Public voices opposing a "hard Brexit" have used it to suggest that the "UK has an 'ardent wish' to remain at [the] heart of Europe" (*The Independent*, 27/06/2017, reporting on a speech by the Chancellor of the Exchequer, Philip Hammond), whereas enthusiastic pro-Brexit voices, such as the *Daily Telegraph's* editor J. Warner, have employed the metaphor to paint the picture of "the heart of the European project" being full of "deep contempt <...> for the collective will and concerns of the people", when responding to qualified criticisms of the British referendum by the EU leaders Juncker and Van Rompuy (*The Daily Telegraph*, 23/08/2016).

These examples are just two instances of 248 texts documenting the discourse-historical development of the slogan *Britain at the heart of Europe* as part of a bilingual English-German "EUROMETA" corpus of figurative press texts on EU-politics, which goes back to 1989 and reaches until September 2017. Overall, the corpus is 612.000 words large and has more than 2500 separate text entries (Musolff 2004a). The British sample alone is over 390.000 words large, with the HEART-BODY-HEALTH source domain alone accounting for texts amounting to 113.191 words, drawn from a broad spectrum of newspapers and magazines (print and online versions)³. The *heart of Europe* sub-sample yields 9—10 texts per year on average, with peak occurrences (> 20) in 1991, 1995, 1999 and 2016. As the search did not cover all newspapers for all years, our data can only be interpreted as representing the range of types of uses, not their overall or (statistically) relative frequencies. These are in any case difficult to calculate, as almost two thirds (i.e., 73%, = 181 out of 248 texts) quote or allude to the slogan as used by other speakers

¹ SMALL CAPITALS here and further in the text indicate conceptual categories (source and target domains, single concepts); *italics* indicate types of formulations (or titles of newspapers, books etc.).

² This paper also includes materials presented in previous research of the author on this subject (Musolff 2016, 2017a,b).

³ Specifically, *Daily Express*, *Daily Mail*, *Eastern Daily Press*, *Financial Times*, *New Statesman* (previously: *New Statesman & Society*), *The Daily Telegraph*, *The Economist*, *The Guardian/Observer*, *The Independent*, *The Northern Echo*, *The Scotsman*, *The Spectator*, *The Sun*, *The Sunday Times*, *The Times*.

or as being publicly known. Hence, even a total count of all press and other media occurrences of the *heart of Europe* slogan, if feasible, would largely consist of secondary instances of more or less prominent quotations rather than original uses. Our sub-sample of *heart of Europe* uses in EUROMETA, however, allows a good overview over the conceptual variation and pragmatic exploitation of the slogan as well as of its ‘discursive drift’ from an optimistic policy-promise towards its (“euro”-)sceptic denunciation as a pointless, doomed project (Musolff 2004b, 2013).

The notion of ‘discursive drift’ is introduced here as a counterpart to “semantic drift” (Croft & Cruse 2004, p. 205), to capture changes in the stances taken by users of conceptual metaphors that become visible over shorter or longer time frames. Some conceptual metaphors can be traced back over hundreds and thousands of years, such as the LOVE-WAR and ILLNESS-WAR analogies (Sontag 1978; Trim 2011), the ontological-theological CHAIN-OF-BEING concept (Kövecses 2002, pp. 124—126; Lakoff & Turner 1989, pp. 166—172; Lovejoy 1936), or the politico-sociological NATION-AS-BODY/PERSON metaphor, which was lexicalised in English as the term *body politic* (Charbonnel 2010; Chilton & Lakoff 1995; de Baecque 1997; Guldin 2000; Kantorowicz 1997; Musolff 2010). Shorter discourse histories can be observed over several years or decades; the HEART OF EUROPE concept, which has featured in British debates about the UK’s position vis-à-vis the European Union, falls into this latter category.

The slogan, *Britain at the heart of Europe*, was launched by the former Conservative Prime Minister, John Major, in a speech in Bonn, Germany, in March 1991. Major promised, “Our government will work at the very heart of Europe with its partners in forging an integrated European community” (*The Guardian*, 12/03/1991). Here, the phrase, *at the heart*, was employed by the speaker (and interpreted by the media) in the conventional, only weakly metaphorical sense of ‘heart-as-centre’ (*Shorter Oxford English Dictionary* 2002, vol. 1, p. 1213 and *Roget’s International Thesaurus*, 1996, p. 143). In combination with the qualifier “of Europe” (metonymy for “European Community” (EC), as the “European Union” was then still called), the phrase designated a policy promise that would entail a break with the more distanced stance towards the EC taken by his predecessor, Margaret Thatcher. The magazine, *The Economist*, took the new policy for granted: “Of course Britain should be at the heart of Europe whenever it possibly can, for that is where the decisions that affect many British interests are being taken” (*The Economist*, 23/11/1991). This reading was endorsed by Major himself in his autobiography which appeared nearly a decade later (Major 2000, pp. 268—269). The Tory-critical *Guardian* assessed the slogan as an astute political formulation, because it left “supporters and critics of Euro-federalism claiming [that Major] had signalled a decisive shift in their direction” (*The Guardian*, 13/03/1991).

Towards the end of 1991, however, after negotiations for a new EU Treaty had led to his government’s “opt-out” from the planned common EU-currency, Major’s parliamentary opponents questioned his closeness to *Europe’s heart* by contrasting his speech with the negotiation results. The Labour Party leader, N. Kinnock, asked him how he could “claim to be at the heart of Europe when, because of his actions, our country is not even part of the key decisions [about future EC policies]” (Hansard

11/12/1991), and the leader of the Liberal Democrats, P. Ashdown, alleged that Major had in fact “condemned” the UK “to be semi-detached from [the heart of Europe]” (ibid.). The slogan’s metarepresented meaning in such criticisms clearly hinged on the HEART-AS-CENTRE interpretation.

During the following years, Major’s statement was quoted time and again as a point of reference for his officially positive stance on Europe, with most commentators tacitly assuming that being *close* to the EU’s HEART-AS-CENTRE was both desirable and feasible. But this view changed when, in August 1994, the French and German government parties published proposals for further political EU integration. They envisaged a division of the Union into an “inner core” or “circle” of member states committed to faster socio-economic integration, and several “outer circles” of less committed states, to which Britain belonged. Without negating or contradicting Major’s slogan explicitly, the exclusion of Britain from the EU’s “inner core” effectively undermined any pretence of it being at or close to Europe’s *heart*. Major rejected the proposals within days, and the *Independent* newspaper pointed out his dilemma of being too close to the centre of EU policy for his increasingly Eurosceptic party’s liking and not sufficiently close enough in the eyes of France and Germany with a pun on the idiom ‘out on a limb’ (*Brewer’s Dictionary of Phrase & Fable* 1999, p. 864): “He wanted Britain to be at the heart of Europe. Yet too often he found himself alone at the end of a limb” (*The Independent*, 08/09/1994).

Shortly afterwards, the *Independent* published an even more drastic verdict: “One British metaphor, at least, has ceased to beat. John Major said in Bonn in March 1991, that he wanted to put Britain ‘where we belong, at the very heart of Europe’. <...> if Mr Major wanted to be at the heart of Europe, it was, presumably, as a blood clot” (*The Independent*, 11/09/1994). By re-contextualising the quoted slogan through referencing a heart attack (*ceased to beat, blood clot*), the writer resuscitated the corporeal aspects of the HEART source concept in such a way as to present both the object-level referent — the centre of Europe — and the *heart*-metaphor as *dying* entities. This elaborate blend (Fauconnier & Turner 2002, pp. 126—131) of at least one source and several target conceptual inputs yields extra communicative and cognitive effects of irony and evaluation, which also make extra comprehension efforts by the reader worthwhile.

The Independent was not the first media publication to attempt such a revitalization of the ‘organic’ aspect of the HEART-AS-ORGAN metaphor by linking it to ILLNESS-concepts: two years earlier, after the Pound Sterling had been forced by speculators to leave the “European Exchange Rate Mechanism”, the *Economist* had already seen a “Coronary in Europe’s new heart” (26/09/1992). However, after 1994, this pattern of revitalizing the metaphor by denouncing its connotational source content (HEALTHY HEART) became more and more attractive to the critics of Major’s policy: thus, the *Guardian* (09/02/1995) called the Prime Minister’s *heart of Europe*-ambition “less than full-blooded”, and a former EU official B. Connolly published a book alleging corruption and incompetence in the EU administration under the title *The Rotten heart of Europe* (Connolly 1995), which was advertised across the whole British press and, predictably, became a favourite with EU-sceptics. Further ILLNESS-referencing uses of the metaphor followed, e.g. that Major was “blocking [Europe’s] arteries” (former Prime Minister E. Heath, quoted

in *The Daily Telegraph*, 21/06/1996), or the explicit conclusion that “if the heart of Europe [was] diseased, there [was] no point at being at the heart of Europe” (former Chancellor N. Lamont, quoted in *The Guardian*, 10/10/1996).

After winning the UK election of 1997, the Labour government under Tony Blair was keen to claim *Britain at the heart of Europe* as an optimistic slogan for themselves (*The Guardian*, 10/06/1997); however, even within his first year the *Guardian* highlighted its quick loss of meaningfulness: “The litany passes from government to government. A Britain at the heart of Europe. We’ll hear the chant 1,000 times again this month <...>. But hold the stethoscope and listen carefully, for the heart has some curious murmurs. <...> [The issues actually discussed by the officialdom of Brussels] bear no relationship to the British “debate”, hearts, livers, gall bladders and all” (*The Guardian*, 01/12/1997). In this example, the dismissive qualification on the slogan as a “litany” or “chant” was escalated, as it were, by a further exploitation of the medical domain (*stethoscope, heart’s murmurs*), that led up to the contemptuous punch-line of connecting the “heart” debate with a list of ‘lower’ body-organs, “livers, gall bladders and all”.

Denunciations of *the heart of Europe* became again highly popular at further crisis-moments in the EU—UK relationship, e.g. in the 1999 nepotism scandal, which inspired large sections of the British press to compete for the most damning evaluations: “the rotten heart of Europe will never be cleaned out” (*The Sun*, 17/03/1999); “[markets fear] a political vacuum at the heart of Europe” (*The Guardian*, 17/03/1999), “changes in personnel will not be enough to stop the rot at the heart of the EU” (*Daily Mail*, 17/03/1999); “abruptly the heart of Europe got sick” (*The Economist*, 18/03/1999); “a hole suddenly opened up at the heart of the European Union” (*The Independent*, 21/03/1999). In the 2000s, during every disagreement between the UK and the whole or parts of the EU on issues such as financial policy or immigration and free-movement policies, the *heart-of Europe* promise kept being denounced by contrasting it with allegedly more relevant, but derogatory body references, e.g. “Tony Blair says he wants Britain to be at the heart of Europe. Well it looks this morning as if Europe is showing us its backside” (*The Sun*, 03/09/2001), or hints at flaws that impeded its proper functioning: a “definitive split at the heart of Europe. (*The Guardian*, 16/12/2003); “the time-bomb at the heart of Europe” (*The Economist*, 15/11/2012); or a *Cracked heart* (with Germany, rather than Britain, “sit[ting] uneasily at the heart of Europe” (*New Statesman*, 14/03/2013).

From autumn 2014 onwards the public debate about a referendum on Britain’s EU-membership under the conservative Prime Minister David Cameron became the main thematic context of the slogan’s use. Once again, denouncing *the heart of Europe* became a popular pastime among euro-sceptic politicians and journalists, despite a few ‘rear-guard’ optimistic uses by pro-*heart of Europe* politicians such as Major and Blair, whose historic promises were still remembered — but mainly as having become obsolete (*Daily Express* 11/03/2016, *Northern Echo*, 09/06/2016, *The Independent*, 22/06/2016). After the referendum was eventually held in 2016 and yielded a pro-withdrawal result, the *heart of Europe* was once more viewed as *dead*, on account of Britain having “plunged a dagger” into it (*The Independent*, 26/06/2016). Nevertheless, it has reappeared in the discourse of Brexit-detractors such as the Scottish Independence campaigners

who want Scotland (without the rest of the UK) to be *at the heart of Europe* (*The Independent*, 15/12/2016; *Daily Express*, 18/12/2016). As the introductory examples have shown ('ardent wish to remain at the heart of Europe' — with the *heart* as a desirable place vs. 'contempt for the will of the (British) people will at the heart of Europe' — with the *heart* as a kind of national enemy) continues to provide a reference point for pro- and contra-Brexit commentators even in 2017.

Reviewing the slogan's development, we can characterise its central metaphor as a focus of public debate that has been 'kept alive' by repeated reformulations, allusions, and meta-communicative comments and in the process changed its evaluative connotations. Its initial uses and interpretations in 1991 were still based on the conventional HEART-AS-CENTRE meaning, which is fully lexicalised and could be even considered a "dead" or "sleeping" figure of speech. Innovative usage of the metaphorical slogan can be discerned in the sarcastic reinterpretations that revived its latent organismic/corporeal source domain, i.e. that of THE HEART AS A BODY ORGAN THAT CAN FALL ILL AND DIE. It was this specific metaphor "scenario" (Musolff 2006) of the unhealthy condition of the EU *heart* or *arteries* (e.g., *blocked*, *cracked*, *dead*, *dirty/smelly*, *hollowed-out*, *rotten*, *sick/ill/diseased*, and characterizations such as *blood clot*, *flaw*, *hole*, *split*, *time bomb*, *vacuum at the heart*, *heart crisis*, *heart of stone*, *no heart*, *time-bomb at the heart*, *threatened by euro-sclerosis*), together with the juxtaposition of the *heart* with 'low' or 'embarrassing' body parts (*backside*, *gall bladder*, *liver*) used by EU-sceptics that challenged and changed the neutral-positive default assumption of the *heart*-position being important and desirable (because of its centrality).

If the *heart* as the *organ* of a figurative *body politic* is ill, dysfunctional or irrelevant, the desirability of being *at or close to* it is diminished, if not destroyed. As a further pragmatic effect, we can identify a denunciation effect that functions as "implicational impoliteness" (Culpeper 2011: 165—167) against a specific politician's or group of politicians' public face. By attacking their quoted (or alluded to) promise of a *Britain at the heart of Europe*, the targeted speakers were supposedly revealed as and accused of being incompetent, hypocritical, or even dangerous. These ironical and/or sarcastic uses still presuppose the optimistic usage, if only as the foil against which they must be understood; so in a sense, the optimistic promise version of the slogan has never disappeared completely from the conceptual "scenario" that is evoked by the metaphor. The media in fact reminded their audience from time to time which politician or party allegedly 'owned' the slogan in its optimistic version, but the communicative context was almost always a confrontational one: Politician X (e.g. Major or Blair) was depicted as having announced or promised or believed 'that Britain is/should be at the heart of Europe', only to be criticised for not fulfilling the promise or being ignorant of a changed (*health*) condition of the *heart* etc., which is more or less drastically exposed by the commentator. This 'discursive drift' of the slogan can be discerned in the decline (though not disappearance) of the non-quotative, assertive uses of the optimistic version over the course of 25 years, whilst critical quotations and denunciations of the presupposed optimistic *Britain at the heart of Europe* promise gained in prominence, especially in the run-up to and the aftermath of the 2016 Brexit referendum.

In retrospective, it might even be argued that it was precisely the slogan's denunciations by way of the organismically and pejoratively reinterpreted HEART metaphor that prevented it from being forgotten. The promise *to put X at the heart=centre of Y* only lent itself to relatively weak endorsements or criticisms (as the initial reactions to Major's and Blair's uses showed), whereas the introduction of gory physical or medical details about the *heart and arteries* of the EU as *being blocked, dying, rotting* etc. ensured the slogan's continued presence in the public debate.

As the result of surveying this first set of examples, we can identify a strong productive element in the (critical) re-interpretations of the metaphorical slogan of *Britain at the heart of Europe* insofar as they changed the relevant source domain (from CENTRALITY to BODY-HEALTH), as well as the evaluative connotations and default stance from DESIRABLE to UNDESIRABLE and provided a platform for further pragmatic effects (irony and sarcasm). Together, these discourse-historical developments have changed the slogan's dominant reception into that of an "echoic", "metarepresented" utterance (Sperber 2000; Wilson & Sperber 1992: 57—66; 2012, pp. 128—134) that is mainly remembered as a 'once famous' metaphor and thus has, arguably, for many members of the British public a historical association.

Perhaps two main lessons can be learnt from this part of the evidence under consideration:

- a) Whilst the referential target of a metaphorical formulation may stay, roughly speaking, the same, i.e. in our case, the centre (of EU politics or political decision taking) as *the heart of Europe*, its connotations and stance-taking framing power can be 'turned around' or reversed, due to discursive developments that are beyond the control of the initial speaker(s). The changes in the UK's public's dominant attitudes toward the EU were in fact resisted and opposed by the two most prominent 'proposers' of the slogan, Major and Blair; still their own metaphor was quoted, interpreted and reinvented against them repeatedly until it meant the opposite of what they intended: instead of expressing an optimistic promise, it was used to draw the conclusion that there was no point in being close or engaging with a heart that was diseased, dead, or empty. The reinterpretation was not wrong or absurd — after all, it still referred to the same referent and gave an argument by analogy to outline the cognitive frame — but if a metaphor's conceptual and ideological force is at all to be taken seriously on the basis of Conceptual Metaphor Theory (CMT), as pioneered in the writings by George Lakoff and his disciples⁴, then its ideological reversal has to be acknowledged.
- b) Such conceptual reversal (and any other variation) of metaphor production takes place in new pragmatic contexts of usage, such as rhetorical competition for innovative formulations and polemical confrontation that are characteristic for political discourse. However, this is by no means a 'creatio ex nihilo' but,

⁴ See Chilton & Lakoff 1995; Fauconnier & Turner 2002; Kövecses 2002, 2005, 2006, 2009; Lakoff 1987, 1993, 1996, 2003, 2004, 2008, 2013; Lakoff & Johnson 1980/2003 and 1999; Lakoff & Turner 1989.

on the contrary, includes and often explicitly highlights the ‘deliberate’ (Steen 2011) creative reinterpretation of preceding metaphor uses, in order to underline the proposed conceptual-ideological change. Production and reception/understanding of a metaphor should therefore not be seen as the opposite ends of a linear, one-way process but rather as complementary aspects of a dialogical, if not ‘multi’- or ‘pluri-logical’ meaning negotiation, which needs to be viewed in its situational and discourse-historical context to be fully evaluated. The following section aims at providing further evidence for this perspective on metaphor production and reception by looking at elicited responses to a metaphor interpretation task.

3. PRODUCTIVE INTERPRETATION: ELICITED CREATION OF NEW METAPHORS IN QUESTIONNAIRE RESPONSES

When teaching a course on figurative language for British and international MA students at the University of East Anglia (UK) in 2011, I ran a brief class test to make sure that the recently mentioned phrase *body politic* had been correctly understood by the students. 50% of them were Chinese, the other half was made up of British, US-American, European, Kurdish and Arab students. The test instruction asked them to explain the meaning of *body politic* with reference to their home nations. Here are a few examples of student responses:

- ◆ The head of the body represents the Queen of England, as she is in charge of the whole country and she is royalty. The features of the head (eyes, nose, mouth and ears) represent the different official people, such as politicians, the Prime Minister, the Government.
- ◆ The nation is like the human body, if one part of the body suffers, the whole body suffers from fever <...>.
- ◆ Beijing: Heart and Brain, Shanghai: Face (economic center); Hong Kong and Taiwan: Feet; Tianjin: Hands (= army close to Beijing); Shenzhen: Eyes (= the first place open to the world).
- ◆ Beijing: brain (control country) <...>. Hong Kong: face (familiar to everyone); Taiwan: hair (we can live without hair [but to] have hair is more beautiful fashion).

It will come as no surprise that the first two examples were produced by a British and US student respectively and the latter two by Chinese ones; what was unexpected was a perfect 50/50 split in the metaphor structuring between Chinese and non-Chinese responses. Non-Chinese students depicted the nation (state) through functionally and hierarchically motivated analogies between political and socio-economic institutions to the whole and parts of a human body, which reproduced parts of Western conceptual and discursive traditions dating from the Middle Ages and the Renaissance and lexicalised in the phrase *body politic* (see above). On the other hand, all of the Chinese students’ responses were based on a mapping GEOGRAPHICAL SHAPE OF NATION — ANATOMY OF A HUMAN BODY, salient parts of which were selected according to PLACE-FOR-SOCIO-POLITICAL INSTITUTION/STATUS metonymies (e.g. BEIJING — SEAT OF GOV-

ERNMENT; SHANGHAI, SHENZHEN, HONG KONG — INTERNATIONALLY RELEVANT ECONOMIC CENTRES; TAIWAN — POLITICALLY SEPARATE ISLAND STATE; TIBET — PROVINCE WITH OUTLAWED INDEPENDENCE MOVEMENT). These metonymies were then associated with functional meanings of prominent body-parts and organs, e.g., *brain* or *heart* as controlling the rest of the body, *face*, *eyes*, *arms* as oriented to the outside world, *hair* as non-essential for survival but necessary for *beauty*. These analogies only resembled the Western ones with regard to a hierarchical bias, e.g. with regard to the *head/brains* denoting a top position in the body-political hierarchy.

After this first encounter with divergent interpretations, I devised a simple questionnaire-based survey that posed the task to view one’s home nation “in terms of a human body”. With the generous help of colleagues the survey was administered both in further UEA seminars and in language-/ communication-related courses at other British universities and in Higher Education institutions of nine more countries (China, Croatia, France, Germany, Hungary, Israel, Italy, Lithuania, New Zealand, Norway, Poland, Romania, Saudi-Arabia, Spain, The Netherlands, Ukraine and the USA). The survey has so far yielded more than 1212 questionnaires, which were completed by participants from 31 distinct cultural and linguistic backgrounds (for preliminary analyses cf. Musolff 2016, 2017b). As a rule, it was administered at the start of courses, in order to exclude or minimize any inadvertent ‘priming’ effects of model answers and aimed at finding out whether any striking distribution patterns emerged that could be related — hypothetically — to specific cultural traditions. 80% of all informants focused on interpreting the NATION-AS-BODY metaphor in a narrow corporeal meaning as suggested by the stimulus question, whilst one fifth widened it against the prompt to a NATION-AS-PERSON reading. The following sub-sections will present and discuss exemplary cases and main trends for the 171 responses by British and North-American (US/Canadian/New Zealand) students and the 308 ones by their Chinese counterparts.

3.1. NATION-AS-BODY interpretations

The bulk of questionnaire responses that followed after the first cohort soon made clear that there is in fact no 1 : 1 match between the variation of institution- or geography-based interpretations of the NATION-AS-BODY metaphor and specific linguistic and/or cultural groups. British and US students’ responses, for instance, included geography-based readings such as, “This is Britain, a vast, churning body of 48 million people, sucking in resources, processing them, and spewing out fumes and ideas. The mouth and nose are Dover and Portsmouth <...>”. On the other hand, some Chinese students chose to construct institution-based BODY PART analogies that seemed to be typical of the Western *body politic* tradition, e.g., “The communist party of China is the head of the body. It leads the functions of the whole body system, which decides the entire national affairs”. There is thus no absolute contrast between European/Western vs. Chinese-type responses in the sense of specific metaphor version being used exclusively by members of a particular culture but there is a distinct distributional contrast. However, across both cultural cohorts, the main/dominant response version of metaphor construction (institution-based for English L1 speakers; geography-based for Chinese) outnumbered

bered other responses by at least 3 : 1 in both cohorts. Although these ratios cannot be regarded as statistically fully validated, they indicate a clear contrast between the two cohorts, with the first predominantly following the Western *body politic* tradition, and the latter favouring a construction based on the PLACE-FOR-INSTITUTION metonymy, with a secondary mapping INSTITUTIONAL FUNCTION IS ORGAN/BODY PART-FUNCTION.

When researching relevant cultural traditions to which this territorial/geopolitical motivation could be linked, I found references to a particularly high prominence of China's publicly imagined national "geobody" (Callahan 2009), whose wholeness is part of its national identity. To this day, the Chinese government and media are focused on expressing national claims for "symbolic recognition, acceptance and respect" (2009: 171) in order to overcome the traumatic legacy of Western colonialist aggression during the 19th century and the first half of the 20th century, when China was repeatedly humiliated militarily and diplomatically, forced to give up parts of its territory and even threatened with partition (Bickers 2012; Callahan 2009, 2010; Schneider 2014; Schneider & Hwang 2014). This Chinese discourse tradition may not be as old as the Western *body politic* concept but appears to be at least as entrenched in present-day consciousness, which may account for its prominence in our sample. As if to visualise the ideal unified territorial gestalt of the nation's body, one Chinese student even drew up a rough map of China, identifying five key-places: Beijing as the *heart*, Chengdu and Shanghai as its *right and left hands*, respectively, and the islands Hainan and Taiwan as its *right and left feet* that "help China to stand up in the world".

In addition to providing evidence of two dominant tendencies in constructing the NATION-AS-BODY metaphor, the English and Chinese samples also revealed two further versions, which depicted the respective nation either as part/organ of a larger body or as part of one's own personal body. The former perspective can be observed in the following examples: "New Zealand can be seen as then middle toe of the world — while one may not acknowledge <...> it when removed, the balance of the body will simply be off"; "China is like a cell, which is a small part of the world" [!]; "China is like vein because it connects with many countries". The alternative 'nation-as-part-of X' version, i.e. NATION AS PART OF ONE'S OWN BODY, shows up in examples such as these: "England is like an *appendix*, not very significant anymore but can still cause trouble and make you realise its [*sic*] there if it wants to"; "The US is like the lower back. You really need it and it is a very key part. It also gives a lot of people pain"; "[The Chinese] Motherland likes [*sic*, presumably intended: is like] my blood. Blood is a part of my body so that I can't live without blood, and I also can't live if I lost my motherland". Compared with ideologically charged interpretations, the two main readings, i.e. the anatomy/function- and geography-based interpretations, are more standardised and repetitive. Overall, the main finding, i.e. evidence of a variation in the construction of metaphor interpretation responses again throws in question the assumption of an 'automatic' production and understanding of metaphors (Lakoff 1993). Instead, our survey shows that responses to metaphor interpretation tasks — when elicited by an open-ended task and with minimal priming — leads to the emergence of distinct sub-versions, of which the two dominant ones (i.e. geography- and institution-based versions) can be tentatively related to culture-specific discourse traditions.

3.2. NATION-AS-PERSON interpretations

A further main variant, i.e. the mapping NATION AS PERSON accounts for more than one fifth of all responses across both cohorts. The majority of these responses list character traits or activities of PERSON TYPES, as in the following examples: “China welcomes and gives warm hugs to foreigners who come to China. China is growing up day by day. China wears a beautiful dress to show her elegance to the whole world”; “United States is a young girl with a lot of new ideas. She is still excited about trying everything new, so new inventions delight her.” Such characterisations of one’s nation as a *beautiful woman* are particularly frequent in the Chinese sample. This Chinese preference for feminine, especially motherly-nurturing nation-PERSONS is perhaps again related to the concern about the integrity of the nation territory, with a literary tradition that depicts regions that were formerly Western colonies as the nation’s *sons* that express their longing to return to their *mother*, e.g. in the 1925 poem, “Songs of Seven Sons” by the poet Wen Yiduo (1899—1946) (Clayton 2009: 43—44)⁵.

The main MASCULINE figure across Chinese and English samples is the old wise man/ (grand-) father/ teacher figure who looks after his family. This type is represented across several national cohorts, as the following examples show: “China is a father who has survived many vicissitudes but still has infinite power. Hong Kong, who had been abandoned helplessly, is his favorite daughter among lots of children”; “Britain is an easily likeable friend <...> [He] is ancient but is experiencing revitalisation <...>”. What is absent from both the Chinese and English L1 cohorts is evidence of explicit uses of the STRICT FATHER cognitive model that Lakoff has identified as a powerful ideological-moral basis for conservative thought in the USA, in opposition to the NURTURANT PARENT model (1996, 2003, 2004, 2013). Instead, across both the English L1- and Chinese data of our survey, the MALE PERSON figure (FATHER/ BROTHER/ TEACHER) is routinely attributed characterizations that focus on competence, wisdom and helpfulness that fall into the NURTURANT PARENT model, e.g. roles of LAWYER, DOCTOR, PACIFIST, PHILANTHROPIST. This result may well be an effect of age and gender variables in the survey (which consisted of over 70% responses by female university students aged 18—25); nevertheless, the fact that respondents across both cultural cohorts analysed here produced stance-taking PERSON versions of the NATION-AS-BODY metaphor shows at the very least that elicited metaphor understanding involves a production element that is not predictable from the stimulus/prime of the elicitation task.

Obviously, this ‘active understanding’ reception of metaphors has to be distinguished from comprehension in a reductionist “processing” sense. Even for the latter aspect of understanding two phases can be distinguished: “an initial phase in which contextually appropriate and salient meanings are activated — the latter automatically and independently of contextual information, the former as a result of a predictive context — and an immediate subsequent phase of integration in which the activated meanings are either retained for further processes or suppressed as conceptually dis-

⁵ I am grateful to S.T.D. Wong (Hong Kong) for bringing this link to China’s cultural history to my attention.

ruptive” (Giora 2003, p. 38). For the responses to our elicitation task, a further, interpretation-phase has to be posited that allows for the (re-)construction of conceptually and pragmatically enriched versions, including new metonymy-metaphor combinations, as in the GEOBODY-focused answers.

These findings put the CMT view of metaphor recipients as understanding and automatically accepting the conceptual frame and, together with it, an ideological bias of the metaphors they are presented with further into question. The emergence of distinct trends of metaphor interpretation among specific linguistic and national groups in our survey provides evidence of prominent discourse traditions that may be seen as serving as an interpretation guidance for many respondents. However, this latter result does *not* imply that the respondents have no choice in their interpretations. Obviously, socially entrenched interpretations provide easily accessible and socio-culturally acceptable models to follow, but they are neither the only ones available nor exempt from reflexive or meta-linguistic uses that enable speakers/writers to put the respective political bias under scrutiny. Unlike the necessity to identify a target referent, which may indeed be mainly a matter of quasi-automatic processing, the decision to accept, endorse and disseminate its bias is in the gift of the receiver.

4. CONCLUSIONS

The two sets of data and findings adduced here have in common that they both contain BODY-based metaphors that target political concepts. On the other hand, they are to some degree heterogeneous. One set consisted of ‘naturally’ occurring media texts, documented in a corpus that had been designed to show the high figurative cohesion in a thematically focused strand of public debate that resulted from the metaphorical slogan, *Britain at the heart of Europe*, which was quoted, recycled, alluded to and reinterpreted by public voices (media and politicians) in order to emphasise their divergent and changing stances on a specific topic. The second set consisted of elicited responses to an explicit interpretation task that invited respondents to deliberately reconstruct a given conceptual metaphor in application to a variable target referent (the respective home nation). Whilst the task itself was successfully understood and solved, the results showed systematic variation, e.g. in the combination of metonymy and metaphor, which was grouped into five main variants (NATION-AS-GEOBODY, NATION-AS-BODY/BODY PART HIERARCHY, NATION AS PART OF LARGER BODY, NATION AS PART OF SELF’S OWN BODY, NATION AS PERSON). All of these variants were shown to be able to give rise to further pragmatic and argumentative effects, including evaluation and stance-taking.

The two sets of findings complement each other by demonstrating the creative tendencies in both discursive metaphor production and interpretation responses. Both the production and reception data showed substantial conceptual and pragmatic variation in the use of the two closely related metaphors, HEART AS CENTRE OF LIVING ORGANISM and NATION AS BODY. Some of this variation seems to be linked to culture-specific concept- and discourse-traditions, i.e. as distributional preferences for specific conceptual patterns. Metaphor use appears here as a complex process of metaphor production-

cum-reception, which goes fundamentally beyond the mere “application” or “processing” of mappings (as envisaged in rigid versions of CMT). Furthermore, instead of assuming immediate access to source concepts and/or frames via figurative discourse stimuli, this perspective posits an intermediate, creative-interpretative level of metaphor production, quotation and reception, which metaphor users can choose to engage with or not, i.e. effectively choosing to ‘follow’ the standard/dominant/entrenched version of metaphorical conceptualisation or to ‘deviate’ from it to a smaller or lesser degree so as to achieve extra communicative and cognitive effects.

These findings can only be regarded as explorative, not only because the sampling procedures have not been statistically validated but also insofar as they lack experimental corroboration. Ideally, the authors of the texts in dataset 1 and the survey respondents of dataset 2 should be interviewed and, if possible, externally observed for other variation parameters, in order to capture the cognitive processes in the phases of activation, integration and reinterpretation or modification that characterise communicative uses of metaphor. Providing such evidence to consolidate but also, possibly, correct the conjectures presented here, is a task for future research.

© Andreas Musolff, 2019

REFERENCES

- Barnden, J. A. (2009). Metaphor and Context: A Perspective from Artificial Intelligence. In A. Musolff and J. Zinken (Eds.), *Metaphor and Discourse* (79—94). Basingstoke: Palgrave-Macmillan.
- Bickers, R.. 2012. *The Scramble for China. Foreign Devils in the Qing Empire. 1832—1914*. London: Penguin.
- Bowdle, B. F. & Gentner, D. (2005). The career of metaphor. *Psychological Review*, 112(1), 193—216.
- Brewer’s Dictionary of Phrase & Fable*, 1999. Ed. A. Room. London: Cassell.
- Callahan, W. A. (2009). The cartography of national humiliation and the emergence of China’s geobody. *Public Culture* 21(1), 141—173.
- Callahan, W. A. (2010). *China — The Pessoptimist Nation*. Oxford: Oxford University Press.
- Charbonnel, N. (2010). *Comme un seul home. Corps politique et corps mystique*. 2 vols. Lons Le Saunier: Aréopage.
- Clayton, C. H. (2009). *Sovereignty at the Edge: Macau & the Question of Chineseness*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Chilton, P., & Lakoff, G. (1995). Foreign Policy by Metaphor. In C. Schäffner & A. Wenden (Eds.). *Language and Peace* (pp. 37—55). Aldershot: Ashgate.
- Connolly, B. (1995). *The Rotten Heart of Europe*. London: Faber.
- Croft, W. and Cruse, D.A. (2004). *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Culpeper, J. (2011). *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- de Baecque, A. (1997). *The Body Politic. Corporeal Metaphor in Revolutionary France 1770—1800*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Fauconnier, G. & Turner, M. (2002). *The Way we Think: Conceptual Blending and the Mind’s Hidden Complexities*. New York: Basic Books.
- Giora, R. (2003). *On our Mind: Salience, context, and figurative language*. New York: Oxford University Press.

- Goatly, A. (1997). *The Language of Metaphors*. London: Routledge.
- Guldin, R. (2000). *Körpermetaphern: Zum Verhältnis von Politik und Medizin*. Würzburg: Königshausen & Neumann.
- Hansard (1991). *House of Commons Debate on the European Council in Maastricht 11 December 1991* (Hansard vol. 200, cc. 859—78). <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1991/dec/11/european-council-maastricht> (accessed 22 September 2017).
- Idström, A. & Piirainen, E. (Eds.) (2012). *Endangered Metaphors*. In cooperation with Falzett, T.F.M. Amsterdam: John Benjamins.
- Kantorowicz, E. H. (1997). *The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology*. With a new Preface by W. C. Jordan. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kövecses, Z. (2002). *Metaphor. A Practical Introduction*. Oxford/New York: Oxford University Press.
- Kövecses, Z. (2005). *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kövecses, Z. (2006). *Language, Mind and Culture. A Practical Introduction*. Oxford / New York: Oxford University Press.
- Kövecses, Z. (2009). Metaphor, Culture, and Discourse: The Pressures of Coherence. In: A. Musolff & J. Zinken (Eds.). *Metaphor and Discourse* (pp. 11—24). Basingstoke: Palgrave-Macmillan.
- Lakoff, G. (1987). The Death of Dead Metaphor. *Metaphor & Symbolic Activity*, 2(2), 143—147.
- Lakoff, G. (1993). The contemporary theory of metaphor. In A. Ortony (Ed.). *Metaphor and Thought* (pp. 202—251). Cambridge: Cambridge University Press.
- Lakoff, G. (1996). *Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakoff, G. (2003). Metaphor and War, Again. <http://www.alternet.org/story.html?StoryID=15414> (accessed 21/09/2017).
- Lakoff, G. (2004). *Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate. The essential guide for progressives*. White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing Company.
- Lakoff, G. (2008). The neural theory of metaphor. In: R. W. Gibbs (ed.). *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* (pp. 17—38) Cambridge: Cambridge University Press.
- Lakoff, G. (2013). Obama Reframes Syria: Metaphor and War Revisited. *The Huffington Post*, 6 September 2013. <http://georgelakoff.com/2013/09/06/obama-reframes-syria-metaphor-and-war-revisited/> (accessed 21/09/2017).
- Lakoff, G. & M. Johnson (1980/2003). *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakoff, G. & M. Johnson (1999). *Philosophy in the Flesh*. New York: Basic Books.
- Lakoff, G. & Turner, M. (1989). *More than Cool Reason. A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago: University of Chicago Press.
- Littlemore, J. (2001). The use of Metaphor in University Lectures and the problems that it causes for overseas students. *Teaching in Higher Education* 6, 331—349.
- Littlemore, J. (2003). The Effect of Cultural Background on Metaphor Interpretation. *Metaphor and Symbol*, 18(4), 273—288.
- Littlemore, J., Chen, P. Koester, A. & Barnden, J. (2011). Difficulties in metaphor comprehension faced by international students whose first language is not English. *Applied Linguistics*, 32(4), 408—429.
- Lovejoy, A. O. (1936). *The Great Chain of Being*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Major, J. (2000). *The Autobiography*. London: HarperCollins.
- Müller, C. (2008). *Metaphors Dead and Alive, Sleeping and Waking: A Dynamic View*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

- Musolff, A. (2004a). *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe*. Basingstoke: Palgrave-Macmillan.
- Musolff, A. (2004b). The Heart of the European Body Politic. British and German Perspectives on Europe's Central Organ. *Journal of Multilingual & Multicultural Development*, 25 (5 & 6), 437—452.
- Musolff, A. (2006). Metaphor Scenarios in Public Discourse. *Metaphor and Symbol*, 21(1), 23—38.
- Musolff, A. (2010). *Metaphor, Nation and the Holocaust. The Concept of the Body Politic*. London: Routledge.
- Musolff, A. (2013). The heart of Europe: Synchronic variation and historical trajectories of a Political Metaphor. In Fløttum, K. (Ed.), *Speaking of Europe: Approaches to complexity in European political discourse* (pp. 135—150). Amsterdam: John Benjamins.
- Musolff, A. (2016). Cross-Cultural Variation in Deliberate Metaphor Interpretation. *Metaphor and the Social World* 6(2): 205—224.
- Musolff, A. (2017a). Metaphor, irony and sarcasm in public discourse. *Journal of Pragmatics*, 109, 95—104.
- Musolff, A. (2017b). Metaphor and Cultural Cognition'. In Sharifian, F. (ed.). *Advances in Cultural Linguistics* (pp. 325—344). Singapore: Springer.
- Musolff, A., MacArthur, F. & Pagani, G. (Eds.). (2014). *Metaphor and Intercultural Communication*. London: Bloomsbury.
- Nacey, S. (2013). *Metaphors in Learner English*. Amsterdam: John Benjamins.
- Piquer-Píriz, A. (2010). Can people be *cold* and *warm*? Developing understanding of figurative meanings of temperature terms in early EFL. In G. Low, Z. Todd, A. Deignan, & L. Cameron (Eds.), *Researching and Applying Metaphor in the Real World* (pp. 21—34). Amsterdam: John Benjamins.
- Philip, G. (2010). “Drugs, traffic, and many other dirty interests”: Metaphor and the language learner. In G. Low, Z. Todd, A. Deignan and L. Cameron (Eds.), *Researching and Applying Metaphor in the Real World* (pp. 63—80). Amsterdam: John Benjamins.
- Roget's International Thesaurus*, 1996. Ed. Chapman, R. Glasgow: HarperCollins.
- Shorter Oxford English Dictionary* (2002). Eds. Trumble, W. R. & Stevenson, A. Oxford: Oxford University Press.
- Schneider, F. (2014). It's a small world after all? Simulating the future world order at the Shanghai Expo. In Q. Cao, H. Tian & P. Chilton (eds.), *Discourse, Politics and Media in Contemporary China* (pp. 97—120). Amsterdam: John Benjamins.
- Schneider, F. & Hwang, Y-J. (2014). China's *Road to Revival*. “Writing” the PRC's struggles for modernization. In Q. Cao, H. Tian & P. Chilton (eds.), *Discourse, Politics and Media in Contemporary China* (pp. 145—170). Amsterdam: John Benjamins.
- Sontag, S. (1978). *Illness as Metaphor*. New York: Vintage Books.
- Sperber, D. (Ed.) (2000). *Metarepresentations: a multidisciplinary perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Sperber, D. & Wilson, D. (1995). *Relevance. Communication and Cognition*. Oxford: Blackwell.
- Steen, G. (2008). The paradox of metaphor: Why we need a three-dimensional model of metaphor. *Metaphor and Symbol* 23 (4), 213—241.
- Steen, G. (2011). What does ‘really deliberate’ really mean? More thoughts on metaphor and consciousness and action. *Metaphor and the Social World* 1 (1), 53—56.
- Tendahl, M. & Gibbs, R. W. (2008). Complementary perspectives on metaphor: Cognitive linguistic and relevance theory. *Journal of Pragmatics* 40(1), 1823—1864.

- Trim, R. (2011). *Metaphor and the Historical Evolution of Conceptual Mapping*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Trim R. (2012). The limits of Comprehension in Cross-Cultural Metaphor: Networking in Drugs Terminology. In F. MacArthur, J. L. Oncins-Martínez, M. Sánchez-García, & A. M. Piquer-Píriz (Eds.), *Metaphor in Use: Context, culture, and communication* (pp. 217—238). Amsterdam: John Benjamins.
- Weinreich, H. (1983). Die Semantik der kühnen Metapher. In A. Haverkamp (Ed.). *Theorie der Metapher* (pp. 316—339). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Wilson, D. & Sperber, D. (1992). On verbal irony. *Lingua* 87, 53—76.
- Wilson, D. & Sperber, D. (2012). Explaining irony. In D. Wilson & D. Sperber (Eds.). *Meaning and Relevance* (pp. 123—145). Cambridge: Cambridge University Press.

Article history:

Received: 21 October 2018

Revised: 10 December 2018

Accepted: 29 December 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 21 октября 2018

Дата принятия к печати: 29 декабря 2018

For citation:

Musolff, Andreas (2019). Creativity in Metaphor Interpretation. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 23—39. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-23-39.

Для цитирования:

Musolff, Andreas. Creativity in Metaphor Interpretation // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. No 1. С. 23—39. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-23-39.

Bionote:

ANDREAS MUSOLFF is Professor of Intercultural Communication at the University of East Anglia in Norwich (UK). His research interests focus on Cultural Metaphor Studies, Intercultural and Multicultural communication, and Public Discourse Analysis. He has published widely on figurative language use in the public sphere, e.g. the monographs *Political Metaphor Analysis — Discourse and Scenarios* (2016), *Metaphor, Nation and the Holocaust* (2010), *Metaphor and Political Discourse* (2004), and the co-edited volumes *Metaphor and Intercultural Communication* (2014), *Contesting Europe's Eastern Rim: Cultural Identities in Public Discourse* (2010) and *Metaphor and Discourse* (2009).

Contact information: e-mail: A.Musolff@uea.ac.uk

Сведения об авторе:

АНДРЕАС МУЗОЛФ — профессор, преподает межкультурную коммуникацию в Университете Восточной Англии в Норвиче (Великобритания). Сфера научных интересов — исследование метафоры в культурологическом аспекте; межкультурная и мультикультурная коммуникация; публичный дискурс. Имеет многочисленные публикации, посвященные использованию языковой образности в публичном дискурсе, в т.ч. монографии «Анализ политической метафоры — дискурс и сценарии» (2016), «Метафора, нация и холокост» (2010), «Метафора и политический дискурс» (2004); выступал в качестве соредатора коллективных монографий «Метафора и межкультурная коммуникация» (2014), «Где находится восточная граница Европы: культурные идентичности в публичном дискурсе» (2010), «Метафора и дискурс» (2009).

Контактная информация: e-mail: A.Musolff@uea.ac.uk

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-40-61

Language Maintenance and Language Death: The Case of the Irish Language

Jana Pecnikova, Anna Slatinska

Matej Bel University
Národná 12, Banská Bystrica, 974 01, Slovakia

Abstract

According to the Constitution of Ireland (2018), the Irish language is the Republic's national and first official language. In 2007 it was declared one of the official languages of the European Union, gaining a new status in comparison with the past when it was regarded as a Treaty language only. Since this adoption many changes have happened and many projects have been initiated in the field of maintenance and death prevention of the Irish language. The article analyses data gained from the qualitative research, the final part of which was carried out in the Republic of Ireland from February to March 2015 at the National University of Ireland in the city of Galway. The research sheds light on the future of the Irish language and reflects the opinions of informants on the topic of language death and language maintenance. Our aim was to obtain a most diverse sample of respondents with different attitudes towards the Irish language revitalization and its potential to be used as an effective tool within various spheres of life, ensuring the language's vitality and protection from possible death. We highlight some of the most salient preventive measures, which seem to work in the area of language maintenance, including a huge role of particular organizations aimed at the Irish language revitalization. Last but not least, we pay attention to concerns about the language, which must be identified in order to find out which areas should be primarily addressed so as to protect the language for future generations.

Keywords: *Irish language, language maintenance, language death, language revitalization, Gaeltacht*

Жизнь и смерть языка: языковая ситуация в Ирландии

Яна Пецникова, Анна Слатинска

Университет Матей Бела
Národná 12, 974 01 Банска-Быстрица, Словакия

Согласно Конституции Ирландии (2018 г.) ирландский язык является национальным и первым официальным языком республики. В 2007 г. он был провозглашен одним из официальных языков Европейского Союза и, таким образом, получил новый статус, поскольку ранее был лишь языком, на котором публиковались и юридически заверялись договоры ЕС. С тех пор произошли многие изменения и были начаты многочисленные проекты, нацеленные на поддержание и предотвращение гибели ирландского языка. В статье представлены данные, полученные в результате качественного исследования, последний этап которого проходил в феврале—марте 2015 г. в Национальном университете Ирландии, г. Голуэй. Анализируется будущее ирландского языка и мнения информантов по вопросам, касающимся гибели и сохранения языка. Была сделана выборка респондентов с различным отношением к возрождению ирландского языка и его потенциальному использованию

в качестве эффективного инструмента в различных сферах жизни. Особое внимание уделено наиболее значимым мерам по поддержанию ирландского языка, включая огромную роль некоторых организаций в его возрождении, а также проблемам, которые необходимо поставить и в первую очередь решить, чтобы сохранить ирландский язык для будущих поколений.

Ключевые слова: ирландский язык, сохранение языка, смерть языка, возрождение языка, *Gaeltacht*

1. INTRODUCTION

Language is not only about communication — there is much more to it. Language carries content. Through language, we can manifest our identity. Language and culture are intrinsically linked together. It is not wise to teach language without culture and culture without at least some key facts about language. We are also aware of our place in a particular community thanks to the language we use. It allows us to define our borders and identify with our roots. We can use one or more languages as our mother tongue(s), without too much thinking about grammar and vocabulary.

Language gives us a feeling of togetherness, belonging to a larger group or community. Language in general is an important element of cultural and national identity expression and cultural distinctiveness in the context of the 21st century.

Identity is often expressed through regional, lesser-used or minority languages. Language makes us distinct in a way that differentiates the users of one language group from another (Bačová 1996; Wardhaugh 1993). This can happen on a daily basis, but is more visible during particular cultural, festive or sportive activities, which become special occasions for identity manifestation.

The purpose and goal of our qualitative research is to examine the interconnection between the Irish language and Irish identity, more precisely the challenges of the future for the Irish language. Specifically, we aim to draw a sample list of best practices which could help the Irish language to stay alive and help to maintain it in public and private life. In today's Ireland culture has an important place in shaping, expressing and cultivating identities (Wallace 2015). The Irish language can also thrive and restore its position hand in hand with culture. As it will be examined in our article, there are many third-level institutions in Ireland supporting this approach. Louis de Paor, head of the Irish Studies Centre at the National University of Ireland in the city of Galway, asserts that the study programs at the Centre and various other departments at NUIG have got Irish included as part of their agenda creating a bilingual workplace. In this way, the students of the Centre for Irish Studies encounter the Irish culture in a bilingual way, emphasizing a bilingual approach to Irish literature, culture and history (Wallace 2015). The National University in the city of Galway is one of the national universities known for its bilingual approach, creating added value in terms of the Irish language maintenance based on the fact that the place is very close to true *Gaeltacht* (Irish speaking regions). Galway itself has always performed as a bilingual city.

There is no doubt that the Irish language is a valuable part of the Irish culture, heritage and, in general, the world's linguistic diversity. Although it is an obligatory subject which students study for the period of 14 years only a small percentage of people, cca. 3%, consider it to be their mother tongue. The end of their Irish language study is finished with leaving certificate examination. One of the core subjects in examination is Irish.

Aproximately 1,66 million of Irish people (Ó Ceallaigh, Ní Dhonnabháin 2015) represent different groups of the Irish language speakers with various levels of its knowledge. This brings forth the question about the future of Irish. Will it survive for a period of 30 years? We assume that the government's support, hand in hand with the genuine interest of Irish people in their original language, could help to maintain and revitalize it.

Throughout the medium of analysed interviews and a theoretical database, we will try to highlight the importance of language in terms of distinctive identity. We will also identify specific challenges, barriers and positive factors influencing the whole process of the Irish language's vitality.

The research of language and identity raises new questions and opens up views on language revitalization. The comparison of different minority, lesser-used and regional languages could be helpful for determining their success or failure.

Our aim is to explore the issue of language maintenance and possibilities of language death prevention. Furthermore, we attempt to examine discourses connected with the use of the Irish language in Ireland. The article is written from the perspective of external/non-Irish researchers residing in Slovakia who carried out their research in the Republic of Ireland during a short-term stay at the National University of Ireland in the city of Galway. The analysed interviews provided us with an information database, which allows us to discern key factors helping or impeding the Irish language revitalization and maintenance. In the research we take into consideration the age diversity of the respondents' sample. We predominantly focus on the attitudes of people towards the Irish language use.

We investigate the potential of Irish to be used as an effective tool within various spheres of life, ensuring the language's vitality and protection from possible death. The data give us an opportunity to consider different opinions regarding the Irish language revitalization and maintenance. We highlight some of the most salient preventive measures, which seem to work in the area of language maintenance, including the huge role of particular organizations aimed at the Irish language revitalization. We pay attention to the activities of the Department of Arts, Heritage, Regional, Rural and Gaeltacht Affairs and the initiatives undertaken to revitalize Irish. Last but not least, we analyse the concerns about the language, which must be identified in order to find out which areas should be addressed most so as to protect the language for the future generations.

The article is dominated by the assumption (Fishman, 1991), that without inter-generational transmission, language maintenance and revitalization are deemed to fail. We aim to illustrate the examples and best practices, which serve as predictors of success in the Republic of Ireland taking into particular account the challenges and barriers, as well as a range of positive factors, which may support language rejuvenation and alleviate the process of language death.

2. THEORETICAL FRAMEWORK

Language revitalization is not an easy task to achieve without the minority language practice, i.e. its use in real life situations. The question of language revitalization stands on an uncertain terrain. Nowadays, there are many languages undergoing the process of revitalization or revival. One should be careful using the above-mentioned terms.

The former implies revitalization of any, still living, although a minority language, referring to the number of speakers, whereas the latter is typical of those languages whose native speakers died a long time ago. The primary example of the second case could be the Manx language, which is nowadays being revived on the Isle of Man, or Cornish in Cornwall, or many Aboriginal indigenous languages in Australia (Amery 2001). Some linguists suggest the term ‘dormant language/s’ (Edwards 2001), since it is possible to revive them even though there are not many native speakers left or even all of them are dead. There is a possibility that even a dead language can be revived.

According to the *Atlas of World’s Languages in Danger* (2018), the Irish language could be characterized as definitely endangered, as there is a small number of households in Ireland where the language is transferred from parent to child. It means that the mother tongue in most of the Irish households would be English. There are, of course, a few exceptions to the rule if we take into account the true Gaeltacht areas and true Irish-language homes where communication of family members is carried out through the medium of Irish. The support of such households, in which the language is not merely of symbolical importance, plays a vital role in its revitalization. The general increase of Irish-language households and motivation to establish such households could prevent a drop of Irish language speakers and, to a certain extent, reverse the language shift (Fishman 1991).

According to EGIDS (Expanded Graded Intergenerational Disruption Scale 2018), based on J. Fishman’s GIDS (Graded Intergenerational Disruption Scale), languages can be classified into distinct categories. Irish could be regarded as a threatened language. It is not easy to classify it given the fact that the Constitution of Ireland deems the Irish language as the first official and national language in the Republic of Ireland. It is used in face-to-face communication predominantly in Irish-speaking communities both in Gaeltacht and non-Gaeltacht parts of the country by the members of the Irish language networks. Although there is a multitude of initiatives aimed at the Irish language revitalization, based on the 20-Year Strategy for the Irish Language 2010—2030, it seems that the population has a different opinion regarding the present-day function of the Irish language. The 20-Year Strategy for the Irish Language is the initiative of the Irish government to foster the Irish language revitalization and support the increase of the Irish language users in the period of twenty years, starting in 2010, in the whole Republic of Ireland. Irish could be described as reawakening in its spirit if we take into account the increase of the Irish language schools in predominantly English environments.

According to EGIDS, there are other attributes which could be applied in the case of Irish. Here we have in mind the symbolical versus functional use of Irish. On the one hand, the Irish language could be regarded as salient in terms of the heritage, history, cultural identity construction and national identity preservation. In this case, we could view Irish as dormant, but there is still a significant number of people with more than symbolic knowledge of Irish found across all generations, including young people. In this case the language should not be viewed solely as a reminder of the past because there are still a number of people who use Irish as their mother tongue, so for them it is not only a token, but a real medium of communication.

According to the EGIDS division of languages into different categories mentioned above, we tend to position Irish in the area of threatened and shifting languages with a few exceptions to the rule. On the one hand, Irish could be deemed as threatened because it is losing its users; but, on the other hand, there has been a rapid increase of Irish secondary schools generating more Irish speakers. The truth, however, is that the Irish language is used in face-to-face communication predominantly in the Irish-speaking communities, institutions and the Gaeltacht areas. It means that the loss is huge but the gain is also significant if we consider the popularity of Irish thanks to the improved Irish language teaching and new opportunities for young people with the knowledge of Irish.

The shifting status of Irish is influenced by the fact that the child-bearing generation can use it to a certain extent due to having it as a compulsory subject in the curriculum for several years, but it is rarely transmitted to children yet. However, there is a positive tendency to enrol children in Irish language pre-schools called *naíonrú*, which are also gaining popularity.

Nothing can work better than good will and enthusiasm in society to revive their ancestral language(s). Such positive attitudes are a necessity, as they make any of such ambitious goals easier to achieve without forcing the language upon people through the medium of education or other language support programmes.

The Irish language, still spoken actively by the minority of the Irish people located in Gaeltacht (Irish-speaking regions), but not only, is also undergoing the revitalization process in the rest of Ireland (predominantly its English-speaking parts). In comparison to other dead languages which undergo the processes of revival, or resuscitation, or reinvigoration, the Irish language in the Republic of Ireland has still got a number of fluent native speakers. For these people, Irish is an important aspect of their personal identity — in a certain way even an emotional thing. The Irish language was described by many of our Gaeltacht respondents as their own language, the language of their ancestors and part of their heritage, an intrinsic part of their identity, culture and territory. Quoted below, are just a few representative opinions of the Moycullen residents:

- (1) *“My language is very important and still there are people in Ireland who do not feel comfortable in speaking English like people from the Islands and we should look after them”* (woman, 65).
- (2) *“My friend from Spiddal is true Irish speaker, we go from Irish to English and vice versa, we do not like new made up words. I still use Irish when I need it, when I meet native Irish speakers I automatically speak Irish to them and I speak also a lot of Irish when we go abroad”* (woman, 60).

Nowadays Irish is becoming fashionable. If before people had a negative view of it, the opinions have reversed. Public opinion displays great differences in terms of the people's own first national and official language revitalization. Although there is a substantial number of people who are worried about the future of the Irish language (Boxer 2002; Gibbons 1996; Millroy 1992), revitalization efforts can prove successful in the long-term perspective and become salutary for strengthening national and cultural identity. However, it can only happen if more and more people speak Irish on a daily basis and pass it on their children.

Bilingualism appears to be one of the ways to maintain the minority, regional and lesser-used languages or other so called ‘small languages’. The above-mentioned *20-Year Strategy for the Irish Language 2010—2030* aimed to achieve societal bilingualism in the period of two decades. Bilingualism seems a good option in order to reverse the enormous language shift towards the English language in the Irish-language households. However, as it was mentioned at the very beginning, the language revitalization needs a positive societal approach, i.e. language cannot be seen as a burden, once there is a decision to revitalize it. Achieving competence in an ancestral language should be viewed as beneficial for one’s identity. If an ancestral language does not play a functional role anymore and people see it only as a symbol, then its revitalization is doomed to a failure and the future of the language is uncertain. If it is not transmitted to future generations, the language will sooner or later fall into the category of dead languages. But even in case of the language death, a number of enthusiasts may initiate its renewal or revival again and extend their motivation to other future learners of the language.

The Irish language is supported not only by the educational system but also by numerous Irish-language organizations. In general, it is a good thing to maintain the linguistic and cultural diversity in as many places as possible across the world, given the fact that there is a genuine will and motivation in a society. Without the existence of true speakers, the language will have become a piece of relic celebrated or revered only in museums, galleries and linguistic institutions, and protected as a treasure, ancestral heritage or symbol. There is a danger that Irish may become part of those passive aspects of identity, which become vivid only during certain festive occasions. It may not be used as a useful communication tool. This can happen if the people who reside in a given territory decide not to carry on the language anymore. On one hand, intergenerational transmission will not take place and some parts of Irish culture based on language may be lost. On the other hand, it is always the choice of the people, their individual right to give up or regain what they desire.

Nobody can be sure what the future holds for the Irish language. It will be possible to measure partial results of the revitalization process after 20 years for which the *20-Year Strategy for the Irish Language* was adopted. There are always certain risks involved. The situation in Ireland is unique because, as was mentioned before, the Irish language is declared as the first national and official language, so constitutionally it has got preeminent status in comparison with English, although English is spoken by every Irish citizen. Saving the Irish language for future generations could be beneficial in terms of fostering the cultural identity. It is still a part of the Irish folklore and culture. It is also claimed that children attending Irish-medium schools (gaelscoils) tend to perform better than their counterparts in mainstream ordinary schools.

It is important to support the Irish language outside Gaeltacht as well as in the original Irish-speaking, Gaeltacht regions. Keeping Irish alive in predominantly English-speaking regions is a key to its revitalization and sustainability and the survival of Gaeltacht is inevitable for keeping Irish safe for next generations. However, even the future of the Gaeltacht communities remains unclear due to the huge waves of

migrants moving every year into the originally Irish-speaking areas. On the one hand, the real use of Irish in Gaeltacht regions is essential for the existence of their unique Gaeltacht status. On the other hand, the region needs support from cultural tourism, which benefits from English-speaking or other language-speaking foreign tourists.

3. METHOD

This paper is based on a short-term qualitative research, which was realized in the Republic of Ireland in 2015. We were given the possibility to realize our research within the National University of Ireland in the city of Galway (NUIG) at the Centre for Irish Studies. The city of Galway is very close to Gaeltacht communities. We interacted more closely with different informants coming not only from Galway but also from nearby towns like Moycullen, Barna, Furbo, etc. All the data were obtained through the medium of semi-structured individual interviews and focus-group discussions realized with the citizens as well as within particular institutions and organizations residing in the city of Galway and nearby areas and aimed at the Irish language revitalization. The very purpose of this research was to focus on the Irish language and identity. The analysis of the collected data was carried out on the basis of the grounded theory.

A total of 80 respondents took part in the study. Initially, contact was made with the key persons working within or outside academia, just to obtain the most versatile sample of respondents. Afterwards, we used a snowballing technique, which helped us to identify and contact other recommended potential respondents / informants. This enabled us to construct our study. Before we elaborated the study, a detailed coding and analysis had been carried out, according to the principles of the grounded-theory. We do not suggest that the opinions of our respondents on the Irish language and Gaeltacht identity (Gaelic ethnocultural identity) or their language practices are entirely monolithic. We claim that all informants provided us with a wide range of opinions that are noteworthy and offer us a lot of interesting views. The sample is otherwise quite heterogenous comprising respondents of different age groups and professional backgrounds.

Each interview was transcribed and underwent a detailed analysis. The analysis was realized in different steps. The first one was based on creating codes. They were used strategically to point out to the most recurrent topics. They were further placed under deep scrutiny. Specifically, we paid attention to three phases of the coding procedure. We went through open, axial and selective coding. Until the last stage was accomplished, we compared the emerged items gradually, re-reading the interviews, creating categories, codes, identifying relationships among the codes and selecting the core variables. Initially, we started with the research question regarding the Irish language death prevention and language maintenance. During our interviews, we encountered many examples related to how the language could be maintained and language death prevented. These specific examples were marked and assigned with properties and codes. Each significant extract underwent such a scrutiny. The transcribed interviews became a terrain for highlighted extracts (e.g. "I feel afraid of speaking the language") described by codes (speaking Irish) and headings (fear, division).

4. THE IMPORTANCE OF LANGUAGE POLICY IN THE LANGUAGE MAINTENANCE PROCESS

An effective language policy is extremely important in the struggle to keep the language alive and language communities sustainable. It plays an enormous role in moderating the decrease of language speakers and preventing the language death. It is generally acknowledged that a large number of the world's languages are in danger of extinction. There are many languages, which are on the verge of death because inter-generational transmission failed and so the language has got only few speakers who are probably the last ones (Aitchinson 2001; Amery 2001).

Concerning the Irish language, there are efforts to minimize the gradual decrease of Irish speakers and outflow of people from the Gaeltacht (Irish-speaking) regions. There have been several projects initiated, which could help the Irish language revitalization in Gaeltacht, as well as predominantly English-speaking areas in the long-term horizon. They are part of the official Irish language policy. One of the core documents is the *20-Year Strategy for the Irish Language*, which promotes reaching societal bilingualism in the period of 20 years with the final year being 2030. *20-Year Strategy for the Irish Language 2010—2030* (2010) contains 13 main objectives aimed to support and preserve the language and the Gaeltacht areas. Particular emphasis is placed on education, special support for Gaeltacht, media, defence forces, voluntary sector and status of language within the European Union. The key challenge of the strategy is to increase the number of people speaking Irish, to create opportunities for the language use and to strengthen positive attitude towards the Irish language. Particularly, The government's goal after 20 years of implementing the strategy objectives is to increase the number of people with the knowledge of Irish from 1.66 million to 2 million and the number of daily Irish speakers from 83,000 to 250,000 (*20-Year Strategy for the Irish Language 2010—2030*, 2010).

Furthermore, *20-Year Strategy for the Irish Language 2010—2030* is the key document and the base for all institutions and their initiatives supporting the Irish language, including Gaillimh le Gaeilge, Údarás na Gaeltachta and Conradh na Gaelige. The strategy is designed in a very organized way. On the one hand, the policy communicated through this document is ambitious and clear, but, on the other hand, many people have lost hope in reaching its goals, especially in connection with respecting the Irish language speakers' rights. There are a lot of diverse opinions ranging from negative to indifferent and positive. One of our respondents stated that '*20 year strategy is a disservice to the language, it is like kicking the language down the road, why do we have to wait for 20 years?*' (man, 42). Generally speaking, people perceive it as a joke, there are very ambitious ideas on paper, and a number of people are very angry because there is lack of sincerity and no hope in the implementation of strategy. We can also see a certain kind of apathy in connection with the adoption of the Irish language as one of the EU languages:

- (3) "*Many people say it is a waste of time, I would favour it, but I would not have very good optimism about it, so many volumes of translation will not be read, I do not think that something will be changed, it is significant but not important*" (man, 35).

On the other hand, many people see the recognition of Irish as one of the working languages of EU as a great opportunity for their professional life and career.

- (4) “Official recognition of the Irish language has had huge impact status wide. People realized the value of the Irish language, our undergraduates see that Irish language counts for employment now and it did not count before in the EU, from the perspective of new jobs for translators and interpreters it is very important” (woman, 40).

Alongside the opinions about the lip service to the community, we have identified a group of respondents who have seen the *Official Languages Act 2003*¹ as a good idea. These people do not feel comfortable speaking English. It is their right to use their native language. They stressed the fact that there are still people from the islands who did not have English so much and there is a general societal task to look after them. The Official Languages Act 2003 gives both languages, Irish and English equal status and guarantees that people can use the language of their choice.

The Department of Culture, Heritage and the Gaeltacht (2018), in line with the *20-Year Strategy for the Irish Language 2010—2030*, aims at Irish language revitalization undertaking a range of action plans in a 5-year period. There is a current Action Plan for the 2018—2020 period underway. The department supports Irish as part of the Irish cultural identity and heritage viewing it as an inseparable part of the Irish identity in general. It also initiates various Support Schemes which help to finance the Irish language organizations and activities. As the title indicates, the Department takes care of the Gaeltacht regions, which are deemed as the most significant areas for the Irish language revitalization. Therefore, the department supports the culture, economy and social welfare of the people in the Gaeltacht. Moreover, it is in charge of promoting the Irish language across the whole island of Ireland, North and South. They also regularly approve Irish language programs in other countries. Following the approval by Seán Kyne, the Minister of State for Gaelige, Gaeltacht and the Islands, the Irish language and Irish studies teaching was established in Slovakia at Matej Bel University starting in 2016/2017 academic year.

5. LANGUAGE DEATH

There are many possible factors which can cause language death. In case of the Irish language there was a combination of several environmental, economic, cultural and political factors. First of all we must take into consideration the English colonization policy, the Great Potato Famine, emigration of masses of working class people abroad and death of others. The Great Famine (*an Gorta Mór*) in 1845—47 is considered to be one of the main reasons of Irish decline. The natural disaster also named Potato Famine occurred when potato crops were destroyed for two years in a row. In 1841 the population of Ireland was around 8 million, 2.5 million of which were Irish-speakers. Following that, the famine killed 1.5 million inhabitants of the countryside and caused mass emigration (around 1 million people). The total number of monolingual speakers of Irish had fallen to 5% (Romaine 2008). All of the mentioned events resulted in the rapid decline of Irish speakers, with the Irish language becoming inferior to English. This is how the English language took precedence, over Irish.

¹ The Official Languages Act 2003 preceded the 20-Year Strategy for the Irish Language 2010—2030. It gives people right to use the language of their choice for communication with state services, be it Irish or English. If they wish they can use Irish in communication with public bodies.

If there are no speakers of a language, the extinction is very close. A language stops to live when no one speaks it anymore (Crystal 2000). According to Aitchison (2001) the language is triggered by social needs. The language can fade away very easily if it is not used for any social purpose within community. It is what happened in Ireland. People started using English as a means of communication not only in public but also at home. Irish was considered as an inferior, backward, rural language in comparison to the more prestigious English, the knowledge of which enabled individuals to gain more chances for improving their life standards and aspire higher at work. These events resulted in an almost radical shift towards the dominant language — English. It all started with a culture clash, which brought about a lot of injustice, inequality, dominance and inferiority (Benčíková 2016).

When mentioning language death, we must take into consideration such factors as language prestige, language usage, language change and, of course, language policy. All of them are intertwined (Theimer 2012). Some of them are measured easier than others. It is very difficult, for example, to evaluate statistically, or in a quantitative way the language prestige or emotional ties towards a specific language which is often subconscious. We do not ask such questions ourselves as to why we speak the language or why we prefer communication in one and not in the other. If there is a good plan how to revitalize the language, then the overall policy is also realized more easily. Nowadays, in our post-factual and multicultural, multilingual world (Höhn, 2011), the policy of one language and one nation cannot be applied anymore. Moreover, it is not desirable. It is more essential to foster respect, tolerance and positive attitudes towards different cultural identities, so that intercultural communication can run smoothly without problems.

Theimer (2012) proposes three important steps which need to be undertaken in order to keep any language alive and to ensure successful language planning process. These are: status planning, corpus planning and acquisition planning. In Ireland they have gone through all the three stages. The status of the language is ensured by the Constitution. The Irish language is given the preeminent status in comparison with the English language, which is defined as the second official language, although it has got an incomparable number of speakers. The Irish language had also undergone the language standardization since the Irish Republic came into being. Since the language revitalization aims of the *20-Year Strategy* will be finally evaluable after the 20-year period is over, only partial findings can be obtained and communicated, reflecting what has been done since the strategy was developed.

As was mentioned before, although the strategy is well-designed, no language plan can ensure life, revival or survival of the language. Any language can die if its speakers freely decide to use another more powerful language as a means of communication. As one of our respondents mentioned:

- (5) *“Irish language is dying, it is being killed by cold blooded decisions taken at civil service level, it is national pride in Ireland that we set up policies which are not implemented in real life”* (man, 45).

This is also an issue of prestige. If there are no material benefits incurred from using the language, then there is only a step to language death as stated by Crystal

(in Theimer 2012) emphasizing the three stages which gradually result in language death, namely: the shift towards the dominant language if there is political, social or economic pressure followed by the period of bilingualism and the last stage is specific for inter-generational transmission failure. The last stage means that there are only the last speakers left alive.

The young generation is very diverse referring to the Irish-language revitalization. There are students who are very weak in using the language on a daily basis and not willing to speak and learn it, but there are also those young people who show very open enthusiasm in keeping the language alive since they view it as beneficial for their future professional identity. For many of our respondents the Irish language constituted one of the important elements of their identity having no problems with how the language was taught:

- (6) *“It was clear for me from 4 years of age that Irish language teachers were very committed to the Irish language and my family had a strong sense of importance given to the Irish language, so I never questioned the position of the Irish in curriculum, I had good, very inspirational teachers”* (man, 47).

There were also respondents for whom both languages were part of their identity, part of their life, or even an emotional thing, since speaking the Irish language can never be neutral, which is very interesting anthropologically, too.

On the other hand, we have identified in our research sample a number of respondents for whom the Irish language constituted just one of the secondary/not so important parts of their identity. Several of them were worried about the language future:

- (7) *“Irish functions at a purely symbolic level, fluency of many is low, it is a kind of diglossia, it functions on a very high symbolical level in society, Irish will continue to be national symbolic language, it will not be a community language, language is a social process not only linguistic, it is very difficult to predict the future of language”* (man, 45).

In this way, the language of ancestors, which was spoken widely up until the second half of the 19th century, does not comply with the way their needs and future expectations are fulfilled in the dominant language, which is considered to be the primary language of communication. The fact is that although many people showed a strong desire to keep the language alive, they expressed their worries about the language in the future. They also purported that one of the reasons, which brought about the Irish speakers decrease, was the English policy of colonization.

The Irish lost its prestige because it was thought to be an inferior language of those backward, rural and ignorant members of society. One of the aims of the colonization typical for any colonization process was the elimination of ethnic pride. Even though the ethnic pride of the Irish people stayed intact as they are still proud of who they are, aware of their distinct language (Irish/Hiberno English) traditions, folklore, etc. and uniqueness of natural and historical artefacts of culture, the language lost its former status. Nowadays, more venues for the language have been opened. There is a need for qualified Irish language teachers, translators and interpreters also due to the fact that in 2007 the Irish language was declared as one of the official languages of the EU. All in all, language needs to be practiced to prevent the language death.

Furthermore, negative attitudes can be also detrimental in terms of the language revitalization process. The Irish language lost its position gradually as it was not considered as a prestigious language anymore and a radical shift towards English took place. Such attitudes have got enormous impact on language life. Positive attitudes can help language to thrive, while the negative and indifferent ones can accelerate its death. It is the same with action, inaction and passivity. If there is motivation, there is also activity. If there is a lack of motivation, inaction is the result.

6. HOW TO PREVENT THE LANGUAGE DEATH?

Enjoying the language brings further benefits to its users since it has got a potential to generate creativity and good feeling from speaking the language. As one of our respondents from Áras na Gaelige noted:

- (8) *"When Irish go abroad they realize what they have so they start speaking the Irish language in order to differentiate themselves that they are not English"* (woman, 30).

This is a good sign for the language survival. The more people realize that they can make use of the Irish language in different contexts and in real-life situations, the more vitality it can gradually acquire. In such a way, the extinction of the language can be prevented. Moreover, one of the residents of Moycullen stated:

- (9) *"Me and my boyfriend speak in Irish when we want people not to understand"* (woman, 38).

As we can clearly see the Irish language use can generate a certain kind of distinctness of its users which help people not to be understood in strategic cases when it is the main goal in a foreign environment.

Pride in language can also support its vitality and prevent language death. According to Hoffman (2015), people who use Irish in everyday communication and see it as a vital part of their identity, say that they 'have' the language instead of 'speak' it. They represent members of the Irish language community. For them Irish is an element important for their own personal and cultural identity construction.

The joy based in language acquisition can be supported or even increased by various language organizations. One of them is Gaillimh le Gaelige located in the city of Galway, the only bilingual city in Ireland very close to real Irish-speaking regions, which help businesses with their Irish-language agenda.

- (10) *"We were established to fulfil all those ideas connected with economic, social and cultural values of the Irish language, to show people the benefits of bilingualism, we try to show people that there is huge value in Irish language"* (man, 50).

Learning an ancestral language can help foster personal identity of individuals and strengthen their cultural identity, making the feeling of togetherness stronger. Thanks to the language, people can experience their attachment towards their ancestors and trace their roots through language very easily, too. These are all arguments used by such organizations as Gaillimh le Gaelige in support of the Irish language revitalization

in different spheres of business. Such activities performed by different subjects can make people realize where their roots are based, where they come from, being proud of their history and ancestral language.

On the other hand, passivity, lack of creativity and motivation, isolation and defensiveness can be detrimental to language preservation. If the language is not valued by its speakers, then it is very near to extinction with the death of its last speakers.

As far as the educational sector is concerned, students in the past were taught Irish in a way that was not very interesting — reciting poetry and learning by drills, which strongly demotivated them to use Irish outside school. It was not enthusiasm which took dominance in the lessons but fear and lack of motivation to learn it properly by means of the old teaching methods based on learning grammar without a proper use of Irish in communication or its spoken form. That is why it was not popular to speak Irish. Nowadays, the situation differs due to the changes in the educational system. The Irish language classes and Irish medium schools have become fashionable and popular among young people now. There is more joy from learning Irish. Young people can apply for work in European institutions where translation and interpreting services are needed. Furthermore, there is a demand for fluent Irish speakers in many public and state institutions across Ireland. Those speaking Irish are not looked down upon anymore for speaking the language. It gives them more prestige. There are conversation circles established in many Irish cities, beginning with the capital Dublin. Children can watch cartoons in Irish or sing hip songs translated into Irish.

Our data makes it evident that there is still a link between language and identity. Although in the future the Irish language will stay marginal in comparison to English in terms of everyday usage, there are still Irish language communities which deserve protection and respect of their linguistic rights. As a way to protect them, there has been created a post of the Language Commissioner responsible for the protection of the rights of those communities.

The interest, motivation, pride and institutional help can reverse the language shift and bring about the gradual increase of Irish speakers beneficial for the languages' existence and vitality.

7. LINGUICIDE AND PREVENTIVE MEASURES AGAINST IT

Linguicide can be made synonymous with language death. There are many factors which can influence people to abandon a language ranging from natural to political reasons. The linguicide can also be brought about by incorporating more syntactical, morphological or lexical items from the dominant language at the expense of the original words, thus destroying its uniqueness and identity created by using it (Hindley 2000). The death of any language can be brought about by the loss of its speakers, due to the lack of motivation to transfer the language from parent to child or by its sudden drop in state and public institutions. This is primarily connected with a more dominant and stronger language. In Ireland it was the English language that acquired the role of

communication medium in private and public life. This was partially influenced by a mass of emigrated working Irish speakers after the Famine of the 1800s. At that time the population of Ireland decreased substantially and has never been recovered. Therefore, it is crucial to support Gaeltacht areas which are literally like bastions of the Irish language. There are many organizations in the Republic of Ireland as well as in the city of Galway, where our research was carried out, which work to prevent the Irish language death. One of them is Údarás na Gaeltachta the members of which

(11) *“try to make realistic and achievable targets for the period of 9 years”* (woman, 42),

One of our respondents pointed that

(12) *“in the future [Gaeltacht identity] will be determined by the level of Irish spoken”* (woman, 38).

The organizations like Údarás na Gaeltachta and many others (Conradh na Gaelige, Gaillimh le Gaelige, the National Irish Language Theatre, the National University of Ireland in the city of Galway (NUIG) etc., the list is not complete) have initiated several projects aimed at the enhancement of the Irish language. In one of such projects mentioned by the employee of Údarás na Gaeltachta

(13) *“we focus on initial/preschool years, we have started a project called two eyes, two ears, two hands, two legs, two languages... of course!”* (woman, 45),

the aim of which is to raise children in a bilingual way stressing the importance and simplicity of speaking two languages.

People working for institutions responsible for language revitalization share the same idea, highlighting the crucial role of arts in the language revitalization process.

(14) *“Support of arts in Gaeltacht, its identity, language, oral art is important, it also helps language planning process, to develop community and to show to people that second language increases job opportunities and that multilingualism is a good thing”* (woman, 45).

Bringing people together during cultural events and showing them how the language can be effectively used to spread arts can increase their interest for the Irish language acquisition creating the basis for intergenerational transmission as one of the pre-conditions to language survival and prevention of language death in the long-term horizon (Mallory 2013).

We believe that art is important to people; from time to time they must be reminded about what makes them different from other nations and constitutes their identity. Although the Irish language is a minority language conditioned by the fact that it is used in everyday communication only by a very small percentage of people, we can see that today arts can be communicated through Irish too. It can be used productively in the area of culture as well as economy. Tourism can also benefit from using Irish. In this way we can view Irish as a cultural and economic asset. New projects have been initiated to support language maintenance, to keep people in Gaeltacht regions and to minimize their out-flow (The Wild Atlantic Way, Irish language courses in Gaeltacht and abroad organized by the Department of Arts, Heritage and Gaeltacht, NUIG, etc.).

- (15) *"Recently more places have been opened, preventing the language death, for Irish language normalization, organizing coffee mornings and working with communities"* (man, 50)

as one of the goals of the Conradh na Gaelige (Gaelic League) and other organizations' activities supporting the idea of *cúpla focal* (the idea based on the fact that even with a few words people can have a solid and effective communication). The most important thing is not to be afraid and use whatever vocabulary people have to foster the language and create a positive atmosphere supporting the language revitalization. As one of our respondents from Conradh na Gaelige puts it:

- (16) *"Our classes are much more adaptive now, our Irish language classes bring people together into the class, we try to build a network and create a friendly atmosphere which supports language learning, it can have a cumulative effect"* (man, 60).

The main idea of such coffee meetings in the morning and the Irish language classes offered for different age groups is to foster the idea of *cúpla focal* because it really works as it gets people together. There are different Irish language networks around Ireland. It has got a snow-ball effect, which means that new places for conversation in Irish are being established.

8. INTERGENERATIONAL TRANSMISSION OF IRISH

One of the ways to preserve the language is keeping it alive and maintaining it for future generations. The prerequisite is language transmission, which ideally takes place in households, within families.

- (17) *"If teenagers stay in the Gaeltacht area and establish families then it could be good signal but it is not sure"* (woman, 40).

This is just one of the ways how to keep the Irish language alive through its intergenerational transmission, given the uniqueness and distinctness of Gaeltacht areas. According to Fishman (1991), without intergenerational transmission the language can die. If the help to Gaeltacht regions is not sufficient, Irish in Gaeltacht may die, which can be the end of the language because of the non-existence of L1 speakers.

In the Republic of Ireland, the families which decide to participate in the language revitalization process through bringing up their children partially or totally in the Irish language, are supported by a number of Irish language pre-schools called *naíonraí* and later on by a number of Irish-speaking schools (*gaelscoils*). School plays a central role in reversing the language shift in Gaeltacht areas. It helps the Irish language revitalization in predominantly English speaking areas (Ó Ceallaigh, Ní Dhonnabháin 2015). The schools can help to initiate the parents' motivation to pass on the language further on their children. This idea is reinforced by the organization *Údarás na Gaeltachta* whose main aim is the Irish language support in Gaeltacht regions. It provides help in the form of educational materials, economic and cultural incentives. There is a lot of Irish medium preschools provided by *Údarás na Gaeltachta* helping to sustain Irish in the region.

- (18) *"It is very important to focus on initial/preschool years in order to support inter-generational transmission of Irish"* (woman, 39).

This is also one of the methods helping to keep the language alive through the so called immersion education, which means that at a very early age a child becomes familiar with the basic Irish-language phrases and words and is given the basis for future communication in the language through the medium of a very natural immersion method laying the bases for the creation of bilingual society and its long-term sustainability.

9. THE FUTURE OF THE LANGUAGE

We see that there is a future for the Irish language, especially if we take into account various job positions in which the Irish language skills and competencies are required. Language preservation rests upon the emergence of job market areas where the Irish language can be effectively used. It means that people can get material benefits from the language acquisition.

In many state positions there is a requirement to speak Irish, but the question is to what extent an individual is motivated to use the language and how many people will use the possibility to address such individuals and offices through the medium of Irish. We have in mind the previous failure of Irish language rights' application. According to Theimer (2012) it also depends on the policy of the employer. If employers believe that there is value in using the language, this attitude has a positive impact on employees. The result will be that the people, will be able to see that the service they promise to provide is fulfilled.

There are many organizations in the city of Galway which help different businesses to use the Irish language effectively in their agenda. Our respondent from the Gaillimh le Gaelige (Galway with Irish) confirmed this statement:

(19) *"So we were established to show people those economic, social and cultural values of the Irish language"* (woman, 45).

The main aim is to try to normalize the language in association with other institutions and organizations to reach bilingualism, giving advice to businesses to incorporate the Irish language into their agenda. The mantra of Gaillimh le Gaelige is selling the Irish language as a unique product as people need to see the economic value in language and Gaillimh le Gaelige employees are there to facilitate it.

There are several factors which may be central to the Irish language revitalization concerning demographic, educational, occupational, social and psychological level of the question. The first one tackles demographic features. We assume that the increase of language centres and language clubs can have a positive effect on language maintenance. Furthermore, language speakers should join their efforts in cities and create more places for conversations in Irish. Thanks to the creation of such networks, learners of Irish can see that there is Irish used in real life settings as an instrument of communication. In this way the language is not seen solely as a symbol, but also as a component of identity which tackles the psychological level of individuals.

There are different attitudes towards Irish ranging from sentimental ones to those attitudes which see Irish as an instrument of communication.

Even though the Irish language has gained its prestige again, there are still worrying issues, like the lack of modern literature written in the Irish language or the lack of Irish language authors.

To sum up what has been said above, there must be economic or material reasons to learn the language if it is going to survive. As it was pointed out by one of the Moycullen residents:

(20) *“We should encourage social use of Irish, curriculum is wrong, there is too much emphasis on academia than oral speaking”* (man, 50).

This opinion was frequent among the majority of our respondents in different age groups. They stressed the fact that learning by heart does not help the Irish language revitalization at all. Too much memorising in the language class can be detrimental and demotivating for students. Therefore, more attention should be paid to innovative approaches during language classes, with more communication instead of drills and reading old-fashioned pieces of literature.

10. CONCERNS ABOUT THE LANGUAGE

Although the Irish language has gained a lot of popularity within the last decades, there is still a question what would happen if one day it becomes an elective subject. Will there be enough students enrolled in the course in every class and every school across Ireland? Will that not hurt the already weak status of the language?

Language must adapt to new situations in order to stay successful and viable (Huřková, 2016). It must also reflect a new reality (new words, new technologies, new ways of communication) accordingly.

It is true that language planners should be aware of the fact that their decisions, activities and actions can influence the number of speakers. They can also create satisfaction or cynicism in language communities reflecting the loss of loyalty towards the state policy among minority language speakers. It happened with the previous language commissioner who resigned from his post because he could not secure the rights of Irish speakers anymore.

It is generally believed that the Irish language in Gaeltacht is endangered, as it can be deduced from the following opinion of our respondent from Arás na Gaelige:

(21) *“There was so much damage done to the Gaeltacht that people are just cynical, it is very late to turn back the tide”* (man, 40).

The point is that although a lot of damage has been caused, in the opinion of many, there is still hope for the language on the condition that this belief is shared by the majority of the people concerned. On the one hand, Gaeltacht areas are beautiful regions of magnificent natural phenomena, which attract a lot of English-speaking tourists and support cultural tourism; on the other hand, these regions are economically deprived, so there is an outflow of not only Irish-speaking individuals but also English speaking individuals. They are also leaving the area. One of the ways to reach language maintenance can be ensured by isolation and lack of mobility

(Edwards 2001). But if the regions are going to be economically sustainable, they cannot close their doors to tourists coming to see the regions and pay for the services offered.

- (22) *“If Gaeltacht areas do not perform in the future they will lose the status of Irish speaking area and the truth is that linguistic situation deteriorates every year”* (man, 45) (respondent from Arás na Gaelige).

This is something Gaeltacht inhabitants must face regularly. Every year the situation gets worse for the language with the arrival of new non-Irish-speaking inhabitants or tourists for whom the region is very attractive. On the one hand, tourism is essential for Gaeltacht survival, but on the other hand, precautions should be initiated to find the most suitable solution for both tourists and native inhabitants.

The sustainability of Gaeltacht areas and maintenance of language minority rights is more about the group of Irish-speaking inhabitants than about individual rights (O’Cuív 2008, 2011). Individuals must work as a community, cooperate and participate in common activities and projects aimed at saving the language for future generations. In the opinion of our respondent from the Galway-Mayo Institute of Technology:

- (23) *“There is strong need for Irish language areas to be taken seriously by government, the strength from geographical community would be lost if that is not going to be supported”* (woman, 60).

The language maintenance rests upon the economic support of true Gaeltacht regions. In this case economy and survival of the language go hand in hand together. As the respondents indicated, the maintenance of Gaeltacht as a region is a key to successful language revitalization. We have identified several components which are of help to the language vitality and which were mentioned by our respondents. These were: Irish language pre-schools, Gaeltacht youth-clubs, support of language-based activities, Irish courses, language services centres, creating Irish logos, brands used by firms using Irish in their agenda.

11. CONCLUSION

If there are people who are actively using the language, then this is a sign of vitality (Ó Laoire 2012). If the intergenerational transmission is ensured, the future seems bright. In today’s multicultural world it is of benefit to speak different languages which are like windows to different cultures and identities. This is how our horizons can be broadened. It is true that a lack of prestige can be detrimental to any language, be it dominant or minority, regional or lesser-used, therefore effective language planning is a good sign of fulfilling the aims of the language policy. Activity, motivation, effort and positive attitude are the best ways to maintain the vital status of any language. It is a dynamic presentation of culture through language that can ensure the transmission of an autochthonous language for the future generations. On the contrary, inaction can only trigger language death.

It is essential to present language actively in such forms that are motivating and up-to-date. There are sean-nós songs in Ireland and other forms of Irish folklore and culture which can be presented through the medium of the Irish language. Therefore, we assume that there is still an immense value and a potential in the Irish language which can be used in different forms and different sectors, including cultural tourism.

As far as the analysed interviews go, for L1 Irish speakers living in Gaeltacht (Irish-speaking areas) the Irish language is more personal than for the L2 speakers. Gaeltacht people display their identity expressed through Irish. Moreover, Gaeltacht area as a bastion of the Irish language is supported by the organization called *Údarás na Gaeltachta*, which provides learning materials, economic, cultural and financial help for the region. It also supports enterprise and community in cultivating and preserving their original language and culture. Thanks to their initiatives, Irish can be used in terms of cultural tourism as companies which integrate Irish into their agenda are supported. In this way, Irish can be sold as a product. For many people in Gaeltacht, Irish is a key part of their ethnolinguistic identity. Irish pre-school education is established in these areas, and there are also opportunities to enrol in Gaeltacht-based Irish language courses.

Irish language teaching is supported across the whole world. In the USA, Canada and Europe graduates can spend time teaching Irish abroad, thanks to a wide range of scholarships. Irish is supported as no other minority language in the world. It does not lack investments put into it like it is evident in the 20-Year Strategy for the Irish language. However, motivation to use it is crucial. It is because of negative attitudes both in the community and on the government level that the process is hindered.

The question of the Irish language maintenance and revitalization is very broad and complex. As it was mentioned in the analysed interviews, it is also possible to like Irish but to be negative against its users — L1 speakers (those who regard Irish as their mother tongue) which may cause a certain kind of isolationism of L1 and L2 groups. Our respondents often expressed positive attitudes towards Irish as a part of their heritage, culture and identity but this was not matched by their proficiency in it. Therefore, their attitudes contradict the language use.

Finally, we came to the conclusion that all the institutions contributing to the language support are very important for the future of the Irish language. Our assumption proved correct. The more the Irish language cultural activities are realized in Ireland, the more attention the language receives in general. This rests hugely on the provision of financial means allocated to language policy in order to increase the number of people using the Irish language in everyday life.

Another key factor concerning the language rescue rests within the attitudes or approach of people towards the Irish language protection. It is crucial especially for the young generation to see that there are real material benefits gained from the knowledge of Irish which can motivate them to transfer the language to their offsprings, keeping the language for the future generations, thus maintaining its intergenerational transmission.

According to analysed data, there are many people who agree with the revitalization initiatives but are not willing to improve the level of their Irish or learn it. They see the language as a symbolic issue without its practical use. According to our personal experience in Ireland, the Irish language is an important issue among the people and their awareness of the language varies. There are those who are very enthusiastic about the Irish language protection and revitalization. These are the people who consider the

Irish language as an integral part of their identity. This might be because of their Irish-medium upbringing or genuine interest in the Irish language enhancement because of the future work opportunities. Many people in Ireland do not wish to see the Irish language dead. We should not forget about L1 speakers using Irish as their mother tongue, since they have the right to use the language they choose for communication, be it Irish or English. The question of the Irish language survival can be quite an emotional issue, as we could see when analysing the transcribed data from interviews.

There is a multitude of opportunities with Irish nowadays, ranging from teaching positions to business ones. It is interesting to see the rise of bilingual speakers, especially thanks to the Irish-medium education, which is crucial for the language survival. Since there is a decrease of Irish speakers in Gaeltacht areas, it is crucial to support elective bilinguals in their effort to be part of urban language communities. These communities are located across the whole Ireland and are made up of L2 speakers predominantly (for whom Irish is a second language). It is evident that conversational circles established in Dublin or Galway can trigger interest in the Irish language. The increase of Gaelscoils is also remarkable and many governmental organizations help to maintain the Irish language in Gaeltacht, as well as to revitalize it across the whole island of Ireland.

Last but not least, we assume that the Irish language should be promoted more among ordinary people and through popular social media. All languages are important and significant, regardless the number of users, and all of them deserve our respect since they are part of the world's cultural diversity.

Language maintenance is a complicated issue, and an exact solution, one which fits all, does not exist. There has not yet been such a cure found, which would ensure survival of all world-wide endangered minority, regional or lesser-used languages. The question of the Irish language maintenance and language death is open and only the future will show if the number of Irish-speakers increases or shrinks.

We can conclude that, in spite of all the barriers and challenges, the Irish language maintenance and revitalization can still achieve its goals thanks to the motivation, effort and interest of the Irish people to use it outside the educational system. Only time will tell if the link between the Irish language and Irishness, or Irish cultural identity, will persist or perish. There is also another issue which deserves attention — the link between the Irish language and identity. There is still a lot to explore about the link between language and identity in general and only further research will show if the Irish language perishes or stays an important aspect of Irish cultural and national identity.

© Jana Pecnikova, Anna Slatinska, 2019

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS:

This article is part of the project KEGA 033UMB-4/2018.

REFERENCES

- Aitchinson, J. (2001). *Language Change. Process or Decay?* Cambridge: Cambridge University Press.
- Amery, R. (2001). Language Planning and Language Revival. In *Current Issues in Language Planning*. Routledge, 141—221.
- Bačová, V. (1996). *Etnická identita a historické zmeny*. Bratislava: SAV.

- Benčiková, D. (2016). Cultural Intelligence in International Organizations. In: *Foreign Languages and Cultures in Theory and Practice*. Banská Bystrica: Belianum, 367—380.
- Boxer, D. (2002). *Applying Sociolinguistics. Domains and face-to-face interaction*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Comp.
- Corkery, D. (1954). *The Fortunes of the Irish Language*. Dublin: CRC.
- Edwards, J. (2001). The Ecology of Language Revival. In *Current Issues in Language Planning*. Routledge, 231—245.
- Gibbons, L. (1996). *Transformations of Irish Culture*. Cork: Cork University Press.
- Hindley, R. (2000). *The Death of Irish Language*. London: Routledge.
- Höhn, E. (2011). The sociology of culture in the context of cultural regional development. In: *Universities in Central Europe, 20 years after. Volume 1 : Transformations and states*. Bruxelles: Bruylant, 225—235.
- Huťková, A. (2016). Jazyk ako prostriedok na vyjadrenia a formovanie identity. In *Jazyky krajín V4 v súčasnej Európe: jazyk ako prostriedok na vyjadrenie a formovanie identity*. Banská Bystrica: Belianum, 86—95.
- Mallory, P. J. (2013). *The Origins of the Irish*. London: Thames and Hudson.
- Millroy, J. (1992). *Linguistic Variation and Change*. Oxford: Blackwell.
- Nic Phaidin et al. (2008). *A New View of the Irish Language*. Dublin: Cois Life.
- Ó Cuív, É. (2008). Promoting the Irish Language Worldwide. In: *Why Irish? Irish Language and Literature in Academia*. Galway: Arlen House, 209—215.
- Ó Cuív, É. (2011). Irish in the 21st Century. In: *American Journal of Irish Studies*. New York: Glucksman Ireland House, 106—117.
- Ó Hifearnáin, T. (2008). Raising Children to be Bilingual in the Gaeltacht: Language Preference and Practice. In: *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2008. vol. 10, no. 4, 510—528.
- Ó Laoire, M. (2012). Language policy and minority language education in Ireland: re-exploring the issues. In: *Language, Culture and Curriculum*. 2012. vol. 25, no. 1, 17—25.
- Ó Riain, S. (2010). Irish and Scottish Gaelic. A European Perspective. In: *Naukovij visnik Volinskogo nacional'nogo universitetu imeni Lesi Ukrainki*. 2010, 262—267.
- Ó Riain, S. (2010). How a Member State can influence EU Language Policy? — The Case of the Irish Language. [online]. 2010. [cit. 2015-12-10]. Available on: <http://www.docstoc.com/docs/47414367/THE-IRISH-LANGUAGE---DOC>.
- Schmidt, C. L. (2001). *Politics of Language: Conflict, Identity and Cultural Pluralism in Comparative Perspective*. Cary NC: OUP.
- Slatinská, A., Pecníková, J. (2014). *Globalizácia a fenomén minoritných jazykov. Prípád irskeho jazyka v Írskej republike*. Podhájska: EEDA, 2014. 239—250.
- Slatinská, A. (2015). *Írsky jazyk a kultúrna identita: revitalizácia a ochrana*. Banská Bystrica: UMB.
- Slatinská, A., Pecníková, J. (2016). Irish Language through the Lens of Culture. In *Languages in Dialogues of Cultures*. Ufa: Bashkir State University, Ufa, 73—77.
- Slatinská, A. (2016). Socio-cultural Aspects of Irish Language Revitalization. In *Formation and Transformation of Discourses*. Samara: Samara National Research University, Samara, 81—87.
- Slatinská, A., Pecníková, J. (2017). *Jazyk — kultúra — identita*. Banská Bystrica: Belianum.
- Theimer, S. (2012). What Language Death and Language Planning Tell Us About MARC and RDA. In *Journal of Library Metadata*. Routledge, 279—293.

Wardhaugh, R. (1993). *Investigating Language: Central Problems in Linguistics*. Oxford: Blackwell.
Conradh na Gaeltige. 2014. [online]. 2014. [cit. 2014-08-08]. Available on: <https://cnag.ie/en/campaigns.html>.

Údarás na Gaeltachta. 2013. [online]. 2013. [cit. 2013-10-12]. Available on: <http://www.udaras.ie/en/faoin-udaras/ar-rol>.

20 Year Strategy for the Irish Language 2010—2030. 2010. [online]. 2010. [cit. 2012.02.15]. Available on: <http://www.ahg.gov.ie/en/20YearStrategyfortheIrishLanguage/Publications/20-Year%20Strategy%20-%20English%20version.pdf>.

Article history:

Received: 10 June 2018

Revised: 20 October 2018

Accepted: 15 December 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 июня 2018

Дата принятия к печати: 15 декабря 2018

For citation:

Pecnikova, Jana, Slatinska, Anna (2019). Language Maintenance and Language Death: The Case of the Irish Language. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 40—61. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-40-61.

Для цитирования:

Pecnikova, Jana, Slatinska, Anna. Language Maintenance and Language Death: The Case of the Irish Language // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. No. 1. С. 40—61. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-40-61.

Bionotes:

JANA PECNIKOVA, Ph.D., Assistant Professor at Matej Bel University, Faculty of Arts in Banská Bystrica, Slovakia. She works at the Department of European Cultural Studies as a teacher of academic subjects focused on cultural studies and active citizenship. In her research she deals with cultural identity & heritage, interculturality and cultural-social forms of active citizenship. She publishes scientific papers regularly in Slovakia as well as abroad in the field of her research interests.

Contact information: jana.pecnikova@umb.sk

ANNA SLATINSKA, Ph.D., Assistant Professor at Matej Bel University, Faculty of Arts in Banská Bystrica, Slovakia. She works at the Department of British and American Studies. Her research interests embrace sociolinguistics, syntax, morphology of English language, as well as Irish and British studies. She publishes mainly on the topic of revitalization of Irish language.

Contact information: anna.slatinska@umb.sk

Сведения об авторах:

ЯНА ПЕЦНИКОВА, доктор, доцент Университета Матяя Бела, г. Банска Быстрица, Словакия. Работает на кафедре изучения европейской культуры, преподает дисциплины, связанные с культурологией и гражданским активизмом. Занимается исследованием культурной идентичности и социокультурных форм гражданского активизма. Регулярно публикует научные труды в Словакии и за рубежом.

Контактная информация: e-mail: jana.pecnikova@umb.sk

АННА СЛАТИНСКА, доктор, доцент Университета Матяя Бела, г. Банска Быстрица, Словакия. Работает на кафедре англистики и американистики. Сфера научных интересов — социолингвистика, синтаксис, морфология английского языка, изучение Великобритании и Ирландии. В основном публикует труды, посвященные возрождению ирландского языка.

Контактная информация: e-mail: anna.slatinska@umb.sk

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-62-82

How Not To Do Things with the Word: Barack Obama on the Armenian Genocide¹

Suren Zolyan

Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia
Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia
44 Arami St., Yerevan, 375010, Armenia

Abstract

The overarching premise of the paper is the idea that Barack Obama's discursive strategies used in connection with the Armenian genocide in the annual commemorative Statements could be considered "evasionist" because of the omission of the term 'genocide' and its substitution with the semi-official neologism of 'Meds Yeghern', transliteration of the Armenian name of the 1915 genocide. Such *evasionist* discourse in presidential statements avoids unambiguous assessments and expressions, thereby catering to recipients with different political attitudes and expectations. By analyzing different connotative and meta-linguistic mechanisms of taboo in modern political discourse, we show how Obama radically transforms the semantic principles of his predecessors' discourse, maintaining identical goal-setting characteristics. It is argued that the transliteration of the Armenian name of the genocide can mean "everything and nothing" — for the Armenian audience, it implies full validation of their viewpoint and language, while for the rest of the world, it is only a meaningless sign. The paper demonstrates that the linguistic and semiotic resources that make up Barack Obama's discourse on the Armenian genocide are based on intentional ambiguity and ambivalent interpretational strategies where intertextual linkages replace referential semantics. A hermeneutic approach appears to be the most adequate instrument for interpretation of such types of discourse, i.e. an interpreter is authorized to explicate inter-textual meanings and messages, which are implicitly incorporated within the text.

Keywords: *Political discourse, Obama, the Armenian Genocide, taboo, Meds Yeghern, intertextuality*

Как не действовать словом: Барак Обама о геноциде армян 1915 г.

С.Т. Золян

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Россия, 236041, Калининград, 14 А. ул. Невского,
Институт философии, социологии и права Национальной академии наук Армении
Армения, 375010, Ереван, 44 ул. Арами

В основе статьи — описание дискурсивных стратегий Барака Обамы при его обращении к теме геноцида армян 1915 года. Этот тип дискурса, как и официальный американский дискурс на эту тему в целом, можно охарактеризовать как «уклонистский». Сам термин «геноцид» заменяется полуофициальным неологизмом «Медс Егерн», транслитерацией армянского наименования геноцида 1915 г. Подобный дискурс уклоняется от однозначных оценок и выражений, в связи с чем, в отличие от утверждающих или отрицающих, оказывается приемлемым для адресатов с различными политическими установками и ожиданиями. Анализируя различные коннотативные и металинг-

¹ The research is supported by the Russian Science Foundation, project № 18-18-00442 "Mechanisms of meaning production and textualization in social narrative and performative discourses and practices", at the Im. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

вистические механизмы табуирования, мы показываем, как Обама радикально трансформирует семантические принципы дискурса своих предшественников и вместе с тем сохраняет те же целеполагающие характеристики. Транслитерированное армянское наименование геноцида 1915 г. может означать «все и ничего»: для армянской аудитории это означает полное принятие их точки зрения и языка, в то время как для остального мира это только непонятный знак. Демонстрируется, что лингвистические и семиотические ресурсы дискурса Барака Обамы о геноциде армян основаны на преднамеренной двусмысленности и амбивалентных интерпретационных стратегиях, где межтекстовые связи заменяют референтную семантику. Герменевтический подход представляется наиболее адекватным инструментом для интерпретации подобных типов дискурса, когда интерпретатор наделяется компетенцией эксплицировать те интертекстуальные смыслы и сообщения, которые имплицитно содержатся в тексте.

Ключевые слова: *политический дискурс, табуирование, Обама, геноцид армян, Медс Егерн, интертекстуальность*

I forgot the word I wished to say...
And the fleshless thought returns to the chamber of shadows.
Osip Mandelstam

1. INTRODUCTION

It is widely recognized that now a significant change has occurred in the principles of political discourse construction. Some aspects of this change can be identified by examining the discursive practices in Barack Obama's references to the Armenian genocide in comparison with the similar discourse of his predecessors. We intend to consider this subject as a semiotic, rather than a political or legal issue: how one is able not to use the word 'genocide', yet at the same time refer to its meaning — a case that demonstrates how the old practice of taboo meets the current intertextual and contextual techniques of post-modernist writing. The proposed analysis reveals new linguistic and semiotic mechanisms which are more common in poetic discourse and seem to replace devices of traditional rhetoric of political discourse in general, and taboo, in particular. The linguistic and semiotic resources that make up Barack Obama's discourse on the Armenian genocide are based on intentional ambiguity and ambivalent interpretational strategies where intertextual linkages replace referential semantics. However, as we shall demonstrate in the paper, Obama radically transforms the semantic principles of his predecessors' discourse, yet maintains its political goal-setting characteristics, fabricating what is here termed as a "maneuvering" or "evasionist" discourse. Such discourses, represented by the Statements of the American presidents on the events of 1915, avoid unambiguous assessments and expressions and therefore can be acceptable to recipients with different political attitudes and expectations.

On 24 April, 1994, Bill Clinton made the American presidential commemorative addresses to the Armenian people an annual tradition, thereby establishing the special textual pattern of the presidential addresses to be subsequently inherited by George Bush. The semantics of this discourse on the one hand suggests political loyalty to the previous US approach to the 1915 events, while on the other hand it is determined by foreign policy implications with regard to the usage of the term 'genocide'.

In what follows, we consider the changes Barack Obama introduced to the already settled canon. Obama's situation was more complicated: as a presidential candidate, he

promised that if elected he would recognize the Armenian genocide. Instead, when already a US president, Obama creates an ambiguous text, in which the unexplained expression ‘Meds Yeghern’ (the transliteration of the Armenian name of the 1915 Genocide) means “everything and nothing”. For the Armenian audience, this indicates a full acceptance of their point of view and even their language, but for the rest of the world, it is only a meaningless sign. In the fifth part of this paper, we trace how the word entered English, becoming the quasi-official euphemistic designation of the events of 1915, now used even by Obama’s most fervent rival, Donald Trump. In the sixth part, we examine the intertextual mechanisms of non-naming the word “genocide” through reference to texts where this term is explicitly expressed — a novelty for political discourse but quite common for twentieth-century poetic practices. This technique allows Obama both to confirm his previous position and preserve the principle of “non-naming” the tabooed expression, as his predecessors did it.

The conclusion summarizes the set of possible principles of interpretation pertinent to the so-called *evasionist* discourse. We conclude that the methods of hermeneutical analysis can be applied to substitute the accepted procedures of verification and falsification. In contrast to the traditional unanimous rhetoric of Clinton, Obama’s post-modernist discourse² is based on implied meanings and ambiguity, delegating the interpreter to reconstruct allusions and explicate inter-textual meanings and messages, implicitly incorporated within the text.

2. AMERICAN PRESIDENTS ON THE ARMENIAN GENOCIDE

To correctly evaluate the linguistic features of the texts under consideration, it is necessary to escalate their political goals. The visible and compact corpus of statements by American presidents makes it possible to identify linguistic and semiotic mechanisms to express and implement these political objectives.

It is a commonly accepted practice that discourses related to genocide are of two types:

a. Recognizing discourses; or b. Denialist discourses, denying either the very facts of the crimes or the legitimacy of the use of the term ‘genocide’. However, it seems that the third type of discourses has to be introduced: discourses that are “maneuvering” or “evasionist” (Zolyan 2015). In such discourse the events are described through ambivalent linguistic expressions which can be subjected to quite different interpreta-

² Cf. with the characteristics given by some of Obama’s conservative opponents: “Barack Obama has earned his place in history as the first postmodern candidate for president. He belongs to the deconstructionist school; his “texts” have no fixed meaning. He is able to take varying positions and claim consistency... It appears that everything he says and does must be viewed “in context” and that the framing of that context is the sole province of Barack Obama”. David Bueche. Obama the Postmodern Candidate // AmericanThinker July 27, 2008 (http://www.americanthinker.com/articles/2008/07/obama_the_postmodern_candidate.html) (accessed 06.12.2018) Or: “President Obama spent his formative years in academia, so he’s no doubt familiar with postmodernism, the literary theory that rejects objective reality and insists instead that everything is a matter of interpretation and relative “truth”. The Postmodern President // The Wall Street Journal. 09.08.2012 (<http://www.wsj.com/articles/SB10000872396390443537404577577193632921170>) (accessed 06.12.2018).

tions, catering to the expectations of various recipients. Such discourse does not deny anything, but at the same time, it asserts nothing. The main objective, nevertheless, is to evade the recognition of the genocide without denying it. Therefore, the main communicative purpose of such discourse is paying tribute to the genocide victims but without uttering the tabooed word. This case is more than the conventional political correctness; it can be considered as a peculiar manifestation of taboo in modern ritualized political communication. “The power of word”, “The magic of word”, etc. are common expressions for comments on the usage or non-usage of the word ‘genocide’. While the main attention is usually concentrated on political objectives, the lexical and textual aspects of “evasionism” are not considered. The compact corpus of the Statements of American presidents makes it possible to see through which linguistic and semiotic mechanisms these political goals are supposed to be achieved.

Since the very beginning of the 1915 events, the American government and society were aware of what was happening in the Ottoman Empire at that time. The memos and cables of American diplomats and missionaries are among the most important documents about the crimes committed by the Turkish government. They confirmed the existence of state-orchestrated actions for the complete extermination of the Armenian population³. It is a well-known fact that President Woodrow Wilson and the Congress of the United States condemned those crimes and demanded compensation for the victims and punishment for the organizers. However, Woodrow Wilson and the Congress characterized the events as “*mass atrocities*” (Wilson, 1920). Certainly, the word ‘genocide’ cannot be articulated — since only three decades later Rafael Lemkin, while characterizing those crimes coined this term and formed the basis of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of genocide (9 December 1948)⁴.

However, during the Cold War, overshadowed by the foreign policy priorities, the question of the Armenian genocide was never raised officially. This was the case until the 80s when it was at times addressed by Jimmy Carter, Ronald Reagan, and George H.W. Bush. After the collapse of the Soviet Union, fundamental changes have taken place in the world, among them the re-establishment of the independent Republic of Armenia. Among other factors that helped bring the 1915 events out of oblivion, the strengthening of the Armenian-American community should also be mentioned.

³ As the American ambassador Henry Morgenthau reported in his cable to the government on 16/1915: “Deportation of and excesses against peaceful Armenians is increasing and from harrowing reports of eye witnesses it appears that a campaign of race extermination is in progress under a pretext of reprisal against rebellion” see: <http://www.armenian-genocide.org/us-7-16-15-text.html> (accessed 06.12.2018). Obama in several occasions used the expression race extermination, as well the Wilsonian definition “the mass atrocities”, probably, as intertextual linkages between his reporting and their original statements.

⁴ This reference is based on Lemkin’s autobiographic note: “Soon contemporary examples of genocide followed, such as the slaughter of Armenians in 1915. It became clear to me that the diversity of nations, religious groups and races is essential to civilization because every one of those groups has a mission to fulfil and a contribution to make in terms of culture... I decide to become a lawyer and work for the outlawing of Genocide and for its prevention through the cooperation of nations” (Lemkin 1999: 79).

It was due to those new political circumstances that since 1994 Bill Clinton made American Presidents Statement on April 24 an annual event named as Armenian Remembrance Day. He also established a particular textual pattern with its vocabulary for such addresses, later inherited by George W. Bush. On the one hand, the semantics of recreating a predecessor's discourse confirms a political continuity and loyalty to the previous US approach to the events of 1915, and on the other hand, the repetition is conditioned by modern foreign policy implications with regard to the term 'genocide'⁵. Instead, descriptive paraphrases are used: mass killings, massacres, crimes against humanity, the great calamity. Of course, this situation is usually explained as a matter of foreign policy: the usage of the word 'genocide' can destroy the relations between USA and Turkey. Expressions like 'massacre' or 'atrocities' do not have definite legal value in international law, so their usage is acceptable. The term 'genocide', conversely, may have some legal consequences. For us, such an explanation sounds rather strange from political and legal points of view: how can the usage of this word cause damage to Turkey? Nothing happened when Ronald Reagan used this word on the occasion of the Commemoration of the victims of the Holocaust⁶, as well as after a series of affirmations of the Armenian genocide by Russia, France, Germany, EU, etc. Avoiding the word 'genocide' may have another explanation. The *do-not-anger-Turkey* intention and the expected emotional response from the Turkish side are beyond rational policy and international law. Having in mind that the Presidential Statements are not legally binding, this phenomenon can be described rather as a manifestation of the archaic taboo. *"Over the years, the debate has come to center on a single word, "genocide", a term that acquired such power that some refuse to utter it aloud, calling it "the G-word", — as this was resumed by the political analyst Thomas de Waal (Waal 2015, p. see also: Gutman, 2015, Cirillo 2016 a, 2016 b).*

3. SENATOR OBAMA ON THE ARMENIAN GENOCIDE

In comparison with his predecessors, Barack Obama's situation was more complicated from the very beginning of his presidency because, as a senator, on different occasions, he criticized the Republican administration for an evasive approach to

⁵ This was a general attitude of the Clinton government, and it was also manifested in regard to the events in Rwanda and then in Sudan: "The ban on saying "genocide" by the Clinton administration arose out of a briefing compiled by the Office of the Secretary of Defense. Inside the May 1994 briefing (later declassified by the National Security Archives), State Department lawyers said they were worried that a finding of genocide might obligate the administration "to actually 'do something'". Rebecca Hamilton. Inside Colin Powell's Decision to Declare Genocide in Darfur // The Atlantic, AUG 17, 2011 — <https://www.theatlantic.com/international/archive/2011/08/inside-colin-powells-decision-to-declare-genocide-in-darfur/243560/> (accessed 06.12.2018).

⁶ "Like the genocide of the Armenians before it, and the genocide of the Cambodians which followed it — and like too many other such persecutions of too many other peoples — the lessons of the Holocaust must never be forgotten". Reagan 1981 Proclamation 4838 of April 22, 1981; Days of Remembrance of Victims of the Holocaust (<http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=43727%20>) (accessed 06.12.2018).

the Armenian genocide. First of all, it was an incident with the dismissal of the American ambassador to Armenia, John Evans, in 2006. During his stay in the USA, Ambassador Evans had a semi-official meeting with some representatives of the Armenian Diaspora in California and expressed his opinion:

*“I will today call it the Armenian Genocide. I think we, the U.S. government, owe you, our fellow citizens, a more frank and honest way of discussing this problem. The Armenian genocide was the first genocide of the 20th century. I pledge to you. We are going to do a better job at addressing this issue”*⁷.

Three days later, on 28 Feb, 2005, John Evans released a clarification that he used the term ‘genocide’ speaking in what he would characterize as personal capacity and deeply regretted any misunderstanding caused by his comments. Despite that, in 2006 the ambassador was recalled without any public explanation. Senator Obama in his letter to State Secretary Condoleezza Rice concerning the firing of John Evans expressed his indignation:

*“I believe that the controversy over Ambassador Evans’ use of term ‘genocide’ underscores the fact that the current US position is untenable. That the invocation of a historical fact by a State Department employee could constitute an act of insubordination is deeply troubling. When State Department instructions are such that an ambassador must engage in strain reasoning — or even an outright falsehood — that defies a common sense interpretation of events to follow orders, then it is time to revisit the State Department’s policy guidance on this issue ... The occurrence of the Armenian Genocide in 1915 is not an ‘allegation’, a personal ‘opinion’ or a ‘point of view’. Supported by the overwhelming amount of historical evidence, it is a widely documented fact”*⁸.

It is obvious that Obama has concentrated on the semantic aspect of the matter, i.e. on the proper interpretation and nomination of facts. Two years later, as a presidential candidate, Barack Obama once again referred to this incident, reiterating the same stance:

*“Two years ago, I criticized the Secretary of State for the firing of U.S. Ambassador to Armenia, John Evans, after he properly used the term ‘genocide’ to describe Turkey’s slaughter of thousands of Armenians starting in 1915 <...> An official policy that calls on diplomats to distort the historical facts is an untenable policy”*⁹.

Instead, Obama promised that if elected for the presidency, he would change such practice of “*distortion*”:

*“America deserves a leader who speaks truthfully about the Armenian Genocide and responds forcefully to all genocides. I intend to be that President”*¹⁰.

⁷ Emil Danielyan. U.S. Official Affirms Armenian Genocide Friday 25, February 2005. RFE/RL Armenia Report.

⁸ https://anca.org/change/docs/Obama_Armenian_Genocide.pdf (accessed 06.12.2018).

⁹ Barack Obama on the Importance of US—Armenia Relations [Obama' 08 Campaign Statement]: January 19, 2008 (http://www.armenian-genocide.org/Affirmation.413/current_category.4/affirmation_detail.html) (accessed 06.12.2018).

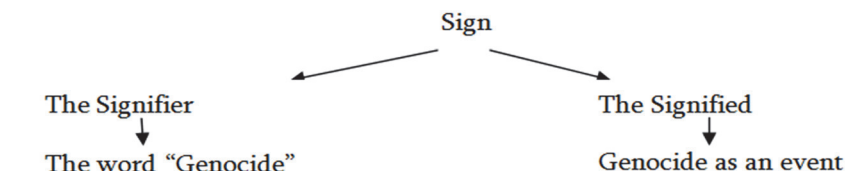
¹⁰ Ibid.

4. PRESIDENT OBAMA DID NOT CHANGE HIS VIEWS, BUT...

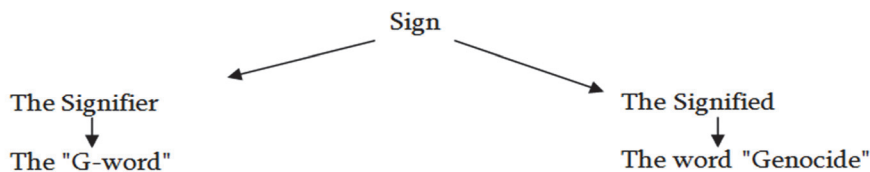
Senator Obama successfully won the elections and, as it was expected, nothing should have prevented him from keeping his promise. However, the strong tradition of taboo was stronger than his previous intentions. The combination of two contradicting premises, the previous statements, and the new political taboo requirements, urged Obama to transform his discourse. Keeping formally in line with the canons established by Clinton, Obama creates an ambiguous postmodernist text: it is addressed to various recipients, and each of them can interpret the text differently following their expectations and by creating multiple intertextual linkages. The identity of the speaker (I — we) is also ambivalent, referring both to Obama-as-a-person and Obama-as-the-president. In so doing, Obama avoids using unequivocal terms, which are functionally substituted by intertextual references.

Let us recall that the main subject of Obama's letter to the State Secretary was about the proper usage of the term 'genocide': Ambassador Evans was fired as "he properly used the term 'genocide' to describe Turkey's slaughter of thousands of Armenians starting in 1915". Following this logic, one can be punished for the true denotation. However, the semiotics of language can provide another solution, when one can avoid denotation. As Hjelmslev demonstrated it, (1961 (1943)), the denotative semiotics of language (or semiotics of zero degrees) can be substituted by meta-linguistic and connotative semiotics, and the same expression is to be interpreted on different semiotic levels in different ways. Thus, there is a possibility to conceal the denotative plane of expression (primary interpretation) through the chain of connotative or meta-linguistic usages. The common technique of tabooing is based on such replacement of a first interpretation by some of its derivatives. For example, if one tries to avoid uttering the name 'Stalin', one can use other expressions (e.g. 'Uncle Joe', or 'The mustached'). The level of interpretation differentiates these expressions: the name 'Stalin' directly refers to some historical person, Joseph Stalin, while its substitutes refer firstly to his name 'Stalin' and through this name to the person. The tabooed name 'Stalin' is covered under periphrastic expressions, but its meaning can be reconstructed.

Likewise, in Washington-based decision-makers' informal slang, the word 'genocide' was replaced by the 'G-word.' Schematically, this can be represented as a complication of the relationship between the signified and its primary and derivative signifiers. The original denotative interpretation is:

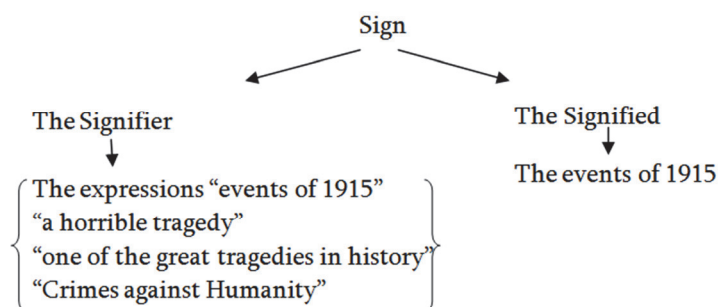

The secondary meta-linguistic interpretation is:

Thus, the primary interpretation can be actualized — if the ‘G-word’ will be substituted by the term ‘genocide.’ However, in the official discourses due to different reasons both of them are not acceptable. Thus, since the word ‘genocide’ is not mentioned, such primary denotative interpretation is failed, as it derived from the non-expressed term. The scheme itself became more complicated: on the one hand, the neutral term ‘Events of 1915’ was used, while on the other hand, this expression is used as a new sign, a substitute for the implied term ‘genocide’. The events of 1915 are described by such expressions as those that could be considered as characteristics of genocide.

The signified, what is denoted — the events of 1915 — are specified through the linguistic expression “*the forced exile and mass killings of as many as 1.5 million Armenians during the last days of the Ottoman Empire*”¹¹. The latter acquires new semantics: it becomes the signified for the events that are usually defined by the term ‘genocide’, but this term is not used. Thus, the expression ‘The events of 1915’ in the Armenian Remembrance Day commemorative statements with new semantics may be used to substitute the terms the former US Secretary of State Colin Powell named as ‘indicators of genocide’¹² (e.g. ‘mass killing’, ‘atrocities’, ‘massacres’ etc.). These terms, however, evade any direct reference to the implied term ‘genocide’, as it can be observed in the following: “the forced exile and mass killings of as many as 1.5 million Armenians during the last days of the Ottoman Empire”. Similarly, the new semantics of the neutral expression ‘The events of 1915’ calls for further specification, therefore, it is substituted by more definite evaluative characteristics (in G. W. Bush statements: “one of the great tragedies in history”, “a horrible tragedy”, and, finally, referring to the Armenian naming, as “The great calamity”). It is not surprising then that there appear certain semantic dynamics related to both signifiers and signifieds. Signifying expressions are very close by their meaning to the term ‘genocide’, and the described events are “indicators of genocide”:

¹¹ This expression with some non-relevant variations is used in all of G. Bush Statements, from 2001 till 2008. The Statements of American presidents are available on: http://www.armenian-genocide.org/current_category.4/affirmation_list.html (accessed 06.12.2018).

¹² Cf.: “*Colin Powell, US secretary of state, ... after visiting Sudan last week, he talked of “some indicators, but certainly not a full accounting of all the indicators that lead to a legal definition of genocide”* — Jonathan Birchall. World agonises over definition of genocide as thousands die in Sudan — *Financial Times*, 06/07/2004. However, two month ago C. Powell changed his mind and calls Sudan killings genocide. — see: www.cnn.com/2004/WORLD/africa/09/09/sudan.powell/. This controversial situation is also described in: Scott 2005.

The complex of these nominations can be considered as a hyper-sign, which is synonymous to the semantic structure of the term ‘genocide’. The only matter is to simplify this complicated discourse construction by using the single proper term: as Obama wrote in his letter, ‘Ambassador Evans “properly used the term ‘genocide’ to describe Turkey’s slaughter of thousands of Armenians starting in 1915”’, and this can be represented as:

However, when already a president, Obama chose the other option: instead of the clear and direct denotation, he introduced different modes of more complicated connotative manipulations. In all of his Statements, he also used expressions which refer not to the events (primary referent), but the descriptions of these events (secondary referent). As a result, as he referred to the linguistic expressions describing events and not the events themselves, he creates a platform to avoid the usage of the word ‘genocide’. This can be achieved in two ways. The first one is the traditional way of synonymic substitution for the “tabooed” G-word, i.e. using another word as a signifier for the same signified, as the previous presidents had done resorting to such periphrastic expressions as: “one of the great atrocities of the 20th century” (2009), “[...]in that dark moment of history”, “1.5 million Armenians were massacred or marched to their death in the final days of the Ottoman Empire” (2010), “these terrible events” (2009, 2010), “the horrific events that took place ninety-six years ago” (2011), “one of the worst atrocities of the 20th century” (2011, 2012).

Meanwhile, he introduces also the new type of substitution based on intertextual reference. As we shall demonstrate below, he refers to texts where the same events were denoted through the term ‘genocide’. Obama combines and develops both of them to create an impression that he expresses the same ideas as earlier and does not violate his promise “to speak truthfully about the Armenian genocide” but without uttering the word ‘genocide’. Thus, Obama's statements formally do not violate the canonic discourse of his predecessors. The irresolvable ambiguity creates ground for ambivalent interpretation. It becomes the principal characteristic of Obama’s discourse on the Armenian genocide.

Obama has introduced a new, intertextual pattern of reference: his text refers to another document where the addressee can find the “true” expression. The simplest way to prevent some possible allegation is the auto-quotation. On April 6, 2009, in Istanbul, president Obama was asked by Christy Parsons from *Chicago Tribune*:

As a U.S. senator, you stood with the Armenian-American community in calling for Turkey’s acknowledgment of the Armenian genocide, and you also supported the pas-

*sage of the Armenian genocide resolution. You said, as President, you would recognize the genocide. And my question for you is, have you changed your view, and did you ask President Gul to recognize the genocide by name?*¹³

The president's answer was:

Well, my views are on the record, and I have not changed views.

It was natural that the journalist would like to have a more definite answer, so she continued:

If I understand you correctly, your view hasn't changed, but you'll put in abeyance the issue of whether to use that word in the future?

This episode can explicate the dilemma between views which are on the record and which contain the proper naming and the usage (or non-usage) of the word 'genocide'. Maybe, the journalist's question presupposes the simplest solutions: instead of being asked about previous records, one can refer to them. Thus, very soon, on 23 April, 2009, in his first presidential statement on the occasion of the Armenian Commemoration day Obama had declared:

I have consistently stated my own view of what occurred in 1915, and my view of that history has not changed. My interest remains the achievement of a full, frank and just acknowledgment of the facts.

This sentence is repeated in all of his forthcoming Statements (2010; 2011; 2012; 2013; 2014; 2015; 2016). In this way, Obama reaffirms his stance, but without any clarification as to what exactly his view is. The implied reader has to know Obama's all previous statements ("the records") and reconstruct what this quotation means. Thus, only the informed addressee who has a collection of Obama's speeches and statements is able to recognize the implied meaning of his statement.

The aforementioned statement has two meanings. In its referential mode, it means that Obama did not change his view of what occurred in 1915; in its connotational mode, it presupposes that Obama confirms opinion that what occurred in 1915 is genocide.

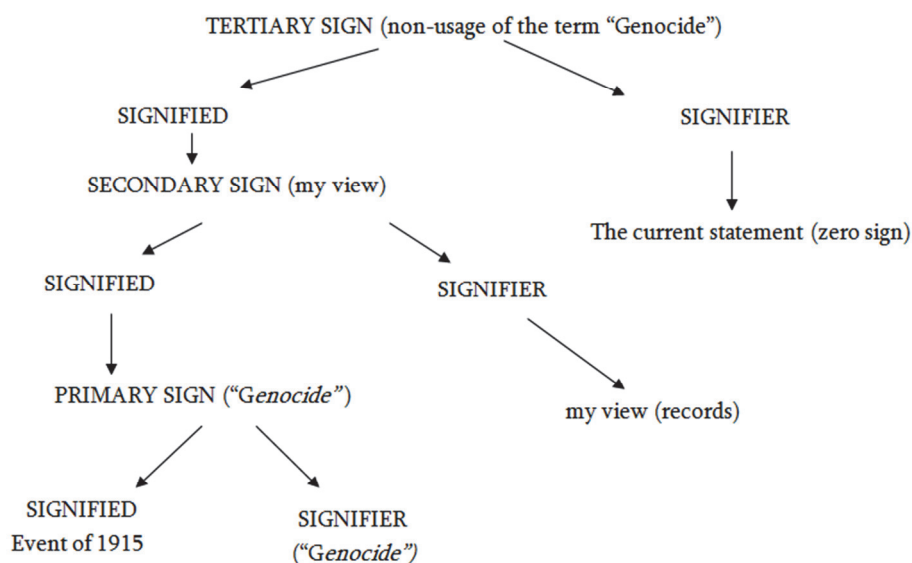
However, Obama now did not articulate it, and, following the conversational logic, the third level of interpretation can be added: now Obama "put in abeyance the issue of whether to use that word".

The non-usage of the word presupposes some reasons for it, so this also has some meaning (*Now the main interest is: the achievement of a full, frank and just acknowledgment of the facts*¹⁴). Paradoxically, in this multilevel construction, the primary sign (the term 'genocide') is substituted by a semiotic zero sign, i.e. by non-usage of a sign. The tabooed word is substituted not by some synonymic expression, but by reference

¹³ <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/joint-press-availability-with-president-obama-and-president-gul-turkey> (accessed 06.12.2018).

¹⁴ Cf.: "Colin Powell said he 'was more interested in taking care of the people' than arguing over definitions" — op. cit., Financial Times, 06/07/2004.

to previous utterances. The semiotic scheme of such avoidance can be represented as follows:

As one can see from this scheme, a sign of the previous level is served as signified for the complicated sign at the next level, and the proper meaning of the primary sign has been “buried” deeper with the emergence of a new level of interpretations. This situation reflects the new hierarchy of Obama’s intentions: currently, “the achievement of a full, frank and just acknowledgment of the facts” is his highest priority. At the same time, the “buried” meaning of the term ‘genocide’ potentially can resurrect i.e. what is an acknowledgment of the facts if not a recognition of genocide? — as it was stated in Obama’s letter to Condoleezza Rice (“the Armenian genocide in 1915 <...> is a widely documented fact”). Thus, the semiotic ladder can be transformed into a circle. At the last stage of interpretation, the complex sign can be considered as a reference to the initial un-uttered word ‘genocide’. Even the non-usage of it can be treated as its meaningful manifestation by a zero-sign because any other sign could not substitute this. However, these semantic operations depend on interpretative strategy and contextualization, that is whether or not an addressee intends to take into account senator and candidate Obama’s previous statements. As usual, a common addressee is not disposed to do it. However, at least theoretically, there is room for these semiotic exercises.

5. ‘MEDS YEGHERN’: THE INTERTEXTUAL STORY OF THE WORD

The most remarkable and frequently mentioned novelty of Obama’s discourse is the term ‘Meds Yeghern’. Each of his statements contains reference to the *Meds Yeghern*:

The Meds Yeghern must live on in our memories, just as it lives on in the hearts of the Armenian people. <...> Nothing can bring back those who were lost in the Meds Yeghern (2009).

While nothing can bring back those who were killed in the Meds Yeghern (2010).

Our hearts and prayers are with Armenians everywhere as we recall the horrors of the Meds Yeghern (2011).

Today, we commemorate the Meds Yeghern, one of the worst atrocities of the 20th century. On this solemn day of remembrance, we stand alongside all Armenians in recalling the darkness of the Meds Yeghern (2012).

Today we commemorate the Meds Yeghern and honor those who perished in one of the worst atrocities of the 20th century Today we stand with Armenians everywhere in recalling the horror of the Meds Yeghern (2013).

Today we commemorate the Meds Yeghern and honor those who perished in one of the worst atrocities of the 20th century. Today, our thoughts and prayers are with Armenians everywhere, as we recall the horror of the Meds Yeghern (2014).

This year we mark the centennial of the Meds Yeghern, the first mass atrocity of the 20th Century (2015).

Today we solemnly reflect on the first mass atrocity of the 20th century — the Armenian Meds Yeghern — when one and a half million Armenian people were deported, massacred, and marched to their deaths in the final days of the Ottoman empire. <...> Today we stand with the Armenian people throughout the world in recalling the horror of the Meds Yeghern and reaffirm our ongoing commitment to a democratic, peaceful, and prosperous Armenia (2016).

The unexplained expression ‘Meds Yeghern’ (transliteration of the Armenian name of the 1915 genocide, like the *Shoa* for the Jewish Holocaust) becomes the key word in Obama’s discourse. This word can be evaluated as a symbolic representation of Obama’s discourse, and it means ‘*everything and nothing*’. For Armenians, this indicates full acceptance of their point of view and even their language, but for the rest of the world, it is only a meaningless sign.

Of course, Barack Obama was not the first to use this term, but he makes it the emblem of his attitude and innovation. What is more, Obama coined the new English words, as he converted this item into the English speech. Now this word is included in various online English dictionaries and even in the English-Turkish online dictionary¹⁵. However, as an English word, it has a very narrow scope of usage and appears mostly in Obama’s statements on the Armenian genocide and in the commentary thereof. The Armenian word denoting the Armenian genocide characterizes Obama’s discourse on the genocide. However, previous usages are also remarkable and may contribute to possible intertextual interpretations and misinterpretations.

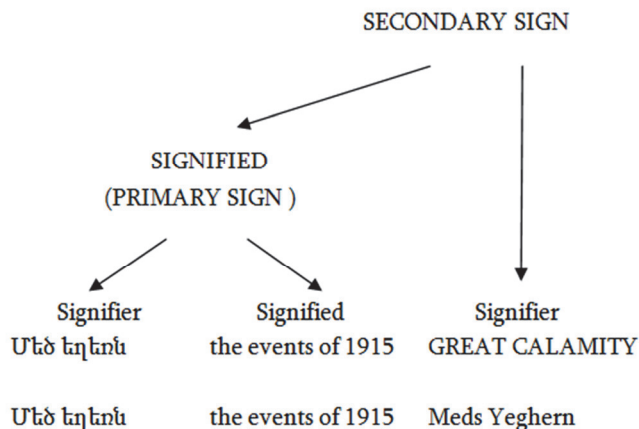
Before Obama, President George Bush used this Armenian word, but he represented it in the translated version with some explanation on its connotations:

Today marks the anniversary of a horrible tragedy, the mass killings and forced exile of countless Armenians in the final days of the Ottoman Empire. Many Armenians refer to these appalling events as the “great calamity”, reflecting a deep sorrow that continues to haunt them and their neighbors, the Turkish people (2003).

On Armenian Remembrance Day, we remember the forced exile and mass killings of as many as 1.5 million Armenians during the last days of the Ottoman Empire. This terrible event is what many Armenian people have come to call the “Great Calamity” (2005).

¹⁵ <https://www.yourdictionary.com/meds-yeghern>; <https://ru.glosbe.com/en/ru/Meds%20Yeghern>; <https://www.definitions.net/definition/MEDS%20YEGHERN>; <http://tureng.com/en/turkish-english/meds%20yeghern> (accessed 12.12.2018).

As one can see, the new term ‘Great Calamity’ is introduced as a reference to the Armenians’ usage, but not as his own. This is a quotation from the Armenian discourse incorporated within the official American text and it demonstrates that the administration is aware of the Armenian stance and in some (unspecified) respect expresses their solidarity with it. In Obama’s case, the semiotic transformation is based on a meta-linguistic operation — the primary Armenian sign Մեծ եղևն — is transliterated (in contrast to Bush’s translation) and becomes the signified for the newly coined English word ‘Meds Yeghern’:

However, the proper representation of the Armenian point of view would be “a little” different: certainly, *this terrible event is what many Armenian people have come to call the “Great Calamity”* (Meds Yeghern, Մեծ եղևն), but Armenians use it in their language and their inner discourses: on all the other occasions, they refer to these events as ‘the genocide’ (ցեղասպանություն, tsexaspanut’yun). So, as one can see, the *Great Calamity* can be considered as a literal translation of the polysemic ‘Meds Yeghern’ (we do not concentrate on other variants¹⁶), but it is somewhat problematic to use it as a correct translation concerning the events of 1915.

Pope John Paul II used such a bilateral model (inner, personal vs. outer, public) of the naming of the events of 1915 during his visit to Armenia¹⁷. On 26 Sep, 2001, in his speech given in Yerevan at the Genocide Memorial, Pope John Paul II read the following prayer in English:

*Listen, O Lord, to the lament that rises from this place,
To the call of the dead from the depths of the Metz Yeghern,*

¹⁶ See: *Vartan Matiossian*. When Dictionaries Are Left Unopened: How ‘Medz Yeghern’ Turned into Terminology of Denial. // *Armenian weekly*, November 27, 2012 (<http://armenianweekly.com/2012/11/27/when-dictionaries-are-left-unopened-how-medz-yeghern-turned-into-terminology-of-denial>). In accordance of NOW (News on the Web) corpus, in the English texts there also the other translations: the Great Evil, The Great Crime, The great catastrophe.

¹⁷ *Vartan Matiossian*. The-birth-of-great-calamity *Armenian weekly*, October 25, 2012 <http://www.armenianweekly.com/2012/10/25/the-birth-of-great-calamity-how-medz-yeghern-was-introduced-onto-the-world-stage/comment-page-1/#comment-72225> (accessed 12.12.2018).

*The cry of innocent blood that pleads like the blood of Abel,
Like Rachel weeping for her children because they are no more*¹⁸...

The next day, on 27 Sep, the Pope and the Catholicos of All Armenians Garegin II signed a joint declaration which addressed “the extermination of a million and a half Armenian Christians, in what is generally referred to as the first genocide of the Twentieth Century”¹⁹.

As one can see, Pope John Paul II used the untranslated “Meds Yeghern” in his communication with the Lord (the omniscient Divinity does not need any translation). Standing at that moment among Armenians but communicating with the world, the Pope chose the commonly used term ‘genocide’. This dual nomination was a true representation of the Armenian stance. Perhaps not evident for a lay audience, the usage of ‘Meds Yeghern’ was however considered as an avoidance of the proper naming by journalists²⁰.

However, the semantic and pragmatic ambiguity of the term ‘Meds Yeghern’ may create many possibilities for maneuvering between recognition and avoidance. Obama himself had become an actor of such word play. After the dismissal of Ambassador Evans, President Bush had to nominate a new ambassador to Armenia, and his nominee had to be confirmed by the Senate Foreign Relations Committee. It was a chance for revenge, and the Committee did not miss it. The main issue for discussion with the designated ambassadors to Armenia, Turkey, and Azerbaijan was the Armenian genocide. Some of the nominees were not confirmed. Democratic senators held up the confirmation of Amb. Richard Hoagland twice: he was in line with instructions of the administration and denied to address the events of 1915 as genocide²¹. The new nominee Marie Yovanovitch took lessons from that incident, and she looked more prepared and flexible. During Senate confirmation hearing, Senator Obama used strong language, he asked three questions, and each of them contained the word “genocide”. The new nominee did not oppose to the senator's view, she agreed with him, but without uttering the prohibited term:

Obama: “How do you characterize the events surrounding the Armenian genocide?”

Yovanovitch: “...The United States recognizes these events as one of the greatest tragedies of the 20th century, the *Medz Yeghern*, or Great Calamity, as many Armenians refer to it”.

¹⁸ The full text see in: https://w2.vatican.va/content/john-paul-ii/en/speeches/2001/september/documents/hf_jp-ii_spe_20010926_prayer-yerevan.html (accessed 12.12.2018).

¹⁹ https://w2.vatican.va/content/john-paul-ii/en/speeches/2001/september/documents/hf_jp-ii_spe_20010927_decl-jp-ii-karekin-ii.html.

²⁰ Cf.: “The BBC rushed to report the same day of the prayer that, “The Pope has skirted controversy [with Turkey] on his visit to Armenia by avoiding the word ‘genocide’ in his prayers for those who died at the hands of Ottoman Turks... His use of the Armenian term, ‘*Metz Yeghern*,’ which means great calamity, to refer to the murders staved off the potential diplomatic storm which the word ‘genocide’ might have provoked from Turkey”. The analyst Felix Corley repeated the equation “*Metz Yeghern* = big calamity”, and stated that it is “the term the Armenians have used which has the same resonance as ‘Shoah’ does for Jews”. “Pope Avoids Armenia Controversy”, www.news.bbc.co.uk/2/hi/europe/1564257.stm; in: <http://www.armenianweekly.com/2012/10/25/the-birth-of-great-calamity-how-medz-yeghern-was-introduced-onto-the-world-stage/comment-page-1/#comment-72225> (accessed 12.12.2018).

²¹ New U.S. Ambassador Arrives in Armenia, 18/09/2008, RFE/RL Armenia Report. <http://www.azatutyun.am/a/1597391.html> (accessed 12.12.2018).

Obama: “If confirmed, what actions will you take to remember the victims of the Armenian genocide?”

Yovanovitch: “If confirmed, I will continue the tradition of participating in the official memorial event held in Yerevan every April. I will refer to this great historical catastrophe as the *Medz Yeghern*; the term often used within Armenia to refer to that dark chapter of history”.

Obama: What steps is the State Department taking to encourage greater study and recognition of the Armenian genocide in Turkey?

Yovanovitch: The U.S. Embassy in Ankara is committed to working with the Government of Turkey on ways in which the atrocities of 1915 can be studied²².

Marie Yovanovitch was confirmed successfully, and she served as the Ambassador to Armenia during Obama's presidency. *Ex-officio*, she was obliged to participate in preparing and maybe, drafting the presidential addresses on the Armenian-American relations. There is no need to go into details to what degree the newly appointed ambassador then was assisting her previous interrogator, but the similarity between the above-cited dialogue and President Obama's statements on *Meds Yeghern* is evident. Answers received from Amb. Yovanovitch constituted their core semantics and pragmatics. In spite of that, the authorship is ascribed to Obama. However, there is no copyright in politics. Now the expression '*Meds Yeghern*' has become the quasi-official euphemistic designation of the events of 1915, and it has been permanently used even by Obama's most eager rival, Donald Trump. Perhaps, this is one of the very rare cases of consensus between them: the wording of Trump's Statements is an exact copy of Obama's text²³.

6. OBAMA'S LAST WORD

Obama's text was repeated every year with few insignificant modifications. Unsurprisingly, it lost its creative force and became a ritualized performance. The term '*Meds Yegern*' became rather a new routine euphemism than a semantic novelty. However, the Centennial of the *Meds Yeghern* in 2015 was an extraordinary event, and the repetition of previous texts may have been regarded as inappropriate. Besides, there was strong political pressure on the President. It was argued that the Centennial is a proper occasion for a formal recognition of the genocide. Some experts had predicted that Obama would find the middle by uttering the word 'genocide' as a quotation from Reagan's statement on the Nazi Holocaust mentioned above (Amb. Rouben Shugarian, personal communication). It did not happen; Obama did not use this word even in the reported speech. Instead, Obama found new possibilities for non-uttering and at the same

²² Question for the Record Submitted to Ambassador-Designate Marie L. Yovanovitch by Senator Barack Obama, Senate Foreign Relations Committee — June 19—20, 2008, https://anca.org/change/docs/Obama_Armenian_Genocide.pdf (accessed 12.12.2018).

²³ Compare: “*This year we mark the centennial of the Meds Yeghern, the first mass atrocity of the 20th Century. Beginning in 1915, the Armenian people of the Ottoman Empire were deported, massacred, and marched to their deaths*”. (Obama 2015), with: “*Today, we remember and honor the memory of those who suffered during the Meds Yeghern, one of the worst mass atrocities of the 20th century. Beginning in 1915, one and a half million Armenians were deported, massacred, or marched to their deaths in the final years of the Ottoman Empire*”. (Trump, 2017) — <https://am.usembassy.gov/remembrance-day/> (accessed 12.12.2018).

time referring to the tabooed word. Inter-textual linkages, self-reference, non-correct quotation, context-dependent expressions, slips of the tongue are the poetic devices which constitute the implied semantics of the text issued on the occasion of the Centennial of the *Meds Yeghern*.

In contrast to the previously reviewed cases, the word ‘genocide’ is not used in the text of the Statement, but it is present in the texts to which the Statement refers. The key verbal signs of the text itself are not a replacement for an unsigned word, but they act as an equivalent of another text where this word is expressed explicitly. The principle itself was used by Obama earlier in the simplest form of auto-quotation (“I have consistently stated my own view of what occurred in 1915, and my view of that history has not changed”), but now it is presented in a form that looks more like Borges story than a political text²⁴. The source is not indicated, and an addressee should guess the non-indicated cause, using provided convoluted and even disorienting cues.

Most importantly, these are proper names which not only designate certain persons but also act as a reference to their views. Obama's Statement of 2015 for the first time contains proper names, and each of them is a mark referring to significant documents. These are Amb. Henry Morgenthau (the American ambassador to Turkey, who was the first to report the total extermination of Armenians); Raphael Lemkin who coined the term ‘genocide’ and was the main author of the Genocide Convention; Pope Francis who identified the events of 1915 as “the first genocide of the 20th century”. All these references and names mentioned by Obama direct the addressee to the texts where the crimes of 1915 are identified as genocide.

At the same time, in contrast to his letter to Condoleezza Rice in 2006, Obama uses the periphrases which transformed the initial quotations. An implied super-reader (let us use this kernel notion from modern poetics²⁵) has to reconstruct the right version. These deviances are used as a sign-message for a knowledgeable and experienced reader to go beyond the text to the proper sources and make the corrections. Finally, this super-reader will realize that the appropriate version can be found in Obama's previous statements.

Thus, the first sentence *This year we mark the centennial of the Meds Yeghern, the first mass atrocity of the 20th Century* is a result of the contamination of two acceptable expressions, creating a new rather strange one:

One of the worst atrocities of the 20th Century (Obama); The first genocide of the twentieth century (Popes John Paul II, Francis) ==> the first mass atrocity of the 20th Century.

²⁴ Cf.: “Menard’s *Don Quixote* establishes and promotes revolutionary ideas about reading and writing. As the narrator notes in the final paragraph, “Menard has (perhaps unwittingly) enriched the slow and rudimentary art of reading by means of a new technique the technique of deliberate anachronism and fallacious attribution” (Following Menard's example, readers can interpret canonical texts in fascinating new ways by attributing them to authors who didn't actually write them”. Patrick Kennedy. Jorge Luis Borges, “Pierre Menard, Author of the ‘Quixote’”. Study Guide // Thought Co. <https://www.thoughtco.com/pierre-menard-study-guide-2207796?print> (accessed 12.12.2018).

²⁵ *Super-reader* (M. Riffaterre, 1966), *implied reader* (Wolfgang Iser 1974), *model reader* (Umberto Eco or *informed reader* (Stanley Fish 1980) — these terms designate a constructed person, not having any real existence (or even a structure inscribed or prescribed in the texts) who is only competent to made out an authentic meaning of a text and provides its “true” interpretation.

It is not clear which event can be identified as *the first mass atrocity*, but the name of Pope Francis in the third paragraph will direct to Pope's correct wording (see below). The Pope's name will also retrieve the situation by introducing the term 'Meds Yeghern'. A similar situation happens with the interpretation of the second paragraph:

As the horrors of 1915 unfolded, U.S. Ambassador Henry Morgenthau, Sr. sounded the alarm inside the U.S. government and confronted Ottoman leaders. Because of efforts like his, the truth of the Meds Yeghern emerged and came to influence the later work of human rights champions like Raphael Lemkin, who helped bring about the first United Nations human rights treaty.

If one would like to know "the truth of the Meds Yeghern", one is directed to the authentic documents by Henry Morgenthau and the other U.S. officials, as this was done in the letter by Obama to Rice where the following reference was used as the confirmation of the Armenian genocide:

At the time of killings, it was U.S. State Department officials working in the Ottoman Empire who drew attention to the horrors describing the massacres as a "campaign of race extermination" (U.S. Ambassador to the Ottoman Empire from 1913—1916, Henry Morgenthau).

A similar inter-textual journey can be made starting from the mentioning of Raphael Lemkin, a lawyer who is internationally known as the author of the genocide Convention. At the same time, usually, The Universal Declaration of Human Rights is considered the first United Nations human rights treaty. The tricky thing is that the UN adopted the genocide Convention on 09 Dec, 1948, while the Declaration was adopted a day later (10 Dec, 1948). As in the previous case, the "true" version is also referred to in Obama's letter:

It was his study of the Turkish massacres of Armenians that motivated Raphael Lemkin to coin the word 'genocide' in 1941 and to press for the drafting and passage of the UN Genocide Convention in 1948.

As one can see, the second paragraph is an intentionally confused version of what was once explicitly written by Obama. In the case of George W. Bush, this probably would have been perceived as just a "Bushism" of confusing the Genocide Convention with the Universal Declaration of Rights. However, in Obama's case, there is a different principle; "Bushism" is incompatible with his image as an intellectual leader. An informed addressee should take this as a hint on which he can restore the "correct" text and thereby understand what the author wanted to say and in a certain respect indeed expressed, although without uttering.

The remaining paragraphs of the Statement of 2015 do not substantially differ as compared with Obama's previous statements, except the very remarkable instance in the fifth paragraph:

We welcome the expression of views by Pope Francis, Turkish and Armenian historians, and the many others who have sought to shed light on this dark chapter of history.

This unclear phrase refers to the opposite points of view expressed immediately before the 2015 Statement and can be explained through intertextual references. The first

source is obvious — the aforementioned speech of Pope Francis. However, it is unclear what and when the Armenian and Turkish historians said and which of them Obama specifically had in mind. Most Turkish historians deny the fact of genocide, and the few of them who recognize it are outside Turkey (in Turkey this is considered as an insult to national dignity and is subject to criminal prosecution). In Obama's previous statements, the theme of recognition of the dark pages of history constantly resounds. However, none of them contains any mention of historians themselves. Probably Obama meant not real, but “intertextual” historians dwelling in the virtual space of the Turkish President Recep Erdogan.

Here also the principle of multilayered semantization creating uncertainty and ambiguity is enacted. Though welcoming the fact that Pope Francis was “*expressing a point of view*”, Obama could not be unaware that the Pope's statement caused a violent reaction of the Turkish authorities and President Erdogan personally and, in its turn, of the European Parliament: Turkey recalled its ambassador, and Erdogan made a statement violating all diplomatic norms:

Whenever politicians, religious functionaries assume the duties of historians, then delirium comes out, not fact. Hereby, I want to repeat our call to establish a joint commission of historians and stress we are ready to open our archives. I want to warn the pope to not repeat this mistake and condemn him. His remarks display the appearance of a mentality different to that of a religious functionary. <http://www.bbc.com/news/world-europe-32309044> (accessed 12.12.2018).

Besides the invectives addressed to the pontiff, Erdogan repeated his favorite thesis that the events of 1915 are history, and therefore only historians must deal with it, for which it is necessary to create a joint commission of Armenian-Turkish historians. (Moreover, the conclusions to which these historians must come are clear for Erdogan: “*I won't let historical events be brought out of their own course and turned into a campaign against our country and nation*”).

Such offensive words to the Pope provoked a strong reaction. In particular, the European Parliament considered supplementing the upcoming resolution with another clause in which it expressed its solidarity with Francis:

Commends the message delivered by His Holiness Pope Francis honouring the centenary of the Armenian genocide on 12 April in a spirit of peace and reconciliation. http://www.armenian-genocide.org/Affirmation.508/current_category.1/affirmation_detail.html; (accessed 12.12.2018).

As we can see, Obama, following the European Parliament, agrees with Francis and welcomes his point of view, but at the same time considers it necessary to “welcome” the point of view of “Armenian and Turkish historians”, existing only as a long-lasting project of the Turkish president. This collocation of different stances without any specification also creates the effect of poetic semantics. Different, even opposing interpretations can be suggested as to how the “truth about Meds Yeghern” should be understood.

Summarizing our observations on Obama's 2015 Statement, we see that all innovations are intertextual references. The implied meanings constituted something like

a coherent story, but without its textual manifestation. This post-modernist discourse takes into consideration not only what was said but also deduced. Addressees are authorized to reconstruct allusions and explicate intertextual meanings and messages associated with the main text. Thus, Obama's Statement of 2015 can be compared with a hypertext — it contains a proper, verbally expressed text, implied texts, a set of precedential documents and intertextual linkages between all these entities. Is there a “true” text? There is room for different approaches.

All these different but interconnected texts are nevertheless considered being in aggregate; they form a kind of additional message with the main verbal text. Although each of them simultaneously refers to several sources and may allow different interpretations, they all converge at one point and turn out to be an intertextual metonymic replacement of the word ‘genocide’. Considered as a complex, they appear as a semantic structure, united around this principal meaning and referring to the texts that explicate it.

Question arises as to who the recipient of this message is. Indeed, the audience to which the text is oriented is not able to restore this whole complex; therefore the intertext created by Obama is apparent only to himself. He is supposed to be this “super-reader” who knows all contexts and intertexts. “Common readers” may perform a role that is intended for them by the super-reader i.e. to accommodate their understanding of the text with their expectations and be satisfied with the fact that understanding coincides with expectations. However, in this case, the tabooed word ‘genocide’ reveals the “author’s” controversy; who implicitly, through intertextual links, expresses what he avoids to express explicitly in the text.

The hermeneutic approach can be also legitimized. What is more, it appears to be an adequate challenge-response for this type of communication. An interpreter is authorized to reconstruct allusions and explicate inter-textual meanings and messages, which are implicitly incorporated within the text, especially if the author slots distinctive marks and hints in his text for finding the “true” expression. The author himself has nothing to add: in 2016, in the year of his term expiry, Obama issued his last statement; it almost literally repeated the previous one. Obama also exhausted all the means of his non-doing things with the Word — or doing things by non-using it.

7. CONCLUSIONS

Summing up our observations of Obama’s statements, we can conclude that almost all his innovations and semantic strategies are based on intertextual references. Although these references relate to multiple sources and can be comprehended differently, they all converge at one point and are the intertextual metonymical substitute for the word ‘genocide’. Considered as a single complex, they act as a semantic structure united around this core meaning and referring to texts explicating and naming them. Together, they form an additional message concerning the issued statements.

As opposed to Clinton and Bush’s traditional rhetoric, Obama’s post-modernist discourse takes into consideration not only what is expressed but more what is or might be implied. An interpreter is authorized to reconstruct allusions and explicate intertextual meanings and messages, which are implicitly incorporated in the text. This amalgam

of the lexically articulated and con- (inter-)textually implied meanings provides an opportunity to be in line with the statements of his predecessors and avoid keeping his promises, at the same time declaring the opposite and referring to his previous records.

The hypertext created by Obama is based on its intertextual linkages. It is understandable only to himself as that “super-reader” who knows all contexts, subtexts, and references. However, all these sophisticated linguistic strategies are based on a primitive taboo. The taboo is a distorted form of semiosis when the link between the signifier and the signified is considered as an absolute. It is presumed that non-usage of the signifier affects the signified (existence/non-existence of some state of affairs). Taboos can be overcome only if one abandons the borders of political mythology. If interpreted in accordance with post-modernist principles, the text is not subject to conventional procedures of verification or falsification, so another hermeneutic approach appears to be the adequate instrument for its interpretation and the resulting deconstruction. Such an interpretive approach is consistent with the strategy used by Barack Obama for semantic and pragmatic structuring of his messages, so there are sufficient grounds to consider Obama’s statements in entirety with these texts. Within this approach, the addressee of his messages is sanctioned to interpret them as recognition of the Armenian genocide. Ironically, this reminds one of Friedrich Schleiermacher’s basic principle of hermeneutic interpretation: a possibility of understanding the author as well or even better than he understands himself.

© Suren T. Zolyan, 2019

REFERENCES

- Cirillo, David. *The Taboo of the Armenian Genocide. Part 2. The American Avoidance* // IFRI = Institut Français des Relations Internationales. *Reperes sur le Turquie*. № 15, June 29, 2016.
- Eco U. *The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts*. Bloomington, Indiana University Press, 1984.
- Fish, Stanley. *Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretive Communities*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980.
- Gutman D. Ottoman Historiography and the End of the Genocide Taboo: Writing the Armenian Genocide into Late Ottoman History. *Journal of the Ottoman and Turkish Studies Association*. 2015, 2. 167—183.
- Hjelmslev, Louis. 1961 [1943]. *Prolegomena to a theory of language*. Madison, WI: University of Wisconsin Press.
- Iser, Wolfgang ([1972] 1974). *The Implied Reader: Patterns of Communication in Prose Fiction from Bunyan to Beckett*. Baltimore: Johns Hopkins UP.
- Lemkin, Raphael. On the Armenian Genocide. Charny I.W.; Wiesenthal S., Tutu D. (Eds). *Encyclopedia on Genocide, ABC — CLIO*, 1999, 79.
- Riffaterre M. Describing Poetic Structures: Two Approaches to Baudelaire’s ‘Les Chats’. *Yale French Studies* 36—37 (1966): 200—242.
- Scott Straus. Darfur and the Genocide Debate. *Foreign affairs*. January/February 2005, 123—133.
- Waal de, Thomas. The G-Word. The Armenian Massacre and the Politics of Genocide. *Foreign affairs (Council on Foreign Relations)*. January/February 2015 Issue 94. 1—25; <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/g-word> (accessed 03/12/2018).

Wilson Woodrow — *66th Congress 2nd Session House of Representatives Document No. 791. Mandate For Armenia Message from the President of the United States, requesting that the Congress grant the executive power to accept for the United States a mandate for Armenia May 24, 1920.* http://www.armenian-enocide.org/Affirmation.64/current_category.4/affirmation_detail.html (accessed 03/12/2018).

Zolyan S.T. *The American Presidents on the Armenian Genocide. The Semantics and Pragmatics of the Evasionist Discourse*. Yerevan, “Limush” Publishing, 2015. (In Armenian).

FINANCE AND ACKNOWLEDGMENTS

The research is funded by the Russian Science Foundation, project № 18-18-00442 “Mechanisms of meaning production and textualization in social narrative and performative discourses and practices”, at the Im. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Article history:

Received: 09 September 2018

Revised: 28 October 2018

Accepted: 18 November 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 09 сентября 2018

Дата принятия к печати: 18 ноября 2018

For citation:

Zolyan, Suren (2019). How Not To Do Things with the Word: Barack Obama on the Armenian Genocide. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 62—82. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-62-82.

Для цитирования:

Zolyan, Suren (2019). How Not To Do Things with the Word: Barack Obama on the Armenian Genocide // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 1. С. 62—82. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-62-82.

Bionote:

SUREN ZOLYAN, Ph.D. (Advanced Doctorate), Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Leading Researcher, Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia.

Contact information: e-mail: surenzolyan@gmail.com

Сведения об авторе:

СУРЕН ТИГРАНОВИЧ ЗОЛЯН, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт философии, социологии и права Национальной академии наук Армении.

Контактная информация: e-mail: surenzolyan@gmail.com

ПРАГМАТИКА И ДИСКУРС-АНАЛИЗ

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-83-97

The Realization of Impoliteness in Arguments between the Democrats and Republicans over the Government Shutdown Issue in the US

Minoo Alemi, Ashkan Latifi

Islamic Azad University, West Tehran Branch,
Simaye Iran St., 1467686831, Tehran, Iran
Sharif University of Technology
Azadi Ave., 11365-11155, Tehran, Iran

Abstract

The present research is intended to illustrate how linguistic features of impoliteness are manifested in the debates between two of the main American political parties, Republicans and Democrats, in 2013 government shutdown issue. The research questions sought to analyze the impoliteness strategies each party employed to aggravate or attack the face of the opposing party. The study was conducted by performing qualitative discourse analysis based upon the theoretical framework of Culpeper's (1996) *super strategies* and Bousfield's (2008) *off-record impoliteness*. The data consisted of the transcripts of the speeches of the two parties' members all through September, 20, to October, 16, 2013. The study primarily managed to elicit eight major impoliteness strategies in this corpus. The analysis chiefly revealed that both parties used all the strategies in relatively similar frequencies to induce their opponents to act upon their preferences. *Challenges, dissociating from the other, sarcasm/mock politeness, and seeking disagreement/avoid agreement* were among the most commonly used impoliteness strategies in the debates. In addition, as the Chi-Square test disclosed, the two parties did not differ from one another in a statistically meaningful way in their total use of impoliteness strategies. In conclusion, our study showed that there seems to be a relatively similar pattern of use of impoliteness strategies by these two parties over the aforementioned issue which can be attributed to the demands of political discourse.

Keywords: *impoliteness, political discourse analysis, face threatening acts, U.S. government shutdown, healthcare, Obamacare*

Проявления невежливости в дебатах между республиканцами и демократами по вопросу о приостановлении деятельности государственных органов США

Мину Адеми, Ашкан Латифи

Исламский университет Азад
Simaye Iran St., 1467686831, Тегеран, Иран
Технологический университет им. Шарифа
Azadi Ave., 11365-11155, Тегеран, Иран

Цель настоящего исследования — продемонстрировать, каким образом лингвистические показатели невежливости реализуются в дебатах между двумя основными американскими партиями — Республиканской и Демократической. Изыскания направлены на анализ угрожающих лицу стратегий

невежливости, которые использовались каждой партией в дебатах по приостановлению деятельности государственных органов в 2013 г. В процессе исследования использовался качественный дискурс-анализ, основанный на теоретической модели супер-стратегий Дж. Кальпепера (Culpeper 1996) и модели невежливости Д. Баусфилда (Bousfield 2008). Материалом исследования послужили транскрипты речей представителей вышеуказанных партий, зафиксированных в период с 20 сентября по 16 октября 2013 г. Было выделено восемь ведущих стратегий невежливости, которые, согласно проведенному анализу, использовались с относительно одинаковой частотностью для того, чтобы побудить оппонентов к действиям, предпочтительным для ораторов. Чаще всего использовались стратегии: *вызов, разобличение, сарказм/насмешка, разлад/отсутствие согласия*. Как показал тест *Chi-Square*, в поведении представителей двух партий не наблюдалось существенных количественных различий в использовании стратегий невежливости. Был сделан вывод о том, что сходные закономерности использования стратегий невежливости обеими партиями могут объясняться требованиями политического дискурса.

Ключевые слова: *невежливость, политический дискурс-анализ, угрожающие лицу акты, приостановление деятельности государственных органов, здравоохранение, Obamacare*

1. INTRODUCTION

As Cook (2011) argues, at first discourse analysis was serving descriptive linguistics and structuralism during the 1950s and 1960s and aimed at an investigation of the text beyond sentence-level in terms of cohesion of the interrelationships present within the text; however, influenced by Halliday's Systemic-Functional linguistics and Hymes' theory of communicative competence, discourse analysis managed to transcend the view of language as a self-contained structure held dear by structuralists and step in the realms of authentic language use in the social milieu.

According to Pelinka (2007), language must be analyzed and treated as a political phenomenon and politics as a discursive practice. Evidently, political discourse analysis (PDA) as an offshoot of 'discourse analysis' (DA) mainly concentrates upon the analysis of political discourse. As Dunmire (2012: 735) puts it, "PDA comprises inter- and multi-disciplinary research that focuses on the [linguistic] and discursive dimensions of political text and talk and on the political nature of discursive practice". The studies which took discourse analysis approach as a method of investigation in political issues are abundant (e.g., Campell and Jamieson 1990, Maynard 1994, Chilton 2002, Oddo 2011, Gornostaeva 2016, Mirzaie, Eslami and Safari 2017, Alemi, Tajeddin and Rajabi Kondlaji 2018). However, research within the framework of impoliteness in political discourse is still young and in need of further exploration.

One of the features of political discourse that has attracted the attention of political discourse analysts is the use and manipulation of (im)politeness strategies by statesmen/stateswomen and other political figures in their verbal political expressions; however, debates over the concept of (im)politeness are numerous, sometimes vague, and controversial. In Watts' precise and concise words "(im)politeness is a term that is struggled over at present, has been struggled over in the past and will, in all probability, continue to be struggled over in the future" (2003: 9).

Acknowledging these points, difficulties, and the need for further research in the use and manipulation of (im)politeness strategies in political discourse, this paper attempted to conduct a discourse analysis of the US Democratic and Republican politicians' utilization of impoliteness strategies during their debates on the issues of healthcare and U.S.

government shutdown in 2013. Using Culpeper's (1996) and Bousfield's (2008) framework, this study investigated how the members of each of these political parties manifested impoliteness in their speech to attack the other Party's face.

2. REVIEW OF THE RELATED LITERATURE

2.1. Political Discourse Analysis (PDA)

Although the analysis of political discourse is scarcely new, the findings and theoretical premises of cognitive linguistics (mainly embarked upon by Noam Chomsky) linking the mental capacity of language with other mental capacities let political and social cognition be taken account of in the discipline of linguistics (Chilton 2004). In addition, as a result of a turn in linguistics resulting in Critical Linguistics and also interdisciplinary works among a variety of disciplines, such as linguistics, political science, sociolinguistics, critical theory, cognitive linguistics, rhetoric, generative linguistics, etc., many scholars managed to contribute to the theoretical richness of PDA as an offshoot of discourse analysis (see Chilton 2004, Dunmire 2012).

According to van Dijk (1997), PDA can either refer to a political approach to discourse analysis or an analysis of political discourse. Obviously, the present study was concerned with the latter. The scope of political discourse depending upon the scholar's viewpoint can be either limited to the discourse produced by political figures (a view held by van Dijk 1997) or the everyday life's discursive practices of any individual (a view taken by Okulska and Cap 2010) whose life is in one way or another politicized as a result of living in a society imbued with politics. PDA with resort to the disciplines mentioned and discussed above and the theoretical toolkit provided by them analyzes political texts for a variety of end(s), for example, laying bare a political figure's use of persuasive strategies (e.g., Alemi, Latifi and Nematzadeh 2018), discourse and agency (e.g., Bleiker 2003), metaphor's manipulation impact in political discourse (Zaripov 2014), etc. As to the current study, an investigation of impoliteness in political discourse is the end for which PDA is carried out.

2.2. Politeness and Impoliteness

The concept of politeness was initially introduced and theorized by Brown and Levinson (1987) and grounded in Grice's (1975) maxims and Goffman's (1967) concept of face. As Holmes (1995) argues, politeness involves both concern for others' feelings as well as a distancing behavior which is non-imposing. In general terms, politeness refers to any behavior that tries to save the face of the addressee; according to this definition, those behaviors and strategies that are in contrary, i.e. attack the addressee's face and thus cause social dissonance, are impolite (Culpeper, Bousfield and Wichmann 2003). Although Brown and Levinson's theory covers face, it falls short of dealing with contexts in which threatening face does not play the primary role or the context within which the explicit behaviors which are unmarked and appropriate do not necessarily mean polite (Locher and Watt 2005).

As an attempt at moving beyond the formalist tendencies in Brown and Levinson's theory, Culpeper (2005) adds the notion of *intentionality* to the act of impoliteness as one

of the important conditions for considering an utterance impolite. In addition, according to Holmes, Marra and Schnurr (2008), *Social norms* highlight the significance of social standards and the listener's perception of them but disregard the role of intentionality which is another dimension of impoliteness. As they define them, *social norms* are "linguistic behavior[s] assessed by the hearer as threatening her or his face or social identity, and infringing the norms of appropriate behavior that prevail in particular contexts and among particular interlocutors, whether intentionally or not" (Holmes et al. 2008: 196).

Resorting to the notion of *community of practice*, Mills (2003) also believes that impoliteness can solely be understood and analyzed pragmatically once regarded in reference to group/community understanding of (an) utterance(s), and additionally in terms of the ongoing discourse strategies of the utterer(s). Furthermore, Holmes et al. (2008) postulate that the perception of the hearer is an additional dimension of impoliteness as well. As a sum of these theoretical stands, Culpeper's (2005) definition includes both the hearer's perception and the concept of intentionality. In other words, for Culpeper, impoliteness has taken place when the addresser deliberately mitigates the addressee's face, or when the addressee construes the addresser's behavior as a purposeful attack on her face, or a mixture of both conditions.

2.3. Research on Impoliteness in Political Discourse

As Culpeper (2013) argues, theoretically speaking, many theories, specifically in interactional sociolinguistics and pragmatics, are aimed at studying socially cooperative interactions and have given inadequate attention to anti-social ones; however, such interactions are worth studying in that, for example, impoliteness, contrary to being generally assumed as the repugnant part of language, is indeed often creative. In recent years, research within the framework of '(im)politeness' has been enriched in many areas of interest (see Jamet and Jobert 2013) and, of course, in different political genres (e.g., P'erez de Ayala 2001, Garcia-Pastor 2002, Bolívar 2005, Harris, Grainger and Mullany 2006, Maalej 2012, Toddington 2015). Although studies of impoliteness have been carried out on a variety of discourses (e.g., Holmes and Schnurr 2005, Lorenzo-Dus 2009, Murphy 2014, Mirhosseini, Mardanshahi and Dowlatabadi 2017, de Marlangeon 2018), there still seems to be an insufficient amount of impoliteness research on political discourse. Consequently, the present study was trained upon the realization of impoliteness in the arguments between Democrats and Republicans over the US government shutdown issue in the US in 2013.

3. THE SITUATION

3.1. The US Government

According to the mission set for the United States Congress (2018), as the bicameral legislature of the U.S. federal government, the Congress consists of the House of Representatives, whose major power is to initiate and pass the legislation, and the Senate as the stabilizing force. In contrast to the (bicameral) parliamentary governments, the two branches in federal systems such as the United States possess equal competitive powers.

The advocates of bicameralism believe that since different parts of a chamber have powers that influence and manage the other chamber, this will prevent the instigation of dogmatic cliques or the passage of immature legislation into the law. On the other hand, the opponents of the model argue that when the powers of two branches are equal, the bicameral model may get caught in deadlock in certain circumstances (Bicameralism 2018).

The United States of America includes two political parties in chief, the Republican Party as well as its older challenger the Democratic Party. In contrast to the Republican Party which sustains an American Conservatism position based upon the principles of classical liberalism (Grigsby 2008, Arnold 2009, Levy 2006), the Democrats give support to modern liberal policies in the contemporary American political discourse (Farmer 2006). This kind of social liberalism endorses government programs such as education and health care (Mikis and Meliur 2005).

Not only was the former US President, Barack Obama, a Democrat, but also this Party held a majority of the Senate seats in 113th US Congress elections in 2012. However, a majority of seats was held by Republicans in the House of Representatives then. As a result of this contradiction in the leadership of the House of Representatives and the Senate, the United States entered a crisis over the issue of health care (Government shutdowns in the United States 2018).

3.2. The Healthcare Issue

In 2004 Institute of Medicine (IOM) stated that the population in the United States is one of the few industrialized nations that do not have an access to healthcare (Institute of Medicine 2004). According to a Harvard study, the 44,800 excess deaths in the US were attributable to the lack of health insurance (Wilper et al. 2009). And compared to other industrialized high-income nations, the United States fares worst in nine vital health domains which can cause mortality, such as disability, obesity, diabetes, chronic lung disease, heart disease, HIV and AIDS, etc. (National Research Council, & Committee on Population 2013).

On October 1, 2013, as a result of a funding gap caused by the incongruity of the two chambers of the Congress over an appropriations continuing resolution for fiscal year, 2014, the United States federal government brought its regular operations to a standstill. The deadlock rooted on a bill passed by the Republicans in the House of Representatives on September 20, 2013 (Espo 2013), which included provisions that would defund the Affordable Care Act (ACA) commonly known as Obamacare. Originally, the major objectives of ACA were to increase the quality and affordability of health insurance, lower the costs of health care for individuals and the government, decrease the uninsured rate by expanding public and private insurance coverage, etc. (Public Law 2010).

The opposition of ACA mostly comprised of major conservative-led groups including congressional and many state Republicans, the Tea Party Movement, and a number of small business organizations that assumed that the law would cause problems to health plans, increase costs for new insurance standards, and run deficits (Peters 2011).

On October 17, after 16 days of controversial and intense arguments between the two legislative houses, an interim compromise bill was eventually signed into law by President Obama and the government's regular operations were resumed (Cohen 2013).

4. RESEARCH QUESTIONS

Two research questions were formulated in the light of the preceding discussions.

1. What are the realizations of impoliteness in the arguments between the Democrats and Republicans over the US government shutdown in 2013?
2. Is there any significant difference between the two parties regarding the use of impoliteness strategies in these arguments?

5. METHOD

5.1. The Corpus

The materials used in this study were the video clips of the Democrats' and Republicans' speeches on different occasions including press conferences, briefings and interviews related to the US government shutdown issue from September 20 through October 16, 2013.

The selected corpus for this study lasts about 240 minutes of ongoing speech (120 minutes of which are the video clips of Republican candidates and the other 120 minutes belong to Democratic candidates'). They were downloaded from *C-span.com* and carefully transcribed.

5.2. Analytical Framework

The framework employed in this study was based upon Bousfield's (2008) description of the realizations and strategies of impoliteness, generally adopted from Culpeper's outline (1996). Furthermore, in this study, the concept of impoliteness used by the researchers was a second order notion (see Watts 2003). Hence, in line with Culpeper (2005), the researchers conceptualized impoliteness as the speaker's deliberate face aggravating or verbal attack which is recognized as an intentional face mitigating behavior by the hearer.

As stated by Culpeper (1996), there are five super strategies for performing a Face Threatening Act (FTA). These five super strategies are (Culpeper 1996: 356).

1. Bald on record impoliteness: the face threatening act (FTA) is performed in a direct, clear, unambiguous and concise way where face is not irrelevant.
2. Positive impoliteness: the use of strategies designed to damage the addressee's positive face wants.
3. Negative impoliteness: the use of strategies designed to damage the addressee's negative face wants.
4. Sarcasm or mock politeness: the FTA is performed with the use of politeness strategies that are obviously insincere, and thus remain surface realizations.
5. Withhold politeness: the absence of politeness work where it would be expected.

Drawing upon these five super strategies, Culpeper (1996: 357—358) suggests a number of negative (e.g., Frighten; Condescend, scorn or ridicule; Explicitly associate

the other with a negative aspect; Call the other name; etc.) and positive (e.g., Ignore, snub the other; Disassociate from the other; Use inappropriate identity markers; Seek disagreement; etc.) output strategies eight of which were used by political members of these two parties in their arguments (see section 6).

6. RESULTS AND DISCUSSION

6.1. Research Question One

Using Bousfield’s (2008) realizations of impoliteness based upon Culpeper (1996), the analysis of face aggravating strategies in this study revealed eight impoliteness strategies in the debates between the Democrats and Republicans over the issues aforementioned. Table 1. demonstrates the frequency of these strategies that each party employed.

Table 1

The frequency of impoliteness strategies

Frequency	Republicans	Democrats
Disassociate from the other	18	16
Use inappropriate identity markers	9	5
Seek disagreement/avoid agreement	15	20
Threaten/Frighten	3	1
Scorn or ridicule	10	8
Explicitly associate the other with a negative aspect	12	12
Sarcasm/mock politeness	16	19
Challenges	27	32
Total	110	113

This comparison displayed that the frequency of the strategies was relatively congruent between the two parties. The most employed strategy by both groups was the strategy of *challenges*, and the *threaten/frighten* strategy had the lowest frequency of all. The following displays a number of examples attributed to each of these strategies pursued by the speakers. However, in the process of analyzing the data, it became evident that the strategies realized in political discourse are by no means distinct from each other. Typically, they merge together or sometimes several of them are combined in order to inflict the maximum impact.

6.1.1. Disassociate from the other

REP. Cathy McMorris Rodgers (R), Washington:

“House Republicans do not want to shut down the government. The American people don’t want the government shut down. They also don’t want Obamacare.”

This impolite strategy is implemented when a participant refuses to be associated with others and avoids having a common ground. It is used here as the speaker considers the American people to be in total agreement with the Republican Party, while rejecting the Democrats over the healthcare issue. The speaker purposefully uses the term “*Obamacare*” to imply that not only the Republicans but the majority of the Americans are against the *President’s* plans which are affiliated with the Democratic Party’s principles.

6.1.2. Use inappropriate identity markers

REP. Nancy Pelosi (D), California, Minority Leader:

“This crisis could be over in hours, if the speaker of the Republicans would just take yes for an answer, instead of continuing to be *the Party of No*. On 7 different occasions, the *Republican Party of No* has not taken yes for an answer of Democrats, offering motions on the Senate past Republican number of 986.”

The speaker utilizes the identity marker “*the Republican Party of No*” to address the Republicans. This term of address is particularly repeated twice. Flouting the maxims of quality and manner, the speaker forms an implicature to put the blame of the shutdown on the Republicans by using an inappropriate identity marker. But it should be also mentioned that sarcastic utterances included in *sarcasm* strategy (see Culpeper 1996, 2005) appear to be used and merged with other strategies such as *use inappropriate identity markers*.

6.1.3. Seek disagreement/avoid agreement

REP. Nancy Pelosi (D), California, Minority Leader:

“Our question was, Mr. Speaker, why are you not appointing conferees to the budget conference. His statement was ‘under the rules if you appoint conferees and after 20 legislative days there is no agreement, the minority has a right to offer motions to instruct’; which become politically motivated bombs to throw up on the house floor. So, to be frank with you, we are following what I would describe as a regular order. *Well to be frank with him, the regular order is not how he defines it. It is what the regular order is of the house.*”

As an example, the speaker’s statement “*to be frank with him the regular order is not how he defines it*” shows the Democrat speaker’s substantial disagreement with the actions of the Republican speaker of the House. She further continues that the regular order is the regular order of the House, and by stating this vague statement she violates the maxim of manner. That is, she implies that although Democrats are committed to the *orders* (which is a vague term here), the Republicans refuse to follow them. Evidently, the speaker employs the *avoid agreement* strategy by selecting a sensitive and vague topic and elaborating upon it with aiming at disagreement.

6.1.4. Threaten/Frighten

Rep, Lynn Jenkins (R), Kansas

“I’ve been reminded the last few weeks about Albert Einstein’s definition of insanity; doing the same thing over and over again and expecting different results. *The only thing more irresponsible or more insane than the President letting us default on our debt, would be the President’s demand that we increase the Federal debt ceiling without addressing our nation’s spending problem.* This nation’s spending addiction has finally caught up with us. Today each one of us owes over 53000 dollars in Federal debt. This is not sustainable and we need to start addressing it now. *If we don’t start now when will we ever address our debt? When it hits 18 trillion, 19 trillion? Or do we wait until our economy totally collapses?*”

According to Culpeper (1996), *threaten/frighten* is an impolite strategy in which the participant prompts to show a destructive incident is imminent. In this example, in order to influence the audience, the speaker chooses to warn the audience that the

President's decisions are “*insane*” and “*irresponsible*”. The last statement is a blend of the *threaten/frighten* and the *challenges* strategies since the speaker tries to frighten the audience that the detrimental impacts of the Democratic policies on the future economy are impending.

6.1.5. Condescend, scorn or ridicule

REP. Eric Cantor (R), Virginia, Majority Leader:

“You know, up until today we had 57 Democrats that supported bipartisan bills to relieve the pain of this shutdown. And you have to ask yourself, now with the unanimous vote that we just saw for federal employees, if it so important to ease the pain for them, what about the vets? Did the Democrats not feel it’s important to make sure the pain is eased on them? What about the sick children that need access to clinical trials? Is it not as important to ease the pain of the shutdown for them? Or is it just the federal employees that the *Democratic minority* thinks is important?”

The maxim of quality is flouted in “*the Democratic minority*” since the Democratic Party actually comprises the majority of the U.S. government, including the President and the Senate. The speaker uses this implicature to scorn the Democratic Party and play down their influence. That is, although they have the majority of the government leadership, they do not represent the majority of the American people.

6.1.6. Explicitly associate the other with a negative aspect

REP. Lynn Jenkins, (R), Kansas, 2nd District, Oct. 5:

“Contrary to what the President and those in the White House believe, there are no winners when the Federal government shuts down. There are real consequences. And the house did not want this shutdown. And *we believe my way or the highway mentality cannot be sustained.*”

In this example, the speaker’s statements make for a strong disapproval of the Democratic Party’s actions by explicitly associating their viewpoint to “*my way or the highway mentality*” which is a negative expression. She employs this to communicate the idea that ‘the Democrats believe they are always right and anyone who does not agree with them has no business with them’. In other words, the speaker uses an impolite strategy to associate the other with negative characteristics such as inflexibility and stubbornness.

6.1.7. Sarcasm/mock politeness

REP Kevin McCarthy (R), California, Majority Whip:

“So let’s recap what’s gone on this week: on Wednesday the House passed Opening the National Parks, Funding the NIH, and Local Funding for D.C. On Thursday, the House passed: Funding our Guard and reserves, funding our Veterans. Friday we passed the National Emergency Disaster Recovery Act; Friday the Nutrition Assistant for Low-Income Women and Children. And today, as the leader said, we made sure all the federal employees and also made sure the military was able to have service on Sunday. The Senate, Wednesday: no roll call votes. Thursday: no roll call votes. Friday: no roll call votes. *But they have worked. They did adopt the national, chess week. This has got to stop.*”

Using insincere politeness strategies is the demonstration of sarcasm when they remain surface realizations (Culpeper 1996). In order to be effective, sarcasm needs something more than insincere impoliteness; in other words, it requires context (Bousfield 2008). The expression “*they have worked*” seems to be polite at a first glance, but regarding the preceding statements that the Democrats had no roll call votes during the week, it is clear that the maxim of quality is violated and the speaker tries to imply that in spite of all the actions that Republicans have taken throughout the week, Democrats have actually done nothing.

6.1.8. Challenges

REP. Cathy McMorris Rodgers (R), Washington:

“We were here late last night almost midnight taking action after midnight to ensure that government would be kept open. Now today we see where Senate doors are shut. Senator Harry Reid says it is inevitable that the government is going to shut down if the Senate doesn’t act. It may be inevitable but we are here to say that the Senate needs to act. *Why are they waiting? Why aren’t those doors open?*”

According to Bousfield (2008), challenges are always inflicted in question form. In this statement, Rep. McMorris mounts two challenges to the Democratic Party. They are “*Why are they waiting?*” and “*Why aren’t those doors open?*”. Particularly in the first question, the Democrats are explicitly challenged.

6.2. RESEARCH QUESTION TWO

In order to answer research question two, the Chi-Square test was run to specify whether or not the difference between the overall frequency of the impoliteness strategies used by each of the two parties was significant. However, as two cells displayed expected count less than five and the sample size was small, the Likelihood Ratio was preferred to the Pearson Chi-Square and reported. According to Hinton, Brownlow, McMurray, and Cozens (2004: 282), “[t]he Likelihood Ratio is an alternative test to the chi-square employing a different method. Normally we use the chi-square result but this statistic is sometimes preferred when the sample size is small.”

As Table 2 shows, the null hypothesis cannot be rejected because $\chi^2 = 3.9$, $df = 7$, $P > 0.05$. Accordingly, the difference between the overall frequency of the impoliteness strategies implemented by the two parties in their arguments proved non-significant. In sum, accordingly, the two parties followed an overall similar pattern in their use of impoliteness strategies in their pursuit of their political ends which can be the result of an overall established norm of conduct in political discourse and its attributed genres.

Table 2

Chi-Square Tests

	Value	df	Asymp. Sig. (2-sided)
Pearson Chi-Square	3.8 ^a	7	.79
Likelihood Ratio	3.9	7	.79
Linear-by-Linear Association	.7	1	.4
N of Valid Cases	223		

a. 2 cells (12.5%) have expected count less than 5. The minimum expected count is 1.97.

7. CONCLUSION

The incentive behind this research was to analyze a political text applying the impoliteness frameworks of Bousfield (2008) and Culpeper (1996). However, it should be noted that analyzing the realizations of impoliteness in political discourse is not at all a straightforward task since politicians are strictly restricted in adopting many of the on-record impoliteness strategies. Besides, the instances of use of impoliteness strategies are not clear-cut and may overlap. Taking notice of these issues, this study collected a sample of impoliteness realizations which emerged in the debates between the two American political parties (the Democratic and Republican Parties) over the U.S. government shutdown issue of 2013.

Based upon the models discussed, eight major impoliteness strategies which were realized in this research comprised:

1. Disassociate from the other
2. Use inappropriate identity markers
3. Seek disagreement/avoid agreement
4. Threaten/Frighten
5. Condescend, scorn or ridicule
6. Explicitly associate the other with a negative aspect
7. Sarcasm/mock impoliteness
8. Challenges

Statistical analysis revealed that both parties did not significantly differ in their use of impoliteness strategies in the pursuit of their political objectives in the issue aforementioned. In addition, the high frequency of the *challenges* strategy showed that both parties faced their opponents by questioning their plans and policies. Besides, the Republicans employed the *disassociate from the other* strategy most frequently to assert that the Democratic Party's policies towards the healthcare issue were different from Republicans'. Furthermore, the Democrats employed the *seek disagreement/avoid agreement* as their second most frequent strategy to boldly highlight the issues that caused the conflict with their opponent in the first place. As expected, the low use of the *threaten/frighten* strategy can be the result of the codes of conduct and the disallowance of 'explicit threat' in this political context. Notwithstanding, it is suggestive that the third most frequently used impoliteness strategy for both parties turned out to be *sarcasm/mock impoliteness*. As if the cathexis of disallowed strategies was given vent to in *sarcasm/mock impoliteness*. In brief, our study showed that the two political parties concerned acted within a relatively similar framework vis-à-vis impoliteness strategies that can be attributed to the demands and standards of the genre of political debates and live speeches within political discourse in the US. The presence/absence and the high/low instances of use of certain impoliteness strategies suggest that such debates take place and are held within the implicitly/explicitly agreed upon structural limits and constraints of the political genre of 'debate'. This is in need of further research though.

Since there is a dearth of impoliteness research on political discourse, launching investigations into impoliteness strategies in other political genres is warranted so as to examine form and function of impolite linguistic features in a broader scope and

perspective of political discourse. Withal, the findings of this study can be conducive to expand the readers' knowledge about linguistic impoliteness strategies in political situations. They may also be practical in certain areas of political studies such as political power, persuasion, assertion, etc.

© Minoos Alemi, Ashkan Latifi, 2019

REFERENCES

- Alemi, M., Latifi, A., & Nematzadeh, A. (2018) Persuasion in political discourse: Barak Obama's presidential speeches against ISIS. *Russian Journal of Linguistics*, 22(2), 278—291.
- Alemi, M., Tajeddin, Z., & Rajabi Kondlaji, A. (2018) A discourse-historical analysis of two Iranian presidents' speeches at the UN General Assembly. *International Journal of Society, Culture & Language*, 6(1), 1—17.
- Arnold, N. S. (2009) *Imposing values: an essay on liberalism and regulation*. Florence: Oxford University Press.
- Bicameralism (n.d.) In *Wikipedia*. Retrieved May 25, 2018, from <https://en.wikipedia.org/wiki/Bicameralism>.
- Bleiker, R. (2003) Discourse and human agency. *Contemporary Political Theory*, 2(1), 25—47.
- Bolívar, A. (2005) Dialogue and confrontation in Venezuelan political interaction. *Aila Review*, 18(1), 3—17.
- Bousfield, D. (2008) *Impoliteness in Interaction*. Philadelphia and Amsterdam: John Benjamins.
- Brown, P. & Levinson, S. C. (1987) *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chilton, P. (2002) Do something! Conceptualising responses to the attacks of 11 September 2001. *Journal of Language and Politics*, 1(1), 181—195.
- Chilton, P. (2004) *Analysing political discourse: Theory and practice*. Taylor & Francis e-Library.
- Cohen, T. (2013, October 17) House approves bill to end shutdown. *CNN International*. Retrieved from http://www.cnn.com/2013/10/16/politics/shutdown_showdown/index.html?utm_source=feedburner&utm_medium=feed&utm_campaign=Feed%3A+rss%2F cnn_allpolitics+%28RSS%3A+Politics%29.
- Cook, G. (2011) Discourse Analysis. In Simpson, J. (ed.) *The Routledge Handbook of Applied Linguistics*. New York: Routledge, 431—445.
- Culpeper, J. (1996) Towards an anatomy of impoliteness. *Journal of Pragmatics*, 25, 349—367.
- Culpeper, J. (2005) Impoliteness and the weakest link. *Journal of Politeness Research*, 1(1), 35—72.
- Culpeper, J. (2013) Impoliteness: Questions and answers. In Jamet D. & M. Jobert (eds.) *Aspects of Linguistic Impoliteness*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2—16.
- Culpeper, J., Bousfield, D., & Wichmann, A. (2003) Impoliteness revisited: With special reference to dynamic and prosodic aspects. *Journal of Pragmatics*, 35 (10/11), 1545—1579.
- de Marlangeon, S. K. (2018) Fustigation impoliteness, emotions and extimacy in Argentine Media celebrities. *Russian Journal of Linguistics*, 22(1), 161—174.
- Dunmire, P. L. (2012) Political discourse analysis: Exploring the language of politics and the politics of language. *Language and Linguistics Compass*, 6(11), 735—751.
- Espo, D. (2013, September 30) Republican unity frays as government shutdown looms. *Huffington Post (AOL)*. Associated Press. Retrieved from http://www.huffingtonpost.com/2013/09/30/republicans-governments_h_n_4019692.html.

- Farmer, B. R. (2006) *American political ideologies: an introduction to the major systems of thought in the 21st century*. Jefferson, NC: McFarland & Company.
- Garcia-Pastor, M. D. (2002) Face aggravation, mitigation, and unofficial power in a political campaign debate. In Walton D. & D. Scheu (eds.) *Culture and Power*. Bern: Peter Lang, 347—367.
- Goffman, E. (1967) *Interaction ritual: Essays on face-to-face behavior*. New York: Doubleday.
- Gornostaeva, A. A. (2016) The place of irony in the speech portrait of a modern politician. *Russian Journal of Linguistics*, 20(1), 57—76.
- Government shutdowns in the United States (n.d.) In *Wikipedia*. Retrieved May 25, 2018, from https://en.wikipedia.org/wiki/Government_shutdowns_in_the_United_States.
- Grice, H. P. (1975) Logic and conversation. In Cole P. & J. Morgan (eds.) *Speech Acts [Syntax and semantics 3]*. New York: Academic Press, 41—58.
- Grigsby, E. (2008) *Analyzing politics: An introduction to political science*. Florence: Cengage Learning.
- Harris, S., Grainger, K., & Mullany, L. (2006) The pragmatics of political apologies. *Discourse and Society*, 17(6), 715—737.
- Hinton, P. R., Brownlow, Ch., McMurray, I., & Cozens, B. (2004) *SPSS explained*. London and New York: Routledge: Taylor and Francis Group.
- Holmes, J. Marra, M., & Schnurr, S. (2008) Impoliteness and ethnicity: Māori and Pākehā discourse in New Zealand workplaces. *Journal of Politeness Research: Language, Behaviour, Culture*, 4(2): 193—219.
- Holmes, J., & Schnurr, S. (2005) Politeness, humour and gender in the workplace: Negotiating norms and identifying contestation. *Journal of Politeness Research* 1(1), 121—149.
- Institute of Medicine. Committee on consequences of uninsurance (2004, January 13) *Insuring America's health: principles and recommendations*. Washington, DC: National Academies Press.
- Jamet, D., & Jobert, M. (Eds.). (2013) *Aspects of linguistic impoliteness*. Cambridge Scholars Publishing.
- Levy, J. (2006) *The state after statism: New state activities in the age of liberalization*. Florence: Harvard University Press.
- Locher, M. A., & Watts, R. J. (2005) Politeness theory and relational work. *Journal of Politeness Research. Language, Behaviour, Culture*, 1(1), 9—33.
- Lorenzo-Dus, N. (2009) “You’re barking mad, I’m out”: Impoliteness and broadcast talk. *Journal of Politeness Research*, 5, 159—187.
- Maalej, Z. A. (2012) The ‘Jasmine Revolt’ has made the ‘Arab Spring’: A critical discourse analysis of the last three political speeches of the ousted president of Tunisia. *Discourse & Society*, 23(6), 679—700.
- Maynard, S. K. (1994) Images of Involvement and Integrity: Rhetorical Style of a Japanese Politician. *Discourse and Society*, 5(2), 233—261.
- Mikis, S. M., & Melieur, J. M. (2005) *The great society and the high tide of liberalism*. Amherst, MA: The University of Massachusetts Press.
- Mills, S. (2003) *Gender and politeness*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mirhosseini, M., Mardanshahi, M., & Dowlatabadi, H. (2017) Impoliteness strategies based on Culpeper’s model: An analysis of gender differences between two characters in the movie *Mother*. *Journal of Applied Linguistics and Language Research*, 4(3), 221—238.
- Mirzaei, A., Eslami, Z. R., & Safari, F. (2017) Exploring rhetorical-discursive practices of Rouhani’s presidential campaign and victory of his prudence-and-hope key: A discourse of persuasion. *Russian Journal of Linguistics*, 21(1), 161—182.

- Murphy, J. (2014) (Im)politeness during Prime Ministers Questions in the U.K. Parliament. *Pragmatics and Society*, 5(1), 76—104.
- National Research Council, & Committee on Population (2013) *US health in international perspective: Shorter lives, poorer health*. National Academies Press.
- Oddo, J. (2011) War legitimation: representing ‘us’ and ‘them’ in four presidential addresses. *Discourse & Society*, 22(3), 1—28.
- Okulska, U. & Cap, P. (2010) Analysis of political discourse: landmarks, challenges, and prospects. In Okulska U. & P. Cap (eds.) *Perspectives in Politics and Discourse*. Amsterdam: John Bejamins, 3—22.
- P`erez de Ayala, S. (2001) FTAs and Erskine May: Conflicting needs? Politeness in question time. *Journal of Pragmatics*, 33(2), 143—169.
- Pelinka, A. (2007) Language as a political category: the viewpoint of political science. *Journal of Language & Politics* 6(1), 129—43.
- Peters, J. W. (2011, January 20) Conservatives’ aggressive Ad campaign seeks to cast doubt on health law. *New York Times*. Retrieved from http://www.nytimes.com/2013/07/07/us/politics/conservatives-aggressive-ad-campaign-seeks-to-cast-doubt-on-health-law.html?_r=0.
- Public Law (2010, March 23) *111th United States Congress*. Washington, DC: United States Government Printing Office. Retrieved from http://www.gpo.gov/fdsys/granule/PLAW-111publ148/PLAW_111publ148/content-detail.html.
- Toddington, R. S. (2015) *Impoliteness as a vehicle for humour in dramatic discourse* (Doctoral dissertation, University of Central Lancashire). Retrieved from <http://clou.uclan.ac.uk/12121/1/Toddington%20Rachel%20Final%20e-Thesis%20%28Master%20Copy%29.pdf>.
- United States Congress (n.d.) In *Wikipedia*. Retrieved May 25, 2018, from https://en.wikipedia.org/wiki/United_States_Congress.
- Van Dijk, T. A. (1997) What is political discourse analysis. *Belgian journal of linguistics*, 11(1), 11—52.
- Watts, R. J. (2003) *Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wilper, A. P., Woolhandler, S., Lasser, K. E., McCormick, D., Bor, D. H., & Himmelstein, D. U. (2009) Health insurance and mortality in adults. *American Journal of Public Health*, 99(12), 2289—2295.
- Zaripov, R. I. (2014) Manipulation impact through metaphors in political discourse. *Russian Journal of Linguistics*, (2), 145—158.

Article history:

Received: 10 May 2018

Revised: 23 July 2018

Accepted: 15 September 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 мая 2018

Дата принятия к печати: 15 сентября 2018

For citation:

Alemi, Mino and Latifi, Ashkan (2019). The Realization of Impoliteness in Arguments between the Democrats and Republicans over the Government Shutdown Issue in the US. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 83—97. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-83-97.

Для цитирования:

Alemi M., Latifi A. (2019). The Realization of Impoliteness in Arguments between the Democrats and Republicans over the Government Shutdown Issue in the US // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No. 1. С. 83—97. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-83-97.

Bionotes:

MINOO ALEMI is Associate Professor of Applied Linguistics at Islamic Azad University, West Tehran Branch, and a post-doctoral associate at Sharif University of Technology (SUT), Iran. She is the associate editor of *Applied Pragmatics* (John Benjamins) and sits on the editorial/review boards of many journals. Her areas of interest include discourse analysis, interlanguage pragmatics, materials development, and robot-assisted language education.

Contact information: e-mail: Minooalemi2000@yahoo.com

ASHKAN LATIFI holds an MA in Applied Linguistics from Sharif University of Technology and is currently an MA student of Sociology at Bu-Ali Sina University. His areas of interest are neuropsychology, psycholinguistics, neurolinguistics, and sociolinguistics.

Contact information: e-mail: ashkan.latify@gmail.com

Сведения об авторах:

МИНУ АЛЕМИ — доцент кафедры английского языка как иностранного, гуманитарный факультет филиала Исламского университета Азад, научный сотрудник Технологического университета им. Шарифа, заместитель главного редактора журнала *Applied Pragmatics* (John Benjamins), член редколлегий нескольких международных научных периодических изданий. Сфера научных интересов: дискурс-анализ, межкультурная прагматика, разработка учебных материалов и роботизированное обучение языку.

Контактная информация: e-mail: Minooalemi2000@yahoo.com

АШКАН ЛАТИФИ — магистр прикладной лингвистики, Технологический университет им. Шарифа. Сфера научных интересов: нейропсихология, психолингвистика, нейролингвистика, социолингвистика.

Контактная информация: e-mail: ashkan.latify@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-98-115

Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации

Е.Г. Которова

Зеленогурский университет
al. Wojska Polskiego 71A, 65-762, Зелёна-Гура, Польша

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Россия, 634050, Томск, проспект Ленина, дом 30

До середины XX века термин «прагматика» использовался в различных областях науки (таких как семиотика, философия, социология, психология), вследствие чего его содержание стало весьма широким и неоднозначным. Поэтому в процессе возникновения и развития лингвистически ориентированной прагматики стало необходимо определить место прагматики по отношению к лингвистике и ограничить круг ее задач. Отношения между прагматикой и лингвистикой могут быть интерпретированы тремя способами: 1) прагматика — это отдельная дисциплина, тесно связанная с лингвистикой; 2) прагматика является частью лингвистики; 3) прагматика относится к определенной части лингвистики. Эти три возможности обсуждаются в статье с опорой на существующую лингвистическую литературу. В качестве самостоятельной дисциплины прагматика постулируется, как правило, в том случае, если она как теоретическое направление возникает на стыке двух или нескольких наук (Habermas 1998, Mey 2001). В том случае, когда прагматика включается в состав лингвистики наряду с другими ее разделами, она обозначается как прагмалингвистика или лингвистическая прагматика. Эта точка зрения является в настоящее время наиболее распространенной, она чаще всего представлена в лингвистических словарях, в учебниках и пособиях по языкознанию (Ахманова 1966, Норман 2009, Wißmann 1990, Ernst 2002 и др.). Если прагматика рассматривается как часть определенного раздела лингвистики, то чаще всего она считается аспектом лингвистики текста или семантики (Лайонз 2003, Heinemann und Viehweger 1991). В заключение предлагается новая интерпретация: помимо системной лингвистики, прикладной лингвистики, междисциплинарной лингвистики и возможных других подразделов следует выделять также коммуникативную лингвистику; прагматика относится к коммуникативной лингвистике, наряду с фонетикой.

Ключевые слова: прагматика, коммуникация, лингвистика, классификация, прагмалингвистика

Pragmatics among Linguistic Disciplines: Problems of Definition and Classification

Elizaveta Kotorova

University of Zielona Góra
al. Wojska Polskiego 71A, 65-762, Zielona Góra, Poland

National Research Tomsk Polytechnic University
30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russia

Abstract

Until the mid-20th century, the term “pragmatics” was employed by different fields of research (such as semiotics, philosophy, sociology, psychology), which made the content of the term very wide and ambiguous. Due to the emergence and development of linguistically oriented pragmatics, it became necessary

to define the place of pragmatics in relation to linguistics and to determine the range of tasks it serves to accomplish. There are three ways to interpret the relationship between pragmatics and linguistics: 1) pragmatics is a separate discipline closely related to linguistics; 2) pragmatics is a branch of linguistics; 3) pragmatics belongs to a certain branch of linguistics. The article discusses these three possibilities with reference to the existing literature. Pragmatics is postulated as a discipline of its own, if it is developed as a cross-disciplinary theoretical approach (Habermas 1998, Mey 2001). When considered among other branches of linguistics, it is referred to as pragmalinguistics or linguistic pragmatics. Nowadays, this is the most widespread point of view found in many linguistic dictionaries and handbooks (Akhmanova 1966, Norman 2009, Bußmann 1990, Ernst 2002, etc.). Those who view pragmatics as part of a certain branch of linguistics, usually attribute it to text linguistics or semantics (Lyons 2003, Heinemann and Viehweger 1991). In conclusion, the author proposes another interpretation: in addition to core linguistics, applied linguistics, interdisciplinary linguistics and other possible subdivisions, it is expedient to distinguish communicational linguistics. Pragmatics makes part of it, alongside with phonetics.

Keywords: *pragmatics, communication, linguistics, classification, pragmalinguistics*

1. ВВЕДЕНИЕ

Коммуникативно-прагматический поворот в языкознании ознаменовал смещение интереса исследователей от изучения внутренних свойств языковой системы к анализу функций языка в сложной структуре человеческой коммуникации (Helbig 1990: 13), а также привлек внимание ученых к самому термину «прагматика», который до середины двадцатого века в рамках лингвистики практически не употреблялся. Бурное развитие лингвистической прагматики привело к тому, что к области изучения этой новой науки стали относить все, выходящее за рамки традиционной системной лингвистики, что стремительно расширило рамки ее объекта и сделало ее границы весьма расплывчатыми (ср. Ernst 2002: 4). До настоящего времени остается спорным вопрос о взаимоотношениях прагматики и языкознания.

Автор данной статьи ставит себе целью выявить и проанализировать существующие в настоящее время интерпретации термина «прагматика», описать возможные варианты соотношения прагматики с другими научными дисциплинами и предложить свой вариант схемы, иллюстрирующей положение лингвистической прагматики в рамках языковедческой науки. Не претендуя на окончательность решения описанного выше комплекса проблем, автор надеется, что представленная точка зрения будет способствовать развитию плодотворной дискуссии по этому поводу.

2. ТЕРМИН «ПРАГМАТИКА»: ВАРИАТИВНОСТЬ ЗНАЧЕНИЙ И ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Для возникновения и развития лингвистической прагматики во второй половине 20-го века особое значение имели результаты развития двух научных направлений. Во-первых, это были идеи философов и основателей семиотики Ч. Морриса и Ч. Пирса о том, что понятие прагматики можно определить как отношение между знаком и его интерпретатором, то есть тем, кто данный знак создает (продуцирует) и понимает (ср. Morris 1938: 6—7; Nöth 1990: 50). Во-вторых, это

была теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля, которые впервые определили высказывание как действие и, соответственно, процесс коммуникации как активный процесс взаимодействия (ср. Austin 1962; Searle 1969).

До того времени термин «прагматика» использовался как в различных областях науки (прежде всего в философии, социологии и психологии), так и повседневно в обиходе, что привело к тому, что его содержание стало в значительной мере расплывчатым и неоднозначным.

Из истории развития прагматики как научного направления известно, что она могла рассматриваться как составная часть различных отраслей науки. Под прагматикой, в зависимости от временного периода и от авторов конкретной теории, может пониматься:

1) один из трех компонентов семиозиса, в рамках которого изучаются отношения знаков к субъектам, производящим и интерпретирующим их (семиотическая прагматика Чарльза Морриса) (см. Morris 1938, 1939);

2) изучение закономерностей, патологий и парадоксов взаимодействия индивидов (психотерапевтическая прагматика Павла Вацлавика) (см., напр. Вацлавик, Бивин, Джексон 2000);

3) исследование языка как инструмента действия для достижения различных целей (лингвофилософская прагматика, базирующаяся на теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля) (см. Austin 1962; Searle 1969, 1979; Searle, Vanderveken 1985);

4) универсальная теория социального взаимодействия (социофилософская прагматика Ю. Хабермаса) (см. Habermas 1971, 1981, 1984, Хабермас 2003);

5) специфическая (институциональная) теория речевого поведения (функциональная прагматика Конрада Элиха и Йохена Ребайна) (см., напр. Ehlich, Rehbein 1986; Rehbein, Löning 1995).

Наряду с вышеназванными можно выделить и другие интерпретации термина (ср. Ernst 2002; Сусов 2009: 52—53).

Вследствие такого разнообразия интерпретаций исходного термина, в процессе возникновения и развития лингвистически ориентированной прагматики стало необходимо решить следующие задачи:

1) определить место прагматики по отношению к лингвистике;

2) дать новому термину дефиницию в рамках теории языка.

В ряде публикаций ученые-лингвисты высказали свое мнение в отношении возможностей решения этих задач (ср., напр. Verschueren 1999; Mey 2001: 6—11; Ernst 2002; Сусов 2009 и др.), однако до настоящего времени среди них нет единого мнения в отношении того, что составляет специфику лингвистически ориентированной прагматики и как она соотносится с другими прагматическими направлениями. Для того, чтобы подчеркнуть особенности этой новой дисциплины, параллельно к терминам «социолингвистика», «психолингвистика», «этнолингвистика» и др. был создан термин «прагмалингвистика», наряду с ним (хотя и реже) употребляются также обозначения «лингвопрагматика» и «лингвистическая прагматика» (напр. Норман 2009, Сусов 2009, Балабанова 2012).

Отношения между прагматикой и лингвистикой в разных источниках трактуются по-разному. Возможные варианты их взаимосвязи и взаимозависимости можно свести к следующим (схожие идеи были высказаны И.П. Сусовым, см. 2009: 52).

1. Прагматика рассматривается как дисциплина, смежная с лингвистикой. Обе дисциплины имеют область пересечения, а именно функционирование языка в коммуникации. Но при этом лингвистика изучает взаимосвязь коммуникации с системой языка, а прагматика — зависимость коммуникации от состава и структуры социума. Таким образом, прагматика может определяться, например, как связующее звено между лингвистикой и социологией. Эта точка зрения представлена, в частности, в работах датского ученого Я. Мея, который определяет предмет прагматики следующим образом: «Прагматика изучает использование языка в коммуникации между людьми в зависимости от условий данного сообщества»¹ (Meу 2001: 6). И.П. Сусов также полагает, что прагматика обладает статусом независимой дисциплины: «Я же на нынешнем этапе не исключаю для себя права прагматики считаться самостоятельной междисциплинарной областью знания, тесно примыкающей к лингвистике» (Сусов 2009: 53).

2. Прагматика включается в состав лингвистики наряду с другими ее разделами, такими как лексикология, морфология, а также лингвистика текста, контрастная лингвистика и другими. Именно в этом случае она обозначается как прагмалингвистика или лингвистическая прагматика. Эта точка зрения является в настоящее время наиболее распространенной, она чаще всего представлена в лингвистических словарях и в учебниках и пособиях по языкознанию (см. напр. Ахманова 1966: 331; Норман 2009: 3; Bußmann 1990: 605; Ernst 2002: 15; Ehrhard, Heringer 2011: 10 и др.).

3. Прагматика рассматривается как часть определенного раздела лингвистики. Чаще всего такими разделами являются лингвистика текста и семантика.

Широкое понимание семантики характерно для Дж. Лайонза, который, по его собственному утверждению, включает в область семантики «много того, что они [другие лингвисты] изучали бы не в рамках семантики, а в рамках дисциплины, получившей название прагматики» (Лайонз 2003: 9). Ученый подчеркивает при этом, что для него важным является не ограничивать сферу значения лишь тем, что можно проанализировать с условно-истинностной точки зрения, необходимо также учитывать контекстообусловленные и субъективные аспекты смысла. Расширенная таким образом область значения может пониматься как совместная сфера лингвистической семантики и прагматики.

Другим вариантом является включение коммуникативного (прагматического) компонента в круг задач лингвистики текста. Авторы такой концепции (см., напр. Heinemann, Viehweger 1991; Левицкий 2006) придерживаются мнения, что задачей лингвистики текста является изучение не только структур, но и коммуникативных функций текстов. Хайнеманн и Фивегер, однако, полагают, что понятие текста должно базироваться только лишь на производстве и восприятии вербальных

¹ “Pragmatics studies the use of language in human communication as determined by the conditions of society” (Meу 2001:6). Здесь и далее перевод цитат выполнен автором статьи.

коммуникативных сигналов, невербальные знаки (как, например, свисток проводника поезда или световые сигналы светофора) исключаются из рассмотрения (Heinemann, Viehweger 1991: 16).

Три варианта соотношения прагматики с другими научными дисциплинами, описанные выше, могут быть представлены схематически следующим образом:

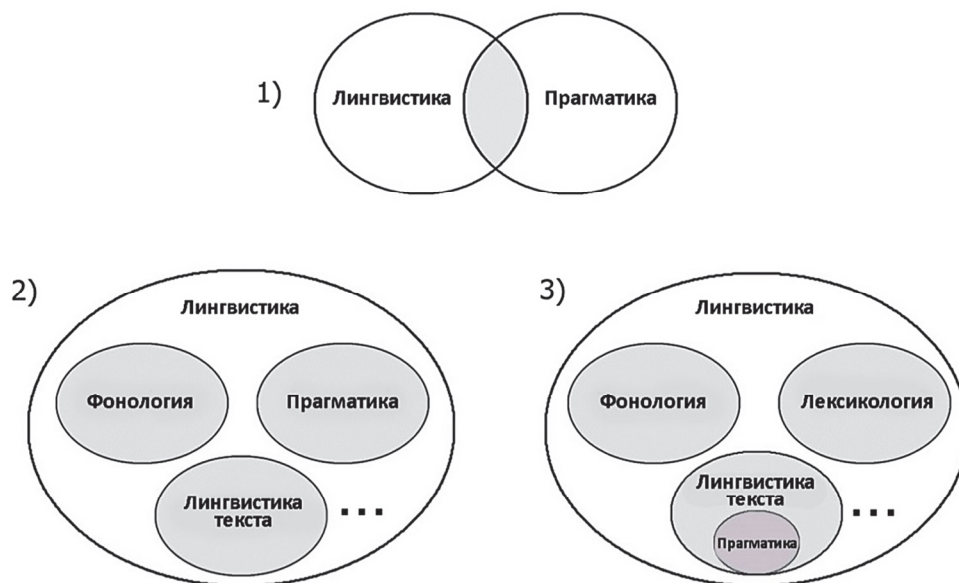

Схема 1. Отношения между прагматикой и лингвистикой /
Scheme 1. Relation between pragmatics and linguistics

При всех имеющихся различиях все три интерпретации понятия прагматики имеют общее ядро, а именно: прагматика или же прагмалингвистика понимается как дисциплина, изучающая закономерности использования языка. Таким образом, речь идет о лингвистике речи (*Parole* в соссюрговской терминологии) (ср. Schlieben-Lange 1975: 20). На это обстоятельство указывает также С. Левинсон, однако он при этом говорит не о соссюрговской дихотомии Lange — *Parole*, а о противопоставлении языкового знания (компетенции) и речевого употребления (перформанса) в терминах Н. Хомского. Левинсон жестко очерчивает границы прагматики и утверждает, что, по его мнению, прагматика должна заниматься исключительно принципами речевого употребления, вопросы же языковой структуры и языковой компетенции не должны ее интересовать (Levinson 1994: 7—8).

Ниже будут более подробно рассмотрены все три варианта соотношения прагматики с другими научными дисциплинами.

3. ПРАГМАТИКА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ДИСЦИПЛИНА

В качестве самостоятельной дисциплины прагматика постулируется, как правило, в том случае, если она как теоретическое направление возникает на стыке двух или нескольких наук. Таким направлением является, например, универ-

сальная (называемая в поздних работах автора также формальной) прагматика Ю. Хабермаса, объединяющая идеи и положения философии, социологии, формальной логики и лингвистики. Хотя и существует точка зрения (см. Хельбиг 1978: 19), что Хабермас, будучи философом и социологом, только использовал теорию речевых актов, чтобы построить модель коммуникации в идеальном обществе, на наш взгляд, невозможно не признать, что Хабермас по-своему рассмотрел и представил основные понятия коммуникации (речевые действия, коммуникативную рациональность, консенсус и др.) и тем самым внес огромный вклад в исследование коммуникации, развитие теории речевых актов и лингвистической прагматики в целом.

Задачей универсальной прагматики (или теории коммуникативной компетенции) является, по мнению создателя этого направления, «выявить и реконструировать универсальные условия возможного взаимопонимания²» (Habermas 1998: 21). Ее предметом являются элементарные высказывания как прагматические единицы речи и общие структуры речевых ситуаций. Хабермас стремится реконструировать систему правил, по которым говорящий, обладающий коммуникативной компетенцией, строит высказывание из предложений, и проследить, насколько успешно говорящий или слушающий трансформировал предложения в высказывания с помощью прагматических универсалий. Термин «универсальная прагматика» должен, по замыслу автора, подчеркнуть различие между его теорией и другими направлениями лингвистической прагматики. Если эмпирическая прагматика ставит задачу изучить индивидуальные ситуативные условия реализации высказываний, то целью универсальной прагматики является реконструкция универсальной системы правил, с помощью которых предложения могут трансформироваться в высказывания (Habermas 1971: 102; Habermas 1998: 25). Вследствие этого Хабермас считает необходимым отграничить созданную им теорию коммуникативной компетенции (называемой иначе «универсальной прагматикой») от лингвистики. По его мнению, существует принципиальное различие между порождением предложений в соответствии с правилами языка (область компетенции лингвистики) и употреблением предложений в соответствии с прагматическими правилами, которые формируют инфраструктуру речевых ситуаций в целом (область компетенции универсальной прагматики) (Habermas 1998: 48).

Тенденция рассматривать прагматику как самостоятельную дисциплину подкрепляется также тем фактом, что в последние десятилетия успешно развиваются такие направления, как межкультурная прагматика, кросс-культурная прагматика, этнопрагматика и межъязыковая прагматика (*intercultural pragmatics, cross-cultural pragmatics, ethnopragmatics, inertlangauge, pragmatics*) (Goddard 2006, Kasper 1998, Kasper, Blum-Kulka 1993, Kecskes 2014, 2017; Wierzbicka 2003/1991 и др.).

Такое разнообразие сопоставительных исследований свидетельствует о том, что предмет прагматики не исчерпывается сугубо лингвистическими аспектами,

² “The task of universal pragmatics is to identify and reconstruct universal conditions of possible mutual understanding (*Verständigung*)” (Habermas 1998: 21).

рассматриваемыми в основном в рамках контрастивной прагматики (contrastive pragmatics), стоящей в одном ряду с контрастивной фонологией, лексикологией и грамматикой, а включает и другие компоненты, требующие особого внимания и подхода. Так, межкультурная прагматика фокусируется на взаимодействии людей из разных культур, говорящих на разных языках, в то время как кросс-культурная прагматика рассматривает каждый язык и культуру отдельно и анализирует различия и сходства между моделями речевого поведения. Этнопрагматика нацелена на описание культурно-специфичных дискурсивных практик через ключевые слова языка и культуры и понятные носителю любого языка семантические примитивы (Goddard 2006, Goddard, Wierzbicka 2004, см. также Gladkova, Larina 2018 а, б). Задачей межъязыковой прагматики является исследование того, как усваиваются и используются прагматические нормы в процессе изучения второго иностранного языка (см., например, Kasper, Blum-Kulka 1993, Kasper 1998 и др.).

О сложных отношениях между прагматикой и лингвистикой пишет также Я. Мей (Meu 2001). Он полагает, что было бы ошибочным ограничить область задач прагматики только лингвистическим материалом. Значительная часть прагматического анализа базируется на социологических данных. При этом Мей выражает сомнение в том, возможно ли и нужно ли четко очерчивать границы прагматики. Особенностью данного научного направления является его междисциплинарный характер, в связи с чем существует множество мнений по поводу взаимоотношений прагматики с другими научными дисциплинами (Meu 2001: 6—7). Гюнтер Сенфт полагает, что ее можно охарактеризовать как «трансдисциплину» в составе гуманитарных наук (Senft 2014: 4; Senft 2016: 1586). Возможной альтернативой является определение прагматики не как особой дисциплины, а как особой перспективы анализа: «Можно сказать, что лингвистическая прагматика ... скорее характеризует новый взгляд на лингвистический материал [т.е. ‘перспективу’], а не попытку обозначить четкие границы по отношению к другим дисциплинам»³ (Haberland, Meu 1977: 5).

4. ПРАГМАТИКА КАК ЧАСТНАЯ ДИСЦИПЛИНА ЯЗЫКОЗНАНИЯ

При анализе трех описанных выше возможностей интерпретации отношений между прагматикой и лингвистикой можно видеть, что в настоящее время большинство исследователей придерживается точки зрения, что лингвистическая прагматика или же прагмалингвистика должна быть — в соответствии со своим названием — включена в область лингвистических исследований и является, таким образом, одной из языковедческих дисциплин. Такое мнение основывается, во многом на определениях предмета языкознания как науки, представленных в современных лингвистических словарях и энциклопедиях. Можно видеть, что в настоящее время важной задачей языкознания считается изучение функционирования языка в коммуникации. Так, уже А.А. Реформатский подчеркивал, что «языковедение имеет своим предметом не только язык, но и речь» (2001: 52).

³ “Linguistic pragmatics ... can be said to characterize a new way of looking at things linguistic [i.e. ‘perspective’], rather than marking off clear borderlines to other disciplines” (Haberland, Meu 1977: 5).

Современному лингвисту важной представляется связь языка с его носителями: «Языкознание входит в совокупность гуманитарных наук, исследующих человека и человеческое общество, и специфически связано с ними» (Голикова 2015: 8). Не только отечественные, но и зарубежные ученые в центр своих дефиниций ставят связь системы языка с его реализацией в коммуникации: «Языкознание — это научная дисциплина, целью которой является описание языка и речи во всех теоретически и практически важных аспектах и во всех возможных взаимосвязях с пограничными дисциплинами»⁴ (Bußmann 1990: 723); или же: «Языкознание — это научная дисциплина, которая занимается описанием и истолкованием языка, языков и языковой коммуникации»⁵ (Glück 2000: 676). Таким образом, прагматика как коммуникативная дисциплина решает одну из частных задач языкознания и должна быть включена в его состав.

Эта интерпретация принципиально отличается от взглядов структуралистов, исключавших коммуникативный аспект из лингвистического анализа. По мнению Ф. де Соссюра, «язык, отличный от речи, составляет предмет, доступный самостоятельному изучению. Мы не говорим на мертвых языках, но мы отлично можем овладеть их механизмом. Что же касается прочих элементов речевой деятельности, то наука о языке вполне может обойтись без них; более того, она вообще возможна лишь при условии, что эти прочие элементы не примешаны к ее объекту» (де Соссюр 1999: 21). После «прагматического поворота» ситуация изменилась, что существенно повлияло на взгляды ученых в отношении предмета лингвистики.

Существует мнение, что в настоящее время можно говорить о двух направлениях в лингвистической прагматике, или двух школах. Представители англо-американской школы рассматривают прагматику как одну из основных составляющих лингвистической теории, наряду с фонологией, морфологией и другими базовыми дисциплинами. Приверженцы Европейской континентальной школы полагают, что предмет прагматики не ограничивается только лишь лингвистическим компонентом, а включает также социальный, культурный и эмоциональный аспект коммуникации (см. Alba-Juez 2016: 50; Alba-Juez, Larina 2018: 14—15).

Вместе с тем сам факт отнесения прагмалингвистики к кругу лингвистических дисциплин не решает полностью проблемы ее классификации. Второй спорный вопрос касается положения прагматики по отношению к другим частным дисциплинам языковедческой науки.

Перечень частных дисциплин лингвистики и их классификация существенно различаются у разных авторов как по степени их детальности, так и по составу подразделов. При этом нельзя сказать, что большое число исследователей стремились такую классификацию создать.

На настоящий момент общепринятой классификации лингвистических дисциплин не существует. Чаще всего выделяются такие подразделы, как системная

⁴ “Sprachwissenschaft — wissenschaftliche Disziplin, deren Ziel es ist, Sprache und Sprechen unter allen theoretisch und praktisch relevanten Aspekten und in allen Beziehungen zu den angrenzenden Disziplinen zu beschreiben“ (Bußmann 1990:723).

⁵ “Sprachwissenschaft — Wissenschaftliche Disziplin, die sich mit der Beschreibung und Erklärung von Sprache, Sprachen und sprachlicher Kommunikation befasst” (Glück 2000: 676).

(или теоретическая) и прикладная лингвистика (см., напр. Кодухов 1979: 16; Баранов 2001: 6—7; Комарова 2014: 351), в англоязычной литературе этой классификации в общих чертах соответствует деление на макро- и микролингвистику, или же на ядерную (*core linguistics*) и прикладную лингвистику (*applied linguistics*) (Lyons 1981: 34—37, Korte, Müller, Schmied 2004: 17—19).

Наряду с этими базовыми разделами выделяются также такие, как историческая лингвистика, сопоставительная лингвистика, междисциплинарная лингвистика, вариационная лингвистика и другие (см. напр. Sinha 2005: 3—7; Becker 2013: 9—11; Комарова 2014: 351—365; Bieswanger, Becker 2017: 2—4).

Распределение отдельных дисциплин по вышеназванным разделам варьирует существенным образом. В отношении места прагматики в кругу языковедческих дисциплин среди лингвистов также нет единства: прагматика рассматривается как теоретическая основа и важнейший компонент прикладной лингвистики (Cummins 2010: 19—20; см. также Blum-Kulka, Olshain 1984: 196), или же как междисциплинарная область (Verschueren 1984: 3; vgl. auch Van Dijk 1980: 68), нередко ее относят к системной лингвистике (Becker 2013: 9—10), или же, иными словами, к центральной области языкознания (Vater 1994: 25; Korte, Müller, Schmied 2004: 17—18; Nißl 2011: 47).

Если прагматика понимается как системная дисциплина, то она противопоставляется таким областям лингвистики, как фонология, морфология, лексикология, синтаксис. В этой связи возникает вопрос, следует ли в структурной иерархии языка наряду общепризнанными уровнями, такими как фонологический, морфологический, лексический и синтаксический, выделять и прагматический уровень.

Решение данного вопроса зависит во многом от того, что понимается под языковым уровнем. Традиционно этот термин связывается с определенной частью языковой системы, «которая характеризуется инвентарем конституирующих данный уровень единиц и определенными отношениями между ними⁶» (Glück 2000, 174). В соответствии с этим определением наличие языкового уровня связывается с существованием специализированных языковых элементов, конституирующих данный уровень. Однако область прагматики такой специфической единицей не обладает.

Существует мнение, что основными единицами прагматической сферы являются высказывания или речевые акты, однако различия между этими единицами и предложениями не столь существенны, как между единицами других уровней. Исследователи, как правило, сходятся во мнении о том, что высказывания в большинстве случаев могут рассматриваться как коммуникативные варианты предложений, конституирующих синтаксический уровень.

В то же время, хотя, несомненно, между высказываниями и предложениями существует тесная взаимосвязь, их полное отождествление было бы ошибочным. Высказывания — это коммуникативные единицы, важнейшим признаком которых является их целевая установка, предложения же — это грамматические единицы,

⁶ “...der durch ein Inventar von für die jeweilige Ebene konstitutiven Einheiten und die Beziehungen zwischen ihnen charakterisiert ist” (Glück 2000: 174).

ведущим признаком для них является их лингвистическая корректность. В связи с этим можно говорить о существовании высказываний, не являющихся предложениями (например, *Guten Morgen!*), и о существовании предложений, не являющихся высказываниями, это относится, например, к частям высказываний (ср. *du willst dich nicht beteiligen* в высказывании *Ich weiß, du willst dich nicht beteiligen*) (Engel, 1996: 179).

Вышеприведенные факты и аргументы могут служить основанием для вывода о том, что прагмалингвистика должна скорее пониматься как область, «параллельная» синтаксису, при этом синтаксис рассматривается как системная дисциплина (область *Langue*), а прагмалингвистика — как коммуникативная дисциплина (область *Parole*).

Сходные отношения существуют между фонологией и фонетикой.

Согласно Н. Трубецкому, фонетика описывает конкретные звуки речи, в то время как фонология занимается изучением неких абстрактных единиц — фонем как элементов языка.

Трубецкой выделяет два понятия: речевой акт (*Sprechakt*) и систему языка (*Sprachgebilde*). В каждый момент межличностного вербального контакта мы имеем дело с речевым актом, который всегда конкретен, поскольку совершается в определенное время и в определенном месте. Речевой акт предполагает наличие говорящего («отправителя»), слушателя («получателя») и темы, в связи с которой совершается данный речевой акт («предмета коммуникации»). Эти три компонента могут варьироваться от одного речевого акта к другому. Однако для того, чтобы коммуникация состоялась, необходимо наличие в сознании собеседников одного и того же «кода» — языковой компетенции, они должны владеть одним и тем же языком. В противоположность речевым актам система языка представляет собой нечто общее и постоянное. Язык лежит в основе бесконечного числа конкретных речевых актов. С другой стороны, существование языка оправдано лишь постольку, поскольку он реализуется в этих конкретных речевых актах. Таким образом, речь и язык неразрывно связаны, предполагают друг друга. Но по своей сущности это принципиально разные вещи, поэтому они должны рассматриваться и изучаться независимо друг от друга (Трубецкой 1960: 7—8).

Таким образом, представляется целесообразным выделять два направления при анализе языковых элементов: первое из них ориентировано на речевой акт и речь в целом, второе — на систему языка. В отношении звуковых элементов, согласно предложению Н.А. Трубецкого, такое разделение существует уже в течение нескольких десятилетий: учение о звуках речи называют фонетикой, а учение о звуках языка — фонологией. По аналогии с данным противопоставлением синтаксис можно понимать как дисциплину языка, а прагматику — как дисциплину речи. При этом следует учитывать, что высказывания, образующие прагматическую область лингвистического анализа, нередко не ограничиваются объемом одного предложения, а могут охватывать несколько синтаксических единиц. Поэтому прагматика в отдельных случаях рассматривается также как частная дисциплина лингвистики текста, о чем более подробно будет сказано в следующем параграфе.

Если первое направление анализа, ориентированное на систему, традиционно называют системной лингвистикой, то второе направление в последнее время стало обозначаться как «лингвистика речи» (Седов 2016: 14) или же «коммуникативная лингвистика» (Стернин 2015: 7—8; Комарова 2014: 354). Фактически об этом же делении говорит Дж. Лич, называющий объект анализа первого направления «грамматикой», а второго — «прагматикой»: «Язык состоит из грамматики и прагматики. Грамматика — это абстрактная формальная система для производства и интерпретации высказываний. Общая прагматика — это набор стратегий и принципов для осуществления успешной коммуникации путем использования грамматики⁷» (Leech 1983: 76; ср. также Которова 2004: 14). В соответствии с такой интерпретацией системная лингвистика в некоторых работах также обозначается как грамматика, а коммуникативная — как прагматика (см. Malmkjaer 1995: 476; Ernst 2002: 5; ср. также Grewendorf, Hamm, Sternefeld 1996: 34—35).

5. ПРАГМАТИКА КАК КОМПОНЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Как уже упоминалось, прагматика может рассматриваться как подраздел одной из частных дисциплин лингвистики. При этом наиболее часто в качестве такой дисциплины называется либо семантика, либо лингвистика текста. На взаимосвязь прагматики и теории текста указывает, например, Г. Хельбиг, указывая на то, что «прагмалингвистикой часто называют коммуникативно-ориентированный подход в рамках лингвистики текста»⁸ (Helbig 1990: 151).

В целом такой подход сформировался преимущественно в европейском языкознании, а именно, в работах немецких, австрийских, французских лингвистов. В опубликованной в начале 21 века в Германии «Энциклопедии языкознания» прагмалингвистика определяется как «субдисциплина лингвистики текста, целью которой является фиксация и анализ общих законов формирования текста в условиях возможных ситуаций его использования»⁹ (Homberger 2010: 409).

Для того, чтобы прояснить отношения между прагматикой и лингвистикой текста, необходимо сначала определить статус и место теории текста в рамках лингвистики в целом, по поводу чего среди ученых-языковедов также нет единства. Лингвистика текста рассматривается как самостоятельная отрасль языкознания (Heinemann, Viehweger 1999: 13; Bußmann 1990: 779; Glück 2000: 729; Николаева 1990: 267 и др.) либо же относится к прикладным лингвистическим

⁷ “Language consists of grammar and pragmatics. Grammar is an abstract formal system for producing and interpreting messages. General pragmatics is a set of strategies and principles for achieving success in communication by the use of grammar” (Leech 1983, с. 76).

⁸ “...dass Pragmalinguistik vielfach als Bezeichnung für den kommunikationsorientierten Ansatz der Textlinguistik bzw. Texttheorie erscheint” (Helbig 1990: 151).

⁹ “Teildisziplin der Textlinguistik; Zielsetzung ist die Erfassung und Analyse allgemeiner textbildender Gesetzmäßigkeiten unter den Bedingungen möglicher Verwendungssituationen“ (Homberger 2010: 409).

дисциплинам (Anes 2016: 139), она также может определяться как междисциплинарная область (Vater 1994: 25), или как составная часть дискурс-анализа (Brown, Yule 1983: 26; Van Dijk 1998: 194; Alba-Juez 2016: 52; Красина 2016: 92).

Автор данной статьи полагает, что лингвистику текста следует относить к системным дисциплинам¹⁰ (ср. также Korte, Müller, Schmieid 2004:17—18), в этом случае она описывает текстовый уровень в структуре языка, основной единицей данного уровня является текст. Под «текстом» при этом понимаются любые языковые структуры, выходящие за рамки предложения. В такой интерпретации прагмалингвистика рассматривается не как компонент лингвистики текста, а как дисциплина речи (Parole), противопоставленная лингвистике текста как дисциплине языка (Langue).

В последнее время многое было сказано о взаимосвязи между прагматикой и семантикой — точнее, лингвистической семантикой. Так называемый «прагматический поворот» в семантике связан, в первую очередь, с именем Л. Витгенштейна. Для Витгенштейна значение слова в большинстве случаев определяется его использованием: «Для большого числа случаев использования слова «значение» — если не для всех случаев его использования — можно объяснить это слово следующим образом: Значение слова — это его использование в языке¹¹» (Wittgenstein 2001:43). Поэтому значение принадлежит скорее не языку, а говорящему субъекту. Эта точка зрения оправдывает прагматизацию значения и, по сути, означает, что оно лежит вне сферы языковой семантики. Многие примеры показывают, как смысл предложения может измениться в разных прагматических условиях. Так, например, фраза *Morgen komme ich* в разных коммуникативных контекстах может принимать прагматическое значение СООБЩЕНИЯ, ОБЕЩАНИЯ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ или УГРОЗЫ¹² (ср. Savigny 2002: 9—10). Следует, однако, отметить, что смысл предложения изменяется не произвольно, а основан на значении лингвистических знаков (слов) и отношениях между ними. Таким образом, прагматика также включает коммуникативные реализации языкового значения.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

МЕСТО ПРАГМАТИКИ В КРУГУ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Анализ разных точек зрения на предмет и задачи прагматики как научной дисциплины показывает, что среди ученых нет единства в отношении того, в состав какого глобального научного направления (семиотика, философия, психология и т.п.) входит прагматика. В середине 20-го века прагматику стали включать также в состав лингвистики, в этом случае данная дисциплина получает

¹⁰ Следует отметить, что в лингвистической литературе встречаются прямо противоположные мнения — см., напр., Becker 2013: 10.

¹¹ “Man kann für eine große Klasse von Fällen der Benützung des Wortes “Bedeutung” — wenn auch nicht für alle Fälle seiner Benützung — dieses Wort so erklären: Die Bedeutung eines Wortes ist sein Gebrauch in der Sprache” (Wittgenstein 2001: 43).

¹² Малыми прописными буквами обозначаются различные модели речевого поведения (см. Гладров / Которова 2015).

название лингвистической прагматики или прагмалингвистики. Относительно положения и содержания лингвистической прагматики можно сделать следующие выводы.

1. Прагматика, или же прагмалингвистика, на современном этапе развития теории языка преимущественно рассматривается как область языкознания, поскольку его объект, в соответствии с современными понятиями, включает не только систему языка, но и речевые формы ее реализации.

2. В рамках языкознания следует выделять наряду с системной, прикладной, междисциплинарной лингвистикой и другими возможными отраслями также и коммуникативную лингвистику.

3. Прагматика наряду с фонетикой (и морфофонетикой) относится к коммуникативной лингвистике.

4. Объект исследования прагматики включает в себя коммуникативные реализации предложений и текстов, а также реализацию языковых значений различного рода.

Эти выводы можно суммировать в следующей схеме, иллюстрирующей положение прагмалингвистики в рамках языковедческой науки:

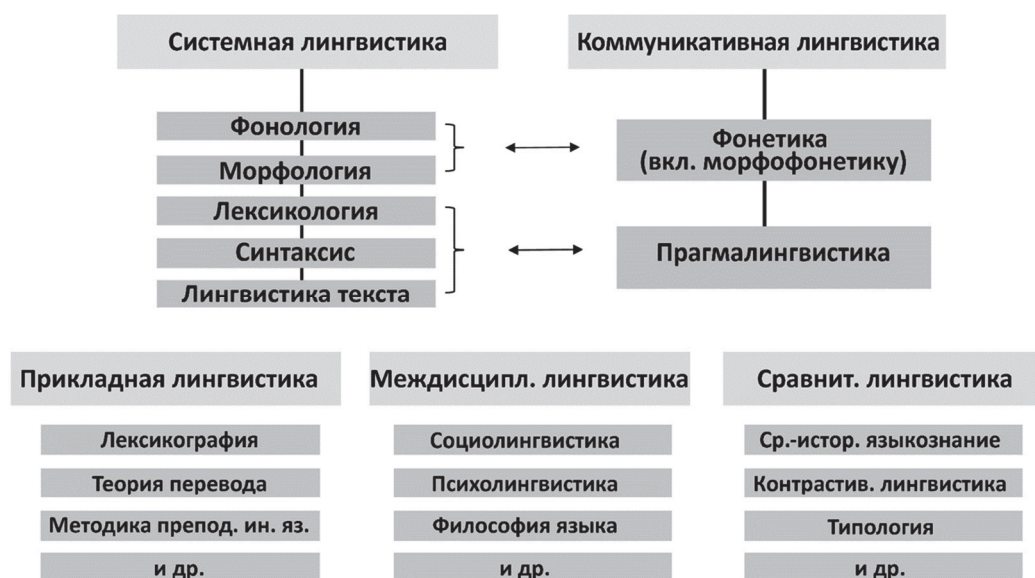

Схема 2. Основные разделы языкознания (выборка) /
Scheme 2. Main branches of linguistics (selected)

В соответствии с целью статьи вышеприведенная схема иллюстрирует точку зрения автора на позицию прагмалингвистики по отношению к другим языковедческим дисциплинам. Автор не претендует на охват всех (или большинства) направлений лингвистики в данной схеме. По всей видимости, однозначного решения по поводу отграничения и классификации частных дисциплин в рамках языкознания быть не может, так как существует множество мнений относительно возможностей иерархической организации такой классификации. Предложенное

решение является лишь одним из возможных. При этом следует признать, что коммуникативная лингвистика, бурно развивающаяся в последнее время, также находится в стадии становления, и лингвистам в ходе дискуссии еще предстоит дать дефиницию этой субдисциплине, определить ее предмет и задачи.

© Elizaveta G. Kotorova, 2019

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1966. [Akhmanova, O.S. (1966). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (Dictionary of linguistic terms). Moskva: Izdatel'stvo «Sovetskaya entsiklopediya». (In Russ.)]
- Балабанова И.Я. Лингвопрагматика рекламного текста (на материале русского и французского языков) // *Вестник Челябинского государственного университета*, 2012, № 20 (274). Филология. Искусствоведение. Вып. 67. С. 27—30. [Balabanova, I.Ya. (2012). *Lingvopragmatika reklamnogo teksta (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)* (Lingvopragmatics of advertising text (based on Russian and French)). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 20 (274), Filologiya. Iskusstvovedeniye, 67, 27—30. (In Russ.)]
- Баранов А.Н. *Введение в прикладную лингвистику*. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. [Baranov, A.N. (2001). *Vvedeniye v prikladnyuyu lingvistiku* (Introduction to applied linguistics). Moskva: Editorial URSS. (In Russ.)]
- Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. *Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия* / пер. с англ. А. Суворовой. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО Пресс, 2000. [Watzlawick, P., Beavin, J., Jackson, D. (2000). *Pragmatika chelovecheskikh kommunikatsiy: Izucheniye patternov, patologiy i paradoksov vzaimodeystviya* (Pragmatics of human communication: a study of interactional patterns, pathologies, and paradoxes). Moscow: Aprel'-Press, EKSMO Press. (In Russ.)]
- Гладров В., Которова Е.Г. Контрастивное изучение моделей речевого поведения // *Жанры речи*. 2015. № 2. С. 27—39. [Gladrow, W., Kotorova, E.G. (2015). *Kontrastivnoye izucheniye modeley rechevogo povedeniya* (Contrastive study of speech behavior patterns). *Speech genres*, 2, 27—39. (In Russ.)]
- Голикова Т.А. *Введение в языкознание*. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015. [Golikova T.A. (2015). *Vvedeniye v yazykoznanie* (Introduction to linguistics). Moskva—Berlin: Direkt-Media. (In Russ.)]
- Кодухов В.И. *Введение в языкознание*. Москва: Просвещение, 1979. [Kodukhov, V.I. (1979). *Vvedeniye v yazykoznanie* (Introduction to linguistics). Moskva: Prosveshcheniye (In Russ.)]
- Комарова З.И. *Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. 3-е изд.* Москва: Флинта, 2014. [Komarova, Z.I. (2014). *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike: ucheb. posobiye* (Methodology, method, technique and technology of scientific research in linguistics: study guide). 3-ye izd, Moskva: Flinta. (In Russ.)]
- Которова Е.Г. Коммуникативный модус высказывания и его основные характеристики в немецком языке в сопоставлении с русским // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. Том 2. Выпуск 1. Новосибирск. 2004. С. 14—19. [Kotorova, E.G. (2004). *Kommunikativnyy modus vyskazyvaniya i yego osnovnyye kharakteristiki v nemetskom yazyke v sopostavlenii s russkim* (Communicative mode of utterance and its main characteristics in German in comparison to Russian). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2, (1), Novosibirsk, 14—19 (In Russ.)]

- Красина Е.А. (2016) Дискурс, высказывание и речевой акт // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 4. С. 91—102. [Krasina E. (2016). Discourse, Statement and Speech Act. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 91—102. (In Russ.)]
- Лайонз Д. *Лингвистическая семантика. Введение*. Москва: Языки славянской культуры, 2003. [Lyons, J. (2003). *Lingvisticheskaya semantika. Vvedeniye* (Linguistic semantics. Introduction). Moskva: Yazyki slavyanskooy kul'tury. (In Russ.)]
- Левицкий Ю.А. *Лингвистика текста*. Москва: Высшая школа, 2006. [Levitskiy, Yu.A. (2006). *Lingvistika teksta* (Text linguistics). Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.)]
- Николаева Т.М. Лингвистика текста // В.Н. Ярцева (Гл. ред.). *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия, 1990: 267—268. [Nikolayeva, T.M. (1990). Lingvistika teksta (Text linguistics). In V.N. Yartseva (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 267—268. (In Russ.)]
- Норман Б.Ю. *Лингвистическая прагматика. На материале русского и других славянских языков*. Минск: БГУ, 2009. [Norman, B.Yu. (2009). *Lingvisticheskaya pragmatika. Na materiale russkogo i drugikh slavyanskikh yazykov* (Linguistic pragmatics. Based on Russian and other Slavic languages). Minsk: BGU. (In Russ.)]
- Реформатский А.А. *Введение в языковедение*. Москва: Аспект пресс, 2001. [Reformatskiy, A.A. (2001). *Vvedeniye v yazykovedeniye* (Introduction to linguistics). Moskva: Aspekt press. (In Russ.)]
- Соссюр де Ф. *Курс общей лингвистики*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. [Sossyur de, F. (1999). *Kurs obshchey lingvistiki* (Course in general linguistics). Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russ.)]
- Седов К. *Общая и антропоцентрическая лингвистика*. Москва: Издательский дом ЯСК, 2016. [Sedov, K. (2016). *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* (General and anthropocentric linguistics). Moskva: Izdatel'skiy dom YASK. (In Russ.)]
- Стернин И.А. *Лексическое значение слова в речи*. 2-е изд. Москва / Берлин: Директ-Медиа, 2015. [Sternin, I.A. (2015). *Leksicheskoye znacheniye slova v rechi* (Lexical meaning of a word in speech). 2 ed. Moskva / Berlin: Direkt-Media. (In Russ.)]
- Сусов И.П. *Лингвистическая прагматика*. Винница: Нова книга, 2009. [Susov I.P. (2009). *Lingvisticheskaya pragmatika* (Linguistic pragmatics). Vinnitsa: Nova knyga. (In Russ.)]
- Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие*. СПб., 2003. [Habermas, J. (2003). *Moral'noye soznaniye i kommunikativnoye deystviye* (Moral consciousness and communicative action). St. Petersburg. (In Russ.)]
- Хельбиг Г. Проблемы теории речевого акта // *Иностранные языки в школе*, 1978. № 5. С. 11—21. [Helbig, G. (1978). Problemy teorii rechevogo akta (Problems of the speech act theory) *Foreign languages at school*, 5, 11—21. (In Russ.)]
- Alba-Juez, Laura. (2016). Discourse Analysis and Pragmatics: Their Scope and Relation. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 43—55.
- Alba-Juez, Laura and Larina, Tatiana (2018). Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 9—37. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37.
- Anes, Isma (2016). Textlinguistik und Textualität. In: *Traduction et Langues*, 15, 139—150.
- Austin, John Langshaw (1962). *How to do things with words*. Oxford: At the Clarendon Press.
- Becker, Martin (2013). *Einführung in die spanische Sprachwissenschaft*. Stuttgart/Weimar: J.B. Metzler.
- Bieswanger, Markus and Anette Becker (2017). *Introduction to English linguistics*. 4t-e Aufl. Tübingen: Francke Verlag.

- Blum-Kulka, Shoshana and Elite Olshtain (1984). Requests and apologies: A cross-cultural study of speech act realization patterns (CCSARP). *Applied Linguistics*, N° 5, 196—213.
- Brown, Gillian and George Yule (1983). *Discourse Analysis* (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge: Cambridge University Press.
- Bußmann, Hadumod (1990). *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Kröner.
- Cummings, Louise (Hg.) (2010). *The pragmatics encyclopedia*. London/New York: Routledge.
- Ehlich, Konrad und Jochen Rehbein (1986) *Muster und Institution. Untersuchungen zur schulischen Kommunikation*. Tübingen: Gunter Narr.
- Ehrhard, Claus und Hans Jürgen Heringer (2011). *Pragmatik*. Paderborn: Fink.
- Engel, Ulrich (1996). *Deutsche Grammatik*. Heidelberg: Groos.
- Ernst, Peter (2002). *Pragmalinguistik: Grundlagen, Anwendungen, Probleme*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Gladkova, Anna and Larina, Tatiana (2018a). Anna Wierzbicka, Words and the World. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 499—520. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520.
- Gladkova, Anna and Larina, Tatiana (2018b). Anna Wierzbicka, language, culture and communication. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 717—748. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-717-748
- Glück, Helmut (Hg.) (2000) *Lexikon Sprache*. Stuttgart/Weimar: Metzler.
- Grewendorf, Günther, Hamm, Fritz und Wolfgang Sternefeld (1996). *Sprachliches Wissen. Eine Einführung in moderne Theorien der grammatischen Beschreibung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Goddard, Cliff (2006). Ethnopragmatics. A new paradigm. In Goddard, Cliff (ed.) *Ethnopragmatics: Understanding discourse in cultural context*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1—30.
- Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka (eds.) (2004). *Intercultural Pragmatics*, Special issues, 1—2.
- Haberland, Hartmut and Jacob L. Mey (1977). Editorial: Pragmatics and linguistics'. *Journal of linguistics*, 1(1), 1—16.
- Habermas, Jürgen (1971). Vorbereitende Bemerkungen zu einer Theorie der kommunikativen Kompetenz. In: Habermas Jürgen und Niklas Luhmann (Hrsg.) *Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie — Was leistet die Systemforschung?* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 101—142.
- Habermas, Jürgen (1981). *Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Habermas, Jürgen (1984) *Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Habermas, Jürgen (1998). *On the pragmatics of communication*. Cambridge/Massachusetts: The MIT Press.
- Heinemann, Wolfgang und Dieter Viehweger (1991). *Textlinguistik*. Tübingen: Niemeyer.
- Helbig, Gerhard (1990). *Entwicklung der Sprachwissenschaft seit 1970*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Homberger, Dietrich (2010). *Sachwörterbuch zur Sprachwissenschaft*, Stuttgart: Reclam.
- Kasper, Gabriele (1998). Interlanguage pragmatics. In Byrnes, Heidi (ed.) *Learning and teaching Foreign languages: Perspectives in research and scholarship*, NY: Modern Language Association, 183—208.
- Kasper, Gabriele and Shoshana Blum-Kulka (1993). *Interlanguage Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
- Kecskes, Istvan (2014). *Intercultural Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.

- Keekes, Istvan (2017). Cross-Cultural and Intercultural Pragmatics. In Huang, Yan (ed.) *The Oxford Handbook of Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press, 400—415.
- Korte, Barbara, Müller Klaus Peter und Josef Schmied (2004). *Einführung in die Anglistik*. Stuttgart/Weimar: J.B. Metzler.
- Leech, Geoffrey (1983). *Principles of Pragmatics*. London/New York: Longman.
- Levinson, Stephen C. (1994). *Pragmatik*. Tübingen: Niemeyer.
- Lyons, John (1981). *Language and linguistics: An introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Malmkjaer, Kirsten (1995). *The linguistics encyclopedia*. London: Routledge.
- Mey, Jacob L. (2001) *Pragmatics: An introduction*. Oxford: Blackwell.
- Morris, Charles W. (1938) *Foundations of the theory of signs*. Chicago: Chicago Univ. Press.
- Morris, Charles W. (1939/1971). Esthetics and the theory of signs. In Morris, Charles W. *Writings on the general theory of signs*. The Hague: Mouton, 415—433.
- Nöth, Winfried (1990). *Handbook of semiotics*. Bloomington/Indianapolis: Indiana University Press.
- Nißl, Sandra (2011). *Die Sprachenfrage in der Europäischen Union. Möglichkeiten und Grenzen einer Sprachenpolitik in Europa*. München: Herbert Utz Verlag.
- Rehbein, Jochen und Petra Löning (1995). *Sprachliche Verständigungsprozesse in der Arzt-Patienten-Kommunikation. Linguistische Untersuchung von Gesprächen in der Facharzt-Praxis*. DFG-Forschungsbericht. Universität Hamburg, Arbeiten zur Mehrsprachigkeit. 54.
- Schlieben-Lange, Brigitte (1975). *Linguistische Pragmatik*. Stuttgart etc.: Kohlhammer.
- Searle, John R. (1969). *Speech acts. An essay in the philosophy of language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Searle, John R. (1979) *Expression and meaning*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Searle, John and Daniel Vanderveken (1985). *Foundations of illocutionary logic*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Senft, Gunter (2016). Pragmatics. In Klaus Bruhn Jensen, Robert T. Craig, Jefferson Pooley und Eric W. Rothenbuhler (eds.) *The International Encyclopedia of Communication Theory and Philosophy*, Hoboken, NJ: John Wiley, 1586—1598. doi:10.1002/9781118766804.wbiect165.
- Senft, Gunter (2014). *Understanding Pragmatics*. London: Routledge.
- Savigny, Eike von (2002). J.L. Austins Theorie der Sprechakte. In: Austin John L. *Zur Theorie der Sprechakte* (How to do things with words). Stuttgart: Reclams Universal-Bibliothek, S. 7—20.
- Sinha, M.P. (2005). *Modern linguistics*. New Deli: Atlantic Publishers.
- Verschueren, Jef (1984). The pragmatic perspective. In: Verschueren, Jef and Jan-Ola Ostman (Hg.) *Key notions for pragmatics*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 1—27.
- Verschueren, Jef (1999). *Understanding pragmatics*. London: Arnold.
- Van Dijk, Teun Adrianus (1980). *Textwissenschaft. Eine interdisziplinäre Einführung*. Tübingen: Niemeyer.
- Van Dijk, Teun Adrianus (1998). *Ideology: a multidisciplinary approach*. London: Sage.
- Vater, Heinz (1994) *Einführung in die Sprachwissenschaft*. München: Fink.
- Wierzbicka, Anna (2003/1991). *Cross-Cultural Pragmatics*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Wittgenstein, Ludwig (2001). *Philosophische Untersuchungen. Kritisch-genetische Edition*. Hrsg. von J. Schulte. Frankfurt am Main: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 сентября 2018

Дата принятия к печати: 01 ноября 2018

Article history:

Received: 10 September 2018

Revised: 01 November 2018

Accepted: 15 November 2018

Для цитирования:

Которова Е.Г. Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 1. С. 98—115. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-98-115.

For citation:

Kotorova, Elizaveta (2019). Pragmatics among Linguistic Disciplines: Problems of Definition and Classification. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 98—115. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-98-115.

Сведения об авторе:

ЕЛИЗАВЕТА ГЕОРГИЕВНА КОТОРОВА — доктор филологических наук, профессор. Место работы: Зеленогурский университет (Польша), Институт германской филологии, заведующая кафедрой лексикологии и прагмалингвистики / Национальный исследовательский Томский политехнический университет, профессор отделения иностранных языков. Сфера научных интересов: прагмалингвистика, лексическая семантика, контрастивная лингвистика, проблема межъязыковой эквивалентности, языки аборигенов Сибири (кетский язык).

Контактная информация: e-mail: e.kotorova@gmail.com

Bionote:

ELIZAVETA G. KOTOROVA is Ph.D. (Advanced Doctorate), Professor at the University of Zielona Góra (Poland), Institute for German Studies, Head of the Department for Lexicology and Pragmalinguistics. She is also Professor at the Department of Foreign Languages at National Research Tomsk Polytechnic University. Her research interests include Pragmalinguistics, Lexical Semantics, Contrastive Linguistics, Interlingual Equivalence and Ket Language.

Contact information: e-mail: e.kotorova@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-116-130

Текстовые показатели салиентности непрямых номинаций в русском языке: корпусный анализ¹

М.И. Киосе

Московский государственный лингвистический университет
Россия, 119034 Москва, ул. Остоженка, 38

В статье исследуются возможности выдвижения в тексте не прямых неконвенциональных номинаций и номинативных групп в русском языке. Такие конструкции отличаются особым сочетанием идентифицирующего и характеризующе-классифицирующего содержания как результатом перефокусирования при конструировании образа референта. Это обуславливает выбор автором специфических средств их текстового оформления для последующего распознавания референциального статуса читателем. На материале результатов корпусного анализа применительно к современным русскоязычным художественным прозаическим текстам определяются лингвистические (лексические и синтаксические) возможности оформления не прямых номинаций и номинативных групп. В результате устанавливаются показатели салиентности, или лингвистические показатели, проявляющиеся с большей частотностью. Также выявляются некоторые зависимости в реализации данных лингвистических показателей и способов графического маркирования салиентности, что может служить иллюстрацией резонансного взаимодействия разных средств выдвижения не прямых неконвенциональных номинаций в тексте. Исследование показало, что помимо общих средств салиентности (например, рематизации, положения в однокомпонентном предложении, представления позиции говорящего и др.), выявленных в работах Б. Уорвик, А. Северски, М. Ариэль, О.К. Ирисхановой, существуют специфические средства салиентности не прямых неконвенциональных текстовых номинаций. Относительный анализ частотности, проведенный по 28 тестируемым показателям, выявил группу салиентных показателей, среди которых оказались следующие: наличие текстовых маркеров телесного конструирования образа референта, наличие прямой номинации в препозиции, обозначение единичного (дискретного) референта, нулевое пропозициональное расстояние между прямой и не прямой номинациями, реализация координативных связей между прямой и не прямой номинациями, предикативное или слитнопредикативное положение номинации в составе предложения, наличие идентификаторов и рематизаторов в кореферентных не прямых номинациях.

Ключевые слова: *показатели салиентности, не прямая неконвенциональная номинация, номинативная группа, корпусный анализ, художественный прозаический текст, образ референта*

¹ Исследование выполнено в Институте языкознания РАН при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130).

Saliency Criteria of Indirect Non-Entrenched Textual Names in Russian: Corpus-Based Research

Maria Kiose

Moscow State Linguistic University
38, Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russia

Abstract

The article approaches textual foreground specifics of indirect non-entrenched names and nominal groups in the Russian language. These constructions reveal the results of particular focus shifts with both identifying and characterizing or classifying components as part of their referent representation. To foreground them, the author uses a group of linguistic markers or means of expression with the intention of bringing forward their relevant character and helping the reader recognize the referent. The research is corpus-based, featuring Russian narrative prose texts, which serve to define the linguistic (lexical and syntactic) means of expressing indirect non-entrenched textual names and nominal groups. The data help reveal the saliency criteria where saliency is defined through significantly higher frequency of expression means. It also uncovers some resonance dependencies of these saliency criteria (with graphical criteria role considered as well), which are manifested to foreground indirect non-entrenched names. The work shows that apart from general saliency markers (rhematic position of names, mononuclear syntactic phrase, featuring the author's perspective, etc.), which have become the research issue in the works of T. Givón, B. Wårwik, A. Siewierska, M. Ariel, O. Iriskhanova and some other linguists, there may be distinguished the saliency criteria specific for the textual indirect non-entrenched names and nominal groups. Relative frequency analysis of 28 test parameters values revealed the group of these saliency criteria, among which are the textual markers of embodied construal, the presence of a direct name in pre-position, a discreet or single referent marking, null propositional distance between direct and indirect names, coordinative chain of direct and indirect names, predicative position and position in mononuclear sentences, the presence of identifying attributes and rhematic markers in co-referent indirect names.

Keywords: *saliency criteria, indirect non-entrenched names, nominal groups, corpus-based research, narrative prose text, conceptual referent*

1. ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Под неконвенциональными непрямыми номинациями мы имеем в виду такие текстовые включения, не прямой статус которых в отношении наименования некоторых типов референтов не получил устойчивого закрепления в языке. Так, использование номинации *солнышко* при создании автором положительного образа референта-человека является достаточно частотным (по данным Национального корпуса русского языка), особенно в разного рода обращениях, как в (1—2):

- (1) *Все понимаю, мое солнышко.*
- (2) *— Хорошо-хорошо, солнышко, только не волнуйся. Я вижу, день у тебя выдался не из легких.*

Приведенные примеры иллюстрируют случаи конвенциональной не прямой номинации. Однако использование номинации *солнышко* для означивания негативно представленного образа референта — ЧЕЛОВЕК может являться неконвенциональным, как в (3—4):

- (3) *А теперь она ушла к этому занудному красномордому уроду в погонах... Солнышко...*

- (4) *Солнышко* занимается творчеством — пишет очень средние песни и поет их на гастролях.

В примере (3) наблюдается рассогласование областей знания ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ и ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ПЕРСОНАЖ, в примере (4) — рассогласование областей знания ПЕРСОНАЖ, ПОЛУЧАЮЩИЙ ПОЛОЖИТЕЛЬНУЮ и ОТРИЦАТЕЛЬНУЮ ОЦЕНКУ; неконвенциональный характер номинаций обуславливается именно наличием рассогласования. Введение в текст не прямых неконвенциональных номинаций и номинативных групп требует от читателя распознавания их слабой референциальной отнесенности.

Не утверждая, что процесс инференции в этом случае будет обязательно связан с дополнительной когнитивной нагрузкой, мы все же полагаем, что в текстовом диалоге с читателем автор использует некоторые средства выдвижения таких номинаций, что помогает читателю распознать их не прямой статус и конструировать тот образ референта, который соответствует текстовой ситуации. Речь идет не столько о синтаксических средствах выдвижения новой информации в структуре высказывания (средствах рематизации), сколько о средствах оформления значимой информации, которая в случае с не прямой неконвенциональной номинацией в тексте будет одновременно «старой» идентифицирующей и «новой» характеризующей или классифицирующей.

В лингвистической литературе средства выдвижения информации уже получили определенное освещение как средства «активности» (Chafe 1994; Givón 1987), средства «решающего характера» и иконичности (Enkvist 1989), «доступности» (Ariel 2004; Siewierska 2004); «салиентности» (Chvany 1990; Schmid 2007), «триггерные» средства (Karttunen 2016), «факторы активации» (Kibrik 2011), собственно средства «выдвижения» (Wårwik 1990; Langacker 2005), средства «фокусирования» (Ирисханова 2014). С когнитивных позиций, где точкой отсчета служит тип информации или определенная концептуальная структура или структура знаний, были исследованы такие феномены, как особенности референции, семантические роли в контексте, различные дискурсивные сценарии, дискурсивные стратегии. Однако случаи не прямого неконвенционального наименования, где концептуальная структура образов референтов отличается особым сочетанием идентифицирующего и характеризующе-классифицирующего содержания, требуют отдельного анализа.

Говоря языком формальной семантики, они хотя и обладают «референтным статусом» (Шатуновский 1996), но он в то же время «слабоопределенный» (Падучева 1979); являясь составляющими некоторой пропозиции, они и сами представляют собой «скрытую пропозицию» (Булыгина, Шмелев 1988); имеют одновременно «перманентную» и «окказиональную известность» адресату (Крылов 1986); всегда вводят новую информацию, но формально могут оказаться в «прагматической пресуппозиции» (Karttunen 1974) высказывания. В действительности в них сложным образом сочетаются характеристики как номинативного, так и предикативного типа.

Представляется очевидным, что формальные характеристики не могут служить однозначными показателями не прямой неконвенциональной текстовой

номинации, однако они могут с большой вероятностью указывать на ее возможный не прямой статус, а значит, служить так называемым «лингвистическим интерфейсом» (Jackendoff 2011), привлекая внимание читателя к номинации. Выявление таких лингвистических показателей салиентности в современных русскоязычных художественных прозаических текстах становится целью проводимого анализа.

2. МЕТОДИКА И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектами анализа становятся не прямые неконвенциональные номинации и номинативные группы, которые отличаются 1) наличием характеризующего/классифицирующего/смешанного фокуса при интегрировании областей знания; 2) наличием согласования/рассогласования интегрирующихся областей знания; 3) периферийным положением фокуса единичного образа референта в структуре интегративного образа (подробнее см. в (Киосе 2016)). Перечисленные когнитивные параметры, позволяющие разграничивать не прямые и прямые номинации, могут получить детализацию в не жестких параметрах статуса номинации. К ним относятся референциальные и лингвистические параметры и показатели; в числе последних оказываются разнообразные стилистические проявления не прямых номинаций (метафора, метонимия, энантиосемия, аллюзия и др.), синтаксические, графические, лексико-морфологические, дискурсивно-прагматические проявления. Многие из таких показателей получили освещение в семасиологических и онома-сиологических концепциях метафоры и иронии, однако сами лингвистические средства не являются жесткими показателями не прямого статуса номинации: метафора может быть стертой, ирония может быть выражена любой синтаксической конструкцией, не обязательно номинативной. Поэтому обнаружение параметров и показателей салиентности не прямой номинации мы проводим с опорой на перечисленные выше жесткие когнитивные параметры не прямой номинации, предварительно устанавливая, что номинативное образование является концептуальной метафорой или метонимией (метафтонимией) и отвечает условиям окказиональности в языке (не имеет зафиксированных в словаре значений, совпадающих с фокусными при не прямом наименовании). Обнаружение данных особенностей (или, по меньшей мере, обоснованное предположение, что номинация обладает перечисленными особенностями (Steen et al. 2011)), позволяет относить ее к не прямой неконвенциональной и подвергать анализу средства ее выдвижения в тексте.

В качестве материала исследования используется Национальный корпус русского языка (подробнее о методике поиска см, например, в (Дементьев, Степанова 2016)), поиск осуществляется по следующим параметрам: подкорпус художественных текстов, изданных после 1950 года; пустое слово в строке поиска; грамматическая форма: существительное, прилагательное, местоимение, предикатив, местоимение + существительное, местоимение + прилагательное, местоимение + предикатив, одушевленное имя. Было принято решение сузить поиск до образов одушевленных референтов. В дополнительных признаках поэтому

указано, что требуется повтор одушевленной лексемы, расстояние не указано (снят параметр указания расстояния). По второму слову после указания на расстояние приведены те же признаки.

Обнаружено 845 документов и 589 859 вхождений. Число документов и вхождений оказывается не очень показательным, так как программа Корпуса не обнаруживает значительного количества иных (не включенных в число вхождений) примеров наименований того же одушевленного референта, поэтому дополнительно требуется раскрытие примеров в документах и их анализ на предмет статуса номинаций. При осуществлении процедуры обработки для большей объективности результатов исключаются четвертое и последующие использования не прямых номинаций одного и того же автора. Было принято решение сузить до ста единиц число не прямых номинаций и номинативных групп в соотношении с их прямыми эквивалентами, представленных к дальнейшему анализу на предмет показателей салиентности номинации. Для обнаружения искомого числа примеров было методом сплошной выборки проанализировано 219 документов (более 120 тысяч предложений, из которых детальному анализу подверглось более 25 тысяч), то есть около четвертой части всех документов и вхождений. Обнаруженные сто примеров были далее подвергнуты анализу с целью установления некоторых отличительных показателей, которые оказываются характерными для одних использований не прямой номинации и не характерными для иных. Рассмотрим примеры (5—6):

- (5) *По одну сторону от Христа — Богородица с младенцем, укутанная в платки и покрывала, точно арабская жена, а по другую сторону — лысый старик с буйным взглядом и в белых одеждах, словно пациент из психушки <...> Какой-нибудь апостол, или святитель Николай, или Иоанн Предтеча.*
- (6) *— Да, — согласился Коля. — Долго мы ждали, — сказал Костыль, — думали, сам поймешь. За всю смерть **такого тупого мертвеца** первый раз вижу.*

В качестве отличительных особенностей не прямой номинативной конструкции отметим следующие: рассогласование образов не прямой и прямой номинации в примере (5) и внутреннее рассогласование образа не прямой конструкции в (6), отсутствие и наличие идентифицирующего указателя, наличие прямой номинации в постпозиции в (5) и препозиции в (6), наличие привлекающего внимание читателя пунктуационного знака в (5) и отсутствие такового в (6), и др.

Каждое из вхождений «прямая—непрямая номинация / номинативная группа» было оценено по этим и другим показателям, которые были намечены в ходе предварительного анализа. При определении начального списка возможных показателей мы также ориентировались на критерии распределения внимания в предложении и тексте, рассмотренные М. Ариэль, Т. Гивоном, Б. Уорвик, др., а также на средства фокусирования и дефокусирования в формате предложения, выявленные в работе О.К. Ирисхановой (Ирисханова 2014). Из их числа были отобраны те, которые действительно в подавляющем большинстве случаев «сопровождают» именно не прямые неконвенциональные номинации, то есть являются специфическими для данного класса единиц (в отличие от средств

салиентности вообще). Выполненный анализ позволил определить относительную частотность лексических, синтаксических и графических показателей салиентности текстовых не прямых неконвенциональных номинаций и номинативных групп. Результаты анализа по тестируемым показателям приведены ниже. В таблицу 1 включены все тестируемые показатели, приведены данные по их частотности.

Таблица 1

**Тестируемые показатели
оформления не прямых неконвенциональных текстовых номинаций
и относительные показатели их частотности в русскоязычных современных прозаических текстах**

Тестируемые показатели	Индекс частотности
1. Лексические показатели	
1.1. Наличие маркеров «телесного» модуса репрезентации референта	0.84
1.1.1. Маркеры экстероцептивного модуса репрезентации	0.64
1.1.2. Маркеры интероцептивного модуса репрезентации	0.16
1.1.3. Маркеры кинестетического модуса репрезентации	0.04
1.1.1.1. Маркеры визуального модуса репрезентации	0.22
1.2. Наличие прямой номинации или пояснительной конструкции в препозиции	0.82
1.3. Обозначение единичного референта	0.66
1.4. Обозначение собирательного референта номинацией в единственном числе	0.06
1.5. Обозначение множества референтов	0.28
1.6. Первое использование номинации	0.94
1.7. Повторное использование номинации для нового референта	0.02
2. Синтаксические показатели	
2.1. Нулевое пропозициональное расстояние между прямой и не прямой номинациями	0.60
2.2. Расстояние, не превышающее 7 пропозиций	0.95
2.3. Расстояние, не превышающее 3 слов	0.18
2.4. Наличие дейктической номинации референта в препозиции	0.41
2.5. Координативный тип отношений между прямой и не прямой номинациями	0.58
2.5.1. Положение не прямой номинации в приложении (из всех координативных номинаций)	0.10
2.5.2. Положение не прямой номинации в ядре предиката (из всех координативных номинаций)	0.41
2.6. Кореферентный тип отношений между прямой и не прямой номинациями	0.42
2.6.1. Положение в кореферентной группе с идентифицирующим и характеризующим атрибутом в препозиции (из всех кореферентных номинаций)	0.56
2.6.2. Положение в кореферентной группе с атрибутом и/или рематизатором в препозиции	0.83
2.6.3. Положение в кореферентной группе с атрибутом и/или рематизатором и/или графическим маркером в препозиции	1.00
2.7. Положение в однокомпонентном предложении	0.16
2.8. Использование предиката в препозиции	0.12
2.9. Положение в реме первого уровня (из полирематических высказываний)	0.45
2.10. Наличие любых атрибутов в препозиции	0.51
2.11. Наличие рематизаторов в препозиции	0.25
2.12. Наличие маркеров графического маркирования	0.79

Table 1

**Tested parameters of indirect non-entrenched names use
and their relative values in modern Russian prose**

Tested parameters	Frequency index
1. Lexical parameters	
1.1. Markers of embodied cognition in referent representation	0.84
1.1.1. Exteroceptive embodiment markers	0.64
1.1.2. Interoceptive embodiment markers	0.16
1.1.3. Kinesthetic embodiment markers	0.04
1.1.1.1. Visual embodiment markers	0.22
1.2. Direct name or explicit reference in pre-position	0.82
1.3. Single referent	0.66
1.4. Singular noun form for collective referent	0.06
1.5. Plurality of referents	0.28
1.6. The first use of a name	0.94
1.7. Repeated name use for a new referent	0.02
2. Syntactic parameters	
2.1. Null propositional distance between direct and indirect names	0.60
2.2. Distance not exceeding 7 prepositions	0.95
2.3. Distance not exceeding 3 words	0.18
2.4. Deictic reference name in pre-position	0.41
2.5. Coordinative relations between direct and indirect names	0.58
2.5.1. Indirect name in the appositive (in coordination)	0.10
2.5.2. Predicate indirect name position (in coordination)	0.41
2.6. Co-referent relations between direct and indirect names	0.42
2.6.1. Identifying and characterizing attribute in pre-position (in co-reference)	0.56
2.6.2. Attribute and / or rhematic intensifier in pre-position (in co-reference)	0.83
2.6.3. Attribute and / or rhematic intensifier and / or graphic intensifier in pre-position (in co-reference)	1.00
2.7. The use in a mononuclear sentence	0.16
2.8. Predicate in pre-position	0.12
2.9. Main sentence rheme in complex sentences	0.45
2.10. Attribute in pre-position	0.51
2.11. Rhematic intensifiers in pre-position	0.25
2.12. Graphic intensifiers in pre-position	0.79

Рассмотрим обнаруженные лексико-грамматические и синтаксические показатели салиентности и покажем некоторые возможности их совместной реализации (в сопровождении графических показателей салиентности) в достижении «адаптивного резонанса» (Dunbar 1999, 2010; Grossberg 2003).

3. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ САЛИЕНТНОСТИ

3.1. Наличие текстовых маркеров «телесного» конструирования образа референта в препозиции к непрямой номинации. Сугубо инференциальная (без лексически выраженных проявлений экстероцепции, интероцепции и кинестетических проявлений) репрезентация референта прямой и непрямой номинации была отмечена в относительно редких случаях (0.16, или 16% от общего числа

употреблений), что, однако, свидетельствует об отсутствии обязательного маркера телесного конструирования образов окказиональных непрямых номинаций референта в тексте, как в (7):

(7) *А может, я будущий Рихтер?*

К этой же группе случаев мы отнесли те, в которых способ телесной репрезентации не определяется, например, в (8):

(8) *Мальчишка же, Яков, что по характеру, что по стати был для Фёдора кровью чужой.*

Здесь использование в качестве характеристик субъекта выражений *по характеру, по стати* указывает на некоторый способ концептуализации референта, но предполагает его вариативность. Вариативность предполагают и случаи использования непрямых конвенциональных «телесных» предикатов в препозиции, как, например, предиката *осилить* в (9):

(9) *Начмед хозяйничал в лазарете, как у себя дома, и нельзя было ступить шагу без его домовитых попреков с понуканиями. Наверное, не родилось женщины, что могла бы осилить это злое бабство.*

В большинстве случаев в тексте обнаруживаются маркеры экстероцепции (0.64), причем эти маркеры могут относиться как к прямой номинации в препозиции (например, предикаты в постпозиции к прямой номинации как субъекту предложения), так и в препозиции к не прямой номинации (например, предикаты, при которых не прямые номинации выступают в роли актантов в составе предикативной группы). Экстероцептивный модус может обнаруживаться не только в препозиции к номинативному комплексу, но и в самом комплексе. Например, экстероцепция (с участием визуального модуса) очевидна в ситуации наличия в номинативной группе в препозиции идентифицирующего или характеризующего атрибута, как в (10):

(10) *Сестры милосердия русской армии в Первую мировую войну, белые голубки; генералы с благородной строгостью во взоре.*

В некоторых случаях маркер экстероцепции (в данном случае осязательной) обнаруживается в самой не прямой номинации, как в (11):

(11) *Впрочем, никакого суицида — ни укуса, ни таблеток.*

Были отмечены некоторые примеры, где маркеры телесного восприятия обнаруживались в постпозиции к не прямой номинативной группе, но такие проявления мы не учитывали при анализе.

Реже (0.2) обнаружилось использование интероцептивного и кинестезического модусов телесного восприятия, как, например, *ужас* в (12):

(12) *Ребенок навсегда сохранил в памяти ужас от встречи с **бабой-ягой**: во время переезда на часок-другой оставили его у незнакомой им таежницы-старухи в жарко натопленной избешке.*

В (13) маркер *достали* свидетельствует о появлении раздражения, являющегося проявлением интероцептивного телесного модуса концептуализации референта:

(13) *Как меня все достали. В школе одни дебилы. Что учителя, что одноклассники. **Гидроцефалы. Фракийские племена.***

3.2. Наличие прямой номинации или пояснительной конструкции в препозиции. Подавляющее большинство не прямых номинаций демонстрируют однозначную референцию, прежде всего за счет прямой номинации или пояснительной конструкции в препозиции (0.82). Слабоопределенная референция, при которой референция не прямой номинации или кореферентная связь не прямой номинации с прямой устанавливается неоднозначно, демонстрируется только в каждом пятом случае. Во-первых, это может быть первое обозначение ранее не введенного в текст референта (в этом случае не прямой статус такой номинации определяется только после введения прямой номинации или после обозначения других компонентов текстовой ситуации), например, компонентов в *Городской Думе* в (14):

- (14) *Зубры в Городской Думе требовали «обуздать мерзавцев», но либеральные силы, не без участия, конечно, лучниковской газеты, взяли верх.*

Вторым случаем стали использования не прямых номинаций для означивания размытой референции, как в (15), где референция относится к любому представителю данного класса референтов:

- (15) *«Вы не знаете этих русских, они не сдадутся...», или: «...он вам все равно ничего не скажет, этот Иван».*

3.3. Обозначение единичного (дискретного) референта. Данный показатель относится к самому типу референта. Так как изучаемая нами область референции была намеренно ограничена областью знания, относящейся к человеку, одушевленному существу и, в целом, к антропоцентрическим проявлениям (в т.ч. объектам, подвергающимся олицетворению), мы делаем выводы о салиентности не прямых номинаций только применительно к данной области знания. Обнаружено, что 66 не прямых номинаций (0.66) называют единичный конкретный референт, это явное большинство используемых случаев, например, в (16):

- (16) *Одно стеклышко было залеплено пластырем, и оттого прабабушка напоминала портреты великого полководца Кутузова. В доме ее так все и звали. «Тише, Кутузов идет!» — говорила тетя Лёля, когда в коридоре раздавался стук костыля.*

Собирательный референт с помощью формы единственного числа называют 6 номинаций, как в (17), что также увеличивает число номинаций, выводящих единичность как характеристику референта:

- (17) *Он увлеченно командовал **громадой**, которая только и дожидалась его решительных команд. Люди густо облепили камень.*

Оставшиеся 28 номинаций называют множество референтов с использованием формы множественного числа, как в (18):

- (18) *Вот плакат, надпись «Ударь гниду!». Председатель. И все проходящие бьют? Философ. Еще и как! Тут все **разные Васи**.*

Таким образом, единичность референции может тоже служить показателем потенциальной салиентности не прямой номинации человека.

4. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ САЛИЕНТНОСТИ

4.1. Нулевое пропозициональное расстояние между прямой и непрямыми номинациями одного референта

В целом, из 100 употреблений конструкций с участием непрямого номинации 16 оказались реализованными без прямой номинации в препозиции. Из оставшихся 84 примеров (из них 2 примера с описательной конструкцией референта в препозиции к непрямою номинации) в 50 примерах расстояние между прямой и непрямою номинациями в пропозициях оказалось нулевым (в большинстве случаев это предикативные, или «нереферентные предикативные» (Падучева 1979) употребления непрямою номинаций), поэтому при показателе частотности нулевого пропозиционального расстояния в 0.6 его можно считать маркером салиентности непрямою номинации. В действительности, в большом количестве случаев соотношение устанавливалось не между собственно прямой и непрямою номинацией, а между дейктической номинацией (типа *она, он*), повторно именующей референт, и непрямою номинацией, находящейся в постпозиции к ней, что очевидно, помогает сохранить в памяти читателя образ референта в активном состоянии. Вопреки ожиданиям, были обнаружены случаи увеличения расстояния между прямой и непрямою номинациями до 7 пропозиций и более, но их частотность невелика (0,05, всего 4 случая из 84); во всех случаях такие употребления сопровождаются рематизаторами, наличием идентифицирующих атрибутов в препозиции к номинативной группе и другими маркерами салиентности. Например, в (19) кореферентность прямой и непрямою номинативных конструкций *обоим солдатам — дармовым солдатским рукам* поддерживается параллельными акциональными конструкциями (включая эллиптическую в *И чтоб песок по всем дорожкам*):

- (19) *Рассерженный, он велит обоим солдатам заняться песком: пусть-ка они честно потрудятся — помогут во дворе. Кррругом — арри! И чтоб разбросали ту гору песка у въезда. И чтоб песок по всем дорожкам! — к дому и к огороду — грязь всюду, мать ее перемать, не пройдешь! Жена подполковника, как и все хозяйки на свете, рада дармовым солдатским рукам.*

Количество слов, разъединяющих прямую и непрямою номинации, менее показательно. В целом, их число варьируется от 0 до 71 (в сочетании с 10 разъединяющими пропозициями). Среднее число разъединяющих слов оказалось равным 7.14. При этом в 19 случаях из 84 словесное расстояние между прямыми и непрямыми номинациями равно нулю (это 0.22 в численном отношении).

4.2. Реализация координативных связей между прямой и непрямою номинациями

В целом, непрямою номинации в координативных отношениях с прямыми номинациями в препозиции встречаются чаще (0.58) и не нуждаются во введении дополнительного указателя идентификации, так как предполагают «презумпцию условной единственности» (Крылов 1984). Из них 6 номинаций оказались в позиции приложения, как в (20), а 24 — в ядре предиката, например, в (21):

- (20) *Когда провозжали на пенсию после того несчастного случая, на подарочном кубке написали: «Дорогому Василичу, виртуозу фрезы, на добрую память!»*

- (21) *В одном шотландском городе жила большая черная собака. Правда, сначала она была маленькой белой кошкой.*

Кореферентность характерна в меньшей степени, так как в этом случае номинация тяготеет к конвенциональности, употребляясь чаще всего повторно по отношению к одному и тому же референту.

4.3. Предикативное или слитнопредикативное положение номинации в составе предложения

В координативных цепочках не прямые номинации занимают как собственно позицию предиката, так и позицию зависимого актанта после предиката существования или неакционального предиката. Последние случаи очень частотны, например, в (22):

- (22) *С тех пор эти красные решетчатые полусферы, возвышающиеся почти в каждом дворе, стали казаться мне эхом породившей нас культуры.*

Такие примеры, на наш взгляд, сближаются со случаями сравнительного, а не непрямого, употребления не прямых номинаций (ср. *Эти красные решетчатые полусферы были как эхо породившей нас культуры*). Но так как разграничение референтных и нереферентных употреблений в подобных случаях — вопрос достаточно неоднозначный, то мы в рамках данного исследования к нереферентным будем относить только те, в которых сравнение выражено в явной форме, как в (23):

- (23) *Просто я постепенно начал относиться к ней так же, как она с самого начала относилась ко мне — как к табурету, кактусу на подоконнике или круглому облаку за окном.*

Примеры сравнения как однозначно не называющие описываемый референт (в отличие от т.н. нереферентных предикативных употреблений) мы к исследованию и анализу не привлекаем.

Еще одним случаем выдвижения не прямой номинации в субъекте становятся примеры однокомпонентных предложений, где происходит интеграция субъектно-предикатных функций не прямой номинации, как в (24):

- (24) *Тожe мне Раскольников.*

Изначально ожидалось, что для не прямой номинации окажется более салиентной позиция в реме первого уровня, то есть реме главной клаузы предложения. Однако оказалось, что из всех 76 примеров полирематических высказываний (условно включаем в эту группу и высказывания с расщепленной ремой) в 34 случаях не прямая номинация как раз находится не в основной клаузе, а чаще тяготеет к финальной клаузе предложения.

4.4. Наличие идентифицирующих атрибутов и рематизаторов в препозиции в кореферентных не прямых номинативных группах

Анализ употреблений не прямых номинаций в кореферентных и координативных позициях показал, что для кореферентных номинативных групп, употребляющихся в позициях субъекта предложения, достаточно частотно использование препозитивных идентифицирующих атрибутов, рематических выражений (для

привлечения внимания читателя), а также обратного порядка слов с предикатом в препозиции к субъекту не прямой номинации, как в (25):

(25) *Поздравляю, месье Леон! — словно перед ней стояли не два обезумевших кролика, а почтенный свадебный кортеж.*

Здесь усиливает выделенность не прямой номинации и введение конструкции *не..., а...* Часто фиксируется и маркированность графическими средствами (например, капитализация, закавычивание) или мотивированной/контрастирующей лексико-морфологической формой. Так, в уже приведенном выше примере (16) показателями салиентности кореферентной не прямой номинации в позиции субъекта являются введение рематизатора *Тиме*, закавычивание реплики прямой речи, капитализация номинации. В качестве основных орфографических показателей салиентности номинации выступают запятые (реже — тире) и точки как ограничивающие номинативную группу в постпозиции (реже — в препозиции) с не прямой номинацией в финальном положении, что дополнительно привлекает к ней внимание читателя.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное корпусное исследование возможностей выдвижения в тексте не прямой номинации и номинативной группы неконвенционального типа позволило выявить ряд специфических показателей салиентности таких номинаций. Особый характер выделенного положения рассматриваемых групп обуславливается их интегративной идентифицирующе-характеризующей/классифицирующей ролью в конструировании образа референта, что в лингвистическом плане выражается в смешении их номинативных и предикативных показателей. При этом специфическая салиентность текстовых не прямых номинаций, как мы предполагаем, помогает читателю распознать референцию при не прямом наименовании.

Среди обнаруженных показателей салиентности оказались следующие: наличие текстовых маркеров телесного конструирования образа референта, наличие прямой номинации в препозиции, обозначение единичного (дискретного) референта, нулевое пропозициональное расстояние между прямой и не прямой номинациями, реализация координативных связей между прямой и не прямой номинациями, предикативное или слитнопредикативное положение номинации в составе предложения, наличие идентификаторов и рематизаторов в кореферентных не прямых номинациях, наличие графических маркеров в оформлении не прямых номинаций. Однако вариативность численных значений данных показателей может служить отражением авторского стиля, стиля литературной эпохи, особенностей адресации текста (например, нацеленного на детскую и взрослую аудиторию), и в целом, типа текстового жанра. Также были определены некоторые зависимости резонансного воздействия друг на друга разных показателей, что, очевидно, усиливает салиентный характер не прямых неконвенциональных текстовых номинаций.

© М.И. Кiose, 2019

БЛАГОДАРНОСТИ И ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено в Институте языкознания РАН при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью // *Логический анализ языка: Знание и мнение*. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. С. 46—63. [Bulygina, T.V., Shmelev, A.D. (1988). Vopros o kosvennykh voprosakh: yavlyaetsya li ustanovlennym faktom ikh svyaz' s faktivnost'yu (On reported questions: is it a fact that they possess factuality). In *Logicheskii analiz yazyuka: Znanie i mnenie*. Отв. red. N.D. Arutyunova. Moscow: Nauka. 46—63. (In Russ.)]
- Дементьев В.В., Степанова Н.Б. Корпусные методы в исследовании речевых жанров: проблема ключевых фраз // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*, 2016. Т. 20. № 3. С. 57—76. [Dement'ev, V.V., Stepanova, N.B. (2016). Corpus methods in the study of speech genres: a problem of key phrases. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 57—76. (In Russ.)]
- Ирисханова О.К. *Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования*. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Iriskhanova, O.K. (2014). *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* (Focus games in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)]
- Киосе М.И. Когнитивно-функциональная методология разграничения прямой и не прямой номинации // *Вопросы когнитивной лингвистики*. Вып. 1, 2016. С. 63—70. doi: 10.20916/1812-3228-2016-1-63-70. [Kiose, M.I. (2016). Cognitive-functional methodology of differentiating direct and indirect names in text). In *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. Issue 1. 63—70. (In Russ.)]
- Крылов С.А. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // *Семиотика и информатика*. Вып. 23, 1984. С. 124—154. [Krylov, S.A. (1984) Determinatsiya imeni v russkom yazyke: teoreticheskie problemy (Name determination in the Russian language: theoretical problems). *Semiotika i informatika*. Issue 23, 24—154. (In Russ.)]
- Падучева Е.В. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения // *НТИ. Серия 2*, Вып. 2, 1979. С. 25—31. [Paducheva, E.V. (1979). Denotativnyi status imennoi gruppy i ego otrazhenie v semanticheskom predstavlenii predlozheniya (Denotation status of nominal groups and its role in sentence semantics). In *NTI. Series 2*. Issue 2. 25—31. (In Russ.)]
- Шатуновский И.Б. *Семантика предложения и неферентные слова*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1994. 400 с. [Shatunovskii, I.B. (1994). *Semantika predlozheniya i nereferentnye slova* (Sentence semantics and non-referential words). Moscow: Shkola Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)]
- Ariel, Mira (2004). Accessibility Marking: Discourse Functions, Discourse Profiles, and Processing Cues. *Discourse Processes*, 37 (2), 91—116. doi.org/10.1207/s15326950dp3702_2.
- Chafe, Wallace (1994). *Discourse, consciousness and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. Chicago: Chicago University Press.
- Chvany, Catherine (1990). Verbal Aspect, Discourse Saliency, and the So-Called “Perfect of Result” in Modern Russian. In N.B. Thelin (ed.) *Verbal Aspect in Discourse*. John Benjamins Publishing Company, 213—236. doi.org/10.1075/pbns.5.10chv.
- Dunbar, George L. (1999). The clustering of natural terms: An Adaptive Resonance Theory model. *Proceedings of the International Joint Conference on Neural Networks*, Washington D.C. Vol. 6. New York: IEEE, 4362—4364. doi.org/10.1109/ijcnn.1999.830870.

- Dunbar, George L. (2010). A computational model of the ambiguity-vagueness spectrum. *Cognitive foundations of linguistic usage patterns*. Eds. H-J. Schmid, S. Handl. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 13—32. doi.org/10.1515/9783110216035.11.
- Enkvist, Nils-Erik (1989). Connexity, interpretability, universes of discourse, and text worlds. *Possible worlds in Humanities, Arts and Sciences: Proceedings of Nobel Symposium 65*. Ed. S. Allén. Berlin: Walter de Gruyter, 162—187. doi.org/10.1515/9783110866858.162.
- Givón, Talmy (1987). Beyond foreground and background. *Coherence and grounding in discourse*. Ed. R.S. Tomlin. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 175—168. doi.org/10.1075/tsl.11.10giv.
- Grossberg, Stephen (2003). Bring ART into the ACT. *Behavioral and Brain Studies*, 26 (5), 610—611. doi.org/10.1017/s0140525x03290130.
- Jackendoff, Ray (2011). The Parallel Architecture and its place in cognitive science. *Syntax and Morphology Multidimensional*. Eds. A. Nolda, O. Teuber. Berlin, New York: Mouton De Gruyter, 17—44. doi.org/10.1515/9783110238754.17.
- Karttunen, Lauri (1973). Presuppositions of Compound Sentences. *Linguistic Inquiry*, 4, 167—193.
- Karttunen, Lauri (2016). Presupposition: What went wrong? *Proceedings of SALT*, 26, 705—731. doi.org/10.3765/salt.v26i0.3954.
- Kibrik, Andrej. A. (2011). Reference in discourse. Oxford: Oxford University Press. doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199215805.001.0001.
- Langacker, Ronald. W. (2005). Dynamicity, fictivity, and scanning. The imaginative basis of logic and linguistic meaning. *Grounding cognition. The role of perception and action in memory, language and thinking*. Eds. D. Pecher, R.A. Zwaan. Cambridge: Cambridge University Press, 164—197. doi.org/10.1017/cbo9780511499968.008.
- Schmid, Hans-Jörg (2007). Entrenchment, salience, and basic levels. *The Oxford handbook of cognitive linguistics*. Eds. D. Geeraerts, H. Guycens. Oxford: Oxford University Press, 117—138. doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199738632.013.0005
- Siewierska, Anna (2004). On the discourse basis of person agreement. *Approaches to cognition through text and discourse*. Ed. T. Virtanen. Berlin: Walter de Gruyter, 33—48. doi.org/10.1515/9783110892895.33.
- Steen, Gerard. J., Dorst, Aletta G., Herrmann, J. Berenike, Kaal, Anna, Krennmayr, Tina, Pasma, Trijntje (2011). *A method for linguistic metaphor identification: From MIP to MIPVU*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. doi.org/10.1075/ceclr.14
- Wårwik, Brita (1990). Grounding in narratives: What is foregrounded? *Proceedings of the 14th International Congress of Linguists*. Ed. W. Bahner, J. Schildt, D. Viehweger. Berlin: Akademie Verlag, 2253—2256.

Интернет-ресурс / Internet Resource

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. Режим доступа: www.ruscorpora.ru. Дата обращения: 26.11.2017. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. (National Corpus of the Russian language) www.ruscorpora.ru]

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12 сентября 2018

Дата принятия к печати: 15 ноября 2018

Article history:

Received: 12 September 2018

Revised: 10 October 2018

Accepted: 15 November 2018

Для цитирования:

Киосе М.И. Текстовые показатели салиентности не прямых номинаций в русском языке: корпусный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. No 1. С. 116—130. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-116-130.

For citation:

Kiose, Maria (2019). Saliency Criteria of Indirect Non-Entrenched Textual Names in Russian: Corpus-Based Research. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 116—130. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-116-130.

Сведения об авторе:

МАРИЯ ИВАНОВНА КИОСЕ — доктор филологических наук, доцент; ведущий научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета. Сфера научных интересов: когнитивная семантика, не прямое наименование в тексте, референциальная семантика, окулографические и корпусные методы анализа восприятия и порождения текста.

Контактная информация: e-mail: maria_kiose@mail.ru

Bionote:

MARIA KIOSE — Ph.D. (Advanced Doctorate), Associate Professor, Leading Researcher of The Centre for Socio-Cognitive Studies of Moscow State Linguistic University. Research interests: cognitive semantics, indirect naming in text, referential semantics, oculographic and corpus-based research of text inference and generation process.

Contact information: e-mail: maria_kiose@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-131-148

Имитационность, информативность и фатика в жанрах гуманитарного научного дискурса

Л.А. Брусенская, Э.Г. Куликова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
Россия, 344002, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69

В статье речь идет о современном состоянии гуманитарного научного дискурса и специфике его описания как сложного коммуникативного явления. На основе аналитического обзора систематизируются формируемые признаки ряда жанров гуманитарного научного дискурса: преобладание фатических высказываний над информативными, имитационность, десемантизация, для одного из признаков вводится термин «деинтеллектуализация», также устанавливается экстралингвистический характер условий их порождения. Для контекстуальной интерпретации языковых особенностей современного гуманитарного научного дискурса применялись социолингвистический анализ, основанный на методе корреляции социальных и языковых явлений, и прагмалингвистический анализ с учетом широкого «контекста ситуации». Трансформационные «социально-травмирующие» процессы современности повлияли и на сферу науки, научный дискурс (как и дискурс в целом) является социокультурно и темпорально обусловленным, что приводит к изменению соотношения его когнитивной и манипулятивной функций. Диссертация и автореферат диссертации как в значительной (а в последнее время только усиливающейся) степени формализованные жанры научного дискурса обладают признаком имитационности. Анализ показал, что исследователи отмечают в них «имитационный взрыв». Нивелирование негативных признаков научного гуманитарного дискурса, по мнению авторов, возможно при облигаторном изменении отношения социума в целом и профессионального, в частности, к его качественным (содержательным и формальным) параметрам и ответственности исследователя. Таким образом, формирование и стабилизация позитивных тенденций в совершенствовании научного дискурса и текста обусловлены экстралингвистически (социокультурно) в той же степени, что и собственно лингвистически. В перспективе необходимо постепенное формирование в социуме позитивного стереотипного представления о репутации субъекта научного дискурса, ответственности адресанта за порождаемый дискурс и текст.

Ключевые слова: научный дискурс, жанр, имитационность, информативность, фатика, гуманитарные науки

Imitation, Informational Value and Phatic Communication in the Genres of Academic Discourse

Lyudmila A. Brusenskaya, Ella G. Kulikova

Rostov State University of Economics
69 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-na Don, 344002, Russia

Abstract

The article deals with the current state of academic discourse in the sphere of social sciences and its description as a multifaceted communication phenomenon. The analysis allows the authors to classify the features of numerous academic genres and to define the extra-linguistic nature of their origin. The key

features include the prevalence of phatic utterances over informative ones, imitation, and desemantization, as well as deintellectualization as a new feature introduced by the authors. The contextual interpretation of the linguistic features of modern academic discourse in this study is based on its sociolinguistic analysis and employs the method of correlation of social and linguistic phenomena, as well as pragmalinguistic analysis encompassing a wide “context of the situation”. Transformational “socio-traumatic” processes of modernity have influenced the sphere of social sciences. Academic discourse (as well as discourse in general) is dependent on the social, cultural and temporal context, which triggers a change in the proportion of its cognitive and manipulative functions. Dissertations and dissertation synopses as predominantly and increasingly formalized genres of academic discourse display features of imitation. In such papers, researchers discover an ‘imitation explosion’. We argue that the leveling of negative signs in academic discourse can be achieved only if society changes its attitude towards professional discourses, especially concerning their form and content, as well as the researchers’ responsibility. Therefore, the possibility of improvement of academic discourse is determined by both linguistic and extralinguistic (socio-cultural) factors. It is essential that society gradually develops a positive reputation and responsibility of a scholar as a subject of academic discourse.

Keywords: *scientific discourse, genre, imitation, information value, phatic communication, humanities*

1. ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В статье делается попытка осмыслить проблемы современного гуманитарного научного дискурса в связи с экстралингвистическими условиями их порождения, что требует аналитического обзора современного состояния исследований научного дискурса, а также определения существующих тенденций и уточнения набора его признаков. Описание объекта в этих параметрах и является целью данного исследования. Гуманитарный научный дискурс был избран как разновидность научного дискурса, в которой соответствующие признаки получают максимально эксплицитное выражение. Традиционное представление о сути научного творчества и научной коммуникации (Карасик 2016) как деятельности ради познания вступает в противоречие с современной практикой, прежде всего — с практикой реализации таких жанров научного дискурса, как квалификационные работы (причем даже самого высокого статуса — кандидатских и докторских диссертаций).

Исследования, посвященные научному дискурсу либо тем или иным его жанрам, рассматривают, как правило, обобщенные позитивные признаки дискурса. Именно эти признаки рассматриваются в традиционных формальных параметрах диссертации и автореферата как наиболее прозрачных жанров научного дискурса. При обсуждении этой проблемы проф. Г.Г. Хазагеровым была высказана идея о том, что причина кроется в следующем: стратегия «экзамена» в квалификационной работе и наиболее характерные приметы научного текста — точность, ясность и лаконичность (не препятствующая ясности) — противоречат друг другу, что порождает дисфункцию, которую можно обозначить как системное обесмысливание научного дискурса (Хазагеров 2010, 2013). Признавая справедливость и познавательную ценность этого наблюдения, полагаем, однако, что современное состояние науки как социального института и научного гуманитарного дискурса (с его «обесмысливанием») есть результат комплекса причин (включая широкий социальный контекст научной деятельности).

Поскольку университеты и вся система образования вынуждены пользоваться инструментами сертификации, отмеченный Г.Г. Хазагеровым «конфликт стратегий» является реальностью. Ужесточение формальных требований к тексту диссертаций или к процедуре защиты может породить лишь новый «имитационный взрыв». Г.Г. Хазагеров справедливо полагает, что деструкция научного стиля имеет причиной объективный конфликт стратегий сертификации и информирования (о научных достижениях). Признак, степень проявления которого позволяет оценивать качество научного дискурса, — информативность. Информативность — облигаторный и структурирующий элемент научного дискурса, однако степень проявления этой категории может существенно снижаться под влиянием различных экстра- и интралингвистических факторов. Можно предположить, что для современного научного дискурса, в первую очередь гуманитарного, характерна актуализация категорий имитационности и фатической составляющей дискурса, что в значительной мере определяет реализацию категорий информативности. Исследование этого аспекта является актуальным, должно привести к формированию нового научного знания об объекте.

2. СООТНОШЕНИЕ ИНФОРМАТИВНОСТИ И ФАТИКИ В ЖАНРАХ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Русский научный стиль в его современном облике сформировался к началу XX столетия. Одной из особенностей научного текста является научная достоверность, все научные факты, которые приводятся в тексте, имеют объективное подкрепление или в виде наблюдений и результатов эксперимента, или в виде ссылок на авторитетные научные источники. Чаще всего приводится такой перечень признаков (стилевых черт) научного текста: ясность, точность, логичность, сжатость, нейтральная экспрессивность, объективность, официальность, стандартность, неэмоциональность. Впрочем, еще Ш. Балли (1964: 154) отмечал, что научный язык лишь с большими оговорками может рассматриваться как отражение сугубо объективной, безличной деятельности разума, что «сугубо личный, эмоциональный элемент, несмотря ни на что, постоянно просачивается в выражение чистой мысли»; ср. также вполне справедливое указание на «скрытую эмоциональность», а также «логизированную оценочность», присущие научному стилю (Колесникова 2005: 77).

Важно отметить, что у «классиков жанра» приметам индивидуального научного стиля выступают как раз эмоционально и экспрессивно нагруженные единицы. Так, В.А. Звегинцев в свое время писал о «пещерном» материализме отечественных лингвистов, которые «мертвой хваткой» цепляются за языковые факты. Стиль учебников и монографий великого лингвиста и педагога М.В. Панова создают многочисленные вкрапления из других, ненаучных сфер. Термин «позиционный» он поясняет через прилагательное «подневольный», наречие, лишённое форм словоизменения, у него — «грамматический бобыль»; некоторые основы

у него бывают «привередливы» в своем избрании аффиксов. Ср. фрагмент монографии: «Фортунов дал чисто грамматическое определение, а тут Щерба ему поперек: медведь, говорит, не потому существительное, что склоняется, а скорее наоборот: склоняется, потому что существительное. Показать, что эта мысль неверна, нетрудно: слова *окапи, кенгуру, Муму, очаровательная пони Мэри* не склоняются, но это не мешает им быть существительными. Однако меткость и острота в суждении Л.В. Щербы, несомненно, есть. В его возражении за фактической неверностью, как нередко у Щербы, скрыта содержательная мысль» (Панов 1999: 115). И далее, на протяжении главы, М.В. Панов не раз вспоминает «медведя Щербы»: «Но медведь Щербы бродит. Приходится с ним считаться» (1999: 117); «Итак, медведь Щербы ушел» (1999: 118) — это когда показано, что можно без оговорок считать части речи грамматическими классами. Стиль же современных научных текстов все больше и больше стандартизируется.

Классические признаки хорошей речи вообще (ясность, точность, доказательность) выдвигаются в научном стиле на первый план. Однако с конца XX в. обозначился кризис в сфере социально-гуманитарных наук. Многие исследователи отмечают процесс деинтеллектуализации, банализации и одновременно детеоретизации современной гуманитаристики. «Социально-гуманитарному знанию перестали доверять: оно стало слишком ангажированным, чтобы казаться истинным или хотя бы правдивым» (Лубский 2011: 58). Что касается работ филологического направления, то кризис проявляется, прежде всего, в бесконечном тиражировании хорошо известных положений, в смысловой бессодержательности, манипулятивности и даже в ставших обычными нарушениях логических связей.

Специфика коммуникации в любой сфере (Понтон, Ларина 2016; Alba-Juez 2016; Yus 2017; Alba-Juez & Larina 2018; Arévalo 2018), в том числе и научной, определяется в рамках противопоставления информативности и фатика. Критериями информативности являются небанальность, релевантность и адекватность подачи материала. Фатика — антипод информативности. Фатика, со свойственной ей банальностью содержания и отсутствием новизны, коррелирует с ритуальной коммуникацией, это разговор ни о чем, в предельных случаях — это «сотрясение воздуха».

Естественно, что никакая коммуникация не может быть экспликацией единственной функции (Волкова, Панченко 2016; Клушина 2016). Назначение высказывания (Горностаева 2016; Dementyev 2016; Kecskes 2016; Красина 2016; Ponton 2016) осуществляется в виде различного иерархического соотношения элементов различных функций, а доминирующая функция определяет словесный состав высказывания. Научную коммуникацию характеризует не просто информирование, но и критическая оценка идей, дискуссия, полемика, причем эти составляющие в различных жанрах находятся в разном соотношении, что и является целостной реализацией категории информативности. Однако сегодня обращает внимание на себя жанровое однообразие научных изданий — они содержат

небольшое количество научных рецензий (а те, которые публикуются, содержат только хвалебную часть, дискуссионные же моменты, как правило, отсутствуют (как будто забыто, что «символ научной веры» — это изначальная готовность к рациональной критике), мало остро полемических статей).

Конечно, многое зависит от фактора адресата: для читателей популярного издания важно общее представление о рецензируемом труде, отсюда элементы реферативного обзора, а для специалистов важнее именно оценка. Но вообще «потребность автора в оппонентах, согласных (в духе «принципа сочувствия» С.В. Мейена) рассмотреть „здание, которое он построил“, оказывается одной из насущных» (Григорьев 2007: 138).

Высокая степень интертекстуальности (поскольку научный текст ретроспективно и проспективно связан со многими другими текстами) всегда была присуща научному дискурсу. Интертекстуальность, на наш взгляд, усиливает информативность текста. При этом одним из типичных средств реализации и той и другой категории являются цитаты. Однако современные диссертации по цитатности и тому, как цитаты включаются в текст (цитирование дословное, редуцированное или аллюзивное), близки к постмодернистскому дискурсу (хотя в руководствах для пишущих диссертации приводятся ограничения на цитатный материал). Цитация, принятая в научном стиле, опирается на традицию (обязательны история вопроса, пояснения относительно степени разработанности темы, а также ссылки на исследования предшественников).

Но цитаты, ссылки на работы предшественников — это не только способ вписать собственные идеи в научный контекст, но и средство содержательного обоснования этих идей. Другое дело, что у одних авторов с помощью этой традиционной части организуется сложный содержательный научный текст, у других же нагромождение цитат, по сути, подменяет авторскую концепцию. Часто цитирование превращается в «отклоняющийся дискурс» (Кротков 2014). Такого рода цитирование приводит к снижению информативности и росту имитационности в научном дискурсе. Возможно даже создание текстов, которые могут быть названы имитационными. Такого рода тексты как результат научного дискурса представляют собой периферийное явление для всех его разновидностей, включая и научно-популярный дискурс в силу существенного убывания информативности и соответствия лишь внешним формальным структурным признакам. Привычка копировать чужие мысли представляет наибольшую опасность как для научной этики, так и для науки в целом, а в отношении творчества копирование совершенно бесперспективно.

По мнению исследователей, сегодня сходные фрагменты «истории вопроса» беспрепятственно кочуют из одной диссертационной работы в другую, причем никак не влияют на основное содержание — на решение проблемы, которой посвящено исследование (Хазагеров 2010). Ср. также: «Избыток справочного аппарата в тексте компенсируется пропорциональным уменьшением доли мышле-

ния. Более того: у массы гуманитарных ученых школа отбивает умение мыслить самостоятельно, атрофируя само представление о самостоятельном мышлении» (Веллер 2010).

Нередко, цитируя, авторы нарушают этические правила научной вежливости, которые важны для понимания того, что подразумевал автор цитируемого высказывания и какой пользовался системой понятий, а также терминологией. Используя цитату, цитирующий выполняет ответственную функцию — он становится интерпретатором, который может также детализировать сказанное, развивать идеи и мысли, привлекая новый эмпирический материал. Но нарушением этико-лингвистических норм будет привлечение любой ценой цитируемого автора на «свою сторону», использование цитаты для аргументации позиции, которую не принимал цитируемый автор (Marlangeon 2018).

Вообще культура и этика научного цитирования — это отдельная большая проблема, требующая специального исследования. Интернет и накопленный багаж научной информации, всеобщая компьютеризация науки предоставляют безграничные возможности для злоупотреблений. Действующая система «Антиплагиат» способна противодействовать только прямым и грубым формам плагиата, но бессильна против наиболее распространенной формы неэтичных заимствований — компиляции (недаром Интернет пестрит предложениями за 500 рублей довести процент оригинальности научного труда до 98%, причем без изменения содержания обрабатываемого текста). Н.В. Брагинская замечает, что вообще эта система, когда диссертант должен «самообыскаться», оскорбительна (2015).

Наличие большого количества цитируемого материала (естественно, введенного с соблюдением этических норм) само по себе ни хорошо, ни плохо. С одной стороны, цитирование в декоративных целях, «узоры из цитат» (М. Веллер), вызывают справедливое неприятие — особенно если этими «узорами» все и исчерпывается. А с другой стороны, ср. как, например, Е.В. Падучева охарактеризовала одно из свойств творческой манеры Анны Вежбицкой: «В лингвистической концепции Вежбицкой удивительным образом сочетаются новаторство и традиционность. Ссылка на традицию увеличивает ценность информации, получаемой читателем: он не просто останавливается, пораженный блестящей идеей, а заодно узнает, что думали по этому поводу Фома Аквинский, Лейбниц, Гумбольдт, Локк, грамматики Пор-Рояля, в крайнем случае — Витгенштейн или Остин.

Цитировать любят все. Люди цитируют, чтобы продемонстрировать свою эрудицию; чтобы приобщиться к авторитету; и, наконец, потому, что авторитет говорит ровно то, что нужно цитирующему. Вежбицкая цитирует всегда только потому, что великие лингвисты, логики, философы и психологи, как будто сговорившись, подтверждают те положения, которые она собирается отстаивать. Впрочем, полемическим стилем Вежбицкая тоже владеет в совершенстве» (Падучева 1997: 27—28).

Кризис научного дискурса наиболее отчетливо проявляется в определенных жанрах. Перечень жанров научного дискурса достаточно стабилен: научная статья, диссертация, монография, научный доклад, выступление на конференции, стендовый доклад, автореферат диссертации, научно-технический отчет, аннотация, тезисы доклада на конференции и, с известными оговорками, вузовские учебники. Устные жанры менее четкие, чем письменные: выступление на конференции меняется в зависимости от сопутствующих условий (существуют различия между пленарным докладом и секционным выступлением, комментарием или выступлением на заседании круглого стола).

В трудах Г.Г. Хазагерова (2010; 2013) была высказана мысль о том, что в таких жанрах научного дискурса, как диссертация и автореферат диссертации, наблюдается отчетливая тенденция к сокращению компонентов, которые реферируют к научным реалиям. Эти жанры характеризуются дисфункцией, которая даже может быть названа «обесмысливанием научного дискурса». Суть этого явления и факторы, его порождающие, видятся Г.Г. Хазагерovu следующим образом. Научный дискурс формируется как наиболее удобное пространство для обсуждения научных проблем (отсюда стремление к точности, доказательности) и для сертификации ученых — присвоения ученых степеней и званий. Но эти две цели, традиционно согласованные, по мысли Г.Г. Хазагерова, могут, однако, входить в противоречие между собой. Достижение второй цели — сертификации — напоминает ситуацию экзамена. Но на экзамене демонстрируются не результаты исследования, а осведомленность. И научный дискурс, осложненный «экзаменационно-познавательным синкретизмом», приобретает черты дисфункции. Для ознакомления с результатами исследования востребована краткость (конечно, не в ущерб ясности). Именно краткость позволит быстро вычленить главное и новое, облегчит информационный поиск и следование за ходом мысли. А для «экзамена» актуальнее многословие, которое не продиктовано потребностью объяснения (ср. обычное в ситуации экзамена: «Дайте развернутый ответ»). Многословие в ситуации экзамена (Akimoto *et al.* 2014) позволяет продемонстрировать эрудицию, широту интересов, системность знаний. То есть доказывается в ситуации экзамена не идея, а состоятельность экзаменуемого.

Именно нацеленность на сертификацию порождает то, что Г.Г. Хазагерov именует «научным спамом». Поставщиками «научного спама» являются топосы «род и вид», «пример», «определение» — в том случае, если с этими топосами не проводится никакой дальнейшей работы: так или иначе будет определен попутный объект, для сути работы значения не имеет, однако такими приемами создается требуемый объем (по мысли Г.Г. Хазагерова, всякий нижний предел для объема научного текста вообще неправилен, и с этим трудно не согласиться). Многословием удачно (для автора) камуфлируется научная банальность.

О том же (но средствами публицистического языка) с иронией говорит писатель М. Веллер: «...научный стиль превращается в ребус. <...> Процесс чтения перестает напоминать езду по гладкому шоссе и напоминает ориентирование

в лесу, когда карта помята и условные значки расплываются и часто неразборчивы. Зато сразу видно, что стиль научный. <...> Стиль густ и вязок для потребления. Не для дурачков писано, не для дилетантов. Для подготовленных специалистов, людей умных. И здесь кроется под ковром спецязыка спецловушка. А в спецловушке часто сидит голый король». И далее: «Умная сущность заменяется умной формой — при минимуме или вовсе отсутствии принципиально новой сущностно сложной информации. Сложность формы оттягивает на себя мозговое усилие с сути, и это стянутое одеяло оставляет суть озябшей, маленькой и полудохлой» (М. Веллер «Человек в системе»).

Итак, научный дискурс, особенно в жанрах диссертации и автореферата, все более «дрейфует» в сторону фатического общения (в его противопоставлении общению информативному). Не отрицая, что фатическая составляющая необходима в научной коммуникации (как и в любой другой), считаем возможным отметить, что степень представленности фатики в жанрах научного дискурса различна: в большей степени такая составляющая необходима и допустима в устной разновидности научного выступления, а также в научно-популярной разновидности дискурса. В остальных жанрах, на наш взгляд, можно говорить о допустимости сопутствующей фатической функции разных структурных элементов текста. Избыточность фатической составляющей научного дискурса закономерно приводит к уменьшению информативности. Текст современной диссертации не столько репрезентирует научные идеи, сколько самое себя, то есть нарастает автономичность речи. В ситуации с экзаменом демонстрация знаний научной идиоматики является ключевым: оно свидетельствует о том, что соискатель «находится в теме». А ввиду того, что в определенных областях научного знания идиоматика достаточно бурно развивается, отражая смену научных школ и научных парадигм, то знание идиоматики является индикатором еще и того, что соискатель ученой степени следит за развитием научной мысли, не отстает от жизни и следует научной моде. Потому закономерно, что собственно злоупотребление модными научными идиомами и является наиболее яркой чертой, отличающей имитационную научную речь.

Важно подчеркнуть, что многие из отмеченных процессов, в частности «тенденция к нарастанию «научного спама», видятся исследователям как объективные. Эта тенденция, пишет Г.Г. Хазагеров, не определяется полностью научной недобросовестностью диссертанта или диссертационного совета, поскольку решение задачи «экзамена» имеет «развитые институциональные формы и поддерживается научным сообществом» (Хазагеров 2013: 129—133).

Однако то, что Г.Г. Хазагеров называет «экзаменационно-познавательной синкретичностью» научного дискурса, было всегда характерно для таких жанров, как диссертация и автореферат, а «научный спам» стал настоящим бедствием только в последние годы. Очевидно, причина не только в самой «синкретичности», но во многих обстоятельствах бытия научного сообщества.

Заметим, что сходные процессы — утрата жанрообразующих черт и обесмысливание — наблюдаются и в иных сферах. Так, Т. Москвина (2009) убедил

тельно пишет об «обесмысливании» современного кинематографа, причем тоже — как о процессе объективном. Анализируя «9 роту» Ф. Бондарчука, она пишет, что с точки зрения «искусства кино» это отвратительный фильм — «с непрописанной, пунктирной, невнятной историей, где драматургия подменена эффектами», а с точки зрения «кинематографического дизайна» — все в порядке. «Это происходит не потому, что Федор Бондарчук глуп, бездарен или чего-то не знает или не понимает». Напротив: «Федор Бондарчук умен, талантлив по-своему и знает и понимает многое. Поменялись боги кино, вот в чем дело — поменялись или вовсе погибли. Теперь перед нами совсем другое искусство, которое просто называется так же». Вывод Т. Москвиной: «В нынешнем массовом кинематографическом дизайне именно область смысла табуирована категорически. В дизайне нет смысла, в нем есть воля и стиль, но не смысл. Поэтому зритель «9 роты» ничего не узнает (Т. Москвина «Мужская тетрадь») о том, на какую войну попали герои и почему».

Стилевой доминантой языка науки всегда считалась логичность, причем это диктовалось не только коммуникативными соображениями, но прежде всего — сущностью научной деятельности. Однако в последнее время «мутирует» само представление о логичности в научном дискурсе. Логичность не всегда определяет опора на соотношение речи и мышления (Goddard 2014; Hinner 2017; Mackenzie 2018), речи и действительности: логичность рассматривается как соразмерность, связность и последовательность в изложении материала. То есть утрачивается связь собственно с логикой (в прямом значении этого слова) — с законами логики, правильным делением понятий и др. Недаром с логичностью текста соединяется такой его аспект, как композиция: «Логичность на уровне целого текста связана с его композицией и предполагает деление текста на пропорциональные части и обдуманную последовательность этих частей с обозначением перехода от одного смыслового отрезка к другому» (Культура русской речи 2007: 310).

Но собственно с логикой композиция связана лишь опосредованно: логичный текст может воплощаться и не в самой удачной композиции (из-за неудачной композиции он не утратит логичности). То есть трактовка логичности как коммуникативного качества речи постепенно расширяется, вбирая в себя свойства текста, которые не связаны с соблюдением законов логики напрямую. Например, в средствах выражения связности текста принято видеть одно из проявлений логичности: «Особую роль в построении логичного текста играют средства внутрифразовой и межфразовой связи (средства связности): лексические (повторы, синонимические замены, антонимы, слова со значением «части и целого»), морфологические (местоимения 3-го лица, указательные местоимения и наречия, наречия времени, порядковые и количественные числительные, предлоги *в, к, на, от, по*; в отношении и др., союзы *и, а, но, не... а ..., однако; будто, если, чтобы, хотя, так как, потому что*, частицы *ведь, вот и, же, ли*); синтаксические средства (вводные слова и словосочетания, единство видо-временных форм глаголов-сказуемых, вопросительные и восклицательные предложения)» (Стилистический энциклопедический словарь 2006: 212). Однако очевидно, что сами по себе эти единицы и категории (которые, конечно, могут эксплицировать логичность) логичности не обеспечивают.

Логичность тесно связана с таким коммуникативным качеством речи, как ясность. Как пишет Л.П. Лунева, «неясная речь не может быть логичной» (Лунева 2006: 213). Четкое разграничение и противопоставление понятий, последовательность в изложении материала, четкость в демонстрации связей между аргументами и тезисом — все это повышает ясность речи, потому справедливо утверждение о том, что ясность является одним из основных эффектов логичности текста.

В работе М.А. Глушко (2015) логичность анализируется как одна из форм (разновидностей) ясности, отличающая определенные функциональные стили, прежде всего научный и официально-деловой. Однако, как показало исследование М.А. Глушко, у многих научных статей отсутствует именно логичность. Их отличает противоречивость, которая возникает вследствие того, что в логическом смысле одному и тому же субъекту приписываются противоположные по смыслу предикаты. К противоречивости приводит подмена важного тезиса или любой мысли, а также употребление слова в ином смысле. Вообще для «научных» статей стало обычным делом и потеря тезиса, и потеря аргумента.

Как пишет М.А. Глушко, нарушение логичности (то есть несоответствие логике — закону достаточного основания, исключенного третьего, закону тождества) в современных статьях, претендующих на научность, — массовое явление: в 400 проанализированных статьях выявлено 729 контекстов, иллюстрирующих различные типы логических ошибок (Глушко 2015: 5).

Вообще гуманитарные исследования нередко являют собой своеобразный «порочный круг», когда с самого начала автор исходит из того, к чему должен прийти в результате анализа. Логичность как признак научного дискурса неразрывно связана с информативностью и обеспечивает актуализацию этой категории как в научном дискурсе, так и в тексте. Таким образом, нарушение логичности в гуманитарном научном дискурсе приводит к уменьшению степени представленности категории информативности.

3. ИМИТАЦИОННОСТЬ И ДРЕЙФ К ФАТИКЕ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ КАК СЛЕДСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Трансформационные «социально-травмирующие» процессы современности повлияли и на сферу науки, так что она изменила и свои интенции, и средства достижения результатов. В статье И.В. Тумайкина «Риски имитационности в российской науке» доказывается, что попытки жесткого руководства наукой приводят только к взрыву имитационной активности: «Институциональная и бюрократическая ловушка, в которой оказываются современные российские ученые, имеет два выхода. Первым выходом, эмиграцией в чужую страну, воспользовались многие ученые в 90-е и начале 2000-х. Оставшиеся вынуждены использовать второй выход — имитацию бурной научной деятельности... с написанием бессодержательных статей-пустышек в многочисленные журналы, организованные коммерческими структурами...» (Тумайкин 2016: 147). Научная деятельность все чаще осуществляется не из внутренней потребности решать какую-либо познавательную проблему, а для соответствия критериям рейтингов.

Для всех сфер интеллектуальной жизни и для науки в частности характерна утрата такой категории, как репутация. Отсюда — снисходительное отношение к пустопорожнему наукообразию, нарочито «темному» языку. Язык гуманитарных наук утратил прозрачность. Это и многое другое действительно сдвигают научный дискурс в сторону «имитационной деятельности». Как остроумно замечает Г.Г. Хазагеров, чем менее содержательны работы последних лет, тем более популярны в них дериваты от слова «когнитивный», и чем больше стандартных решений и шаблонных утверждений, тем популярнее наименование «креативный» (Хазагеров 2010).

Вектор научной коммуникации переходит от решения собственно научных задач в области, далекие от собственно науки, такие как удовлетворение статусно-ориентированных потребностей или соответствие формальным критериям эффективности научной деятельности. А в связи с коммерциализацией всех сфер общественной жизни наметилась и еще одна тенденция: научный дискурс, который традиционно был занят порождением объективно-истинного знания, все более тяготеет к рекламно-презентационным дискурсам, определяющая интенция которых состоит в получении доступа к грантам (Кротков 2014).

Сегодня справедливо говорят о том, что, подобно поп-звездам, появились и поп-ученые с присущей поп-звезде атрибутикой. Мнения таких поп-ученых (обоснованные иногда их собственными научными результатами, а чаще всего — не обоснованные никак) стали ходовым рекламным товаром. Технологизированной науке остро необходим массовый потребитель, а значит — необходимо формирование массовых потребностей в новых наукоемких товарах. Выяснилось, что финансирование персонифицированной научной рекламы или «научных страшилок» гораздо эффективнее, чем вложение денег в получение нового научного знания. Внешние обстоятельства (рыночные отношения) сегодня детерминируют научную продукцию: востребуемыми, в первую очередь, оказались не фундаментальные знания, не творческий потенциал и оригинальные идеи, а умение «подать товар лицом» и найти такие формулировки, которые будут эффективно рекламировать этот товар (Миронов 2008: 310).

Имитационная научная деятельность очень трепетно относится к «феномену моды» в полном объеме с присущими ему «негативными симптомами»: посредством немотивированных английских заимствований, частотность употребления которых позволяет компенсировать нечеткость семантики, умело создается впечатление следования современности. Часто отмечается, что за злоупотреблением иноязычиями в терминологии маскируется отсутствие самостоятельности мышления, усвоение истины извне, без критического анализа, пустота речи, скрывающаяся за броским, порой недоступным для декодирования «фасадом». Терминологические заимствования являются маркером инкорпорированности адресанта в дискурсивное профессиональное пространство. И. Куликова и Д. Салмина (2002: 145) отмечают, что им доводилось «сталкиваться со случаями использования термина *дискурс* «для красоты» — по откровенному признанию самих студентов, употребивших этот термин. Ср.:

Эффектное слово «дискурс» часто становится предметом квазинаучных спекуляций. Это заметил чуткий к веяниям времени писатель Виктор Пелевин. В романе

«Амфир В» есть такой едкий пассаж: «Я часто слышал термины „гламур“ и „дискурс“, но представлял их значения смутно: считал, что „дискурс“ — это что-то умное и непонятное, а „гламур“ — шикарное и дорогое. Еще эти слова казались мне похожими на названия тюремных карточных игр. Как выяснилось, последнее было довольно близко к истине».

Остроумно. Но как бы то ни было, мода на слово «дискурс» не проходит (Новиков 2008: 44).

Терминологические англицизмы — денотативные заимствования, которые, по мысли М.Н. Эпштейна (2006), передают позитивную прагматику. В качестве знака языка науки, являющегося особой когнитивной репрезентацией, термин конструирует не только ту реальность, которую исследует автор, но и особенности его мышления. Но он же бывает и знаком имитационности.

Манипуляция в научном дискурсе принимает особые формы. Это, например, жанровый «подлог», когда авторы «льстят» себе: хрестоматия выдается за монографию, а монографией называется реферативный труд объемом в 60—70 страниц; небольшой словник именуется словарем и т.п. Ср. название реальной монографии: «Общее языкознание. Собираемые существительные в славянских языках». Ясно, что может быть либо «Общее языкознание», либо только «Собираемые существительные», и придавать таким образом больший вес и обобщающую значимость исследованию частного вопроса — это манипулятивный прием.

Как пишет Н.В. Брагинская, в гуманитарных науках сегодня море вторичной и третичной продукции, состоящей из пересказов; ценность научного результата насколько размыта, что прямое заимствование уже не слишком отличается от «оригинального жеваного мочала» (2014).

Обилие публикационной халтуры, пустоговорение, десемантизация, граничащая с обесмысливанием языка науки, — все это делает возможным троллинг научного дискурса — фейковые статьи, которые оказываются даже в рецензируемых журналах из списка ВАК. Как пишет Н.Н. Панченко (2015: 109), это достаточно распространенное явление: в период с 2008 по 2013 гг. из архивов было удалено более 120 фейковых статей.

Результаты аналитического обзора исследований научного дискурса нашли подтверждение в языковом материале, были верифицированы анализом текстов диссертаций и авторефератов, размещенных в свободном доступе на сайтах РГБ (<https://www.rsl.ru/>) и dissercat (<https://yandex.ru/yandsearch?&clid=2186621&text=dissercat&lr=39>), защищенных за последние 2 года по гуманитарным наукам (культурология, социология, политология).

Современный гуманитарный научный дискурс, таким образом, характеризуется исследователями как положительно, так и отрицательно. Однако специфика научного дискурса как объекта, на наш взгляд, дает возможность рассматривать его как амбивалентный феномен, исходно не допускающий полярных оценок. Такое рассмотрение делает необходимым определение набора негативных критериев научного дискурса, так как позитивные уже сформированы, стабилизированы и закреплены в филологической традиции описания. Анализ существующего состояния проблемы позволяет сделать вывод о наличии следующих критериев,

которые могут рассматриваться как негативные: нелогичность, манипулятивность, имитационность, фатическая избыточность, неинформативность. Однако, на наш взгляд, эти критерии недостаточно систематизированы. На основе проведенного анализа точек зрения на специфику гуманитарного научного дискурса, в частности гуманитарного, предлагаем рассматривать негативные признаки дискурса как иерархическую систему, так как отдельные признаки являются категоричными и позволяют не рассматривать объект как собственно научный дискурс (нелогичность, неинформативность), а другие — позволяют квалифицировать определенные качественные признаки научного дискурса. Эти признаки также могут рассматриваться как элементы двух рангов, собственно негативные и определяющие какой-либо научный текст в целом (имитационность, фатика), а также элементы второго ранга, которые, по нашему мнению, являются амбивалентными и определяют какие-либо части текста/дискурса (манипулятивность). Ряды элементов обоих рангов не являются закрытыми: выявление таких признаков должно стать задачей специальных исследований. Кроме того, структурирование и систематизация критериев оценки научного дискурса требует перехода на новый уровень абстракции. Обобщенно все негативные признаки, оценивающие дискурс, могут быть представлены в понятии «деинтеллектуализация». Введение этого термина позволит представить систему признаков дискурса оппозитивно. Представляется возможным на первом этапе исследования рассматривать бинарную оппозицию «информативность — деинтеллектуализация», так как информативность — это категория высокого уровня абстракции, включающая ряд значимых признаков дискурса и получающая реализацию в формально выраженных и закреплённых характеристиках научного дискурса (актуальность, научная новизна и т.д.).

Таким образом, оценка научного дискурса, в первую очередь гуманитарного, по степени проявления каждого из элементов оппозиции будет более адекватной, что с течением времени может привести к качественным изменениям этого дискурса. Этот же процесс может поддерживаться и экстралингвистически: за счет интенционального создания стереотипного представления о значимости позитивной репутации субъекта научного дискурса, его ответственности за формируемый дискурс и текст.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Движение познания к содержательно-истинным результатам отражается в научном дискурсе, который несет на себе печать времени и социальных условий. Современный научный дискурс сегодня демонстрирует «угнетение» своей важнейшей функции — когнитивной, в то время как манипулятивная составляющая оказывается весьма существенной. Такой вывод может быть сделан на основе анализа предлагаемой нами бинарной оппозиции «информативность — деинтеллектуализация», элементы которой представляют собой полярную реализацию именно дискурсивно обусловленных когниций. Поскольку университеты и вся система образования вынуждены пользоваться инструментами сертификации, «конфликт стратегий», отмечаемый исследователями, остается реальностью.

Поэтому логично предположить, что, помимо означенного конфликта, действуют иные, скорее всего — внешние (экстралингвистические) факторы. Мы же подчеркиваем, что этот конфликт имел место всегда при подготовке диссертационных работ, но он более или менее успешно разрешался и, уж конечно, не сопровождался таким взрывом имитационности в научных (точнее — псевдонаучных) текстах.

Ужесточение формальных требований к тексту диссертаций или к процедуре защиты может породить лишь новый «имитационный взрыв». Вся надежда только на восстановление института репутаций, на честность адресанта, на то, что человек, выбравший делом своей жизни науку, самым углубленным занятием этой наукой будет воспитан так, что имитационность и манипулирования станут для него органически неприемлемыми.

Перспективы исследования состоят в дальнейшем анализе отдельных жанров научного дискурса, обобщении результатов такого исследования, уточнении критериев оценки качества научного дискурса. Такое исследование может проводиться на материалах дискурсов в рамках одной или нескольких лингвокультур.

© Л.А. Брусенская, Э.Г. Куликова, 2019

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ:

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-012-00085.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Балли Ш. Французская стилистика. Пер. с франц. М.: Изд-во иностранной литературы, 1964. 415 с. [Balli SH. (1964). *Francuzskaya stilistika (French Stylistics. Per. s franc.* 415 p. (In Russ.)]
- Брагинская Н.В. Мафия и школа // Социологическое обозрение, 2014. Т. 13. № 3. С. 208—218 [Braginskaya N.V. (2014). *Mafiya i shkola (Mafia and school) // Sociologicheskoe obozrenie.* Т. 13, 3, 208—218 (In Russ.)]
- Веллер М. Человек в системе. М.: АСТ «Астрель», 2010. 573 с. [Veller M. (2010). *Chelovek v sisteme (Man in system).* М.: AST «Astrel'». 573 p. (In Russ.)]
- Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Деструктивность в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016; 20 (4). С. 161—178 [Volkova Ya.A., Panchenko N.N. (2016) *Destruktivnost' v politicheskom diskurse (Destructiveness in political discourse).* *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika.* 20 (4), 161—178 (In Russ.)]
- Глушко М.А. Логичность речи: критерии оценки (на примере текстов научного дискурса). Ростов н/Д, 2015. 168 с. [Glushko M.A. (2015). *Logichnost' rechi: kriterii ocenki (na primere tekstov nauchnogo diskursa (Logic of the speech: the evaluation criteria (on the example of texts of scientific discourse).* Rostov n/D. 168 p. (In Russ.)]
- Горностаева А.А. Американский политический дискурс: ирония в предвыборной кампании 2016 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016; 20 (4). С. 179—196. [Gornostaeva A.A. (2016). *American political discourse: irony in the election campaign of 2016.* *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics.* 20 (4), 179—196 (In Russ.)]

- Григорьев В.П. Кое-что о стилевой политике // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 138—150 [Grigor'ev V.P. (2007). Koe-chto o stilevoj politike (Something about the style policy) *Yazyk v dvizhenii: K 70-letiyu L.P. Krysina* / Отв. red. Е.А. Zemskaya, М.Л. Kalenchuk. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, pp. 138—150 (In Russ.)]
- Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016; 20 (4). С. 56-77. [Karasik V.I. (2016). The discursive manifestation of personality. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics*, 20 (4). 56—77 (In Russ.)]
- Клушина Н.И. Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиакommunikации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016; 20 (4). С. 78—90 [Klushina N.I. (2016). Discourse analysis and stylistics: an integrative research methods of communication. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics*. 20 (4), 78—90 (In Russ.)]
- Колесникова Н.И. Теоретические и методические проблемы развития научной речи студентов и аспирантов // Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации. К 80-летию проф. М.Н. Кожинной. Материалы Международной конференции. Пермь: ПГУ, 2005. С. 76—80 [Kolesnikova N.I. (2005). Teoreticheskie i metodicheskie problemy razvitiya nauchnoj rechi studentov i aspirantov (Theoretical and methodological problems of development of scientific language students and graduate students) *Problemy funkcionirovaniya yazyka v raznyh sferah rechevoj kommunikacii. K 80-letiyu prof. M.N. Kozhinoj. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii. Perm': PGU*, ss. 76—80 (In Russ.)]
- Кротков Е. Научный дискурс: философско-методологический анализ // *Credo New*, 2014, № 3. [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/k3-2014/25369-nauchnyy-diskurs-filosofsko-metodologicheskij-analiz.html (дата обращения 23.12.2017) [Krotkov E. (2014). Nauchnyj diskurs: filosofsko-metodologicheskij analiz (Scientific discourse: philosophical and methodological analysis) *Credo New*, 3 (In Russ.)]
- Красина Е.А. Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016; 20 (4). С. 91—102 [Krasina E.A. (2016). Discourse, statement and speech act. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics*. 20 (4), 91—102 (In Russ)]
- Куликова И., Салмина Д. Введение в металингвистику. Лингвистическая терминология в коммуникативно-прагматическом аспекте. СПб.: САГА, 2002. 351 с. [Kulikova I., Salmiina D. (2002). Vvedenie v metalingvistiku. Lingvisticheskaya terminologiya v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte (Introduction to metalinguistics. Linguistic terminology in communicatively-pragmatic aspect) *Saint Petersburg: SAGA*. 351 p. (In Russ.)]
- Лубский А.В. Научность социально-гуманитарного исследования как эпистемологическая проблема // Гуманитарный ежегодник. 10 / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д., Москва: Изд-во Социально-гуманитарные знания, 2011. С. 58—72. [Lubskij A.V. (2011). Nauchnost' social'no-gumanitarnogo issledovaniya kak ehpistemologicheskaya problema (Scientific social-humanitarian studies as an epistemological problem) *Gumanitarnyj ezhegodnik. 10 / Отв. red. Yu.G. Volkov. Rostov n/D., Moscow: Izd-vo Social'no-gumanitarnye znaniya*, 58—72 (In Russ.)]
- Лунева Л.П. Проблемные аспекты культуры речи преподавателя вуза в контексте модернизации образования // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании: сборник материалов X Международной конференции по риторике / Науч. ред.-сост. В.И. Аннушкин, В.Э. Морозов. М.: Флинта, 2006. С. 210—215 [Luneva L.P. (2006). Problemnyye aspekty

kul'tury rechi prepodavatelya vuza v kontekste modernizacii obrazovaniya (Problematic aspects of speech culture of a university teacher in the context of education modernization) *Ritorika i kul'tura rechi v sovremennom obshchestve i obrazovanii: sbornik materialov X Mezhdunarodnoj konferencii po ritorike / Nauch. red.-sost. V.I. Annushkin, V. E.H. Morozov*. Moscow: Flinta, pp. 210—215 (In Russ.)]

- Миронов В.В. Средства массовой коммуникации как зеркало поп-культуры // Язык средств массовой информации. Учебное пособие для вузов / под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. С. 295—315. [Mironov V.V. (2008). *Sredstva massovoj kommunikacii kak zerkalo pop-kul'tury* (Mass communication as a mirror of pop-culture) *Yazyk sredstv massovoj informacii. Uchebnoe posobie dlya vuzov / pod red. M.N. Volodinoj*. M.: Akademicheskij projekt; Al'ma Mater, ss. 295—315 (In Russ.)]
- Москвина Т. Мужская тетрадь: эссе, пьеса. М.: АСТ: Астрель, 2009. 380 с. [Moskvina T. (2009). *Muzhskaya tetrad': ehssse, p'esa* (Men's notebook: essays, a play). Moscow.: AST: Astrel', 2009. 380 p. (In Russ.)]
- Новиков Вл. Новый словарь модных слов. М.: АСТ: Зебра Е, 2008. 192 с. [Novikov V. (2008). *Novyj slovar' modnyh slov* (New dictionary of fashionable words). Moscow: AST: Zebra E. 192 p. (In Russ.)]
- Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. С. 5—32 [Paducheva E.V. (1997) *Fenomen Anny Vezhbickoj* (The Phenomenon of Anna Verbitskaya) *Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. Moscow: Russkie slovari. ss. 5—32. (In Russ.)]
- Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, 1999. 274 с. [Panov M.V. (1999). *Pozicionnaya morfologiya russkogo yazyka*. (Positional morphology of the Russian language). Moscow, Nauka, 1999. 274 p.
- Панченко Н.Н. Трансформации в научном дискурсе: достоверность и этика // Грани познания, 2015, № 1 (35). С. 106—110. [Panchenko N.N. (2015) *Transformacii v nauchnom diskurse: dostovernost' i ehtika* (Transformation in scientific discourse: authenticity and ethics) *Grani poznaniya*, 1 (35), 106—110 (In Russ.)]
- Понтон Д.М., Ларина Т.В. Дискурс-анализ в 21 веке: теория и практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016; 20 (4). С. 7—25 [Ponton D.M., Larina T.V. (2016). *Discourse analysis in the 21st century: theory and practice*. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 7—25 (In Russ.)]
- Тумайкин И.В. Риски имитационности в российской науке // Философские проблемы: вчера, сегодня, завтра: ежегодный сборник научных статей. Ростов н/Д: РГЭУ (РИНХ), 2016. С. 140—150 [Tumajkin I.V. (2016). *Riski imitacionnosti v rossijskoj nauke* (Risks of imitational in Russian science) *Filosofskie problemy: vchera, segodnya, zavtra: ezhegodnyj sbornik nauchnyh statej*. Rostov n/D: RGEU (RINH). pp. 140—150.
- Хазагеров Г.Г. Контрпродуктивные компетенции // Высшее образование в России, 2013, № 1. С. 129—134 [Khazagerov G.G. (2013). *Kontrproduktivnye kompetencii* (Counterproductive competence) *Vysshhee obrazovanie v Rossii*, 1, 129—134 (In Russ.)].
- Хазагеров Г.Г. Обесмысливание научного дискурса как системное явление // Социологические науки. 2010. № 2. С. 5—20 [Khazagerov G.G. (2010). *Obessmyslivanie nauchnogo diskursa kak sistemnoe yavlenie* (Lack of meaning of scientific discourse as a system phenomenon) *Sociologicheskie nauki*, 2, 5—20 (In Russ.)].

- Эпштейн М.Н. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя, 2006, № 1. С. 196—207 [Epshtejn M.N. (2006). Russkij yazyk v svete tvorcheskoj filologii razyskaniya (Russian language in the light of creative Philology of investigation) *Znamya*, 1, 196—207 (In Russ.)].
- Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М., Флинта: Наука, 2007. 840 с. [Kul'tura russkoj rechi. Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik (2007) (Culture of Russian speech. Encyclopedic dictionary-directory). Moscow: Flinta: Nauka, 2007. 840 p.
- Стилистический энциклопедический словарь / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с. [Stilisticheskij ehnciklopedicheskij slovar' (2006). Pod red. M.N. Kozhinoj. (Stylistic encyclopedic dictionary). Moscow: Flinta-Nauka. 696 p. (In Russ.)].
- Alba-Juez, L. (2016). Discourse Analysis and Pragmatics: Their Scope and Relation. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 43—55.
- Alba-Juez, L. & Larina, T. (2018) Language and Emotions: Discourse Pragmatic Perspectives. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 9—37.
- Arévalo, C.M. (2018). Emotional Self-presentation on Whatsapp: Analysis of the Profile Status. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 144—16.
- Akimoto, Y., Sugiura, M., Yomogida, Y., Miyauchi, C.M., Miyazawa, S. & Kawashima, R. (2014). Irony comprehension: Social conceptual knowledge and emotional response. *Human Brain Mapping*, 35, 1167—1178. doi: 10.1002/hbm.22242.
- Dementyev, V.V. (2016). Speech Genres and Discourse: Genres Study in Discourse Analysis Paradigm. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 103—121.
- Goddard, C. (2014). Interjections and Emotions (with special reference to “surprise” and “disgust”). *Emotion Review* 6 (1): 53—63.
- Hinner, M. (2017). Intercultural Misunderstandings: Causes and Solutions. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 885—909.
- Kecskes, I. (2016). A Dialogic Approach to Pragmatics. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 26—42.
- Mackenzie, J.L. (2018). Sentiment and Confidence in Financial English: a Corpus Study. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 80—93.
- Marlangeon, S.K. (2018). Fustigation Impoliteness, Emotions and Extimacy in Argentine Media Celebrities. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 161—174.
- Ponton, D. (2016). Movements and Meanings: towards an Integrated Approach to Political Discourse Analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 122—139.
- Wierzbicka, A. (2018). Emotions of Jesus. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 38—53. (In Eng.)
- Yus, F. (2017). Contextual Constraints and Non-propositional Effects in WhatsApp communication. *Journal of Pragmatics*, 114, 66—86. doi: 10.1016/j.pragma. 2017.04.003.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12 мая 2018
Дата принятия к печати: 10 ноября 2018

Article history:

Received: 12 May 2018
Revised: 06 July 2018
Accepted: 10 November 2018

Для цитирования:

Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Имитационность, информативность и фатика в жанрах гуманитарного научного дискурса // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 1. С. 131—148. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-131-148.

For citation:

Brusenskaya, Lyudmila A., Kulikova, Ella G. (2019). Imitation, Informational Value and Phatic Communication in the Genres of Academic Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 131—148. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-131-148.

Сведения об авторах:

ЭЛЛА GERMANOVNA КУЛИКОВА — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и культуры речи ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». Научные интересы — коммуникативные стратегии и тактики, норма, экологическая лингвистика, медиалингвистика, юридическая лингвистика, лингвопрагматика

Контактная информация: e-mail: kulikova_ella21@mail.ru

ORCID iD 0000-0002-5305-8789

R-2961-2016

Scopus AuthorID 56511592000

eLibrary SPIN-код автора 6607-2130

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА БРУСЕНСКАЯ — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и культуры речи ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». Научные интересы — лингвопрагматика, юридическая лингвистика, медиалингвистика, экологическая лингвистика

Контактная информация: e-mail: brusenskaya_1@mail.ru

ORCID 0000-0003-3044-7033

+79054508472

R- 2972-2016

Scopus AuthorID

eLibrary SPIN-код автора 4214-9385

Bionotes:

ELLA KULIKOVA, Ph.D. (Advanced Doctorate), Professor, Chair of Department of the Russian Language and Speech Culture, Rostov State Economics University. Research interests include communication strategies and tactics, norm, ecological linguistics, media linguistics, legal linguistics and linguopragmatics.

Contact information: e-mail: kulikova_ella21@mail.ru

ORCID iD 0000-0002-5305-8789

R-2961-2016

Scopus AuthorID 56511592000

eLibrary SPIN-код автора 6607-2130

LUDMILA BRUSENSKAYA, Ph.D. (Advanced Doctorate), Professor, Department of the Russian Language and Speech Culture, Rostov State Economics University. Research interests include linguopragmatics, legal linguistics, media linguistics and ecological linguistics.

Contact information: e-mail: brusenskaya_1@mail.ru

ORCID 0000-0003-3044-7033

+79054508472

R- 2972-2016

Scopus AuthorID

eLibrary SPIN-код автора 4214-9385

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-149-164

Репрезентация вербального образа акта агрессии в информационном универсуме англоязычных СМИ

Л.Р. Комалова

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
117997, Москва, Россия, Нахимовский проспект, д. 51/21
Московский государственный лингвистический университет
119034, Москва, Россия, Остоженка, д. 38

В работе представлены результаты экспериментального исследования репрезентации вербального образа акта агрессии в текстах англоязычных сетевых СМИ. Для проведения исследования методом сплошной выборки и при помощи разработанной ранее критериальной базы для анализа было отобрано 174 аутентичных англоязычных текста СМИ (публикации в жанре репортажа, статьи, заметки) за период 2013—2015 гг. Исследование проводилось с целью выявления структуры вербального образа акта агрессии, который воспроизводится в картине мира русскоязычного реципиента после прочтения публицистических текстов англоязычных СМИ (американские и британские сетевые аналоги печатных изданий) и вызывает или поддерживает в адресате представление о структуре акта агрессии. Актуальность подобной исследовательской задачи обусловливается потребностью поддержания психологического здоровья человека в условиях агрессивной информационно-коммуникационной среды, необходимостью снижения общего высокого уровня напряженности в современном социуме, в немалой мере стимулируемого современными СМИ. Методическая рамка исследования включала применение модифицированного ассоциативного эксперимента, в котором участвовало 98 испытуемых — носителей русского языка, изучающих английский язык в специализированном вузе. Полученные результаты свидетельствуют о многообразии структурных элементов вербального образа акта агрессии, репрезентируемых в текстах СМИ и воспринимаемых реципиентами, а также о направленном смещении фокуса внимания реципиента в сторону формирования враждебной картины мира, в центре которой находится противостояние между агрессором и третьими лицами, а на периферии остается жертва агрессии. Полученные результаты иллюстрированы примерами из первоисточников (сетевых аналогов печатных СМИ) и снабжены комментариями автора.

Ключевые слова: *семантическое поле агрессии, вербальный образ, языковое сознание, картина мира, англоязычные СМИ, ассоциативный эксперимент, восприятие, речевое воздействие, агрессор, жертва*

Representation of the Verbal Image of Aggression in the Informational Universe of the English-Language Mass Media

Liliya Komalova

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/21, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, Russia, 117997
Moscow State Linguistic University
38, Ostozhenka street, Moscow, Russia, 119034

Abstract

This contribution explores the representation of the verbal image of aggression in the texts of the English-language digital mass media. The research is based on the quantitative and qualitative semantic analyses of 174 authentic English texts (journalistic reports and newspaper articles) produced during the

period of 2013—2015 and selected on the basis of special criteria, which were elaborated in our previous works on detecting descriptors of aggression in written texts. The aim of the research is to reveal the structural components of the verbal image of aggression reproduced in the worldview of Russian native speakers after reading English texts (British and American digital newspapers articles) and to find out if the resulting cognitive model refers to the real act of aggression. The paper contributes to the research field of psycholinguistics, emphasizing the need to support people's psychological health in the context of an aggressive media environment, which produces high psychological tension. The research methodology is based on a modified associative experiment procedure, which involves 98 native speakers of Russian (university students majoring in linguistics and translation). The obtained results demonstrate a great variability of the structural elements of aggression verbalized in mass media texts. They also indicate that the focus of the reader's attention is deliberately shifted towards the formation of a hostile cognitive model of the world, with the aggressor and the third party involved in the aggressive act in the center of the battlefield, and the victim of aggression on the periphery. The findings are illustrated by textual examples from authentic British and American newspaper articles and supplied with the author's commentaries.

Keywords: *semantic field of aggression, verbal image, linguistic consciousness, worldview, English-language mass media, associative experiment, perception, speech influence, aggressor, victim*

1. ВВЕДЕНИЕ

Психологи утверждают, что погружение субъекта в коммуникативную среду, в которой фокус внимания реципиента направлен на темы, связанные с насилием, агрессией, конфликтами (Anderson, Gentile, Buckley 2007, Жмуров 2007), где в суждениях превалирует отрицательная оценка, практикуется «репрессивный» вид коммуникации (Цой 2001), часто используются конфронтационные стратегии речевого общения (Кошкарлова 2008, Werner, Bumpus, Rock 2010, Воронцова 2016, Peterson, Densley 2017), что соприкосновение с такой коммуникативной средой может (при прочих сопутствующих условиях) повысить уровень тревожности реципиента, спровоцировать депрессивные состояния, реакции агрессивного характера (Wright, Li 2011, Law, Sharpa, Domene 2012). В частности, не в первый раз говорится о том, что вербальная коммуникация, например, в рамках интернет-форумов, социально-сетевых платформ «заражает» участников отрицательными эмоциями (Sparby 2017), провоцирует у наблюдающих субъектов фрустрирующие состояния (Холод 2017, Allison, Bussey 2016, Stephens, Trawley, Ohtsuka 2016, Rebs 2016).

Общеизвестно, что модели агрессивного поведения, существующие в обществе, закрепляются в языке и транслируются из поколения в поколение как прямую, посредством реализации и восприятия речевого поведения значимых индивидов, так и опосредованно через тексты (СМИ, художественные произведения, кинофильмы и т.п.) (Берковиц 2001, Жмуров 2007, Ениколопов, Кузнецова, Чудова 2014, Renfrew 1996, Kurst-Swanger, Petcosky 2003, Levesque 2007, Russell 2008 и др.). Питательной средой для воспроизводства и трансляции общественно одобряемых и общественно порицаемых моделей агрессивного поведения, в том числе и речевого, являются тексты средств массовой информации (печатных и сетевых аналогов газет, журналов, а также телепередачи).

Нельзя не согласиться с тем, что СМИ являются источником активного формирования представлений о том, каким может/должно быть агрессивное поведение человека. В рамках способствующей модели СМИ «помогают детям определить свое отношение к другим людям, способствуют образованию у них представлений о вероятном поведении других людей. У подростков формируются представления

о том, каким образом лучше всего справиться с проблемами между людьми» (Ениколопов, Кузнецова, Чудова 2014: 15).

У реципиента благодаря сообщениям СМИ формируется установка, согласно которой агрессия позволяет достичь желаемого, т.е. агрессивное поведение приносит пользу; агрессию проявляют герои, поэтому такое поведение одобряемо обществом; героев редко наказывают, значит, агрессивное поведение безопасно, и страдания жертвы часто остаются «за кадром», в связи с чем агрессия безобидна (Ениколопов, Кузнецова, Чудова 2014, Renfrew 1996).

Кроме того, в текстах СМИ реализуется «модель национального языка», в которой представлен эмоциональный речевой компонент в виде моделей речевой агрессии. Медийный дискурс (тексты печатных СМИ, теле-, радио- и кинопродукция, интернет-издания) в целом изобилует описаниями агрессивных сцен насилия, жестокости, убийств, надругательств, унижений, демонстрации силы, военных действий, различного рода конфликтов. На этом фоне, как отмечает И.П. Лысакова, «в отечественных СМИ сегодня часто рекламируется агрессия и интолерантность, в массовом сознании абсолютизируется протест и нетерпимость как единственные способы достичь справедливости (разрушив до основания ценности сотрудничества и сосуществования своих и чужих)» (Лысакова 2007: 5).

В соответствии с отношениями, устанавливаемыми между участниками коммуникативного события, выделяют несколько типов вербализации агрессии в текстах СМИ (Речевая агрессия... 1997):

- ◆ автор своим материалом прямо призывает адресата к агрессивным действиям против предмета речи;
- ◆ автор своим представлением предмета речи вызывает или поддерживает в адресате агрессивное эмоциональное состояние;
- ◆ автор агрессивно вводит предмет речи в сферу адресата и побуждает его совершить неагрессивное, но прямо или косвенно выгодное адресату действие.

Таким образом, «тематика и стилистика газетных, журнальных, теле- и радиоматериалов часто негативным образом влияют на коммуникативное пространство и делают его враждебным» (Кошкарлова 2010).

Исследователи вербального представления акта агрессии на страницах печатных СМИ утверждают, что подобное представление само по себе является эффективным приемом воздействия на массовое сознание, имплицитно реализующим такой вид агрессии, как намеренная речевая агрессия.

Таким образом, вербальное представление акта агрессии на материале средств массовой информации может быть отнесено к *наступательному* типу агрессии. Эффект воздействия реализуется за счет создания резкого контраста, когда определенные вербальные единицы семантики агрессии максимально ярко выделяются на фоне нейтрального стиля публикации. Например, в работе (Басовская 2004) рассматривается взаимодействие интервьюера-журналиста и интервьюируемого с последующей публикацией журналистского произведения (интервью), в котором реализуется речевая агрессия. Автор утверждает, что «тексты печатных средств массовой информации не вполне типичны. Им вообще не свойственна спонтанность, и вербальная агрессия проявляется в репликах журналистов не под влиянием эмоционального порыва, а в соответствии с продуманной стратегией». Таким образом, можно утверждать, что использование агрессивных высказываний

в надлежащем контексте обеспечивает журналисту доминирующую позицию в диалоге с читателем и тем самым дает возможность насаждать определенные концепты и представления о реальной действительности и определенных субъектах.

При этом анализ непосредственно языковых и речевых составляющих подобных публикаций дает возможность диагностировать и определенную приверженность автора текста, и провоцируемый у реципиента на уровне восприятия потенциал агрессии, который в большей мере актуализируется у индивидов, склонных агрессивно реагировать на раздражители. Иными словами, анализ текстов печатных СМИ с семантическим компонентом «агрессия» позволяет выявлять вербальные средства, выступающие инструментом экспликации агрессии и определить установки «информационного агента» (СМИ) (по: Комалова 2017(а): 143) в отношении предмета обсуждения.

2. КОНТАМИНАЦИЯ МАССМЕДИА КАК СОЦИАЛЬНО-ДЕСТРУКТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Представленное в настоящей статье исследование проводилось с целью выявления вербального образа акта агрессии, который воспроизводится в картине мира русскоязычного реципиента после прочтения публицистических текстов англоязычных СМИ (американских и британских сетевых аналогов печатных изданий) и вызывает или поддерживает в адресате представление о структуре акта агрессии.

Актуальность подобной исследовательской задачи обусловливается потребностью в поддержании психологического здоровья человека в условиях агрессивной информационно-коммуникационной среды, необходимостью снижения общего высокого уровня напряженности в современном социуме, в немалой мере поддерживаемого современными СМИ. «Загрязнение» (контаминация) коммуникативной среды вербальными образами, соотносимыми с деструктивным типом общения, ситуациями актуализации конфликтов, проявления насилия, является следствием геополитических преобразований (Месропян 2011, Черкасова 2011, Булатова 2016, Озюменко 2017) и жесткой конкуренции (Sylwester 2001), в которой находятся современные СМИ. Скорость информационного потока, потребность в захвате внимания реципиента вынуждает СМИ прибегать к так называемым «архаичным» или базовым психологическим механизмам привлечения внимания: продуцирование дискурса, провоцирующего отрицательные эмоции страха, гнева, отвращения и т.п.

В.И. Шаховский (Шаховский 2016) утверждает, что «при комментировании негативных новостей в СМИ журналисты зачастую сознательно создают огромное количество неэкологических окказиональных единиц (креатем), репрезентирующих негативные и даже разрушительно агрессивные эмоциональные состояния, воздействующие на массовое сознание» (Пищальникова 2017: 118). Деструктивность современного медиа-пространства «в подавляющем большинстве речевых произведений культивирует в человеке низшие потребности, эгоцентризм, враждебность к Другому. <...> Объем негативной информации в сфере СМИ и других видах публичного и индивидуального общения превышает все нормы, допустимые для психики человека» (Пищальникова 2017: 123), создает предпосылки для развития

у реципиента когнитивного стресса. «Негативная информация, репрезентированная неэкологичным способом, стереотипизируется, а потому становится способной усиливать у потребителей медиа тревогу и беспокойство, провоцировать внутренний дискомфорт, стресс, вызывать иные психологические и физические расстройства» (Пищальникова 2017: 124).

Намеренный характер использования агрессогенных лексем и лексем семантического поля «агрессия» в текстовом продукте СМИ и наличие негативного аффективного отклика у реципиента на данный продукт, а также массовый характер подобного взаимодействия позволяют относить «загрязнение» (контаминацию) массмедийной сферы к социально-деструктивным проявлениям. На основании вышеизложенного «загрязнение» (контаминация) массмедийной среды соотносится с определением агрессии в терминах Л. Берковица как действия, которое мотивировано намерением причинить вред кому-то другому (Берковиц 2001: 32). В случае с текстами/дискурсом (по Р.К. Потаповой) СМИ имеется в виду, скорее всего, инструментальный вид агрессии, реализуемой как средство достижения иного, нежели нанесение ущерба, результата.

3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АКТА АГРЕССИИ*

3.1. Методика и материал исследования

Гипотеза исследования заключалась в том, что в текстах англоязычных СМИ вербальный образ акта агрессии воспроизводится неравномерно, с доминирующим центром и подчиненной периферией. Совокупность структурных компонентов вербального образа составляет модель взаимодействия в рамках акта агрессии, которая транслируется СМИ как «оттиск» реального взаимодействия в ситуации проявления агрессии.

В исследовании приняли участие 98 испытуемых — носителей русского языка, изучающих английский язык в специализированном вузе (ФГБОУ ВО МГЛУ, уровень языковой компетенции: Upper Intermediate — Advanced), в возрасте 20—23 лет, рожденные и проживающие на территории РФ (родной язык — русский). Перед началом исследования всем испытуемым сообщили о содержании предстоящего эксперимента, о возможном отказе от участия в исследовании в любой момент исследования, о конфиденциальности персональной информации, о том, что результаты эксперимента будут использоваться исключительно в научно-исследовательских целях. Каждый испытуемый подписал информированное согласие на участие в эксперименте.

* В текст статьи включены также материалы, представленные в диссертационном исследовании автора по данной тематике (Комалова Л.Р. Типология мультилингвальной вербализации эмоционального состояния «агрессия» (на материале разносистемных данных корпусной лингвистики): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017б. 348 с. / The paper also includes materials presented in the dissertation research of the author on this subject (Komalova, L.R. (2017) Multilingual typology of verbalization of aggression as an emotional state (on the basis of nonstructural data of corpus linguistics): Dissertation thesis [Tipologiya mul'tilingval'noj verbalizacii ehmocional'nogo sostoyaniya «agressiya» (na materiale raznosistemnyh dannyh korpusnoj lingvistiki): Dis. d-ra filol. nauk]. Moscow. (In Russ.).

Участникам исследования предлагалось проанализировать 174 аутентичных англоязычных текста СМИ (официальные сетевые аналоги многотиражных газет, информационных агентств Великобритании и США) за период 2013—2015 гг. Стимульный материал был отобран на предварительном этапе исследования методом сплошной выборки в соответствии с разработанными ранее критериями (Потапова, Комалова 2016) группой экспертов ($n = 32$). Исследуемые тексты можно охарактеризовать как относящиеся к семантическому полю «агрессия» (отмечается наличие 8—25% лексем соответствующей семантики (см. подробнее: Потапова, Комалова 2016)), релевантные тематической рамке (в текстах описываются вооруженные конфликты, криминальное поведение, протестные действия, сцены жестокого обращения и т.п.).

Исследование проводилось по модифицированной методике направленного ассоциативного эксперимента (см. подробнее: Комалова 2017(а): 146), в котором испытуемым предлагалось указать в отобранных текстах СМИ лексемы, которые в их представлении при ознакомлении с текстом ассоциируются с агрессией. Все указанные испытуемыми лексемы были извлечены из текстов. Для дальнейшего анализа из полученной выборки были исключены лексемы, не соотносящиеся с семантикой агрессии в изолированной позиции (вне текста).

3.2. Полученные результаты

В итоге было проанализировано 867 лексем-ассоциатов, из них 243 — глаголов, 426 — имен существительных, 179 — имен прилагательных, 18 — наречий, 1 — предлог. Все полученные ассоциаты были распределены по 45 семантическим кластерам, которые, в свою очередь, объединились в 7 типологических групп (табл. 1). Ниже приводятся семантические кластеры и типологические группы с примерами употребления лексем-ассоциатов в тексте первоисточника.

Таблица 1

Типологические группы и входящие в них семантические кластеры

Типологические группы	Семантические кластеры:	кол-во	%
1. Виды и формы агрессии (53,8%)	номинации видов и форм агрессии	24	47,1
	номинации качеств агрессии	5	6,7
2. Субъекты акта агрессии (16,7%)	агрессор	2	9,2
	жертва	2	3,3
	третье лицо, вовлеченное в акт агрессии	2	4,2
3. Инструменты реализации агрессии / управления агрессией (13,8%)	номинации инструментов	1	8,6
	качества инструментов	1	3,5
	инструментальные действия	1	1,7
4. Последствия агрессии (5,4%)	номинации последствий	1	5,2
	качества последствий	1	0,2
5. Элементы эмоционально-модального комплекса «агрессия» (4,8%)	номинации эмоций, эмоционально-модальных состояний	1	2
	эмоциональные действия	1	1,3
	качества эмоциональных действий	1	1,5
6. Агрессивные системы и процессы	—	1	1
7. Вне типологии	—	1	4,5
Итого:		45	100

Далее выделенные типы и семантические кластеры были ранжированы по количественному признаку. В соответствии с полученными количественными данными прослеживается следующее (в качественном и количестве значениях) соотношение типов в структуре вербального образа акта агрессии:

- ◆ наиболее вариативным и количественно выраженным выступает типологическая группа «виды и формы агрессии» (53,8% лексем-ассоциатов);

- ◆ за ней следуют в порядке уменьшения количества ассоциатов следующие типологические группы: «субъекты акта агрессии» (16,7%), «инструменты реализации агрессии / управления агрессией» (13,8%), «последствия агрессии» (5,4%), «элементы эмоционально-модального комплекса „агрессия“» (4,8%), «агрессивные системы и процессы» (1%);

- ◆ не распределенные по семантическим кластерам ассоциаты были объединены в группу «вне типологии» (4,5%).

На основе данного количественного распределения удалось описать модель вербальной репрезентации акта агрессии в англоязычных СМИ. За счет описания различных видов и форм проявления агрессии формируется представление о внешнем мире (социуме, организации, социальной группе, соседе, незнакомце) как о враждебной среде, полной угроз и опасностей (53,9%). В этой среде любой субъект изначально должен восприниматься как враг (9,2% лексем-ассоциатов семантического кластера «агрессор»). Обычный человек не в силах сам защитить себя в этом агрессивном мире (3,3% семантического кластера «жертва»), он даже не знает своего врага в лицо, не знает, как защититься от него. В связи с беспомощностью жертва обращается к третьим лицам (4,2%), располагающим ресурсами и широкими полномочиями в деле заботы о безопасности человека и социума. В борьбе делегированных третьих лиц против агрессора обе стороны применяют похожие средства реализации агрессии / управления агрессией (13,8%). Последствия агрессии (5,4%) распространяются как на непосредственную жертву, так и на агрессора и на третье лицо, вовлеченное в акт агрессии. В эмоциональной составляющей процесса (4,8%) допускается исключительно отрицательные аффективные состояния. При этом в незначительной степени качество агрессивности атрибутируется более массивным образованиям типа агрессивных систем и режимов (1%).

Лексико-семантическая структура описываемой модели свидетельствует о первостепенности номинации явления и затем определения в рамках этого явления места и роли субъектов-участников акта агрессии.

Наибольшая вариативность семантических кластеров отмечается в рамках типологической группы «**виды и формы агрессии**» (такие семантические кластеры, как например, борьба, похищение, обманные действия, удержание, преследование, обвинение и т.п.). Наиболее частотным кластером вербализации агрессивных действий являются:

- ◆ «борьба» (ассоциаты типа: *battle, fight, struggle*), например:

(1) When military commanders draw up their plans, they assume they will be *going into battle against* armies.

(2) During the revolution in Egypt last year, ordinary people *entered into pitched battles with* security forces.

(3) The popular *struggle* of people in Syria can bring the regime down.

◆ «захват, насильственные действия» (ассоциаты типа: *conquer*), например:

(4) The “*divide and conquer*” strategy still works.

◆ «удержание против собственной воли» (ассоциаты типа: *invade, bit, curb*), например:

(5) The Iraq Body Count project (IBC) has been continuously tracking, analysing and maintaining a public record of civilian deaths since the beginning of 2003 when coalition forces *invaded*.

(6) But this singular opportunity to *curb* the gun violence must not be wasted in more of the posturing in Washington that tolerates 30.000 gun deaths a year.

(7) Republican senators reminded Cordray at his confirmation hearing that they want to see his powers as director of the agency *curbed*.

◆ «применение физической силы» (ассоциаты типа: *kick, push, head-butt*), например:

(8) Daniel Batley, of Naismith Road, was given a 12-month community order and 12-month supervision order at Norwich Magistrates’ Court after pleading guilty to *head-butting* his ex-girlfriend during an argument in Chapelfield Gardens.

(9) He cut her face with a knife and made off after the victim had *kicked* him.

(10) The argument saw him *grab* his girlfriend’s wrists and *push* her.

(11) The victim, an Asian man from Mitcham, was taunted and pushed by his attacker... The man was aggressive to the victim, *pushing* him and continuing his tirade of abuse.

◆ «описание завершения насильственного действия» (ассоциаты типа: *defeat, oust, subvert, eliminate*), например:

(12) She pointed the finger primarily at Iran, accusing it of dispatching more personnel and better military material to President Bashar Assad’s regime to help him *defeat* rebel forces.

(13) Like other Arab countries that *ousted* authoritarian leaders, Libya is now mired in a chaotic and violent transition to a new society.

(14) NATO has so far succeeded in *subverting* the people’s demands for democracy and is in control of the motley collection of the leaders of the Libyan “rebels”.

(15) Even the country’s current president, Mohammed el-Megarif, would *be eliminated* because he served as Libya’s ambassador to India in 1980.

В рамках типологической группы «**субъект акта агрессии**» лидирующее место занимает семантический кластер «агрессор» (например, такие ассоциаты, как: *assault, suicide car bomber, hypocrites*):

(16) Then, seven other *attackers* wearing vests rigged with explosives stormed the compound. Three *attackers* blew themselves up inside the complex while police shot the remaining four during a gunfight that lasted more than an hour.

(17) A *gunman* opened fire at a Phoenix office complex on Wednesday, killing one person, wounding two others and setting off a manhunt.

- (18) Witness accounts led police to believe that a man living at the home saw the *gunman* assaulting another woman Monday.
- (19) We will continue to intervene, support victims and bring *offenders* to justice.

Далее следует кластер «третье лицо, вовлеченное в акт агрессии» (ассоциаты типа: *police officer, squadron*), например:

- (20) In other violence, a roadside bomb killed two *police officers* and wounded another in the Nad Ali district of southern Helmand province, the governor's office there said.
- (21) Foreign and domestic *judges* and *prosecutors* have processed about 100 cases of war crimes, including genocide, in accordance with international standards and under the monitoring of the Organization for Security and Cooperation in Europe.
- (22) *Police* are appealing for *witnesses* after a man racially abused and mocked for his religion.

На третьем месте по частоте ассоциатов находится семантический кластер «жертва» (ассоциаты типа: *kid, survivor, pupil*), например:

- (23) The official *death toll* in the worst-affected town of Meikhtila stands at 11, but local estimates put it as much as four times higher.
- (24) Sid Gautreaux, sheriff of East Baton Rouge Parish, said the average *homicide victim* and perpetrator is between the ages of 17 and 25 years old.
- (25) William Hague joined Angelina Jolie to see CARE international's work with *survivors of sexual violence* in Africa.

Отмеченная асимметрия в сторону преобладания номинаций агрессора в паре «агрессор — жертва» свидетельствует о нивелировании образа субъекта, испытывающего на себе агрессию другого. Таким образом, акцент смещается с акта агрессии как взаимодействия конкретного агрессора и конкретной жертвы на фигуру агрессора в целом как потенциальную угрозу любому и каждому, но вне рамок конкретной ситуации. Например:

- (26) Cross, who has been involved with *state militia groups* (*агрессор*) since the early 1990s, said his group isn't all that upset with *state lawmakers* (*третье лицо*), who last year passed an open-carry measure that lets those with a handgun license openly display their weapon in a holster.

Более весомую оппозицию агрессору составляет третье лицо, вовлеченное в акт агрессии. В языковом сознании испытуемых (носителей русского языка) при восприятии текстов современных СМИ (на английском языке) по проблематике, включающей обсуждение в СМИ таких тем, как криминальное поведение, насилие в семье, проявление жестокости по отношению к животным, военные действия, различного рода конфликты, формируется некий образ агрессора наряду с образом противодействующего ему третьего лица (в большинстве случаев — это представители властных и силовых структур, органы юстиции и правопорядка), в то время как объект агрессии (жертва) выносится за рамки взаимодействия. Например:

- (27) The *forces* (*третье лицо*) aren't members of the leading *rebel group* (*агрессор*), the Free Syrian Army, which Washington and others fear may be increasingly coming under the sway of *extremist militia groups* (*агрессор*), including some linked to al-Qaida, they said.

Позиция жертвы подвергается рефлексии со стороны СМИ в незначительной мере. Жертва по-прежнему остается беспомощным объектом агрессии, не способным противостоять агрессивным действиям. Например:

- (28) The **man** was threatening to shoot (*агрессор*) his **girlfriend, children** and other **family members** (*жертвы*).

Единственно возможной стратегией действий (согласно вербализуемой модели акта агрессии) в этом случае является обращение за помощью к третьим лицам. Среди лексем, описывающих третьих лиц, преобладают именно те, которые представляют людей и структуры, выступающие в помогающей позиции со стороны жертвы (Комалова 2016: 97) (ассоциаты типа: *guard; prosecutor, convoy, witness*), наряду с этим встречаются и номинации, апеллирующие к третьим лицам на стороне агрессора (ассоциаты типа: *militant, sniper*), например:

- (29) The support offered to her by her **friend** and a **concerned family member** (*третье лицо на стороне жертвы*), who had also contacted **police** (*третье лицо на стороне жертвы*), was crucial to keeping her safe. Everyone can play a part in tackling domestic abuse.
- (30) **Neighbourhoods** (*жертвы*) have faced a bloody campaign of shelling, **snipers** (*третье лицо на стороне агрессора*) and **violent militias** (*третье лицо на стороне агрессора*) unleashed by **Assad's regime** (*агрессор*).

Отмеченная ролевая асимметрия подтверждает гипотезу, выдвинутую Е.М. Меркуловой в отношении формирования в американских СМИ образа жертвы: «американский политический дискурс основан на вере американцев в Америку как сверхдержаву, которая имеет право решать судьбы других стран, более слабых и пассивных. Поэтому при описании военного конфликта изображается ответственная за *весь мир* сторона — Защитник [в нашей терминологии — третья сторона (Л.К.)] — и пассивная, слабая Жертва» (Меркулова 2012: 143). «Пассивное положение стороны Жертвы имеет особый прагматический эффект: такое представление реальности передает информацию о необходимости вмешательства Защитника (США), ведь Жертва не может сама себя защитить» (Меркулова 2012, 142).

Следующую по количеству ассоциатов типологическую группу составляют **инструменты реализации агрессии / управления агрессией** (эта группа включает такие семантические кластеры, как «номинации инструментов», «качества инструментов», «инструментальные действия»):

- (31) A Texas sheriff says the man charged with killing a former Navy SEAL and his friend was **shocked** (*инструментальное действие*) with a **stun gun** (*инструмент регулирования агрессии*) and **restrained in his jail cell** (*инструмент регулирования агрессии*) after becoming aggressive.
- (32) He grabbed her and **cut** (*инструментальное действие*) her across the neck with a **knife** (*инструмент реализации агрессии*) before laughing and running off.
- (33) The opposition fighters **blasted** (*инструментальное действие*) army checkpoints with **rifles** (*инструмент реализации агрессии*) and **anti-aircraft** (*качество инструмента*) **guns** (*инструмент реализации агрессии*) while government forces shelled the eastern and southern suburbs, trying to repel a new insurgent effort to push the civil war into the heart of the capital.

Менее представленной является типологическая группа «**последствия агрессии**» (включающая семантические кластеры «номинации последствий», «качества последствий»):

- (34) O'Dell raped her while she was in *agony* from the *injuries* (номинации последствий агрессии).
- (35) A five-month-old girl was killed by a pair of rottweilers and, just days later, a three-year-old was attacked and left with *horrific* (качество последствий) *injuries* (номинация последствий агрессии).

Еще в меньшей мере в текстах сетевых аналогов современных СМИ рефлексированы элементы эмоционально-модального комплекса «агрессия» (к ним нами были отнесены такие семантические кластеры, как «номинации эмоций, эмоционально-модальных состояний», «эмоциональные действия», «качества эмоциональных действий»):

- (36) The 20-year-old Lanza killed 20 children and six adults in a five-minute *rampage* (номинация эмоционально-модального состояния) at the school before committing suicide as police closed in.
- (37) What worried Salazar was that a woman who *feared* (номинация эмоционального состояния) she was being followed by a rapist might *overreact* (эмоциональные действия) dangerously.

В незначительной степени по отношению к другим группам в текстах англоязычных СМИ, согласно оценкам русскоязычных реципиентов, вербализуется тип «агрессивные системы и процессы», представленный одноименным семантическим кластером:

- (38) Parliamentarians and conservative newspapers in Tehran have variously blamed the turmoil in Britain on human rights violations, 'chronic injustice', *racism* (агрессивная система ценностей), *social deprivation* (агрессивный процесс) and the rise of student tuition fees.
- (39) Their whole system breeds violence. They use *racism* and *sexism* (агрессивные системы ценностей) to oppress people and force millions of people to die because they can't afford the basics of life.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты свидетельствуют о многообразии структурных элементов в вербальном образе акта агрессии (45 семантических кластеров), репрезентируемых в текстах англоязычных СМИ и воспринимаемых русскоязычными реципиентами. Это говорит о том, что СМИ удается отображать в вербальной форме многообразие реального акта агрессии, который представляется как комплексное явление, реализуемое симультанно и на аффективном, и на когнитивном, и на деятельностном уровнях взаимодействия.

Зафиксированная в ходе экспериментального исследования модель вербализации акта агрессии свидетельствует о том, что информационные агенты (СМИ) направленно смещают фокус внимания реципиента в сторону формирования враждебной картины мира, конструируемой на базе таких семантических кластеров,

как «виды и формы агрессии», «субъекты акта агрессии», «инструменты реализации агрессии / управления агрессией». Можно сделать вывод о том, что наиболее значимым структурным элементом в вербальном образе акта агрессии выступает сам факт осуществления агрессии. В меньшей мере представлены элементы «субъекты агрессии» и «их действия». В целом, подобный фокус внимания соотносится с задачей СМИ информировать о событиях действительности (жанр репортажа, отвечающий на основные вопросы «что? кто? где? когда? почему?»).

Представляется преждевременным делать вывод о рефлексивности СМИ в отношении вербального образа акта агрессии, т.к. для этого требуется более глубокий качественно-количественный анализ контекстов словоупотребления выявленных лексем-ассоциатов.

На данном этапе исследования можно обратить внимание на следующую особенность вербальной репрезентации модели взаимодействия субъектов в акте агрессии. Жертве, к которой в силу психологических законов восприятия, скорее всего, имплицитно будет себя приравнивать адресат медиа-сообщения, в описываемой модели отводится роль донора: с одной стороны, жертва является объектом агрессии, с помощью которого агрессор напрямую получает желаемое (наступательная гетероагрессия), либо опосредованно (инструментальная гетероагрессия) достигает своей цели посредством формулирования угроз по отношению к жертве; с другой стороны, благодаря внушаемой и природно-заложенной беззащитности жертвы третьи лица получают возможность обосновать необходимость применения тех или иных мер, зачастую соизмеримых с действиями агрессора. Таким образом, вопрос о силовых методах взаимодействия в акте агрессии приобретает качество социально одобряемого или социально порицаемого действия, что, в свою очередь, вынуждает обратиться к базовому определению агрессии как социально реализуемого явления, характеризующегося как амбивалентное.

© Л.Р. Комалова, 2019

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Басовская Е.Н. Творцы черно-белой реальности: О вербальной агрессии в средствах массовой информации // *Критика и семиотика*. Новосибирск: НГУ, 2004. Вып. 7. С. 257—263. [Basovskaya, E.N. (2004). Tvortsy cherno-beloi real'nosti: O verbal'noi agressii v sredstvakh massovoi informatsii. (Black and white reality: verbal aggression in Mass Media). *Kritika i semiotika*, 7, 257—263 (In Russ.).]
- Берковиц Л. Агрессия: Причины, последствия, контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. [Berkowits, L. (2002). Agressiya: Prichiny, posledstviya i kontrol' (Aggression: its causes, consequences, and control). St Petersburg: Prime (In Russ.).]
- Булатова Е.И. Средства вербальной агрессии как инструмент информационных войн (На примере арктического медиадискурса) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. 2016. № 8 (62): в 2-х ч. Ч. 1. С. 88—91. URL: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/24.html (дата обращения: 24.07.2017). [Bulatova, E.I. (2016). Means of verbal aggression as a tool of information wars (By the example of the Arctic media discourse). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 8(62), part 1, 88—91. Retrieved from: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/24.html (In Russ.).]

- Воронцова Т.А. Троллинг и флейминг: Речевая агрессия в интернет-коммуникации // *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2016. Т. 26, вып. 2. С. 109—116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26087618> (дата обращения: 20.01.2018). [Voronцова, T.A. (2016). Trolling and flaming: Speech aggression in the internet communication. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i Filologiya*, 2(26), 109—116. Retrieved from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26087618> (In Russ.).]
- Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Агрессия в обыденной жизни. М.: Политическая энциклопедия, 2014. [Enikolopov, S.N., Kuznetsova, Yu.M., Chudova, N.V. (2014). *Agressiya v obydennoi zhizni*. (Aggression in real life). Moscow: Politicheskaya entsiklopediya (In Russ.).]
- Жмуров Д.В. Криминальная агрессия детей и подростков. Иркутск: Репро-центр, 2007. [Zhmurov, D.V. (2007). *Kriminal'naya agressiya detei i podrostkov* (Child and teenage criminal aggression. Irkutsk: Repro-tsentr (In Russ.).]
- Комалова Л.Р. Агрессогенный дискурс: Типология мультилингвальной вербализации агрессии. М.: Спутник +, 2017а. [Komalova, L.R. (2017a). *Agressogennyi diskurs: Tipologiya mul'tilingval'noi verbalizatsii agressii* (Aggressogen discourse: The multilingual aggression verbalization typology). Moscow: Publishing House Sputnik + (In Russ.).]
- Комалова Л.Р. Вербальный образ субъекта агрессии в русскоязычных сетевых СМИ // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2016. № 5 (59): в 3-х ч. Ч. 2. С. 96—98. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/5-2/28.html> (дата обращения 12.01.2018). [Komalova, L.R. (2016). The verbal image of the subject of aggression in the Russian language network mass media. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 5(59), part 2, 96—98. Retrieved from: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/5-2/28.html> (In Russ.).]
- Комалова Л.Р. Типология мультилингвальной вербализации эмоционального состояния «агрессия» (на материале разносистемных данных корпусной лингвистики): Дис. д-ра филол. наук. М., 2017б. 348 с. [Komalova, L.R. (2017b). *Tipologiya mul'tilingval'noj verbalizatsii ehmocional'nogo sostoyaniya «agressiya»* (na materiale raznosistemnyh dannyh korpusnoj lingvistiki) (Multilingual typology of verbalization of aggression as an emotional state (on the basis of nonstructural data of corpus linguistics): Dis. d-ra filol. nauk]. Moscow (In Russ.).]
- Кошкарлова Н.Н. Клевета, оскорбление, диффамация: Критерии разграничения и пути преодоления [Электронный ресурс] // *Материалы конференции*, 2010. URL: http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2010/9-1-0-337 (дата обращения 31.06.2017). [Koshkarova, N.N. (2010). *Kleveta, oskorblenie, diffamatsiya: Kriterii razgranicheniya i puti preodoleniya* (Slander, insult, defamation: differentiation criteria and ways to overcome). Retrieved from http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2010/9-1-0-337 (In Russ.).]
- Кошкарлова Н.Н. Конфликтный дискурс: Психологические и лингвистические аспекты. Челябинск: ЮУрГУ, 2008. [Koshkarova, N.N. (2008). *Konfliktnyi diskurs: Psikhologicheskie i lingvisticheskie aspekty* (Conflict Discourse: psychological and linguistic aspects). Chelyabinsk: YuUrGU (In Russ.).]
- Лысакова И.П. Язык современной русской прессы: Социолингвистический аспект // *Язык массовой и межличностной коммуникации / под ред. Я.Н. Засурского, Н.И. Клушиной, В.В. Славкина, Г.Я. Солганика*. М.: МедиаМир, 2007. С. 40—54. [Lysakova, I.P. (2007). *Yazyk sovremennoi russkoi pressy: Sotsiolingvisticheskii aspekt*. (Language of Modern Russian Press. Sociolinguistic aspect). In Zasurskii, Ya.N., Klushina, N.I., Slavkin, V.V., Solganik, G.Ya. (eds.) *Yazyk massovoi i mezhlchnostnoi kommunikatsii*. Moscow: MediaMir, 40—54 (In Russ.).]

- Меркулова Е.М. Средства вербализации жертвы в российском и американском военных дискурсах // *Политическая лингвистика*. 2012. № 4 (42). С. 139—144. URL: <http://politlinguist.ru/materials/pl/42.pdf> (дата обращения 07.01.2018). [Merkulova, E.M. (2012). Means of Verbalization of Victim in the Russian and American Discourses, Describing War). *Political Linguistic Journal*, 4 (42), 139—144. Retrieved from <http://politlinguist.ru/materials/pl/42.pdf> (In Russ.).]
- Месропян Л.М. Имплицитная речевая (вербальная) агрессия как средство воздействия в информационной войне // *Российский академический журнал*. 2011. № 3, том 17. С. 44—46. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16852961> (дата обращения 21.02.2018). [Mesropyan, L.M. (2011). The implicit speech (verbal) aggression as the lever in information war. *Russian Academic Journal*, 17(3), 44—46. Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=16852961> (In Russ.).]
- Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: От манипуляции — к агрессии // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2017. № 1 (21). С. 203—220. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220>. [Ozyumenko, V.I. (2017). Media discourse in an atmosphere of information warfare: From manipulation to aggression. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 203—220. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220> (In Russ.).]
- Пищальникова В.А. 2017.01.018. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: Человек, язык, эмоции // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия 6: Языкознание*. 2017. № 1. С. 117—126. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28857556> (дата обращения 28.01.2018). [Pishchal'nikova, V.A. Shakhovskii, V.I. (2017). Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krugе: Chelovek, yazyk, emotsii. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Referativnyi zhurnal. Seriya 6: Yazykoznanie*, 1, 117—126. Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=28857556> (In Russ.).]
- Потапова Р.К., Комалова Л.Р. Информационная структура письменного текста, содержащего индикаторы состояния «агрессия» // *Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Гнозис, 2016. С. 599—607*. [Potapova, R.K., Komalova, L.R. (2016). Informatsionnaya struktura pis'mennogo teksta, sodержashchego indikatory sostoyaniya «agressiya». In Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Informatsionnaya struktura tekstov raznykh zhanrov i epokh*. Moscow: Gnozis, 599—607 (In Russ.).]
- Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1997. [Rechevaya agressiya i gumanizatsiya obshcheniya v sredstvakh massovoi informatsii (1997). Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta (In Russ.).]
- Холод О.М. Корреляция вербальной агрессии интернет-читателей и данных электронного декларирования доходов чиновников Украины (в период с 23 августа по 7 ноября 2016 года). *Психолінгвістика*. 2017. Вип. 21(2). С. 118-150. [Holod, O.M. (2017). Correlation between the verbal aggression of the online readers and the data of electronic incomes declaration of the Ukrainian officials (In the period from August 23 to November 7, 2016). *Psycholinguistics*, 21(2), 118—150.]
- Цой Л.Н. Практическая конфликтология: Книга первая. М.: Глобус, 2001. [Tsoi, L.N. (2001). *Prakticheskaya konfliktologiya: Kniga pervaya* (Practice of Conflictology). Moscow: Globus (In Russ.).]
- Черкасова М.Н. Речевые формы агрессии в текстах СМИ. Ростов н/Д: Рост. гос. ун-т путей сообщения, 2011. [Cherkasova, M.N. (2011). *Rechevye formy agressii v tekstakh SMI* (Speech Forms of Aggression in Mass Media Texts). Rostov on Don: Rostovsky gosudarstvennyi universitet putei soobshcheniya (In Russ.).]

- Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: Человек, язык, эмоции. Волгоград: ИП «Поликарпов И.Л.», 2016. [Shakhovskii, V.I. (2016). *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krugе: Chelovek, yazyk, emotsii*. (Ecolinguistic Dissonant in Circle of Communication) Volgograd: Polikarpov I.L. (In Russ.).]
- Allison, K.R., Bussey, K. (2016) Cyber-bystanding in context: A review of the literature on witnesses' responses to cyberbullying. *Children and Youth Services Review*, 65, 183—194. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chidyouth.2016.03.026>.
- Anderson, C.A., Gentile, D.A., Buckley, K.E. (2007) *Violent video game effects on children and adolescents: Theory, research, and public policy*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195309836.001.0001.
- Kurst-Swanger, K., Petcosky, J.L. (2003) *Violence in the home: Multidisciplinary perspectives*. New York: Oxford University Press.
- Law, D.M., Shapka, J.D., Domene, J.F., Gagné, M.H. (2012) Are cyberbullies really bullies? An investigation of reactive and proactive online aggression. *Computers in Human Behavior*, 28(2), 664–672. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2011.11.013>.
- Levesque, R.J.R. (2007) *Adolescents, media, and the law: What developmental science reveals and free speech requires*. New York: Oxford University Press.
- Peterson, J., Densley, J. (2017) Cyber violence: What do we know and where do we go from here? *Aggression and Violent Behavior*, 34, 193—200. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2017.01.012>.
- Rebs, R.R., Ernst, A. (2017) Haters e o discurso de ódio: Entendendo a violência em sites de redes sociais. *Dialogo das Letras*, 6(2), 24—44.
- Renfrew, J.W. (1996) *Aggression and its causes: A biopsychological approach*. New York: Oxford University Press.
- Russell, G.W. (2008) *Aggression in the Sports World: A Social Psychological Perspective*. New York: Oxford University Press.
- Sparby, E.M. (2017) Digital social media and aggression: Memetic rhetoric in 4chan's collective identity. *Computers and Composition*, 45, 85—97. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compcom.2017.06.006>.
- Stephens, A.N., Trawley, S.L., Ohtsuka, K. (2016) Venting anger in cyberspace: Self-entitlement versus self-preservation in #roadrage tweets. *Transportation Research. Part F: Traffic Psychology and Behaviour*, 42, part 2, 400—410. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.trf.2016.01.006>.
- Sylwester, R. (2001) How mass media affect our perception of reality — Part 1. *Brain Connection*. Retrieved from <https://brainconnection.brainhq.com/2001/12/04/how-mass-media-affect-our-perception-of-reality-part-1/>.
- Werner, N.E., Bumpus, M.F., Rock, D. (2010) Involvement in Internet aggression during early adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*, 39, 607—619. DOI: 10.1007/s10964-009-9419-7.
- Wright, M.F., Li, Ya. (2011) The associations between young adults' face-to-face prosocial behaviors and their online prosocial behaviors. *Computers in Human Behavior*, 27(5), 1959–1962. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2011.04.019>.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 05 марта 2018

Дата принятия к печати: 20 мая 2018

Article history:

Received: 05 марта 2018

Revised: 10 April 2018

Accepted: 20 May 2018

Для цитирования:

Комалова Л.Р. Репрезентация вербального образа акта агрессии в информационном универсуме англоязычных СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. No 1. С. 149—164. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-149-164.

For citation:

Komalova, Liliya (2019). Representation of the Verbal Image of Aggression in the Informational Universe of the English-Language Mass Media. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 149—164. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-149-164.

Сведения об авторе:

ЛИЛИЯ РЯШИТОВНА КОМАЛОВА — доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия. *Сфера научных интересов*: антисоциальное речевое поведение, лингвоконфликтология, социально-сетевая коммуникация, вербализация агрессии в медиа-тексте.

Контактная информация: e-mail: GenuinePR@yandex.ru

Bionote:

LILIYA R. KOMALOVA — Ph.D. (Advanced Doctorate), Senior Research Fellow at the Department of Linguistics, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Department of Applied and Experimental Linguistics, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia. *Research Interests*: antisocial speech behavior, linguaconflictology, social-network communication, verbalization of aggression in mass-media texts. *Contact Information*: e-mail: GenuinePR@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-165-184

Смыслоформирующая функция контекста в публицистических текстах

Е.С. Козловская¹, Я. Кобылко², Е.Ю. Медведев³

¹Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 7

²Варшавский университет
Польша, 00-927, Варшава, ул. Krakowskie Przedmieście, 26/28

³Международный университет информационных технологий
Казахстан, 050000, Алматы, ул. Манаса, 34/1

Воздействующая функция публицистического текста реализуется в рамках социальной оценочности, которая опирается на существующие в обществе нормы морали, следовательно, обязательной характеристикой публицистического текста является аксиологичность. Поскольку действующая в обществе мораль, а значит, и общественное сознание, не статичны, они изменяются под воздействием событий, происходящих в политической, экономической, научной, культурной и других сферах человеческой деятельности, можно утверждать, что публицистические тексты отражают состояние общественного сознания определенного общества в определенный исторический период. Цель настоящей работы — рассмотреть влияние социокультурного контекста на структуру публицистических текстов и установить, как это влияние соотносится с изменениями, происходящими в общественном сознании. Материалом исследования послужили современные российские и польские публицистические тексты, взятые из СМИ («Регнум», «Известия», «Коммерсантъ», «РТ», «W polityce», «Newsweek», «dziennik.pl» и др.), российская и польская политическая лексикография (А.А. Мустафин 2012; И.И. Санжаревский 2010; J. Wasiluk, W. Zmarzer 2012 и др.), а также результаты ассоциативного эксперимента, проведенного в российской и польской аудиториях, в котором участвовало 170 человек. В соответствии с полученными данными были выявлены возможные связи и дальнейшие направления актуализации слов, отступающих от употребления, соответствующего словарным значениям. В результате работы, проведенной при помощи метода контекстуального анализа, было установлено, что внимание к смыслоформирующей функции контекста является методологически необходимым при исследовании публицистических текстов и их переводе на иностранный язык, поскольку именно в контекстуальных значениях понятий фиксируются изменения, происходящие в общественном сознании, под воздействием социокультурного контекста. Это материализуется в том числе в трансформации значений слов: слово может приобретать дополнительные, ранее не свойственные ему коннотации либо дополнительное значение, которое в некоторых случаях полностью замещает значение, зафиксированное в словаре. Полученные результаты могут быть использованы в социолингвистике, в практике лексикографического описания, а также при переводе публицистических текстов.

Ключевые слова: *семантическая структура, публицистический текст, аксиологичность текста, смыслоформирующий контекст, ассоциативный эксперимент*

Sense-Forming Function of Context in Publicistic Texts

Ekaterina Kozlovskaya¹, Jaroslaw Kobytko², Yevgeniy Medvedev³

¹RUDN University

6, Miklukho-Maklaya, 117198, Moscow, Russia

²University of Warsaw

26/28, Krakowskie Przedmieście, 00-927, Warsaw, Poland

³International Information Technology University

34/1, Manasa, 050000, Almaty, Kazakhstan

Abstract

The effect-producing function of publicistic texts is realized within the framework of moral values existing in society; therefore, axiological value is an obligatory characteristic of a publicistic text. Since current moral values in society and public consciousness are not static and change due to events in political, economic, scientific, cultural and other areas of human life, we believe that publicistic texts reflect the condition of mentality of a particular society during a particular historical period. The main goal of this research is to study the impact of the social and cultural context on the semantic structure of publicistic texts and elucidate in what way this influence is relevant to the changes in social consciousness. The material of the study includes current Russian and Polish publicistic texts from mass media sources (“Regnum”, “Izvestia”, “Kommersant”, “PT”, “W polityce”, “Newsweek”, “dziennik.pl”, etc.), as well as Russian and Polish political lexicography (Mustafin 2012; Sanxharevskij 2010; Wasiluk, Zmarzer 2012, etc.), and the results of an associative experiment conducted among 170 Russian and Polish participants. The findings demonstrate possible connections and further tendencies of the actualization of words, which deviate from dictionary meanings. The results of the investigation carried out with the help of contextual analysis also allowed us to conclude that the attention to the sense-forming function of the context is methodologically essential for the study of publicistic texts and their translation into a foreign language because the changes in people’s mentality under the influence of social and cultural contexts are materialized in the contextual meanings. They are also reflected in the transformation of word meanings: a word can acquire additional connotations or meanings which in some cases may fully replace the dictionary meanings. The results of the research can be used in sociolinguistics, lexicography and translation of publicistic texts.

Keywords: *semantic structure, publicistic text, axiological value of a text, sense-forming function, associative experiment*

1. ВВЕДЕНИЕ

К публицистическим относится широкий диапазон текстов, выполняющих следующие функции: «сообщение информации и воздействие на массового адресата» (Стилистический энциклопедический словарь 2006: 58). Массовостью адресата объясняется тематическая разнородность публицистических текстов: поскольку эти тексты должны вызывать интерес как можно большего числа людей, в них рассматривается обширный круг социально значимых вопросов. Социальная направленность предопределяет особенности выполнения воздействующей функции публицистических текстов: влияние на общественное мнение осуществляется посредством социальной оценочности (Там же: 79, также см. Сковородников, Копнина 2012, Laskowska 2004).

Любая система оценок действует в пределах установленной системы координат. Для социальной оценочности такой системой координат является действующая в обществе мораль. Состав этических ценностей, входящих в общественную мораль, предопределяется множеством факторов, к которым относятся, к примеру, государственное устройство и религия, выбранная в стране в качестве основной. Из всего многообразия текстов представления о морали, действующей в определенном обществе, фиксируются, в первую очередь, в текстах СМИ, поскольку в этих текстах значимые события, произошедшие в стране или в мире, освещаются в определенном оценочном ракурсе. Для того, чтобы аудитория согласилась с точкой зрения автора на произошедшие события, в публицистических текстах используется широкий спектр оценок, базирующихся на представлении об этически допустимом или недопустимом в данном обществе: «транслируя систему взглядов на мир, структурирующие интересы и ценности общества, СМИ формируют особую медийную аксиосферу — условную сферу масс-медийной информации, которая представляет ценностные доминанты общества и осуществляет аксиологическое влияние на реципиентов. Информирова аудиторию о тех или иных событиях, они транслируют и оценивают действительность, тем самым формируют представления о добре и зле, правильном и неправильном» (Кузнецова 2013: 230, также см. Солганик, Клушина 2014, Majkowska, Satkiewicz 1999). Поэтому именно публицистические тексты являются тем материалом, исследование которого позволит вскрыть состояние общественного сознания определенного общественного объединения в определенный период исторического развития.

Однако нормы общественной морали не статичны. Состав этических ценностей, входящих в общественную мораль, неодинаков в разных общественных объединениях. Под влиянием господствующей в обществе идеологии границы норм общественной морали постоянно смещаются, а значит, трансформируются критерии социальной оценочности: «Оценка социально обусловлена. Ее интерпретация зависит от норм, принятых в том или другом обществе или его части. Мировоззрение и мироощущение, социальные интересы и мода, престижность и некотируемость формируют и деформируют оценки» (Арутюнова 1988: 6). В публицистических текстах это смещение одновременно и задается, и фиксируется, влияя на аудиторию, эти тексты и определяют общественное мнение, и в то же время его отражают. Определить вектор изменений, происходящих в системе этических ценностей, и выявить масштаб этих перемен становится возможным, если при исследовании публицистических текстов учитывать смыслоформирующую функцию контекста (Валентинова 2013, 2015, 2016).

Значение слова всегда формируется только в контексте, поскольку «единичное конкретное высказывание всегда дано в ценностно-смысловом культурном контексте — в научном, художественном, политическом или ином, — или в контексте единичной лично-жизненной ситуации; только в этих контекстах высказывание живо и осмысленно: оно истинно или ложно, красиво или безобразно, искреннее или лукаво, откровенно, цинично, авторитетно и проч., — нейтральных высказываний нет и быть не может» (Бахтин 1975: 44, также см. Grygiel, Kleparski 2007). Однако значимость смыслоформирующей функции контекста учитывается

переводчиками, а иногда и исследователями публицистических текстов не всегда, поскольку интерпретация этих текстов зачастую происходит с опорой не на контекстуальные значения лексем, а на значения, зафиксированные в словарных статьях, что провоцирует искажения в интерпретации публицистических текстов, а впоследствии и в их переводе. Невнимание к смыслоформирующей функции контекста может расцениваться как серьезная методологическая ошибка, поскольку именно «контекст — мощный механизм формирования нужной оценки у нейтральной номинации. Оценка закладывается не в сему (основное значение) номинации, а в ее словесное окружение. Так, различные идеологические установки современных печатных органов диктуют употребление одних и тех же по значению слов в совершенно противоположных по стилистической окраске контекстах. <...>

Формирование заданной оценки с помощью контекста у исходно нейтрального слова активно используется современными СМИ. Положительное или отрицательное значение у нейтрального слова развивается через формирование у него заданной коннотации при сохранении нейтральной семы. Коннотацию же можно привить любому слову <...>» (Клушина 2008: 108, также см. Клушина 2016, Петрищева 1984, Кечкеш 2014; Иванова, Чанышева 2018). Следовательно, именно смыслоформирующая функция контекста является причиной, по которой понятия, определяемые в словарях как нейтральные, в публицистических текстах получают аксиологическую окраску.

Для подтверждения значимости смыслоформирующей функции контекста при исследовании публицистических текстов обратимся к примерам — современным польским и российским публицистическим текстам. Сравнение контекстуальных значений лексем, имеющих сходные словарные значения в двух родственных языках, проведенное с учетом смыслоформирующей функции контекста, выявит изменения, происходящие в общественном сознании жителей двух разных стран. Описание и результаты ассоциативного эксперимента, проведенного в российской и польской аудиториях, позволят установить вектор дальнейших перемен, которые с большой долей вероятности будут в ближайшее время происходить в общественном сознании носителей данных языков.

2. ФОРМИРОВАНИЕ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ РУССКОЙ ЛЕКСЕМЫ *САНКЦИЯ* И ПОЛЬСКОЙ ЛЕКСЕМЫ *SANKCJA* В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

И в русском, и в польском языках есть слова, словарные значения которых совпадают. Рассмотрим такие лексемы, как *санкция* в русском и *sankcja* в польском языках. Российские и польские политологические словари (см. [Мустафин 2012; Санжаревский 2010; Wasiluk, Zmarzer 2012]) приводят два совпадающих значения для этих лексем:

- (1) *Мера, применения против стороны, нарушившей соглашение, договор, а также вообще та или иная мера воздействия по отношению к правонарушителю; наказание за преступление, за нарушение законов.*
- (2) *Утверждение чего-нибудь высшей инстанцией, разрешение.*

В словарных дефинициях стилистическая окраска отсутствует, поскольку данная лексическая единица является нейтральной. Следовательно, если опираться только на определение, зафиксированное в словарях, можно сделать вывод, что понимание санкций в общественном сознании русских и поляков является одинаковым, а значит, и отношение к этому понятию у представителей обеих общественных групп должно совпадать.

Однако в контекстуальном употреблении русской *санкции* и польской *sankcji* в современных СМИ обеих стран данная лексема начинает приобретать разные, иногда до противоположности, оценочные характеристики. Это связано с тем, что «особое значение СМИ приобретают в кризисные, переломные эпохи, когда в обществе происходят процессы трансформации/деформации социально важных ценностей, вытеснение общечеловеческих морально-этических доминант на нижние ступени ценностной шкалы. Именно тогда медиа претендуют на роль посредника в поиске ценностных ориентиров. Аудитория, воспринимая масс-медийную информацию, усваивает нравственные нормы и ценностные приоритеты общества, формирует представление о сущностных признаках аксиологических доминант, которые влияют на основные модели ее поведения и специфику мировосприятия» (Кузнецова 2013: 233, также см. Волкова, Панченко 2018; Солганик, Клушина 2014, Satkiewicz 2000, Grabias 1994).

Регулярное воспроизведение контекстуальных значений *санкция* и *sankcja* в публицистических текстах выполняет смыслоформирующую функцию, потому что оно закрепляет новое, идеологически заданное восприятие понятия, которое ранее среди членов одного языкового сообщества, русских, воспринималось как нейтральное, что провоцирует ошибочные ассоциации у носителей родственного языка — в данном случае у поляков. В кризисные исторические периоды некоторые слова, напрямую отражающие болевые точки общественного сознания, переосмысливаются и вызывают иные эмоционально-оценочные переживания и образы, что приводит к сдвигу прежних значений, фонды которых выделяются из общего словарного состава (Мельников 1991: 7).

Современные политические санкции направлены непосредственно против России. Поэтому российские источники представляют санкции со стороны «подвергшегося несправедливому наказанию», а значит, в российских СМИ данная лексема начинает приобретать негативные коннотации, зачастую имеющие ярко выраженную аксиологическую окраску:

— ‘санкции влияют на дружеские отношения между странами’ (*Сможет ли Италия дружить с Россией невзирая на санкции* [kommersant.ru, 30.06.2014]);

— ‘мешают сотрудничеству’ (<...> *новое <...> соглашение <...>, которое Москва и Брюссель не могут подписать уже несколько лет <...>* [kommersant.ru, 30.06.2014]);

— ‘это угроза и проявление войны’ (*Любая война рано или поздно кончается миром* [kommersant.ru, 30.06.2014]);

— ‘против России данные меры являются абсурдными’ (<...> *они смогут предоставлять для поставок товаров из Европы в случае ужесточения санкций в отношении России; Об абсурдности санкций говорил и посол РФ* [kommersant.ru, 30.06.2014]);

— ‘России санкциями грозят, они могут быть введены в любое время’ (*В любой момент против России могли бы быть введены дополнительные санкции; России этими санкциями пригрозили* <...> [iz.ru, 30.11.2016]);

— ‘они наносят ущерб’ (*санкции нанесли ущерб российской экономике* [regnum.ru, 30.06.2015]);

— ‘в отношении России санкции поощряют другие страны’ (*США, которые, иницируя и поощряя санкции по отношению к России* [kommersant.ru, 31.07.2016]).

В российских СМИ санкции приобретают негативную окраску не только в отношении России, но и в отношении других стран, например: ‘это запреты’ (*санкции включают запрет на поставку вертолетов* [gazeta.ru, 28.02.2017]); ‘это обвинения’ (*санкции против китайских физических и юридических лиц, <...> обвинив их в сотрудничестве с КНДР* [russian.rt.com, 30.06.2017]); ‘санкции нагнетают военную обстановку’ (*санкции нагнетают военно-политическую обстановку* [russian.rt.com, 30.06.2017]); ‘вызывают возмущение’ (*возмущение властей КНР вызвали санкции* [russian.rt.com, 30.06.2017]).

Следовательно, в российских СМИ *санкция* — это вызывающий возмущение дипломатический фронт против другой страны, экономические меры, запреты, ограничения, давление, конфронтация, пропаганда, фанатизм, шантаж. Санкции бывают жестокими и непредсказуемыми, они наносят ущерб не только правонарушителю, а также обвиняющей стороне.

В текстах польских СМИ, напротив, *sankcje* репрезентируются со стороны «наблюдателя», поскольку они не касаются Польши. В связи с этим в большинстве случаев значение слова *sankcja* будет либо оставаться нейтральным, либо приобретать положительную коннотацию.

Sankcje считаются:

— ‘легальной и эффективной формой ограничений’ (*Санкции — это легально; их можно быстро задержать или <...> расширить <...>, в зависимости от событий* [wyborcza.pl, 22.02.2014] (Здесь и далее перевод наш));

— ‘положительной реакцией’ (*Хорошо, что министры <...> ЕС договорились <...> на продление санкций* [wpolityce.pl, 30.01.2015]);

— ‘предупреждением за эскалацию конфликта’ (*Эскалация конфликта на Украине привела к тому, что руководители ЕС обостряют санкции <...> В <...> заявлении лидеров это предупреждение* [dziennik.pl, 16.07.2014]);

— ‘их необходимо применять’ (*Однако не будет новых санкций <...> и в этом основная проблема* [wpolityce.pl, 30.01.2015]);

— ‘сторона, вводящая санкции, вводит их неохотно’ (<...> *Европа удержалась от санкций* против России <...> *Наиболее неохотно к санкциям относится Германия* [newsweek.pl, 23.07.2014]).

Анализ контекстуального употребления лексемы в польских СМИ доказывает, что *sankcje* — это положительная политическая реакция.

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод: в современных российских публицистических текстах лексема *санкция* не соотносится с положитель-

ными контекстами. Напротив, воспроизводятся и закрепляются отрицательные контексты, соответствующие точке зрения «наказанного». В польских СМИ встречаются как нейтральные, так и положительные контекстуальные значения *sankeji*, утверждающие их эффективность и законность. Сравним (табл. 1).

Таблица 1

Различия контекстуальных значений русской *санкции* и польской *sankeji*

Российские	Польские
негативный контекст:	
<ul style="list-style-type: none"> — ‘то, что является проявлением войны’, — ‘это фронт’, — ‘это конфронтация’, — ‘то, что угрожает’, — ‘это фанатизм’, — ‘это давление’, — ‘то, что приносит урон, ущерб’, — ‘ими грозят’, — ‘это пропаганда’, — ‘их иницируют’, — ‘это обвинение’, — ‘это запрет’, — ‘то, что против кого-то’, — ‘то, что абсурдно’, — ‘то, что вызывает возмущение’, — ‘они работают в чью-то пользу’, — ‘к ним поощряют других по отношению к кому-то’, — ‘то, что мешает дружеским отношениям и сотрудничеству’, — ‘препятствие экономическим санкциям равносильно финансированию терроризма и отмыванию денег’ 	<ul style="list-style-type: none"> — ‘их обостряют’, — ‘ими грозят’, — ‘ими пугают’, — ‘то что болит’, — ‘это удерживание’, — ‘они являются дорогостоящими’, — ‘это резкие ограничения’
положительный контекст:	
<ul style="list-style-type: none"> — ‘они делают Россию сильнее’ 	<ul style="list-style-type: none"> — ‘это легально’, — ‘это хорошо’, — ‘это то, что надо применять’, — ‘они эффективные’, — ‘они действуют’, — ‘их вводят за агрессию и эскалацию конфликта’
нейтральный контекст:	
<ul style="list-style-type: none"> — ‘то, чем наказывают’, — ‘это ограничительные меры’, — ‘на них отвечают аналогичными мерами’, — ‘их вводят и отменяют’, — ‘это разбирательство’ 	<ul style="list-style-type: none"> — ‘это предупреждение’, — ‘их утверждают единогласно’, — ‘их вводят быстро и на основании’, — ‘это ограничения’, — ‘это черный список’, — ‘это эмбарго’, — ‘это разбирательство’, — ‘их обходят’, — ‘на них не могут решиться’, — ‘их вводят неохотно’, — ‘их хотят отменять’

Проведенный сравнительный анализ доказывает, что в публицистических текстах контекстуальное значение лексем *санкция/sankcja*, зафиксированное в словарях, трансформируется: оно перестает быть нейтральным и под влиянием разошедшихся российских и польских политических взглядов приобретает противоположные значения в двух родственных языках. Количество нейтральных контекстов в русском языке по сравнению с польским резко редуцировано. Следовательно, при изучении публицистических текстов в общественном сознании русских и поляков обнаруживаются значительные расхождения во взглядах на одно и то же политическое явление, трактовка которого ранее совпадала в русском и польском языках, что зафиксировано в словарях.

Учитывая смыслоформирующую функцию контекста, в данном случае — происходящие политические события, можно спрогнозировать, что расхождения в общественном сознании двух народов — носителей родственных языков будут закрепляться и в дальнейшем, что подтверждается данными, полученными в результате проведения ассоциативного эксперимента, основной целью которого являлся охват экстралингвальных факторов, относящихся к системам ценностей русских и поляков, что позволило эффективнее проанализировать дифференциацию значений лексем, учитывая идеологические различия.

Ассоциативный эксперимент проводился в период с 14.02.2018 по 12.03.2018. В исследовании был использован устно-письменный метод — стимул предъявляется в устной форме, реакция записывается. Испытуемым в ответ на слово-стимул в свободной форме было необходимо дать первое пришедшее в голову слово или словосочетание. Экспериментальную выборку составили российские и польские студенты первого и второго курсов по направлению «Филология» и «Лингвистика». Количество студентов в экспериментальной группе составило 85 студентов в России и 85 в Польше.

Выделяем нейтральные, негативные и положительные ассоциации как реакции на стимул *санкции*. Большинство российских участников эксперимента отреагировало нейтральными (*Америка; Россия; сыр; бумаги, ветчина, ограничение, наказание,*) и негативными (*глупость, против, кризис, вред, дезинформация, ерунда, злость, конфликт, ошибка, утешение собственного эго*) реакциями. Среди польских ассоциаций выделяются только нейтральные: *продукты, фрукты, закон, деньги, Европейский Союз; наказание, Россия, сокращение, наказание и преступление, ООН, тюрьма, запрет.*

Для большей наглядности результаты проведенного эксперимента можно представить в виде словарной статьи из ассоциативного словаря (Русский ассоциативный словарь 2002, также см. Orzechowska 2014, 2015, Bartminski 2006, 2012). Структурирование словарных статей в ассоциативном словаре происходит следующим способом: сначала идет стимул, за ним слова-ассоциации, расположенные по мере убывания их частоты, указывающейся в конце ряда одночастотных реакций. Реакции с одинаковой частотой упорядочиваются по алфавитному признаку. В конце каждой словарной статьи приводятся ее *количественные параметры*: первая позиция показывает общее число реакций, вторая — число разных реакций, третья — число отказов от реагирования и четвертая — количество реакций с частотностью.

Словарная статья, разработанная в ходе обработки результатов ассоциативного эксперимента

<p>санкция — Америка 17; Россия 8; запрет 7; ограничение 5; сыр 5; глупость; Евросоюз; против России; Украина 3; законы; кризис; налоги 2; бумаги, ветчина, вред, временно, дезинформация, ерунда, запрет на ввоз, злость, импортозамещение, конфликт, лишения, наказание, НАТО, нововведение, отмена, ошибка, политика, Порошенко, против, Путин, святость, утешение собственного эго, эмбарго 1; 85 + 39 + 1 + 27</p>	<p>sankcja — kara 4 (наказание); Rosja (Россия) 8; Unia Europejska (Европейский Союз) 7; ONZ (ООН) 6; cięćcie (сокращение), kara i zbrodnia (наказание и преступление), owoce (фрукты), pieniądze (деньги), prawo (закон), produkty (продукты), Putin (Путин), więzienie (тюрьма), zakaz (запрет) 1; 85 + 36 + 5 + 7</p>
---	---

В большинстве случаев ответы российских и польских участников эксперимента определяют нейтральное отношение к санкциям. Однако у польских участников все ассоциации являются нейтральными — они не имеют негативной окраски. У российских участников негативные ассоциации составляют 33% — треть от всех представленных ответов.

3. ФОРМИРОВАНИЕ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ РУССКОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ АРАБСКАЯ ВЕСНА И ПОЛЬСКОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ ARABSKA WIOSNA В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Контекст в российских СМИ для *арабская весна*, в большинстве случаев, окрашен негативной стилистической окраской:

арабская весна:

- ‘это катастрофа’,
- ‘это обрушение светских режимов’,
- ‘это кровавые конфликты’,
- ‘это очаг терроризма’,
- ‘это религиозный экстремизм’:

(1) *Еще за годы до так называемой «арабской весны» Евгений Максимович предупреждал, какой катастрофой может обернуться обрушение светских режимов в ближневосточных странах. <...> К сожалению, Ближний Восток оказался ввергнут в череду кровавых конфликтов, превратился в очаг терроризма и религиозного экстремизма <.....> [www.1tv.ru, 30.11.2016].*

- ‘это устроенные революции’,
- ‘то, что осуществляет чужие интересы (чтобы привести своих людей к власти)’,
- ‘это нашествие’,
- ‘это спланированное свержение правительства’,
- ‘это освобождение от неугодных людей’,
- соположение с Майданом на Украине, «оранжевыми революциями», «квазиреволюциями»:

(2) *Глава США <...> признал незаконного временного президента <...> Все это явно спланировано Америкой, чтобы привести своих людей к власти.*

- <...> американцы по всей планете устраивают революции, освобождаются от неудобных им людей <...>. Это очередное нашествие на нашу страну <...>. [regnum.ru, 27.02.2014].
- (3) Гросс <...> работал субподрядчиком Агентства США <...>. Власти Кубы обвинили его в том, что он **готовил свержение правительства**, пытаясь **организовать революцию** наподобие «арабской весны» [www.svoboda.org, 17.12.14].
- (4) Спустя 25 лет о тех событиях вспоминают часто, сравнивая их и с «арабской весной», и с **майданом на Украине** [rg.ru, 16.12.2014].
- (5) Политологи неустанно вводят и затем классифицируют дефиниции нового явления — «**оранжевые революции**», «арабские весны», «**квазиреволюции**» <...> [regnum.ru, 28.02.2014].
- ‘то, что развивает преступления’,
- ‘это нестабильность в стране’,
- ‘это вооруженные конфликты’:
- (6) <...> по данным аналитиков, **преступления** подобного рода были нечастыми, но после «арабской весны» <...> и **нестабильности в стране** было принято решение о <...> санкциях <...> [rg.ru, 16.07.2014].
- (7) В исследовании учитываются такие факторы, как уровень **преступности**, количество **вооруженных конфликтов** <...>. Индекс рассчитывается уже в девятый раз, особенную роль он приобрел после событий «арабской весны» [kommersant.ru, 23.07.2015].

Контекстуальный анализ российских текстов СМИ доказал, что в большинстве случаев арабская весна носит негативную стилистическую окраску.

Сравним с контекстуальным анализом определения значения польского *arabska wiosna*.

В текстах польских СМИ для *arabska wiosna*, кроме негативных стилистических окрасок, встречаются положительные:

arabska wiosna:

- ‘то, что удалось’,
- ‘это демократические преобразования’,
- «слава Арабской Весне»,
- ‘ее поддерживает гражданское общество’,
- ‘это борьба за свою субъективность’:
- (8) <...> особенно Арабская Весна **удалась** в Тунисе, где **демократические преобразования поддержало гражданское общество**.
- (9) **Слава Арабской Весне** — так министр иностранных дел <...> прокомментировал вручение Нобелевской Премии Квартету национального диалога <...>.
- (10) Никто этого не ожидал. Это, скорее, **честь Арабской Весны** и всем, которые так драматически **боролись за свою субъективность** <...> [polskieradio.pl, 09.10.2015] (Здесь и далее перевод наш);
- ‘это положительное развитие событий’,
- (11) Тунис является <...> примером **положительного развития событий**, вызванных **революцией** [gp.pl, 13.03.2016];

— ‘это успешная трансформация’:

(12) *Несмотря на Сирию, и Ливию, арабская демократия — это не оксюморон: Тунис является примером успешной системной трансформации, являющейся результатом Арабской Весны* [politykaglobalna.pl, 23.02.2015];

— ‘это надежда на мир и демократию — ценность для всех, а не только для западного мира’,

— ‘это эйфория’:

(13) *Четыре года назад по Северной Африке прокатилась Арабская Весна. Весь мир верил, в то что это начало мира и демократизации в регионе <...> Перемены <...> начались в атмосфере великой эйфории. Большинство наблюдателей были уверены, что демократизация мусульманских стран возможна <...> Это давало нам такое убеждение, что демократия является ценностью для всех, а не только для западного мира* [wiadomosci.onet.pl, 27.05.15].

Сравним российский и польский контекст, выведенные из текстов СМИ (табл. 3).

Таблица 3

Контекстуальные значения леммы арабская весна / arabska wiosna в текстах российских и польских СМИ

Российские	Польские
негативный контекст:	
<ul style="list-style-type: none"> — ‘это плохо’, — ‘это катастрофа’, — ‘это обрушение светских режимов’, — ‘это религиозный экстремизм’, — ‘это очаг терроризма’, — ‘это кровавые конфликты’, — ‘это вооруженные конфликты’, — ‘то что спланировано’, — ‘она продолжается’, — ‘это устроенные революции’, — ‘это нашествие’, — ‘осуществляет чужие интересы’ (чтобы привести своих людей к власти), — ‘это освобождение от неугодных людей’, — ‘останавливает развитие’, — ‘это нестабильность в стране’, — ‘это спланированное свержение правительства’, — ‘развивает преступность’, — ‘это протесты на религиозной почве’, — ‘это протесты с целью ограничения власти’, — ‘это возвращение к военной диктатуре’, — ‘это череды революций, изменившие политическое лицо региона’, — ‘то что разрывает отношения’, — ‘это дезинформация’, — соположение с майданом на Украине, «оранжевыми революциями», «квазиреволюциями» 	<ul style="list-style-type: none"> — ‘привела к разрушению страны’, — ‘это мятеж’, — ‘это война’, — ‘это конфликт’, — ‘это дезинтеграция’, — ‘это мятеж, бунт, революции, массовые протесты’, — ‘это не ассоциируется хорошо’, — ‘то, что проявляет террор’, — ‘это игра между свитой’, — ‘то что спланировано внешними силами’

Окончание таблицы 3

Российские	Польские
положительный контекст:	
	— ‘то, что удалось’, — ‘это благотворно’, — ‘это эйфория’, — ‘слава Арабской Весне’, — ‘это успешная трансформация’, — ‘это положительное развитие событий’, — ‘то, что свергает диктатора’; ‘то, что свергло автократов’ («свергла железную хватку диктатора»), — ‘это демократические преобразования подержаны гражданским обществом’, — ‘это борьба за свою субъективность’: — ‘по ее итогам прошли демократические выборы’, — ‘она доказала, что мусульманская культура совместима с демократией’, — ‘благодаря этому удастся создать уникальное правительство’, — ‘это надежда на мир и демокрацию’, — ‘ценность для всех, а не только для западного мира’
нейтральный контекст:	
— ‘это демократические амбиции’, — ‘это концепция глобальной демократизации’	— ‘неиспользованная обществом возможность поменять модель управления’

Анализ контекста доказывает расхождения значений в обоих языках. В российских текстах для словосочетания *арабская весна* положительный контекст не указывается. Большинство — это негативные окраски. В польских СМИ встречаются как отрицательные, так и положительные характеристики. Нейтральный контекст в российских и польских текстах практически не встречается.

В результате проведения ассоциативного эксперимента было установлено, что большинство российских и польских ассоциаций является либо нейтральными (например: *араб*; *арабская ночь*; *хиджаб*; *gorąco* (жарко); *pora roku* (времена года)); либо негативными (*война*; *борьба*, *терроризм*, *конфликт*, *кризис*, *кровь*; *konflikt* (конфликт)) реакциями. В обоих языках встречаются также положительные характеристики (*солнце*, *теплый*, *Алладин*, *арабская ночь мой дивный восток*, *арабская ночь*, *золотое солнце*, *оттепель*, *пальмы*, *песок*, *традиция*, *ciepło* (тепло), *wschodnie tradycje* (восточные традиции)).

Словарная статья, разработанная в ходе обработки результатов ассоциативного эксперимента

арабская весна — *араб* 8; *арабская ночь* 7; *хиджаб* 3; **война**, *Дубай*, *кальян*, *кофе*, *новости*, *революция*, *теплый*, *шахиды*, *2011 год*, *Алладин*, **борьба**, *восток*, *Дамаск*, *Египет*, *жара*, *золотое солнце*, *история*, *ковер*, **конфликт**, **кризис**, **кровь**, *Ливия*, *народ*, *Омар Хайям*, *оттепель*, *пальмы*, *песок*, *Сахара*, *страх*, **терроризм** 1; 85 + 47 + 16 + 34

arabska wiosna — *gorąco* (жарко); **konflikt** (**конфликт**); *pora roku* (времена года) 3; *arabia* (аравия), *arabskie litery* (арабские буквы), *ciepło* (тепло), *fala protestów* (волна протестов) *frazeologizm* (фразеологизм), *Porok*, *rewolucja* (революция), *wschodnie tradycje* (восточные традиции) 1; 85 + 36 + 8 + 32

И российские и польские СМИ *арабскую весну* охарактеризовывают с точки зрения наблюдателя. В российских источниках этот термин охарактеризован только отрицательными значениями — это революции, превратившиеся в вооруженные конфликты; концепция глобальной демократизации, символизирующая освобождение от диктаторских режимов; увеличение преступности, конфликтов на религиозной почве и терроризма. С *арабской весной* сравниваются события на Украине, Майдан, цветные революции.

В польском, кроме отрицательных, указываются положительные факты для описания данной лексической единицы — это массовые протесты против диктаторских режимов; надежда на мир и демократизацию; в некоторых странах успешная система трансформации.

Основываясь на результатах проведенного ассоциативного эксперимента со словосочетанием *арабская весна* (*arabska wiosna*), можно утверждать, что общественное сознание российского народа более политизировано, чем польского.

4. ФОРМИРОВАНИЕ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ РУССКОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ *ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ* И ПОЛЬСКОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ *ROMAŃCZOWA REWOLUCJA* В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В российских текстах СМИ наблюдаем только негативный контекст для словосочетания *оранжевая революция*:

- ‘это таран’,
- ‘это военная переподготовка’,
- ‘это осуществляют внешние силы’,
- ‘это нестабильность’,
- ‘соположение с финансированием террористов’,
- ‘то, что спровоцировано’:

(1) *Для России уже был создан украинский таран, военную переподготовку которого сейчас осуществляют специалисты США. Однако потенциал этого тарана нестабильности, как показал опыт, невелик: можно ожидать дальнейшего усиления опосредованного финансирования террористов <...> через арабские страны и, естественно, новых проектов оранжевых революций в странах-тяжеловесах — России и Китае* [vz.ru, 15.10.2015].

(2) *События 1973 года, по сути, — та же самая «оранжевая революция», открыто поддержанная США, которые спровоцировали экономический кризис в Чили <...>* [svpressa.ru, 28.12.2014];

- ‘это путч’,
- ‘это худшее, трагическое событие’,
- ‘это имеет губительные последствия для страны и народа’,
- соположение с событиями августа 1991:

(3) *Очень молодая у нас нация — история ее не столько учит, сколько «путчит»: худшими событиями являются «оранжевые революции», а противостояние путчистам в 1991 г. и есть «оранжевая революция». Потому <...> оценивают август-1991 как «трагическое событие, имевшее губительные последствия для страны и народа»* [vedomosti.ru, 17.08.2016];

— ‘то, что направляет страну к авторитарному коррупционному режиму’:

- (4) *В ближайшее время может решиться, продолжит ли страна идти по пути интеграции с ЕС или повторится судьба «оранжевой революции» 2004 г., после которой она вернулась к авторитарному коррупционному режиму* [vedomosti.ru, 14.03.2016].

Напротив, анализ контекста и определение значения польского *pomarańczowa rewolucja* доказывает, что польский контекст не имеет негативной окраски: в большинстве случаев для *pomarańczowa rewolucja* указаны положительные значения.

Оранжевая революция:

— ‘это успех, хорошо повлиявший на другие страны’:

- (5) *Оранжевый успех <...> нельзя не упомянуть оранжевой революции на Украине, которая <...> была для нас переломным успехом* [wiadomosci.wp.pl, 04.06.2014];

— ‘это стремление к свободе’:

- (6) *Оранжевая революция — Украина смотрит в сторону свободы* [polskieradio.pl, 21.11.2014];

— ‘то, что объединяет’:

- (7) *Более благоприятным для польско-украинского объединения были визит Иоанна Павла II на Украину и оранжевая революция* [wiadomosci.onet.pl, 03.03.2015].

Сравним российский и польский контекст выведенный из текстов СМИ (табл. 4).

Таблица 4

Контекстуальные значения лексемы оранжевая революция / pomarańczowa rewolucja в текстах российских и польских СМИ

Российские	Польские
негативный контекст:	
— ‘это таран’, — ‘это путч’, — ‘это худшее, трагическое событие’, — ‘это угроза’, — ‘это обольванивание’, — ‘это преследование’, — ‘это военная переподготовка’, — ‘то, что отторгает территорию’, — ‘то, что финансируется из-за рубежа’, — ‘это смена власти, через внешнее влияние’, — ‘то, что спровоцировано’, — ‘это неоднократно разыгранный сценарий’, — ‘это нестабильность’, — ‘этого надо недопускать’, — ‘это имеет губительные последствия для страны и народа’,	— это бунт’, — за это вводят военное положение’, — за это грозят применением силы’

Российские	Польские
негативный контекст:	
<ul style="list-style-type: none"> — ‘то, что ухудшает отношения между странами’, — ‘то, что направляет страну к авторитарному коррупционному режиму’, — ‘то, что приводит к власти прозападные, пронаатовские группировки’, — ‘это несанкционированные акции’, — ‘это порыв к бунту’, — имеет отношение к финансированию террористов 	
положительный контекст:	
	<ul style="list-style-type: none"> — ‘это митинги в поддержку повторного голосования’, — ‘то, что поддерживают другие страны’, — ‘это поддерживают военные и милиционеры’, — ‘это протест против фальсификации выборов’, — ‘это успех хорошо повлиявший на другие страны’, — ‘это стремление к свободе’, — ‘это прозападные амбиции’, — ‘этому способствует фальсификация выборов’, — ‘то, что объединяет’
нейтральный контекст:	
<ul style="list-style-type: none"> — ‘то, в чем принимают участие оппозиционеры’ 	<ul style="list-style-type: none"> — ‘это гражданское неповиновение’, — ‘за этим стоит оппозиция’, — ‘за участие в этом наказывают’, — ‘некоторые предпочитают, что организовали ее внешние силы’, — ‘это упущенные возможности на изменения’

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что контекстуальные значения словосочетаний *оранжевая революция* и *pomarańczowa rewolucja* в русском и польском языках полностью разошлись. В российских текстах указываются только отрицательные значения, в польских — большинство значений, напротив, являются положительными.

Словарная статья, разработанная в ходе обработки результатов ассоциативного эксперимента

оранжевая революция — Украина 10; апельсины 9; девяностые 3; история 2; опасность 2; смерть 2; Тимошенко 2; цвет 2; Ющенко 2; борьба, бред, ветка, власть, война, завозной апельсин, зачем, зло, Киев, красная революция, кровь, огонь, оппозиция, переворот, перемены, политика, режим, реформы, событие, страх, стройка, хаос, Янукович, ярость 1; 85 + 43 + 20 + 34

pomarańczowa rewolucja — Ukraina (Украина) 2; pomarańcze (апельсины), pomarańczowy (оранжевый), polityka (политика), historia (история), sok pomarańczowy (апельсиновый сок), czerwone oczy (красные глаза), zapach i smak (запах и вкус) 1; 85 + 38 + 15 + 24

Как видно из сопоставления, польские ассоциации являются только нейтральными (*Украина 2; апельсины, политика, история, апельсиновый сок, красные глаза, запах и вкус*). Среди российских ассоциаций кроме нейтральных (*Украина 10; апельсины 9; девяностые 3; история 2; Тимошенко 2; цвет 2; Ющенко 2; апельсиновый сок, Африка, бокс, ветка, власть, великая французская революция, завозной апельсин, Киев, красная революция, красная, Ленин, огонь, оппозиция, оранжевая ленточка, перемены, площадь революции, политика, реформы, событие, стройка, тюльпаны, хиппи, Янукович, ярость*) можно отметить и негативные (*опасность 2; смерть 2; борьба, бред, война, зло, кровь, режим, страх, хаос, переворот*).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования удалось доказать, что поставленная цель подтвердилась: изучение и перевод публицистических текстов необходимо проводить только с учетом смыслоформирующей функции контекста. Такой подход к исследованию методологически обоснован, поскольку именно он позволяет выявить происходящие в общественном сознании трансформации, которые находят свое отражение, в первую очередь, в публицистических текстах, а только потом, через значительный промежуток времени, могут быть зафиксированы в лексикографическом описании. Все вышесказанное дает право оценивать публицистический стиль как стиль прогностичный, позволяющий определить вектор трансформаций, которые закрепляются в общественном сознании.

Полученный вывод подтверждается результатами проведенного ассоциативного эксперимента: учитывая разошедшиеся российские и польские политические взгляды, в обоих языках наблюдаются разрушение системы обозначений для современной политической лексики. Несовпадение коннотаций в современном польском и русском медиадискурсе, которое не наблюдалось до середины 80-х гг. прошлого века, объясняется, в первую очередь, тем, что польский медиадискурс является частью западного медиадискурса, в котором циркулируют противоположные российскому медиадискурсу идеологемы и интерпретации. Следовательно, установить верную трактовку отдельных дефиниций в современных публицистических текстах становится возможным, только если учитывать смыслоформирующую функцию контекста, поскольку опора на значения, зафиксированные в словарях, может привести к значительным искажениям в понимании текста или при переводе этих текстов на иностранный язык.

© Е.С. Козловская, Я. Кобылко, Е.Ю. Медведев, 2019

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают благодарность коллективу рецензентов журнала, которые внесли очень много труда в эту работу.

ACKNOWLEDGEMENTS

We express our gratitude to the team of reviewers of the journal, who contributed a lot to this paper.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова Н.Д. *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. М.: Наука, 1988. 341 с. [Arutyunova, N.D. (1988) *Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact*. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. М.: Худож. лит., 1975. 504 с. [Bahtin, M.M. (1975) *Questions of literature and aesthetics. Research of different years*. Moscow: Hudozhtcnvennaya literatura. (In Russ.)]
- Валентинова О.И. Форма и содержание: нарушение автоматизма связей. *Лингвистика XXI века*. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. С. 87—93. [Valentinova, O.I. (2013) *Form and content: violation of the automatism of relations*. *Linguistics of the XXI*, 87—93. (In Russ.)]
- Валентинова О.И. Смыслоформирующий контекст как основа достоверного понимания. *Языковая системология: К 85-летию профессора Г.П. Мельникова: сборник статей*. М.: РУДН, 2013. С. 20—26. [Valentinova, O.I. (2013) *Context as a basis for reliable understanding*. Moscow: RUDN, 20—26. (In Russ.)]
- Валентинова О.И. Словарь контекстов как необходимый элемент современной лингвистической экспертизы: противоречия словарного значения и регулярно возобновляемых контекстуальных значений // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семантика. Семиотика*. 2013, № 2. С. 116—123. [Valentinova, O.I. (2013) *Dictionary of contexts as a necessary element of modern linguistic expertise: contradictions of dictionary meaning and regularly renewed contextual meanings*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 116—123. (In Russ.)]
- Валентинова О.И. Обоснование причинной типологии текстов. Постановка проблемы и пути ее решения // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2015, № 2. С. 29—35. [Valentinova, O.I. (2015) *Justification of causal typology of texts. Statement of the problem and its solutions*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 29—35. (In Russ.)]
- Валентинова О.И. Архетипические признаки средневекового богословского текста и их трансформации. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 3. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина. С. 109—118. [Valentinova, O.I. (2016) *Archetypal features of the medieval theological text and their transformation*. *Russian Journal of Cognitive linguistics*, 3, 109—118. (In Russ.)]
- Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. *Системный взгляд как основа филологической мысли*. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 440 с. [Valentinova, O.I., Denisenko, V.N., Preobrezhansky, S.Yu., Rybakov, M.A. (2016) *System view as the basis of philological thought*. Moscow: Izdatelsky dom YaSK. (In Russ.)]
- Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Дискурсивная вариативность концептов деструктивных эмоций // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. Т. 22. № 1. 2018. С. 175—194. [Volkova, Y.A., Panchenko, N.N. *Discursive variability of concepts of destructive emotions*. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 175—194. (In Russ.)]
- Иванова С.В., Чанышева З.З. Слово в контексте культурно-исторического универсума на примере политического дискурса // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. № 4. С. 821—843 [Ivanova, S.V., Chanysheva Z.Z. (2018) *The word in the context of cultural and historical universum on the example of political discourse*. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 821—843. (In Russ.)]
- Кечкеш И. Слово, контекст и коммуникативное значение // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2014. № 1. С. 7—18. [Kecskes, Istvan (2014) *Word, context and communicative meaning*. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 7—18. (In Russ.)]
- Клушина Н.И. *Стилистика публицистического текста*. М.: Медиа-мир, 2008. 204 с. [Klushyna, N.I. (2008) *The style of the media text*. Moscow: Media-mir. (In Russ.)]

- Клушина Н.И. Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. No 4. С. 78—90. [Klushyna, N.I. (2016) Discourse analysis and style: integrative methods of media communication research. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 78—90. (In Russ.)]
- Кузнецова Т.В. К вопросу об аксиологической миссии современных масс-медиа // Развитие русскоязычного медиaprостранства: коммуникационные и этические проблемы. Материалы научно-практической конференции (26—27 апреля 2013 г.). М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. 507 с. [Kuznetsova, T.V. (2013) On the axiological mission of modern mass media. Moscow: Izdatelstvo APK and PPRO. (In Russ.)]
- Мельников Г.П. *Основы терминоведения*. М.: Изд-во ун-та дружбы народов, 1991. 116 с. [Melnikov, G.P. (1991) The basics of terminology. Moscow: RUDN (In Russ.)]
- Петрищева Е.Ф. *Стилистически окрашенная лексика русского языка*. М.: Наука, 1984. 222 с. [Petrushheva, E.F. (1984) Stylistically vocabulary of the Russian language. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Сковородников А.П., Копнина Г.А. Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе // *Политическая лингвистика*. 2012. № 3 (41). С. 36—42. [Skovorodnikov, A.P., Kopnina, G.A. (2012) Methods of manipulative speech influence in the Russian press. *Political linguistics*, 3, 36—42. (In Russ.)]
- Сковородников А.П. *Экология русского языка: монография*. Красноярск: Сиб. федер. Ун-т, 2016. 388. [Skovorodnikov, A.P. (2016) Ecology of the Russian language: monograph. Krasnoyarsk: Siberian Federal University (In Russ.)]
- Солганик Г.Я., Клушина Н.И. Публицистический стиль, или газетно-публицистический стиль, или стиль массовой коммуникации // *Эффективное речевое общение (базовые компетенции)*, 2014. С. 499—501. [Solganik, G.Ya., Klushyna, N.I. (2014) Journalistic style, or newspaper and journalistic style, or style of mass communication, 499—501 (In Russ.)]
- Bartminski, J. (2006). *Jezykowe wyznaczniki tozsamosci w swietle badan ankietowych, recenzja ksiazki Vladislavy Zdanovej. Etnolingistyka* 22, 222—225.
- Bartmiński, J. (2012). *Językowe podstawy obrazu świata*. Lublin, 47.
- Grabias, S. (1994). *Język w zachowaniach społecznych*. Lublin, 156.
- Grygiel, M., Kleparski, G. (2007). *Main Trends in Historical Semantics*. Rzeszów: Wydawnictwo UR, 358.
- Klymanska, L., Klimanska, M., Herasym, H. (2015). Evaluation of the past as a risk and opportunity in the social development. *Society under construction — opportunities and risks*. Bielsko-Biała, 71—88.
- Laskowska, E. (2004). *Dyskurs parlamentarny w ujęciu komunikacyjnym*. Bydgoszcz, 633.
- Majkowska, G., Satkiewicz, H. (1999). *Język w mediach. Orędzie o stanie języka na przełomie tysiącleci*. Kraków, 181—196.
- Orzechowska, J. (2014). Rola i struktura komentarza lingwokulturologicznego. *Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego*, nr 2 (7).
- Orzechowska, J. (2015). Słownik asocjacyjny jako narzędzie przygotowania komentarza lingwokulturologicznego. *Olsztyn: Acta Polono-Ruthenica* 20, 229—236.
- Satkiewicz, H. (2000). *Językowe przejawy agresji w mediach. Język w mediach masowych*. Warszawa, 28—33.

Словари

- Мустафин А.А. *Политология: словарь современных терминов и выражений*. Ангарск: АГТА, 2012. 168 с.
- Политология. Краткий энциклопедический словарь-справочник / отв. ред. Ю.С. Борцов, науч. ред. И.Д. Коротец. Ростов н/Д: Феникс; Москва: Зевс, 1997.
- Политология: энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М.: Изд. Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.
- Политологический словарь / сост. Р.Г. Григорян, А.А. Когтева, Т.А. Малыгина, В.Г. Смольков, В. Ф. Халипов. Киев: Инно-Центр, 1991. 260 с.
- Русский ассоциативный словарь. Т. I: Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. От стимула к реакции. М.: АСТ, 2002. 781 с.
- Санжаревский И.И. *Политическая наука: Словарь-справочник*. М.: Политология, РГУ, 2010. 745 с.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сквородников. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
- Bartoszewicz, J. (1923). *Podręczny słownik polityczny: do użytku posłów, urzędników państwowych, członków ciał samorządowych i wyborców*. Warszawa: Księgarnia Perzyński, Niklewicz i S-ka. 832.
- Kurecz, I., Lewicki, A.M., Sambor, J., Szafran, K., Woróńczak, J. (1990). *Słownik frekwencyjny polszczyzny współczesnej*. Kraków. 633.
- Wasiutyński, W. (1980). *Słownik polityczny*. Nowy Jork: Inst. Romana Dmowskiego.
- Wasiluk, J., Zmarzer, W. (2011). *Rosyjsko-polski słownik terminologii politycznej*. Warszawa: Zakład Graficzny UW, 340.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 19 октября 2018

Дата принятия к печати: 17 декабря 2018

Article history:

Received: 19 October 2018

Revised: 06 December 2018

Accepted: 17 December 2018

Для цитирования:

Козловская Е.С., Кобылко Ярослав, Медведев Е.Ю. Смыслоформирующая функция контекста в публицистических текстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 1. С. 165—184. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-165-184.

For citation:

Kozlovskaya, Ekaterina, Kobylko, Jaroslaw, Medvedev, Yevgeniy (2019). Sense-Forming Function of Context in Publicistic Texts. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 165—184. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-165-184.

Сведения об авторах:

ЕКАТЕРИНА СТАНИСЛАВОВНА КОЗЛОВСКАЯ, старший преподаватель кафедры русского языка № 4 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов (Россия, Москва). Сфера научных интересов: лингвистическое моделирование, филологическая герменевтика, системный подход к исследованию текстов.

Контактная информация: e-mail: elaguaverde@yandex.ru

ЯРОСЛАВ КОБЫЛКО, Варшавский университет (Польша, Варшава), приглашенный преподаватель, ассистент кафедры русского языка № 2 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов (Россия, Москва). Сфера научных интересов: сопоставительное языкознание, терминоведение, семантика, системная лингвистика.

Контактная информация: e-mail: jaroslaw.kobylko@yandex.ru

ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ МЕДВЕДЕВ, доцент кафедры языков Международного университета информационных технологий (Казахстан, Алматы); кандидат филологических наук. Сфера научных интересов: лингвистическая семантика, филологическая герменевтика.

Контактная информация: e-mail: eugene_medvedev@mail.ru

Bionotes:

EKATERINA KOZLOVSKAYA, Assistant Professor at the Russian language Department № 4, Faculty of Russian language and General education, RUDN University (Russia, Moscow).

Contact information: e-mail: elaguaverde@yandex.ru

JAROSLAW KOBYLKO, University of Warsaw (Poland, Warsaw), invited teacher, the Russian language Department № 2, Faculty of Russian language and General education, RUDN University (Russia, Moscow).

Contact information: e-mail: jaroslaw.kobylko@yandex.ru

YEVGENIY MEDVEDEV, Ph.D., Assistant Professor at the Languages Department, International Information Technology University (Kazakhstan, Almaty).

Contact information: e-mail: eugene_medvedev@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-185-199

Анализ лексических особенностей английского и русского языков в сфере информационных технологий

Н.А. Каменева

Московский финансово-юридический университет МФЮА
Российская Федерация, 115191, г. Москва, ул. Серпуховский вал, д. 17, корп. 1

Целью статьи является лингвистическое исследование языка информационных технологий, выявление и описание его основных особенностей и процесса формирования. Лексические единицы языка информационных технологий и компьютерных терминов проанализированы на материале научно-академических, научно-технических, научно-популярных текстов на русском и английском языках. В отличие от языка средств массовой информации и медиабизнеса, научного, рекламного, политического, педагогического, художественного, бытового и других дискурсов, в настоящее время практически отсутствуют систематизированные и последовательные научные и научно-исследовательские работы, посвященные формированию языка в сфере информационных технологий. Актуальность темы исследования обусловлена направленностью на изучение современных языковых средств, отражающих развитие информационных и коммуникационных технологий для эффективного осуществления профессиональных коммуникаций в условиях глобализации. В работе использованы общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения и метод электронного поиска с применением мультимедийных словарей и информационных интернет-ресурсов. В статье выявлены способы формирования языка информационных технологий — образование англоязычных неологизмов и адаптация англоязычных заимствований в русском языке; проанализировано функционирование современной компьютерной терминологии в научном дискурсе и повседневном языке. Сделан вывод, что язык в сфере информационных технологий постоянно вносит вклад в лексико-фразеологическую систему русского и других языков, заимствуя и аккумулируя англоязычные термины посредством калькирования, транслитерации, транскрибирования и других способов перевода. В процессе формирования языка информационных технологий наблюдается появление многочисленных сленгизмов и жаргонизмов.

Ключевые слова: *лексико-фразеологическая система языка, компьютерный дискурс, калькирование, транслитерация, сленгизмы, омонимия*

Analysis of Lexical Features of the Russian and English Languages in the Sphere of Information Technologies

Natalia Kameneva

Moscow University of Finance and Law (MFUA)
ul. Serpukhovskiy val, 17, block 1, Moscow, 115191, Russian Federation

Abstract

The aim of the article is the analysis of the language of information technologies, the identification and description of its main features and its formation process. Lexical units of the language of information technologies and computer terms are studied on the basis of academic, technical and popular Russian

and English scientific texts. Unlike the language of mass media, business, scientific, advertising, political, pedagogical, artistic, domestic and other discourses, the language of information technologies has not been sufficiently researched. There are practically no systematic and consistent works devoted to its formation. The relevance of the research topic is determined by the focus on the study of modern language tools that reflect the development of information and communication technologies for the effective implementation of professional communication in the context of globalization. The research employs general scientific methods of analysis, synthesis and generalization, as well as the method of electronic search in multimedia dictionaries and Internet resources. The article reveals the process of the formation of the language of information technologies: the emergence of the English neologisms and the adaptation of English-language borrowings in the Russian language. It also analyses the general use of modern computer terminology and its functioning in scientific discourse. The author concludes that the language in the field of information technology is constantly contributing to the lexical and phraseological systems of Russian and other languages, borrowing and accumulating English terms through replication, transliteration, transcription and other means of translation. In the process of the formation of the IT language, the appearance of numerous slang and jargon terms is observed.

Keywords: *lexical and phraseological system of the language, computer discourse, replication, transliteration, slang, homonymy*

1. ВВЕДЕНИЕ

Научное понятие дискурса как способа организации системы речи было введено французским лингвистом Эмилем Бенвенистом и используется в наши дни для обозначения различных областей языковой деятельности. В отличие от языка средств массовой информации и медиабизнеса, научного, рекламного, политического, образовательного, педагогического, повседневного (бытового) и художественного дискурсов, языка в сфере бизнес-коммуникаций и юриспруденции (Кашкин 2007), в настоящее время практически отсутствуют систематизированные и последовательные научные исследования, посвященные формированию языка в сфере информационных технологий или языка ИТ. Встречаются лишь отдельные работы, статьи в лингвистических и профильных журналах, немногие публикации на интернет-сайтах.

В настоящее время широко известны отечественные работы о специфике виртуального дискурса (Асмус 2011; Галкин 2000; Горина, Лазарева 2014), интернет-дискурса (Ахренова 2016а), компьютерного дискурса (Леонтович 2000; Подгорная 2014), интернет-коммуникаций и интернет-лингвистики (Ахренова 2012; Ахренова 2016b; Горошко 2006; Горошко 2016); научного гипермедийного дискурса (Егорова 2009), сетевого дискурса и гипертекстовой коммуникации (Моргун 2011). В иностранной литературе также встречаются терминологические словосочетания, такие как, к примеру, *computer-mediated communication discourse* (Herring and Androutsopoulos 2015; Herring 2014), *electronic discourse* (Davis and Brewer 1997), *communication in cyberspace* (Suler 1996a; Suler 1996b; Smith and Kollock 1999), *robot-mediated communication* (Herring 2016). Некоторыми авторами отмечена родственность перечисленных выше упомянутых понятий.

Основная масса публикаций посвящена или использованию информационных технологий в педагогике (Ботенко 2005), лингвистике и других областях (Khromov, Gulyaeva, Zelenetskaya, Minakova, Sheketera 2015; Minakova, Khromov 2014; Леонтьева 2006), или описанию особенностей применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в различных видах экономической деятельности (Eroshkin, Kameneva, Kovkov, Sukhorukov 2017).

В условиях информационного общества все люди должны иметь право на одинаковый доступ к знаниям и использовать передовые технологии для общения в современной информационно-языковой среде (Urintsov, Dik, Kameneva, Makarenkova 2014).

2. ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ В КОМПЬЮТЕРНОМ ДИСКУРСЕ

В научной литературе встречается многочисленное количество определений термина. Термином может быть лексическая единица данного языка, представленная в виде слова, словосочетания, аббревиатуры, символа, сочетания слова и букв-символов, сочетания слова и цифр-символов, которая имеет специальное терминологическое значение, соответствующее научному понятию, т.е. единице логики-понятийной системы в плане выражения.

А.А. Реформатский определяет термин следующим образом: «Термины — это слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей. Это необходимо в науке, технике, политике и дипломатии. Термины существуют не просто в языке, а в составе определенной терминологии. Если в общем языке (вне данной терминологии) слово может быть многозначным, то, попадая в определенную терминологию, оно приобретает однозначность» (Реформатский 2010: 115).

Термины или терминологические слова подразумевают использование целой терминологии определенной области знаний. Один и тот же термин иногда встречается в разных терминологиях данного языка, что позволяет говорить о **межнаучной терминологической омонимии**. Односоставные терминологические омонимы представлены в табл. 1 (Борковский 1989; Нэдлер, Гварнери 2003).

Т.о., термины могут менять свое значение в зависимости от контекста употребления в разных видах терминологий, типах профессиональных коммуникаций и дискурсов — повседневно-бытовом, деловом, научном, компьютерном и т.д. Наряду с функционированием устоявшихся терминологических единиц и словосочетаний мы наблюдаем постоянный процесс обновления словарного состава языка и терминологизации общелитературной лексики (Тураева 2015).

Большинство современных терминов состоит из нескольких компонентов. Их рассматривают как семантические словосочетания, соединенные беспредложным способом или с помощью предлогов. Многословные термины могут быть словосочетаниями, связь между словами в которых выражается в виде примыкания (напр., *user identification*) или с помощью предлогов и изменения окончаний (напр., *update by copy* — модификация, обновление с созданием новой копии) (Борковский 1989: 270).

Существующие классификации терминов призваны упорядочить терминологические системы, отделить терминологические единицы от других лексических единиц, выделить базовые терминологические слова — термины категорий (напр., информационная система, искусственный интеллект). При развитии современного языка встречаются и термины-синонимы, термины-дуплеты. Примером служат: *computer ethics* и *netiquette* (компьютерная этика, сетевой этикет); *hard disk* и *rigid disk* (Борковский 1989), *брандмауер* и *файрвол* (<http://www.arisfera.ru/glossary/web/Shifrovanie-dannyh.html>).

Таблица 1

Терминологические омонимы

Русскоязычное название термина в ИТ	Англоязычное название термина	Использование в разных терминологиях языка
диск (памяти), дисковое запоминающее устройство	disk	диск, шайба; колесо; шлифовальный зубной диск; грампластинка
мышь; координатный манипулятор типа «мышь»	mouse	подбитый глаз, ловить мышей, грузило, груз
шина, магистральная шина; информационный канал	bus	городской автобус, пассажирский самолет; автомобиль
канал, абстрактный файл; тип данных операционной системы, магистраль передачи данных	pipe	труба; трубка; пение, свист (птицы); трубопровод; (курительная) трубка
информационный канал; конвейер — цепь параллельно работающих процессов (Борковский 1989: 193)	pipeline	трубопровод; гидросистема; пневмосистема; магистраль; процесс доставки материалов от поставщика к потребителю; канал связи
архитектура — структура программной или вычислительной системы	architecture	архитектура; строительное искусство, зодчество, архитектурный стиль; физическая и логическая структура
конфигурация — набор аппаратных или программных установок, задающих режимы функционирования устройства или приложения	configuration	колесная формула; топология, расположение; элементов конструкции; техническое описание изделия
начальная загрузка, начальная загрузка (системы); самозагрузка; загружать; выполнять начальную загрузку	boot	чехол, багажник; прибыль, доход, выигрыш; ботинок; сапог; колонный компенсатор давления
отрицательный перенос, заем; вычитание единиц из старшего разряда при получении отрицательной разности цифр младшего разряда	borrow	заем; брать займы; заимствовать, перенимать, усваивать; резерв (грунта); карьер (грунта); материал резерва, проводить земляные работы
путь доступа, маршрут; цепь; ветвь программы	path	полоса движения; путь; траектория; тропа; пробег; длина пробега
ячейка памяти; фотоэлемент; сота в беспроводных сетях	cell	клетка; ячейка; камера; отсек; секция; келья; кювета; производственная ячейка; гибкий производственный модуль; растровая ячейка

Классификационные признаки позволяют определить смысловые связи внутри заданной термосистемы. Все термины должны быть логически связаны с другими терминологическими словосочетаниями в пределах рассматриваемой термосистемы.

При формировании терминологического слоя происходит постоянное обновление словарного состава языка (Нелюбин 2013). Слова из общего языка и повседневно-бытовой речи переходят в разряд терминов, а устаревшие терминологические единицы отмирают в связи с развитием науки, техники, экономики и общественных наук. Очень часто профессиональные узкоспециализированные словари прошлого столетия напоминают собой так называемые «терминологические кладбища», которые оказывают незаменимую помощь филологам при изучении истории развития языков (Каменева 2015).

3. ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОПОЛНЕНИЯ ЯЗЫКА ИТ: МЕТАФОРИЗАЦИЯ, ЗАИМСТВОВАНИЕ, КАЛЬКИРОВАНИЕ, ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

Язык ИТ принадлежит к профессиональной интернациональной лексике. Широкое распространение компьютерного языка объясняется его универсальностью и важной ролью в успешном и эффективном осуществлении современных профессиональных коммуникаций.

Терминология языка ИТ и компьютерного дискурса в значительной степени отличается от термосистем других профессиональных областей.

Помимо явления омонимии при возникновении новых терминов большую роль играют **метафорические переносы**. В процессе употребления слов, словосочетаний, устойчивых выражений утрачивается метафорический смысл, и лексическая единица переходит в состав профессиональной лексики той или иной области знаний (табл. 2).

Таблица 2

Образование терминов в ИТ в процессе метафоризации

Англоязычный термин языка ИТ	Значение на русском языке	Общелитературная лексика
shell	командный процессор, программная оболочка (Борковский 1989: 233)	колба, корпус, раковина, скорлупа
sentence	оператор программы	предложение, высказывание, суждение, приговор
back door	брешь в системе защиты; вредоносная программа, похищающая конфиденциальную информацию	черный ход, лазейка, запасный выход, потайная дверь, закулисные интриги
Trojan Horse / Trojan	программа, которая выдает себя за другую программу с целью получения информации	троянский конь
firewall	межсетевой экран, брандмауэр, защитная система, система защиты доступа; программно-аппаратные средства сетевой защиты	противопожарная перегородка; стена для изоляции пожарного участка
World wide web (WWW)	Всемирная паутина, всемирная сеть	от Web-паутина; сплетение; ткань
fishing	фишинг, выуживание конфиденциальной информации разновидность хакерства	рыболовство
worm	«червь» — программа, один из типов компьютерных вирусов	червь, гусеница
sniffer	сниффер; программа наблюдения за передаваемыми по каналу данными	наркоман, нюхающий наркотик; нос; прибор для обнаружения радиации, утечки газа

В качестве примера метафоры можно привести ироническое название фирмы IBM Big Blue («Биг Блу»), которое возникло вследствие цвета логотипа компании и лидирующего положения на мировом рынке в выпуске ЭВМ и сверхмощных компьютеров. Oracle Golden Gate Cloud Service — передовая технология портирования данных в режиме реального времени в гибридные «облачные» системы для возможности дальнейшего обращения, работы и извлечения необходимой

информации (<https://docs.oracle.com/en/cloud/paas/database-dbaas-cloud/csdbi/use-goldengate-service-this-service.html>). В названии данной технологии прослеживается сравнение с самым длинным в мире (до 1964 г.) висячим мостом Golden Gate в США.

Термины, в отличие от обычных нетерминологических слов, не должны быть многозначны и экспрессивны. А.А. Реформатский отмечал, что «термины, являющиеся заимствованными словами другого чужого языка, употребляются изолированно, отдельно, однозначно, лишены экспрессии, не смешиваются с обычными словами и выполняют номинативную функцию» (Реформатский 2010: 120).

4. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАЛЬКИРОВАНИЯ И ТРАНСЛИТЕРИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ТЕРМИНОВ ЯЗЫКА ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Основные способы пополнения языка ИТ в русском языке — это заимствования англоязычных терминов путем калькирования, транслитерации и транскрибирования. Первоначально термин или понятие появляется в первичном языке — в виде элемента англоязычной лексики, а затем уже путем заимствования находит отражение во вторичном языке. В данной статье рассмотрен процесс появления в русском языке заимствованных англоязычных терминологических единиц, профессионализмов, элементов сленга, жаргонизмов в сфере ИТ.

Калькированием называют буквальный пословный перевод лексической единицы. В случае если заимствовано словосочетание, то заимствованный образец переводится с языка оригинала последовательно по частям средствами языка перевода. Кальки значительно пополняют основной словарный фонд любого языка (табл. 3).

Таблица 3

Примеры калькированного перевода

operating system	операционная система
mouse	мышь
hard disk	жесткий диск
audio analyzer	аудиоанализатор
network domain \ server domain \ backbone or trunk domain	сетевой домен \ серверный домен \ магистральный домен
Internet of things (IoT)	Интернет вещей
uninterruptible power	бесперебойное энергоснабжение
Artificial Intelligence (AI)	искусственный интеллект

Данное явление часто описывают как «словообразовательные кальки». Это означает, что осуществляется поморфемный перевод иностранной лексической единицы, чаще всего с английского языка. Полученное слово-калька или словосочетание-калька не воспринимается как заимствование, т.к. по звучанию соответствует нормам родного языка.

Калькированный перевод в многосоставных терминах часто сопровождается транслитерацией. К примерам **транслитерирования** можно отнести термины, обра-

зованные от английских слов: *bit, disk, monitor, printer, scanner, display, supercomputer, smartphone, spam, Internet portal, router, adapter, assembler, plug-in, driver, post, soft* и т.д. Транслитерирование очень близко к процессу **транскрибирования**, при котором передаются не буквы, а звуки, например: *overlay* — оверлей (покрытие; верхний слой), *windows* — виндоуз, *mainframe* — мейнфрейм, *byte* — байт, *upgrade* — апгрейд.

5. СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ И СЕМАТИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ

При анализе процесса перевода многокомпонентных терминологических сочетаний, содержащих атрибутивные группы, часто происходит изменение положения определяющего и определяемого слова. Это обусловлено различиями языковых систем разных языков — в данном случае русского и английского.

Среди приемов перевода терминов наиболее широко используют:

- ◆ калькирование;
- ◆ перевод с помощью родительного падежа;
- ◆ перевод с помощью добавления предлогов;
- ◆ перевод одного из членов словосочетания группой поясняющих слов;
- ◆ перевод с изменением порядка компонентов атрибутивной группы;
- ◆ нахождение терминологического эквивалента или аналога;
- ◆ экспликация или описательный перевод, дефиниции;
- ◆ смысловое развитие (логическое развитие, модуляция), смысловая идентификация (см. табл. 4).

Я.И. Рецкер классифицирует возможные соответствия между оригиналом и переводом как **эквивалент, аналог и адекватная замена**. Последняя в свою очередь подразумевает три приема: логическое развитие понятия (интерпретация или объяснительный перевод), антонимический перевод с помощью противоположного по форме оборота и компенсацию (выражение мысли с помощью отличных от оригинала средств) (Рецкер 1974).

Среди способов лексической трансформации при переводе англоязычных терминов наиболее часто встречаются следующие лексические трансформации: **генерализация, конкретизация, смысловое развитие, реже** — антонимический перевод (Алимов 2005).

Особенности выбранных приемов перевода должны соответствовать коммуникативной задаче научного и специального текстов. В таблице 4 показаны способы семантизации лексики при переводе с английского (Борковский 1989).

При образовании термина можно встретить и **звуковое отсечение**. В качестве примера звукового отсечения можно привести общераспространенное существительное *webinar*, образовавшееся в результате сложения слов *web* и *seminar* с последующим усечением слога *sem*. То же самое можно сказать и о словах: *Wikipedia* (*wiki* + *encyclopedia*); *Netiquette* (*network* + *etiquette*); *инфофорум* (*информационный форум*), *информзащита* (*защита информации*) (<http://forums.iri.center/>).

Таблица 4

Способы семантизации лексики при переводе терминов

Английский язык	Русский язык	Структура	Способ перевода
mouse pad	коврик для мыши	N + N	калькирование; перевод с помощью добавления предлогов
referential transparency	отсутствие побочного эффекта	A + N	экспликация
unsqueeze	распаковывать (файлы, данные)	V	антонимический перевод
no operation	пустая команда	Particle + N	антонимический перевод
bypass	обход	N	терминологический эквивалент
cancellation	потеря точности; уменьшение числа значащих разрядов при вычитании близких по величине чисел	N	экспликация конкретизация
execute program only	программа без исходных текстов	V + N + Adv	смысловое развитие
event-driven (interrupt-driven)	1. управляемый прерываниями 2. по прерываниям	N + Part. II	1. смысловое развитие + калькирование 2. смысловое развитие
event trapping	обработка прерываний	N + N	терминологический эквивалент
fallback	переход в аварийный режим	N	терминологический эквивалент
fail-safe system (fault-tolerant system)	отказоустойчивая система	A + N	калькирование
non-aquivalence	неравнозначность	N	терминологический эквивалент
write protected disk	запрещенный от записи диск	V + Part. II + N	калькирование добавление предлога
byte-multiplexer channel	байт-мультиплексный канал	N + N + N	транслитерация и калькированный перевод
vector processor	1. векторный процессор 2. матричный процессор	N + N	1. калькирование 2. транслитерация 3. смысловое развитие
smart grid	«умные» энергосети, предназначены для распределения энергопотребности	A + N	смысловое развитие, переносное значение
cyberbullying	1. кибербулинг 2. издевательство над человеком в сети	N	1. транслитерация 2. смысловое развитие

Практические исследования показали, что самыми распространенными являются двухсложные термины. Несколько менее используются однословные терминологические единицы. И реже всех в научной и специальной литературе встречаются многокомпонентные термины. В настоящее время подавляющее число терминов попадает в наш язык путем транслитерирования, что, очевидно, связано с усложнением технологий, терминологии и быстрым развитием новых направлений науки и техники.

6. ПРОФЕССИОНАЛИЗМЫ, СЛЕНГИЗМЫ, ЖАРГОНИЗМЫ

К **профессионализмам**, как правило, относят специальную лексику узкопрофильного общения. Некоторые исследователи ставят профессионализмы в один ряд с устоявшимися научными, техническими и другими терминами в коммуникациях профессиональных групп. В соответствии с другой, более распространенной точкой зрения, профессионализмы — это элементы быденной и просторечной лексики, которые неофициально заменяют термины в ситуациях повседневного общения людей, занимающихся каким-либо видом деятельности. Профессионализмы являются устоявшимися языковыми явлениями и узаконенными названиями понятий.

Во втором случае понятие профессионализмов пересекается с понятием сленгизма. Появление сленга обусловлено необходимостью описания специфических явлений в субкультуре и профессиональной терминологии. Также сленгом называют и отдельно функционирующий в быденной речи слой нелитературной лексики. Это и отличает сленг от профессионализмов.

Уместное использование сленга в различных коммуникациях характеризует уровень культуры людей, их профессиональные компетенции и степень владения коммуникативной ситуацией. Под жаргоном понимают все-таки более ограниченный и не столь распространенный в общении социальных групп с узкоспециализированными интересами слой лексики или специальный подъязык. Сленг более широко используется в современной речи, и сленгизмы относятся к общепринятой общеразговорной лексике широких слоев носителей данного языка.

В случае сленга номинативная функция языка тесно связана с экспрессивной, мировоззренческой и эмоционально-оценочной функциями, поскольку сленгизмы, в отличие от терминологических единиц, несут ярко выраженную эмоциональную окраску.

Русскоязычные пользователи, пытаясь компенсировать незнание устройства компьютера и Интернета, постоянно пополняют наш родной язык посредством элементов понятного им сленга, жаргонизмов и вульгаризмов.

При этом русский язык подвергается непрекращающимся многочисленным изменениям и дополнениям, в результате чего образуется компьютерный дискурс, компьютерный жаргон и сленг.

Часто жаргонизмы возникают на основе научных терминов и представляют их аналоги, снабженные некоей экспрессивной окраской. Для образования сленга и жаргонизмов как новых семантических образований используют определенные трансформации: **транслитерация**, **транскрибирование**, т.е. образование т.н. «кириллической латиницы», аффиксацию, метафорический перенос, игру слов с похожим звучанием, **фонетические трансформации (мимикрия)**. Иногда этот процесс называют **русификацией лексики**. Формирование нового слоя лексики получает некоторую национально-специфическую окраску. Примеры даны в таблице 5.

Таблица 5

Компьютерный жаргон

Жаргонизмы	Источник происхождения жаргонизма	Способ образования
батоны	клавиши (<i>buttons</i>)	фонетическая трансформация
глаз	компьютерный монитор	метафорический перенос
бочонок	портативный компьютер (<i>notebook</i>)	фонетическая трансформация
блохи	ошибки в программе (<i>bugs</i>)	фонетическая трансформация
веревка	кабель	метафорический перенос
форточки	ОС Windows	метафорический перенос
палка	джойстик	метафорический перенос
Панаслоники	Panasonic	игра слов с похожим звучанием
Багланд	Borland International	игра слов с похожим звучанием
Мелкософт	Microsoft	игра слов с похожим звучанием
виндузятник	пользователь ОС Windows	фонетические трансформации
линуксоид	пользователь ОС Linux	фонетические трансформации
аватары	модели людей в виде виртуальных существ, участвующих в виртуальном общении	метафорический перенос
antidote	антивирус (<i>antidote</i> — противоядие)	метафорический перенос
box	компьютер (<i>box</i> — блок, модуль)	перенос значения
репостить	ругать (<i>repost</i> — повторная отправка электронной почты)	транслитерация и фонетические трансформации
кодить	программировать (<i>code</i>)	транслитерация и фонетические трансформации
апплика	прикладная программа (<i>application</i>)	частичная транслитерация и фонетические трансформации
способ апгрейда	способ усовершенствования технических устройств	транслитерация и фонетические трансформации
бэкапить	резервировать; дублировать; копировать (<i>back-up</i>)	транслитерация и фонетические трансформации

Подобная разговорная лексика характеризуется заведомо сниженным регистром, что часто свидетельствует о невысоком уровне владения английского языка, что и объясняют вышеперечисленные фонетические трансформации — **фонетическая мимикрия**, т.е. **звукоподражание**. Данный в определенном смысле лексикологический метод образования новых слов в языке основан на похожем звучании совершенно разных по смыслу понятий — широко употребляемых русскоязычных слов и англоязычных компьютерных терминов.

Звукоподражание (ономатопея) представляет собой образование слов, звуковые оболочки которых напоминают обозначаемые ими явления, например: социальный сервис *twitter* в переводе означает: возбуждение, волнение, щебетать, болтать, хихикать.

Искажения слов в результате применения фонетической трансформации приводят к появлению новых, имеющих похожую звуковую форму. **Русификация англоязычных терминов вместе с фонетической трансформацией** наблюдается в следующих примерах:

«Что делать со сториджем?» — хранением данных (*storage* — емкость, хранение); «Эттечить файл» — прикреплять файл (к письму) (*to attach* — прикреплять; прикрепляться).

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного анализа содержания статей в профессиональных специализированных журналах, материалах тематических конференций, сайтов профессиональных сообществ и организаций автором сделан вывод о том, что около половины научных терминов в области информационных технологий образованы посредством транслитерирования, и меньшая часть, около 40% — посредством калькирования. Специалисты отрасли широко применяют в речи англицизмы или транскрибированные эквиваленты, подразумевая научные понятия. Калькированный перевод в многосоставных терминах часто сопровождается транслитерацией. Следует, в частности, отметить, что значительное количество двусоставных терминов с компонентами «Интернет» и «веб» образуется посредством или транслитерированного перевода, или калькирования. Второй компонент полученных терминологических словосочетаний — это или транслитерированный англицизм (напр., веб-сайт, интернет-провайдер, интернет-банкинг) или калькированный перевод (напр., интернет-сообщество, интернет-приложение, интернет-пользователь).

Термины-метафоры и термины-идиомы по данной тематике встречаются крайне редко. А такие приемы перевода, как нахождение терминологического эквивалента или аналога, экспликация или описательный перевод, в настоящее время заменяются на практике англицизмами и интернациональными словами.

В последнее время подавляющее число терминов попадает в русский язык путем транслитерирования, что, очевидно, связано с усложнением технологий, терминологии и быстрым развитием новых направлений науки и техники. Все большее распространение в русском языке в специализированных изданиях и средствах массовой информации получает англоязычная аббревиатура и вкрапления англоязычных терминов и названий без перевода и транслитерации. Устная профессиональная и деловая коммуникация специалистов отрасли изобилует русифицированными и транскрибированными англоязычными понятиями и всевозможными варваризмами (напр., информация в Internet-e; сайт на Web-e, письмо по e-mail-y, быть в off-line-e, и т.д.).

Автором сделан вывод о преобладающей англоязычной природе современного языка в области информационных технологий, а также о наметившейся очевидной тенденцией к упрощению использования англоязычных терминов посредством транслитерирования и транскрибирования в русскоязычных научных и научно-популярных текстах и компьютерном дискурсе.

Язык информационных технологий постоянно вносит вклад в лексико-фразеологическую систему русского и других языков, заимствуя и аккумулируя англоязычные термины посредством калькирования, транслитерации и других способов перевода. Первоначально термины часто возникают путем переноса значений слов общеразговорного языка в специальный язык компьютерных технологий с последующим закреплением в нем. В современном языке информационных технологий встречаются, в частности, многочисленные сленгизмы и жаргонизмы.

В настоящее время мы наблюдаем процесс формирования лексико-семантической и функционально-номинативной структуры языка в сфере информационных технологий. Язык ИТ можно отнести к литературной лексике, содержащей научную терминологию данной отрасли и смежных с ней отраслей, с некоторыми наличием нелитературной лексики, включающую компьютерный сленг, жаргон геймеров, сетевой жаргон, использование варваризмов и вульгаризмов в речи. Все изменения в языках профессиональных коммуникаций должны находить своевременное отражение в специальных словарях.

Язык в сфере информационных технологий, помимо научной и научно-технической сферы, становится важным элементом массовой культуры и средством общения уже не одного поколения людей, выходя за рамки чисто профессионального употребления узкими специалистами.

© Н.А. Каменева, 2019

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алимов В.В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации. Учебное пособие. М.: Едиториал УРСС. 2005. 160 с. [Alimov V.V. (2005) *Theory of translation. Translation in the field of professional communication*. Textbook. Moscow: Editorial URSS. 160 p. (in Russ.)]
- Асмус Н.Г. Универсальные и уникальные черты русскоязычного виртуального пространства // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33. С. 24—26. [Asmus, N.G. (2011) Universal and unique features of the Russian virtual space. *Chelyabinsk State University Bulletin*, 33, 24—26. (in Russ.)]
- Ахренова Н.А. Особенности словообразования в интернет-лингвистике // Научное мнение. 2012. № 1. С. 21—24. [Akhrenova, N.A. (2012) Features of word formation in Internet linguistics. *Scientific opinion*, 1, 21—24. (in Russ.)]
- Ахренова Н.А. Интернет-дискурс как гипертекст // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 3. С. 4. [Akhrenova, N.A. (2016a) The Internet as hypertext discourse. *Bulletin of Moscow State Regional University*, 3, 4. (in Russ.)]
- Ахренова Н.А. Интернет-лингвистика: новая парадигма в описании языка Интернета // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 3. С. 8—14. [Akhrenova, N.A. (2016b) Internet linguistics: a new paradigm in the description of the language of the Internet. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 3, 8—14. (in Russ.)]
- Борковский А.Б. Англо-русский словарь по программированию и информатике с толкованиями. М.: Рус. яз., 1989. 335 с. [Borkowski, A.B. (1989) *The Anglo-Russian dictionary of programming and computer science with the interpretations*. Moscow: Rus. yaz., 335 p. (in Russ.)]
- Ботенко М.А. Компьютерная лингводидактика: Учебное пособие. М.: Флинта, 2005. 216 с. [Botenko, M.A. (2005) *Computer linguodidactics: Textbook*. Moscow: Flinta, 216 p. (in Russ.)]
- Галкин Д.В. Виртуальный дискурс в культуре постмодерна. *Критика и семиотика*. Вып. 1. Томск: ТГУ, 2000. С. 26—34. [Galkin, D.V. (2000) Virtual discourse in postmodern culture. *Criticism and semiotics*. Vol. 1. Tomsk: TSU, 26—34. (in Russ.)]
- Горина Е.В., Лазарева Э.А. Интернет — это виртуальный дискурс: к вопросу о терминах // Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинова. Екатеринбург, 2014. Вып. 3 (49). С. 19—22. [Gorina, E.V., Lazareva, E.A. (2014) *The Internet is a virtual discourse: the question of the terms*. Political linguistics. Ed. by A. P. Chudinov. Ekaterinburg, Vol. 3 (49), 19—22. (in Russ.)]

- Горина Е.В. Дискурсивная модель интернета // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 2 (138). С. 22—30. [Gorina, E.V. (2015) Discursive model of the Internet. *Izvestia of the Ural federal university. Ser. 1. Problems of education, science and culture*, 2 (138), 22—30. (in Russ.)]
- Горошко Е.И. Интернет-коммуникация: проблема жанра. *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*. 2006. № 4. С. 165. [Goroshko, E.I. (2006) Internet communication: the problem of genre. *Genres and text types in academic and media discourse*, 4, 165. (in Russ.)]
- Горошко Е.И. Новые тенденции в развитии интернет-лингвистики: общение от клавиатуры (звука) к экрану (звуку) // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 148—153. [Goroshko, E.I. (2016) New trends in the development of the Internet linguistics: Communication from the keyboard (sound) to the screen (sound). *Verhnevolzhski Philological Bulletin*, 4, 148—153. (in Russ.)]
- Егорова Л.А. О проблеме восприятия научного гипермедийного дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2009. № 4. С. 57—62. [Egorova, L.A. (2009) On the problem of scientific perception of hypermedia discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 57—62. (in Russ.)]
- Каменева Н.А. Компьютерная лексикография и составление электронных словарей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3—1 (45). С. 86—89. [Kameneva, N.A. (2015) Computer lexicography and compilation of electronic dictionaries, *Philology. Issues of theory and practice*, 3—1 (45), 86—89. (in Russ.)]
- Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации: Краткий курс. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 256 с. [Kashkin, V.B. (2007) *Fundamentals of communication theory: A short course*. 3rd ed., processed and add. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 256 p. (in Russ.)]
- Леонтьева Н.Н. Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы: учеб. пособие для студентов лингвистических факультетов вузов. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 304 с. [Leontieva, N.N. (2006) Automatic understanding of texts: systems, models, resources: textbook for students of linguistic faculties of universities. Moscow: Izdatel'skii tsentr Akademiya, 304 p. (in Russ.)]
- Леонтович О.А. Компьютерный дискурс: языковая личность в виртуальном мире. В сборнике: Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сборник научных трудов / Под ред. В.И. Карасика. Волгоград, 2000. С. 191—200. [Leontovich, O.A. (2000) Computer discourse: linguistic personality in virtual world. In the book: *Linguistic personality: institutional and personal discourse. Collection of scientific works*. Edited by V.I. Karasik. Volgograd, 191—200. (in Russ.)]
- Моргун Н.Л. Воспитательная и развивающая функции гипертекстовой коммуникации // Среднее профессиональное образование. 2011. № 4. С. 28—30. [Morgun, N.L. (2011) Educational and developing functions of hypertext communication. *Secondary professional education*, 4, 28—30. (in Russ.)]
- Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2013. 216 с. [Nelyubin, L.L. (2013) *Introduction to the technique of translation (cognitive theoretic pragmatic aspect)*: textbook. Moscow: Flinta: Nauka, 216 p. (in Russ.)]
- Нэдлер Д., Гварнери Д. Net Ware. Пер. с англ. М.: Восточная книжная компания, 2003. 214 с. [Nadler D., Guarneri D. (2003) *Net Ware*. Moscow: Vostochnaya knizhnaya kompaniya, 214 p. (in Russ.)]
- Подгорная Е.А. Современные подходы к интерпретации понятия «компьютерный дискурс» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 26. С. 71—75. [Podgornaya, E.A. (2014) Modern approaches to the interpretation of the concepts “the computer discourse”. *Scientific-methodical electronic journal “Concept”*, Vol. 26, 71—75. (in Russ.)]

- Реформатский А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов / под ред. В.А. Виноградова. 5-е издание, испр. М.: Аспект Пресс, 2010. 536 с. [Reformatsky, A.A. (2010) *Introduction to linguistics: Textbook for universities*. Ed. by V.A. Vinogradov. 5 th edition, rev. Moscow: Aspect Press, 536 p. (in Russ.)]
- Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216с. [Retsker, Y.I. (1974) *Theory of translation and translation practice*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 216 p. (in Russ.)]
- Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст. Структура и семантика. Учебное пособие. М.: Либроком, 2015. 144 с. [Turaeva, Z.Y. (2015) *Text Linguistics. Text. Structure and semantics*. Textbook. Moscow: Librokom, 144 p. (in Russ.)]
- Davis, B.H. and Brewer, J. (1997) *Electronic Discourse: Linguistic Individuals in Virtual Space*. SUNY Press. 217 p.
- Eroshkin, S.Yu., Kameneva, N.A., Kovkov, D.V., Sukhorukov, A.I. (2017) Conceptual system in the modern information management. *Procedia Computer Science* 103, 609—612. DOI: 10.1016/j.procs.2017.01.079.
- Herring, S.C. (2014). Research: Computer-mediated communication. *ASIS&T Bulletin*, 40(3). URL: http://www.asis.org/Bulletin/Feb-14/FebMar14_Herring.html.
- Herring, S.C. (2016). Robot-mediated communication. In R.A. Scott, M. Buchmann, & S.M. Kosslyn (Eds.), *Emerging trends in the social and behavioral sciences: An interdisciplinary, searchable, and linkable resource* (pp. 1—16). Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. URL: <http://ella.slis.indiana.edu/~herring/rmc.pdf>.
- Herring, S.C., & Androutsopoulos, J. (2015). Computer-mediated discourse 2.0. In D. Tannen, H.E. Hamilton, & D. Schiffrin (Eds.), *The handbook of discourse analysis*, Second Edition (pp. 127—151). Chichester, UK: John Wiley & Sons. URL: <http://info.ils.indiana.edu/~herring/herring.androutsopoulos.2015.pdf>
- Khromov, S.S., Gulyaeva, N.A., Zelenetskaya, I.S., Minakova, L.Yu., Sheketera, A.L. (2015). An algorithm for the integration of information and communication technologies in teaching languages for special purposes (the example of Russian as a foreign language). *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. T. 200. 224—229.
- Minakova, L.Yu., Khromov, S.S. (2014) Intonation in the context of interlingual and intercultural communication. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2014. T. 154. 412—416.
- Suler, J. (1996a) The Basic Psychological Features of Cyberspace. URL: <http://users.rider.edu/~suler/psycyber/basicfeat.html>.
- Suler, J. (1996b) Cyberspace as Dream World. URL: <http://users.rider.edu/~suler/psycyber/cybdream.html>.
- Smith M. A. and P. Kollock. (1999) *Communities in Cyberspace*. London: Routledge.
- Urintsov, A.I., Dik, V.V., Kameneva, N.A., Makarenkova, Y.V. (2014) Information society as an environment for creating new knowledge. *Naukovyi Visnyk Natsionalnoho Hirnychoho Universytetu* (Науковий Вісник Національного Гірничого університету) № 4. 113—120.

Электронные реурсы / Links

<http://www.arisfera.ru/glossary/web/> (28.10.2017).

<https://docs.oracle.com/en/cloud/paas/database-dbaas-cloud/csdbi/use-goldengate-service-this-service.html> (28.10.2017).

<http://forums.iri.center/> (28.10.2017).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 февраля 2018

Дата принятия к печати: 10 мая 2018

Article history:

Received: 20 February 2018

Revised: 16 April 2018

Accepted: 10 May 2018

Для цитирования:

Каменева Н.А. Анализ лексических особенностей английского и русского языков в сфере информационных технологий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 1. С. 185—199. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-185-199.

For citation:

Kameneva, Natalia (2019). Analysis of Lexical Features of the Russian and English Languages in the Sphere of Information Technologies. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 185—199. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-185-199.

Сведения об авторе:

НАТАЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА КАМЕНЕВА, доцент кафедры иностранных языков Московского финансово-юридического университета МФЮА (Россия, Москва). Сфера научных интересов: лингводидактика, переводоведение, прикладная лингвистика.

Контактная информация: e-mail: n-kameneva@yandex.ru

Bionote:

NATALIA KAMENEVA, Associate Professor, Department of Foreign Languages of Moscow University of Finance and Law MFUA (Russia, Moscow). Research interests: linguodidactics, translation studies, applied linguistics.

Contact information: e-mail: n-kameneva@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-200-222

Система ценностей в аспекте национально-ориентированной лексикографии (на примере русско-монгольских сопоставлений)

А.С. Мамонтов¹, Э. Цэдэндоржийн²,
В.В. Богуславская¹

¹Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Академика Волгина, 6, г. Москва, 117485, Россия

²Институт когнитивной лингвистики
*Сухэбаторский р-он, 5-й микрорайон, ул. Сэула д. 17,
Улан-Батор, Монголия*

Целью данной статьи является анализ системы ценностей как одной из составляющих культурного кода нации в аспекте национально-ориентированной лингвострановедческой учебной лексикографии на материале русско-монгольских сопоставлений. В статье рассматриваются проблемы теоретико-прикладного характера: что представляет собой система ценностей с позиции не только лингвистики, но и культурологии, психологии; как она функционирует, а главное — какое влияние оказывает на формирование речеповеденческой и коммуникативной компетенций человека; как ее следует использовать в практике обучения языку и культуре. Попутно в статье рассматриваются вопросы лингвострановедческой лексикографии, призванной дать обоснование и содействовать построению словарей, знакомящих с культурным компонентом единиц, его составляющих. В рамках настоящей статьи речь идет о национально-ориентированном учебном лингвострановедческом словаре русского языка и культуры, адресованном гражданам Монголии, где материал предполагается давать на сопоставительной основе. При этом ядром словарей подобного типа должна являться «система ценностей» как лингвокогнитивный феномен. В конкретном случае дается анализ семантического содержания трех общечеловеческих ценностей: здоровье, семья, образование. Проведенное авторами исследование позволяет констатировать как совпадение, так и несовпадение в содержании вербализованных ценностных ориентаций представителей двух сопоставляемых лингвокультур — русской и монгольской. Таким образом, в конкретном случае мы можем констатировать целесообразность и значимость картографирования динамики языкового сознания этноса — части национального общественного сознания, содержащего информацию о специфике как когнитивного, так и эмоционального компонентов. Исследование развивает положения когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, культурологии.

Ключевые слова: национально-ориентированная лексикография, система ценностей, русские, монголы, ассоциативный эксперимент

A Value System through the Perspective of Culturally Oriented Lexicography

Aleksandr Mamontov¹, Jenhtuja Cjedjendorzhijn²,
Vera Boguslavskaya¹

¹Pushkin State Russian Language Institute
6 Ac. Volgin Str., Moscow, 117485, Russia

²Institute of Cognitive Linguistics
SukheBatorsky district, 5th microdistrict, Seoul str., 17, Ulaan Baator, Mongolia

Abstract

The article focuses on the analysis of the Value System which constitutes part of a cultural code from the perspective of culturally oriented lexicography. The analysis is based on the comparison of the Russian and Mongolian languages. The authors of the article discuss a number of closely connected theoretical and practical issues, which include: the essence of the Value System from the point of view of linguistics, culture studies and psychology; the functioning of this system; its influence on the formation of speech behavior and communicative competences; the possibility of using the knowledge about the Value System in the teaching of foreign languages and cultures. The article also touches upon the issues of linguistic lexicography aimed at compiling dictionaries, which explain the culture-specific meanings of its units. The authors give a survey of a culturally-oriented dictionary of Russian language and culture for the citizens of Mongolia where the material will be presented on a comparative basis. The core of dictionaries of this kind will be the Value System as a linguocognitive phenomenon. The idea is illustrated by the analysis of the semantics of three basic human values: health, family and education. The research provides an opportunity to state both similarities and differences in the meaning of the verbalized value orientations in the Russian and Mongolian languages and cultures. The analysis allows us to emphasize the significance of mapping the dynamics of the linguistic worldview as part of the ethnic mentality, which reflects both its cognitive and emotional components. The research develops basic postulates of cognitive linguistics, cultural linguistics, intercultural communication and culture studies.

Keywords: *culturally oriented lexicography, value system, Russian, Mongolian, associative experiment*

1. ВВЕДЕНИЕ

Как справедливо считают философы, социологи, культурологи, психологи, лингвисты и т.д., центральное место в содержании феномена культуры и, соответственно, лингвокультуры занимает понятие «ценность» (Kluckhohn, Strodtbeck 1961). Именно ценности, по мнению специалистов, и формируют ядро того или иного кода культуры (Матвеев 2006), при этом круг человеческого отношения к окружающей его действительности широк, он включает не только использование созданных самой природой благ, но и практическое освоение, преобразование природы своим трудом. Но что представляется особо важным для нас и чему посвящена настоящая статья — это отношение самого человека к окружающей действительности с точки зрения ее значения для последнего и отражение данного отношения в языке. В настоящей статье рассматривается ряд вопросов, связанных с историей возникновения учения о ценностях, сущности понятия «ценность», отношении ценности к стоимости, ценности к полезности, отличием ценности от истины, видами ценностей, системой ценностных ориентаций.

Круг человеческого отношения к окружающей его действительности широк. Во-первых, как отмечалось выше, это отношение к действительности не только по использованию созданных самой природой благ, но и практическое освоение, преобразование природы своим трудом, то есть создание таких благ, которых природа сама не дает. Во-вторых, человек способен творчески осваивать действительность, то есть познавать, а затем и использовать законы природы в своих интересах. Наконец, окружающую действительность человек может рассматривать и относиться к ней с точки зрения ее значения для человека. Такие отношения получили наименование «аксиологические». Позволим себе напомнить, что раздел философии, в котором осмысливается природа, сущность и роль значимых для человека явлений, вещей и процессов, во второй половине XIX в. сформировался в особую философскую дисциплину о ценностях — аксиологию.

Понятие «ценности», вслед за М.С. Каганом, нами понимается как «материальные или идеальные предметы, обладающие значимостью для данного социального субъекта с позиций удовлетворения его потребностей и интересов» (Каган 2012: 15). Ценность — это то, что люди ценят. Это могут быть и предметы или вещи, и явления природы, и общественные явления, и человеческие поступки. Основная функция ценностей — регулирование поведения индивида в определенных социальных условиях. Носителем же ценностей является личность, постигающая их в опыте внутреннего принятия или отталкивания и осознающая их сверхличный характер.

Как показывает обзор теоретических работ, в аксиологии приняты различные варианты классификации ценностей (Карасик 2015). В своей основе ценности разнообразны и неоднородны, о чем свидетельствует существование большого количества классификаций. Вряд ли возможно разработать полную, целостную классификацию всех реальных ценностей, но есть немало вариантов деления понятия «ценность» по разным основаниям на виды и подвиды. Исследователи чаще всего выделяют виды ценностей по сферам их существования, по происхождению, по их носителям и т.д.

Заслуживает внимания классификация ценностей, предлагаемая Б. Ерасовым (Ерасов 1999). Он выделяет шесть классов ценностей: 1) витальные — жизнь, здоровье, благополучие; 2) социальные — семья, дисциплина, богатство, патриотизм; 3) политические — законность, конституция, мир; 4) моральные — добро, любовь, честь, уважение; 5) религиозные — бог, вера; 6) эстетические — красота, стиль, гармония (Ерасов 1999: 55).

Несомненный интерес представляют исследования, где предлагается классификация, в которой ценности делятся на три группы в зависимости от преимущественного использования в основных типах современных цивилизаций — восточной, западной и евразийской. Так, восточная цивилизация ориентируется на коллективизм, традиционализм, адаптацию к среде. В силу этого основными ценностями восточной цивилизации являются уравнительность, гуманизм, справедливость, культ общины, почитание родителей и старших, авторитаризм. Общество рассматривается как большая семья, в которой глава пользуется непре-

рекаемым авторитетом, а установленные предками порядки и ценности считаются неизменными и не подлежащими пересмотру. Западная же культура ориентируется на индивидуализм, на культ личности, на адаптацию среды к интересам индивида. Отсюда ключевыми ценностями западной цивилизации являются свобода, лидерство, индивидуальность, равноправие и т.д. и т.п. В евразийской цивилизации своеобразно сочетаются ценностные ориентации Азии и Европы. Для жителей данной цивилизации, а это — Россия, характерны коллективизм, патриотизм, взаимопомощь, открытость, доверчивость, терпимость, духовность (Вежицкая 2001, Гладкова 2010, Larina, Mustajoki, Protassova 2017 и др.).

В свою очередь структурная целостность, которую составляют ценности данной культуры, значимые для социального субъекта, носит название «система ценностей». По мнению исследователей, в систему ценностей могут входить:

1) смысл жизни — жизненно важные представления о добре и зле, счастье, цели и смысле жизни;

2) универсальные: а) витальные (жизнь, здоровье, личная безопасность, благосостояние, семья, образование, квалификация, правопорядок и т.д.); б) общественного признания (трудолюбие, социальное положение и т.д.); в) межличностного общения (честность, бескорыстие, доброжелательность); г) демократические (свобода слова, совести, партий, национальный суверенитет и т.д.);

3) партикулярные: а) привязанность к малой родине, семье; б) фетишизмы (вера в бога, стремление к абсолюту).

Таким образом, понятия «ценность» и «система ценностей» тесно переплетается с понятием «ценностная ориентация личности» (в дальнейшем — ЦО), которое было введено в научный лексикон в 20-е годы XX века социологами У. Томасом и Ф. Знанецким (Барзгова 1997). Они рассматривали ЦО как некую установку личности, имеющую общественный характер и регулирующую ее поведение. Одновременно на характер формирующейся в социуме системы ЦО значительное влияние оказывают функционирующие в нем ценностные представления, которые каждый член социума структурирует по-своему. Вместе с тем, как утверждают ученые, у людей, живущих в аналогичных условиях, образуется типичная для данной группы система ЦО. При этом под влиянием происходящих в обществе социально-политических изменений ЦО, обладающих большой устойчивостью, могут изменяться, хотя и незначительно.

На характер произвольно образующейся системы ценностных ориентаций большое влияние оказывают господствующие в культуре ценностные представления. Каждый индивид упорядочивает их по-своему. Однако, как утверждают ученые, социологические исследования показывают, что у людей, живущих в аналогичных условиях, образуется типичная для данной группы система ценностных ориентаций. Под влиянием происходящих в обществе социально-политических изменений ценностные ориентации, обладающие большой устойчивостью, могут изменяться, но незначительно. Подчеркнем — для демонстрации специфики национально-ориентированной лексикографии нами была предпринята попытка дать сопоставительный анализ плана содержания ряда как русских, так

и монгольских ценностей, а в перспективе использовать полученные в ходе такого анализа выводы в практике обучения русскому и соответственно монгольскому языкам.

Обращает на себя внимание тот факт, что понятие ценности является достаточно сложным, не до конца проясненным, хотя история изучения этого понятия начинается еще с античности. Это понятие рассматривается как философская категория, однако, как было указано выше, оно фигурирует и в социологии в виде ценностных ориентаций. Целесообразно взглянуть на определение понятия «ценность», принятое в философии и принадлежащее, в частности, одному из известных исследователей данной проблемы В.К. Шохину: «Ценность — одна из основных понятийных универсалий философии, означающая в самом общем виде невербализуемые, „атомарные“ составляющие наиболее глубинного слоя всей интенциональной структуры личности — в единстве предметов ее устремлений (аспект будущего) и хранения своего „достояния“ в тайниках сердца (аспект прошедшего), которые конституируют ее внутренний мир как «уникально-субъективное бытие» (Шохин 2010: 205).

Как считает В.К. Шохин, трудность анализа содержания анализируемого понятия является следствием того, что оно в научном дискурсе предстает во многом близким основной категории политэкономии — стоимости. Вдобавок, понятие *ценность* по своему значению является близким таким понятиям, как *благо* и *цель*, описывающим, как известно, интенциональную сферу личности. При этом если обратиться хотя бы к краткому обзору работ на соответствующую тему, видно, что речь идет прежде всего о формировании несовпадающих друг с другом представлений об истории исследований понятия *ценности* от времен античности до наших дней (Йоас 2013, Шохин 1998: 295—315).

Само содержание ценности в философии и социологии по своему объему знаний, входящих в это содержание, еще не определено однозначно. Работа В.Э. Багдасаряна и С.С. Сулакшина «Высшие ценности Российского государства» вводит в аксиологию такое понятие, как «ценности государства» (Багдасарян, Сулакшин 2012: 25). Этим понятие *ценности* распространяется и на сферу государственной активности общества, хотя ранее ценность анализировалась преимущественно в отношении к сфере деятельности личности. Таким образом, как видим, онтологическая сфера ценности расширяется.

В силу того, что данное исследование имеет прикладной характер, в наши цели не входит детальный анализ понятия ценности. Нам достаточно примкнуть к уже имеющимся определениям. Вполне приемлемо определение ценности, которое дает Б. Быховский: «...типологическая, нормативная категория, объемлющая все, что может быть целью, идеалом, предметом влечения, стремления, интереса» (Философская энциклопедия 1960, 1: 30). Из данного определения ценности следует, что ценности осмысливаются как целевые ориентиры социальной деятельности членов общества, то есть ценности каждой конкретной личности определяют поведение человека, действующего в рамках социальных

отношений, так как, по единодушному мнению аксиологов, ценностными характеристиками обладают только те предметы, действия и явления, которые вовлекаются в социальные отношения членов общества. Именно эта вовлеченность в социальную практику превращает культурные предметы и их способы изготовления в ценностные ориентиры.

Для нас особо важна мысль, что ценности составляют фундамент любой этнической культуры. Они отражаются в языковом сознании (Бартминьский 2005, Карасик 2002, Синячкин 2009, Уфимцева 2009, 2015 и др.) и пронизывают всю систему языка (Верещагин, Костомаров 1990, Иванова 2004), воплощаясь в лексике (Богданова 2017, Вежбицкая 2002, Гладкова 2010; Зализняк 2013, Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012; Иванова, Чанышева 2010, Gladkova, Larina 2018; Goddard, Wierzbicka 2014, Wierzbicka 1997, 1999 и др.), фразеологии (Телия 1996, Фразеология в контексте культуры 1999), грамматике (Богданова 2018, Козлова 2018, Goddard, Wierzbicka 2002 и др.), в коммуникации (Карасик 2002, 2016, Ларина 2009, Ларина, Озюменко 2017, Леонтович 2005, Kecskes 2014, Larina 2015, Larina, Ozyumenko, Kurteš 2017, Leech 2014, Wierzbicka 2003 и др.).

В связи со значимостью влияния культуры на коммуникативное поведение Т.В. Ларина предлагает выделять *коммуникативные ценности* — «культурные ценности, которые оказывают решающее влияние на коммуникативное поведение представителей данной культуры, определяют его правила и нормы, формируют стиль коммуникации» (Ларина 2017: 68, Larina 2015). В результате овладение конкретным этническим языком с целью организации речевого общения с его носителями невозможно без овладения содержанием ценностей, которые входят в культуру носителей языка. Изучение любого иностранного языка предполагает обязательное знакомство с системой ценностей носителей изучаемого языка.

Изучающим язык как средство межкультурной коммуникации приходится сталкиваться со значительными трудностями в освоении вышеупомянутого феномена, входящего в широкий лингвокультурный контекст, и обращение к такому аспекту, как национально-ориентированная учебная лексикография (Цэдэндоржий 2015), является попыткой с лингвистической и лингводидактической точек зрения ответить на один из вызовов сегодняшнего диалога культур. Попутно позволим себе напомнить, что одноименная дисциплина призвана «изучать и описывать взаимосвязь и взаимодействие языка, культуры и словаря в прикладном аспекте и ориентирована на построение модели адекватного словаря (ориентированного на обучение иностранному языку, художественному переводу) на основе сопоставления с помощью определенных методов, приемов и способов» (Цэдэндоржий 2015: 7). Для демонстрации возможностей национально-ориентированной лексикографии мы предприняли попытку сопоставительного анализа содержания ряда русских и монгольских ценностей, что имеет как теоретическое, так и прикладное значение для обучения двум сопоставляемым языкам. Настоящее исследование развивает положения когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, культурологии.

2. ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

На рубеже XX—XXI вв. в России и в Монголии (в меньшем количестве) на книжных прилавках появилось множество словарей, претендующих на антропоцентричность и «когнитивно-культурный» тип. Анализ таких словарей показывает, что они должны в большей степени опираться на научную основу, на современные научные концепции в данной исследовательской сфере, как, например, англоязычные (Collins The Times English Dictionary & Thesaurus, 2000; Cowie, 1999; Illustrated Oxford Dictionary, 2000; Oxford Guide to British and American, 1999; The New Encyclopedia Britannica, 1993—1994; The Oxford Dictionary of English etymology, 1996) и иметь безусловно строго научный характер. Следует упомянуть и монгольские наработки, например, (Санжаасүрэн 2008). Вместе с тем нельзя обойти молчаньем то, что было достигнуто учебной лингвострановедческой лексикографией в советское время. Лингвострановедческие словари (далее — ЛС), появившиеся в СССР в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века, были призваны раскрыть фоновую информацию лексических единиц русского языка, скрывающуюся за основной лексической семантикой. Однако все они были составлены носителями русского языка. Составителям словарей, не знающим язык и культуру адресата, трудно определить, до какой степени адресат знает русскую культуру, трудно оценить, достаточно ли информации содержится в ЛС и наоборот. Отсюда возникает необходимость создать такой национально ориентированный лингвострановедческий словарь, с помощью которого можно было бы не только ознакомиться с фоновыми знаниями носителей русского языка, но одновременно и сравнить эти фоновые знания со своими. Интерес к созданию данного варианта словаря обусловлен также необходимостью повышения лингвистической и культуроведческой компетенции при изучении русского языка в современных условиях.

В словаре М.А. Денисовой (Денисова 1983) собраны слова и словосочетания, в которых запечатлены характерные явления общественной жизни и культуры в сфере народного образования. В словарях В.П. Фелицыной и Ю.Е. Прохорова (Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения, 1979; Фелицына, Прохоров 1990) можно найти самые употребительные языковые (страноведчески ценные) афоризмы, которые не просто фиксируют коллективный человеческий опыт, но отражают условия жизни народа — носителя языка, его историю, культуру, географию страны. В словаре Т.Н. Чернявской (Чернявская 1984) представлены слова и словосочетания, в которых отражена культурная жизнь в сфере искусства. Основным аспектом в указанных выше лингвострановедческих словарях является описание национально-культурных компонентов.

Практика современной методики преподавания русского языка как иностранного показывает, что национально-ориентированные, нацеленные на родную культуру адресата словари, справочники, учебные пособия способны значительно повысить эффективность процесса обучения. Ответ на вопрос, какими параметрами должен обладать такой словарь, чтобы соответствовать поставленным целям и задачам исследовательской парадигмы, может быть получен только в ходе

решения соответствующей фундаментальной научной проблемы (Иванова 2002), лежащей в русле актуальных лексикографических исследований. В этом ряду учебная лексикография занимает особое место и уже оформилась (в западной и российской лингвистике) в самостоятельное теоретико-прикладное научное направление. Разработка данной фундаментальной лингвистической проблемы — создание концепции словаря (и решение практической задачи создания модели учебного билингвального лингвострановедческого/лингвокультурологического по своей сути словаря) совместными усилиями российских и монгольских исследователей позволит внести значительный вклад в развитие лексикографии, отвечающей потребностям сегодняшнего дня. Достоверность исследований должна обеспечиваться и обеспечивается не в последнюю очередь экспериментальными процедурами, речь о которых пойдет ниже.

3. ЦЕННОСТЬ КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

В рамках настоящей статьи, как уже отмечалось, авторы не ставили перед собой целью всестороннее рассмотрение как такового понятия «ценность». Здесь в первую очередь особо важна мысль о том, что ценности составляют фундамент любой этнической культуры, и поэтому овладение конкретным этническим языком с целью организации речевого общения с его носителями невозможно без овладения содержанием ценностей, которые входят в культуру носителей языка; что изучение любого иностранного языка предполагает обязательное знакомство с системой ценностей носителей изучаемого языка. Отсюда вытекает необходимость знакомства с номенклатурой данных ценностей, которая представлена в книге А.В. Рябова и Е.Ш. Курбангалеевой (2003). В данной статье рассматривается установленная ими экспериментальным путем номенклатура базовых ценностей россиян.

Базовые ценности россиян — это ценности, которые большинство испытуемых в количестве 6079 человек выбрали как «важные лично для Вас» и как «важные для страны». Таких ценностей оказалось 38 (безопасность, вера, власть, внимание к людям, доверие, долг, достаток, дружба, законность, здоровье, известность, любовь, милосердие, мир, могущество, надежда, независимость, образование, покой, порядочность, природа, профессионализм, равенство, развитие, родина, свобода, семья, смысл жизни, согласие, сотрудничество, справедливость, стабильность, творчество, труд, убеждение, уважение к родителям, удовольствие, успех), а антиценностей — 30 (агрессия, бедность, бездуховность, беззаконие, безответственность, безработица, болезни, взяточничество, война, вырождение, глупость, жестокость, зависть, загрязнение, корысть, лень, месть, наркомания и алкоголизм, непрофессионализм, неудача, обман, одиночество, подлость, порабощение, разврат, разобщенность, святотатство, слабость, хамство, черствость).

Вероятно, для овладения русским и соответственно монгольским языками желательно осознание всех 38 ценностей и 30 антиценностей, по крайней мере,

это справедливо по отношению к русскому языку, но в нашей работе мы ограничимся сопоставительным анализом 3-х ценностей: 1) здоровье — эруулмэнд; 2) семья — гэр бул. Мэнд; 3) образование — боловсрол.

Выбор данных ценностей сделан на основании прогноза значительных расхождений в содержаниях ценностей *здоровье и семья*, поскольку содержание этих ценностей в русской культуре и соответственно содержание монгольских эквивалентов имеет более длительную историю формирования. Вместе с тем мы не вправе полагать, что содержание русской ценности *образование* и соответственно монгольской ценности *боловсрол* имеет больше сходства исключительно потому, что представление об образовании в монгольской культуре в XX веке в силу исторических условий после 1917 года в значительной мере складывалось под влиянием русской культуры.

Необходимо подчеркнуть: при контрастивном описании содержания ценностей следует исходить из следующих допущений, а именно — содержание любой единицы языка и, соответственно, культуры связано с ее контекстуальными значениями. И поскольку каждая языковая единица способна функционировать не в одном лишь контексте, при описании контекстов употребления любой языковой единицы целесообразно принимать во внимание максимальное количество типов контекстов.

При этом целесообразно для начала провести сопоставительный дефиниционный анализ содержания ценностей, «закодированных» в тех определениях, которые представлены в словарях. По нашему мнению, начинать анализ целесообразно с тех словарей, что содержат определения большинства ценностей, например, философских, социологических и т.д. и т.п. Вынуждены с сожалением констатировать, что не все этнические культуры имеют подобные словари, а по сему в перечень необходимых источников, содержащих определения ценностей, должны, по крайней мере, входить филологические, толковые словари типа словарей русского языка, в частности под редакцией С.И. Ожегова (Ожегов 1981), С.А. Кузнецова (Кузнецов 2000) как наиболее адекватно отражающие контекстуальный потенциал исследуемого материала. Русскоязычные тексты также могут являться источником, демонстрирующим параметры содержания ценностей в русской культуре.

Еще одним источником контекстуальных употреблений наименований ценностей следует, на наш взгляд, считать паремии, ибо они также способны отображать определенные аспекты содержания, ассоциированные с языковыми единицами, обозначающими как ценности, так и антиценности, также являющиеся объектом нашего исследования. Необходимо подчеркнуть, что, как известно, в лексикографических источниках содержание ценностей представлено как в плане синхронии, так и диахронии. Исходя из этого считаем обоснованным опираться на анализ языковых знаний, представленных или хранящихся в «тезаурусе» вербальной памяти современных русскоговорящих. Для исследовательских целей нами был использован ассоциативный эксперимент (АЭ), широко применяемый в психолингвистике (см., например, Балясникова и др. 2018, Уфимцева 2009, 2015 и другие работы).

4. АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

4.1. Описание эксперимента

Предлагаемые ниже ассоциативные поля «здоровье», «семья», «образование» взяты из «Русского ассоциативного словаря» (РАС), обобщающего результаты проведенного ассоциативного эксперимента. В ходе подобного эксперимента, как известно, испытуемым в количестве не менее 100 человек предлагается список слов, сопровождавшийся инструкцией: «Ознакомьтесь с данным списком слов. Возле каждого слова напишите первое пришедшее Вам в голову слово». При этом на каждый стимул можно давать любое количество реакций. Ответы всех испытуемых сводятся в одно ассоциативное поле (АП). Необходимо отметить, что АП соответствующих монгольских ценностей получены в результате непосредственно проведенного монгольской стороной ассоциативного эксперимента, в котором принимало участие 100 испытуемых — монголов, представителей разных возрастов, различающихся по социальному статусу и половой принадлежности.

В качестве примера приведем АП выбранных нами ценностей «здоровье», «семья», «образование». При составлении АП, состоящих из слов-реакций, словами — стимулы выступали названия ценностей:

ЗДОРОВЬЕ: крепкое 45; хорошее 36; болезнь 19; отличное 17; плохо 16; журнал 14; беречь 13; сила 12; мое 11; жизнь 10; железное, слабое, спорт 9; богатство 7; дороже 6; богатырское, бодрость, больница, в порядке, людей, неважное, не купишь, радость, сибирское, счастье 5; народа, прекрасное, сильный, человека 4; дороже всего, коровье, мамы, нет, отлично, передача, подорвано, прежде всего 3; боль, в наших руках, в опасности, врач, всех, главное, дорого, дрянь, как у быка, матери, медицина, молоко, на годы, не вечно, недуг, не купить, необходимо, не очень, ни к черту, поликлиника, ребенка, самое главное, свежесть, сердце, сына, так себе, человек, чистота 2; а если его нет, алкоголика, барана, бег, бегать, Белянчикова, берег, благо, ближнего, близких, богатырь, бодрое, больше, будет, бык, важнее, важно, ваше, в ваших руках, весело, веселье, в норме, вредит, временно, всегда надо думать, всего дороже, всем, гастрит, гимнастика, дар, дерева, детей, детям, для всех, для народа, доброе, долголетие, дорога, дорогое, до старости, дробь, друга, душа, есть, желать, железный ком, железо, жены, жизнерадостный, загубил, задорный, залог долголетия, зарядка, здравпункт, знак медработника, зубы, и, и спорт, карате, красивый, красота, крепкой, кровью, курить, лицо ребенка, любимый, люди, мало, мамы и детей, мир, моей мамы, молодость, мрачное, навек, надо беречь, наше, не губи, недруг, нездоровье, неинтересный журнал, ненастье, не позволяет, несчастье, Никитины, ничего, нормальная, нравственная, нужно, общества, общество, отменное, отменные, отсутствие болезни, отца, ох, очень хорошо, папы, первым делом платные, плохонькое, поганая, порядок, по телевизору, потрясное, пошатнувшееся, прекрасна, прекрасно, прелесть, приветствие, программа, пропала, пропьешь, просят, разговор, ребенок с этикетки, риск, родителей, родных, розовый, роскошь, румянец, румяный, самое, санаторий, свежо, секция, семьи, слона, смерть, состояние, спортсмен, страны, телевизор, тело, терпимое, терять, толстый, травы, тревога, угробил, удача, устоять, утраченное, ухудшилось, хилый, хорошая, хорошее настроение, хорошо, хочется, хреновое, хроник, хроника, шарф, шаткое, щеки, это самое важное 1; 541 + 221 + 6 + 156.

СЕМЬЯ: большая 82; дружная 63; дети 37; дом, моя 27; и школа 23; школа 17; мама 14; крепкая 12; счастливая 11; любовь, распалась, ячейка 10; муж 8; очаг, родная 7; дружба, многодетная, ячейка общества 6; брак, наша, хорошая 5; люди, ребенок, родители, семья я, тепло 4; квартира, маленькая, молодая, общество, родня 3; Адамсов, благополучная, будущее, веселая, военнослужащего, друг, друга, дружный, жена, здоровая, и дети, крепость, круг, мать, много, мы, неполная, плохая, полная, радость, развод, скамья, счастье, хорошо, художников, человека, я, три человека 2; аристократов, видна, благополучие, благополучно, благочестивая, брат, брата, братство, бремя, была всегда, в беде, вместе, война, в сборе, все что есть, гармония, гвоздь, Герострат, голодная, Гранде, депутата, деревенская, дерево, домашний уют, дом и семья, дружно, единая, есть; жена, дети; живут вместе, жизнь, зачем, звено общества, знакомый, зной, золото, Ивановых, идеальная, и дом, из трех человек, мы, историков, и я, коллектив, колхозников, компания, красивая, круглый стол, курсанта, куча народу, любовь и радость, Марианна, машиниста, молодых, молоко, муж да я, на всю жизнь, на прогулке, на работе, народ, народов, начало, неблагополучная, не моя, ненавижу, непонимание, несчастливая, нет, не хочу, нормальная, обеспеченная, образ, обыкновенная, одиночество, одна, омут, они, отец, офицера, папа; папа, мама, я; перед разводом, плохо, понимание, порочна, пошла, празднуют, проблемы, прочная, радость встречи, развалилась, разум; родители, мой муж и я; родные, родственники, своя, семья, семья, сестренка, скандал, скоро, слов, собака, советская, соседа, социалистическая, союз любящих, сплоченный, спокойный, стабильная, стол, страна, сын, твоя, теплое понятие, тракториста, уважение, ужин, Ульяновых, учителей, уют, фамилия, филологов, фотография (старинная семья), хор, цирковая, чай, человеческая, член, члены, что надо, Швеция, это семья, ясли, я + ты + ребенок, шесть человек 1; $631 + 198 + 4 + 138$.

ОБРАЗОВАНИЕ: высшее 60; среднее 9; школы 5; институт, учение 4; нужно, обучение, плохое 2; высокий, выше среднего, книги, министерство, наука, начальное, нет, одно из главных, очковтирательство, психолог, Союза, ум, учеба, ЭВМ 1; $102 + 22 + 0 + 14$.

АП «здоровье», «семья», «образование» взяты из «Русского ассоциативного словаря» (РАС), впервые наиболее полно отображающего языковое сознание русских: «Русский ассоциативный словарь» (РАС) моделирует вербальную память и языковое сознание «усредненного» носителя русского языка, фактически являясь словарем-тезаурусом русского языка конца XX века (РАС 2002).

Цифры после каждого АП ($a.657 + b.288 + c.12 + d.204$) означают: *a.* — общее количество испытуемых, *b.* — количество разных ответов, *c.* — количество отказов и последняя цифра *d.* — количество единичных ответов. Мы видим, что АП эксплицирует вербальное поведение носителей языка в ситуации эксперимента: испытуемые давали вербальную реакцию на вербальный стимул, в ходе своего ответа указывая на определенные знания с помощью слов-реакций, в очередной раз подтверждая: АП через свои слова-реакции идентифицирует совокупность явлений, действий, предметов интересующего нас культурного контекста. Таким образом, анализируемые в настоящей статье АП слов, обозначающих ценности, делают возможным составить представление о содержании вышеупомянутых ценностей.

4.1.1. Ценность «ЗДОРОВЬЕ»

Рассмотрим, как представлено содержание ОЦ «здоровье» в русском и монгольском языках в соответствующих словарных источниках:

В словаре С.А. Кузнецова (Кузнецов 2000) ОЦ *здоровье* имеет 2 значения:

1. Нормальное состояние организма, при котором правильно действуют все его органы;
2. Самочувствие, то или иное состояние организма;
3. *1. Вежливое пожелание при угощении или в ответ на благодарность за угощение.

В словаре «Оюунбилгийнмэлмийнээгч» И. Дамбажава (Дамбажава 2002) ОЦ *здоровье* имеет 1 значение:

1. хун, амьтныевчинэмгэгтуй, энх, эсэн (Нормальное состояние организма, при котором правильно действуют все его органы) [совпадает с рус. 1].

Ценность «ЗДОРОВЬЕ» в русской лингвокультуре

В соответствии с данными анализируемого источника ОЦ **ЗДОРОВЬЕ** вызывает следующие ассоциации: крепкое 45; хорошее 36; *болезнь* 19; отличное 17; плохое 16; *журнал* 14; *бережь* 13; *сила* 12; *мое* 11; *жизнь* 10; железное, слабое, *спорт* 9; *богатство* 7; *дороже* 6; богатырское, *бодрость*, *больница*, в порядке, людей, неважное, не купить, *радость*, сибирское, *счастье* 5; народа, прекрасное, *сильный*, человека 4; *дороже* всего, *коровье*, мамы, *нет*, *отлично*, *передача* подорвано, прежде всего 3; *боль*, в наших руках, в опасности, *врач*, всех, главное, *дорого*, *дрянь*, как у быка, *матери*, *медицина*, *молоко*, на годы, не вечно, *недуг*, не купить, *необходимо*, *не очень*, ни к черту, поликлиника, ребенка, самое главное, *свежесть*, *сердце*, сына, *так себе*, человек, *чистота* 2; Содержание АП «здоровье» в русской культуре допускает следующую интерпретацию:

характеристика качества здоровья:

крепкое, хорошее, отличное, плохое, железное, слабое, богатырское, неважное, сибирское, прекрасное, как у быка, так себе, в порядке, дрянь, ни к черту, свежесть;

характеристика состояния больного человека:

болезнь, подорвано, *боль*, *недуг*, не вечно, в опасности, *нет* (здоровья);

характеристика ощущений здорового человека:

бодрость, *радость*, *счастье*, *сильный*;

переживание здоровья:

богатство, не вечно;

действия по сохранению здоровья:

бережь, *спорт*, в наших руках, не купить, *чистота* (в значении поддерживать чистоту).

Ценность «ЭРУУЛ МЭНД» — «ЗДОРОВЬЕ» в монгольской лингвокультуре

В соответствии с данными эксперимента ценность ЭРУУЛ МЭНД — **ЗДОРОВЬЕ** вызывает следующие ассоциации: аз жаргал — счастье 7, жаргал — радость 4, амьдрал — жизнь 3, цагаан — белый 3, эмнэлэг — больница 3, эмч — врач 3, баярхөөр — веселье 2, гэрбүл — семья 2, инээмсэглэл — улыбка 2,

мөнгө — деньги 2, өвчин — болезнь 2, улаан — красный 2, хариуцлага — ответственность 2.

Содержание АП «эруулмэнд» в монгольской культуре допускает следующую интерпретацию:

характеристика переживания состояния здоровья:

аз жаргал — счастье, жаргал — радость, баярхеер — веселье, инээмсэглэл — улыбка;

атрибуты болезни:

цагаан — белый (цвет стен в больничных учреждениях и одежды медицинского персонала), эмч — врач, гэрбул — семья (это опора каждого больного человека), менге — деньги (которые необходимо потратить, чтобы вернуть здоровье);

атрибуты здоровья:

улаан — красный (это цвет щек у здоровых девушек).

Сопоставительный анализ содержания ценности «здоровье» в русской культуре и содержания ценности «эруулмэнд» в монгольской культуре доказывает: феномен «состояние здоровья» в сопоставляемых лингвокультурах воспринимается в целом идентично. При этом есть основание предполагать, что феномен состояния здоровья в монгольской лингвокультуре в определенной ситуации вызывает меньше отрицательных эмоций, чем в русской. Однако данная сентенция нуждается в дальнейшей культурологической верификации.

4.1.2. Ценность «СЕМЬЯ»

Рассмотрим, как представлено содержание общечеловеческой ценности «семья» в русском и монгольском языках в соответствующих словарных источниках:

В словаре С.А. Кузнецова (Кузнецов 2000) «семья» имеет 5 значений:

1. группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе;
2. кого или какая. Группа людей, сплоченных общей деятельностью, интересами, дружбой;
3. группа животных, состоящая из самца, самки (самок) и детенышей, живущих вместе;
4. обособленная группа растений одного вида, произрастающих рядом;
5. лингв. Группа родственных языков. Народы индоевропейской языковой семьи.

В словаре «Оюунбилгийнмэлмийнээгч» И. Дамбажава (Дамбажава 2002) ОЦ семья имеет 3 значения:

1. нэгэрхгэр (группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и др.); [совпадает].
2. хамторшинсуугаорхууд (группа людей, живущих на достаточном расстоянии, чтобы не мешать друг другу вести скотоводство и помогающих друг другу); [частично совпадает].
3. албаныюмхадгалахгазар (место, где хранят казенное имущество) (арх.) [не совпадает].

Ценность «СЕМЬЯ» в русской лингвокультуре

В соответствии с данными анализируемого источника ценность **СЕМЬЯ** вызывает следующие ассоциации: большая 82; дружная 63; дети 37; дом, моя 27; и школа 23; школа 17; мама 14; крепкая 12; счастливая 11; любовь, распалась, ячейка 10; муж 8; очаг, родная 7; дружба, многодетная, ячейка общества 6; брак, наша, хорошая 5; люди, ребенок, родители, семья я, тепло 4; квартира, маленькая, молодая, общество, родня 3; Адомсов, благополучная, будущее, веселая, военнослужащего, друг, друга, дружный, жена, здоровая, и дети, крепость, круг, мать, много, мы, неполная, плохая, полная, радость, развод, скамья, счастье, хорошо, художников, человека, я, 3 человека 2.

АП «семья» допускает следующую гипотетическую интерпретацию.

Характеристика семьи:

Большая, дружная, крепкая, счастливая, родная, многодетная, хорошая, маленькая, молодая, благополучная, веселая, неполная, плохая, полная.

Члены семьи:

Дети, мама, муж, ребенок, родители, жена, и дети, мать, три человека.

Атрибуты семьи:

Дом, любовь, очаг, дружба, ячейка общества, брак, тепло, квартира, родня, крепость, радость, счастье, хорошо, развод.

Прецедентные тексты:

(Семья) и школа — название журнала;

(Семья) Адамсов — название телевизионного сериала.

Ценность «ГЭР БУЛ» — «СЕМЬЯ» в монгольской лингвокультуре

В соответствии с данными эксперимента ценность **СЕМЬЯ — ГЭР БУЛ** вызывает следующие ассоциации: хайр — любовь 10, аз жаргал — счастье 5, халамж — забота 5, дулаануурамьсгал — теплота 2, жаргал — радость 2, инээх — смеяться 2, итгэлцэл — взаимодоверие 2, мөнгө — деньги 2, салалт — развод 2, үрхүүхэд — дети 2, хайрлах — любить 2, хамгаалах — защищать 2, хүүхэд — дети 2.

АП «гэр бул» — семья допускает следующую гипотетическую интерпретацию. *Атрибуты гэр бул — семья.*

Хайр — любовь, аз жаргал — счастье, халамж — забота, дулаануурамьсгал — теплота, жаргал — радость, итгэлцэл — взаимодоверие, менге — деньги, салалт — развод, хайрлах — любить, хамгаалах — защищать, инээх — смеяться *члены семьи.*

Урхуухэд — дети, хуухэд — дети.

Рассмотрим таблицу 1, где представлены некоторые ФЕ, в которых видна связь этического и языкового сознания на примере ОЦ «семья» в монгольском языке.

Таблица 1

Сопоставление смыслового содержания ФЕ (ОЦ «семья») в монгольской и русской лингвокультурах

Фразеологические единицы	Смысловое содержание	Русские эквиваленты
1. Алагбеерийнхолбоотой	Указывается на то, что кровь можно всегда узнать	связанный кровными узами
2. Амьдралаахолбох	Указывает на то, что семья — одно целое	связать судьбу
3. Баастай бурхан	Указывается, что ребенок в семье — большое счастье	«земной божок», любимый ребенок
4. Голомтзалгаххун	Указывает на необходимость сына в семье	продолжатель рода
5. Аальсайтаййлдхунцуглана, загас сайтайнуурандхуншувуудцуглана	Указывается, что надо быть гостеприимной хозяйкой	У доброй хозяйки изба полна народу

Сопоставительный анализ АП «семья» в русской культуре и «гэрбул» — «семья» в монгольской культуре доказывает сходство содержаний ценностей «семья» и «гэрбул» — «семья» в обеих сопоставляемых культурах. Данный факт является следствием сходства условий, в том числе природных, формирования обеих этнокультур, а также длительного их взаимодействия и стремления к диалогу.

4.1.3. Ценность «ОБРАЗОВАНИЕ»

Рассмотрим, как представлено содержание общечеловеческой ценности «образование» в русском и монгольском языках в соответствующих словарных источниках.

В словаре С.А. Кузнецова (Кузнецов 2000) ОЦ *образование* имеет 2 значения:

1. Процесс усвоения знаний; обучение, просвещение.
2. Совокупность знаний, полученных в результате обучения.

В словаре «Оюунбилгийнмэлмийнээгч» И. Дамбажава (Дамбажава 2000) ОЦ *образование* имеет 2 значения:

1. боловсрохявдал (Процесс усвоения знаний; обучение, просвещение); [совпадает с рус. 1].
2. мэргэжил болон мэргэшил, нэгэнтэээмшижавсанмэдлэг (совокупность знаний, полученных в результате обучения) [совпадает с рус. 2].

Ценность «ОБРАЗОВАНИЕ» в русской культуре

В соответствии с данными анализируемого источника ценность **ОБРАЗОВАНИЕ** вызывает следующие ассоциации: высшее 60; среднее 9; *школа* 5; *институт*, *учение* 4; *нужно*, *обучение*, *плохое* 2; *высокий*, выше среднего, книги, министерство, наука, начальное, *нет*, одно из главных, очковтирательство, психолог, Союза, *ум*, *учеба*, ЭВМ 1; 102 + 22 + 0 + 14.

АП «образование» в русской культуре допускает следующую интерпретацию:

ступени образования, принятые в России:

высшее, среднее, начальное

учреждения образовательные:

институт, школа

качество образования:

плохое, выше среднего, очковтирательство

учреждение, руководящее образованием:

министерство;

учебные средства, средства обучения:

книги, ЭВМ

процесс обучения:

учение, учеба.

Ценность «ОБРАЗОВАНИЕ — БОЛОВСРОЛ» в монгольской культуре

В соответствии с данными эксперимента ценность **ОБРАЗОВАНИЕ — БОЛОВСРОЛ** вызывает следующие ассоциации: мэдлэг — знание 7, мэргэжил — профессия 6, соел — культура 4, сургууль — школа 3, ухаан — ум 3, чадвар — способность 3, эрхмэдэл — власть 3, ажил — работа 3, амжилт — успех 3, ирээдүй — будущее 2, их сургууль — университет 2, мөнгө — деньги 2, нэр хүнд — авторитет 2, урчадвар — мастерство 2, хөгжил — развитие 2, эрдэм — знание 2.

АП «боловсрол» в монгольской культуре допускает следующую интерпретацию:

учреждения образования:

сургууль — школа, их сургууль — университет;

качества личности и ее жизнедеятельности, формирующие в процессе получения образования:

мэдлэг — знание, мэргэжил — профессия, соел — культура, ухаан — ум, эрхмэдэл — власть, ажил — работа, амжилт — успех, ирээдүй — будущее, нэрхүнд — авторитет, урчадвар — мастерство, хөгжил — развитие, эрдэм — знание;

необходимые предпосылки для получения образования:

чадвар — мастерство, мөнгө — деньги;

Частотный ассоциат *амьдрал* — жизнь можно интерпретировать как процесс, существенно изменяющийся под влиянием образования.

Рассмотрим таблицу 2, где представлены некоторые ФЕ, в которых видна связь этического и языкового сознания на примере ОЦ «образование» в монгольском языке.

Таблица 2

Сопоставление смыслового содержания ФЕ (ОЦ «образование») в монгольской и русской лингвокультурах

Фразеологические единицы	Смысловое содержание	Русские эквиваленты
1. Оюуныамнээгдэх	Указывается, что человеческий ум закупоривается, если его оставить как есть	просветлеть
2. Цээжээхавтаслах	Указывается, что те знания хороши, которые навечно хранятся в твоей памяти	расширить свои знания Знание — сила
3. Оосоргуйухаантай / далай их эрдэмтэн	Указывается, что нет границ человеческим возможностям	семи пядей во лбу
4. Мэддэгхундмэргэнцоохор-мэддэггүйхундэрэнцоохор	Указывается, что стыдно быть безграмотным	Ученье — свет, а неученье — тьма
5. Ихдалайномхонэрдэмтэй-хундаруухан	Указывается, что знания делают человека спокойным	Ученого человека видно издалека

Сопоставительный анализ элементов АП «образование» и АП «боловсрол» допускает следующую гипотетическую интерпретацию. В сознании носителей русской культуры образование мыслится прежде всего как высшее (60% всех реакций) в связи с тем, что тема образования, в первую очередь образования высшего, широко дискутируется СМИ и является поэтому хорошо артикулированной темой.

При обсуждении темы «образование», в том числе в российских СМИ, главной проблемой является качество образования. Оно способно вызывать и негативную оценку, о чем свидетельствуют такие ассоциативные реакции, зафиксированные в РАС, как «плохое», «очковтирательство», «нет». Но в целом можно утверждать, что тема *образование* в современной русской культуре является весьма актуальной, несмотря на то, что определенные аспекты образования могут иметь и отрицательную окраску.

Тема «боловсрол» в монгольской культуре осознается прежде всего в своих экзистенциальных характеристиках, как человеческая активность, существенным образом влияющая на качество всей жизнедеятельности носителя монгольской культуры: образование — это, прежде всего, возможность получить работу, что чрезвычайно важно при высоком уровне безработицы в современной Монголии. Получение образования гарантирует «амжилт — успех» и обеспечивает «ирээдуй — будущее», повышает «нэрхунд — авторитет» и в определенной мере означает причастность к «эрхмэдэл — власти». В целом ценность «боловсрол — образование» в монгольской культуре носит положительную окраску.

Проведенный обзор лексикографических и смежных с ними теоретических материалов дает все основания считать, что с учетом существующих наработок по составлению словарей с лингвокультурологическим «уклоном» привлечение результатов экспериментального сопоставительного исследования ассоциативных полей смогло бы стать своего рода «краеугольным камнем» для создания национально-ориентированных лингвострановедческих словарей, в частности для монгольских и российских граждан, овладевающих языком как средством межкультурной коммуникации. В конкретном случае, обратившись к анализу трех общечеловеческих ценностей «семья», «здоровье» и «образование» в русской и монгольской лингвокультурах, мы можем констатировать целесообразность и значимость картографирования динамики языкового сознания этноса — части национального общественного сознания, содержащего информацию о специфике как когнитивного, так и эмотивного компонентов, нашедших отражение, в том числе в языке, в виде образа мира, чья фиксация должна становиться не в последнюю очередь достоянием современных двуязычных лингвокультурологических словарей.

И последнее. Люди по-разному относятся к жизни и даже к самой ее ценности, к труду, к преобразованию бытия как к смыслу человеческого существования, к радостям жизни, к нравственным нормам. В каждой культуре рождаются, расцветают и умирают свои ценностные ориентации. Их фиксация, дефиниция, сопоставительный анализ имеет важное значение для сохранения и развития этноса, его языка и самобытной культуры.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают благодарность анонимным рецензентам за внимательное прочтение статьи и конструктивные замечания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Высшие ценности Российского государства. Серия «Политическая аксиология». Научная монография. М.: Научный эксперт, 2012. 624 с. [Bagdasaryan V.E., Sulakshin S.S. (2012). (The highest values of Russian government) Seriya «Politicheskaya aksiologiya». Nauchnaya monografiya. Moscow: Nauchnyi ekspert, 624 p. (In Russ.).]
- Балысникова О.В., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Чулкина Н.Л. Языковое сознание: региональный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 232—250. [Balyasnikova O.V., Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A., Chulkinina N.L. (2018). Language and Cognition: Regional perspective. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (2), 232—250 (In Russ.).] doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-232-250.
- Баразгова Е.С. Уильям Томас и Флориан Знанецкий: методологические ориентации чикагской школы. Курс лекций. Американская социология (традиции и современность). Екатеринбург: Деловая книга; Бишкек: Одиссей, 1997. [Barazgova E.S. (1997) William Tomas and Florian Znanekij: methodological orientations of the Chicago school. Lecture course. American sociology (traditions and modernity). Ekaterinburg. (In Russ.).]
- Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005. [Bartmin'skii, Ezhi (2005). The Language Image of the World: Essays on Ethnolinguistics). Moscow (In Russ.).]
- Богданова Л.И. Оценки и ценности в зеркале словарей русского языка // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 4. С. 729—748. [Bogdanova L.I. (2017) The reflection of evaluation and values in Russian language dictionaries. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 729—748 (In Russ.).]
- Богданова Л.В. Оценочные смыслы в русской грамматике // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 4. [Bogdanova L.I. (2018) Evaluative senses in Russian grammar (on the basis of verbs of emotional attitude. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4) (In Russ.).]
- Вежбицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с. [Wierzbicka, Anna (2001). Understanding cultures through their key words. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.).]
- Гладкова А.Н. Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки. М.: Языки славянских культур, 2010. [Gladkova, Anna (2010). *Russian cultural semantics: Emotions, values, attitudes*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.).]
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с. [Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and culture. *Culture studies in teaching Russian as a foreign language*. Moscow: Russkii yazyk. 246 p. (In Russ.).]
- Воркачёв С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. 2005. С. 76—83. [Vorkachev S.G. (2005) Linguoconceptology and intercultural communication: origins and aims. *Filologicheskie nauki*, 76—83 (In Russ.).]
- Ерасов Б.С. Социальная культурология: пособие для вузов: в 2-х ч. М.: Аспект-Пресс, 1994. Ч. 1, 2. [Erasov B.S. (1994) Social culturology: manual for universities: in 2 parts). Moscow: Aspekt-Press. (In Russ.).]
- Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. Уфа: РИО БашГУ, 2004. 152 с. [Ivanova, Svetlana (2004). *Cultural Linguistics and Cognitive Linguistics: Alignment of paradigms*). Ufa: RIO BashGU. (In Russ.).]

- Иванова С.В. Подходы к составлению лингвокультурологического словаря // Вестник Оренбургского государственного университета. 2002. № 6. С. 174—176. [Ivanova, Svetlana (2002). Approaches to the compilation of linguistic culturological dictionary. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Orenburg State University), 6, 174—176. (In Russ.)].
- Иванова С.В., Чанышева З.З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 366 с. [Ivanova S.V., Chanysheva, Z.Z. (2010). *Linguoculturology: problems, quests, solutions*. Ufa: RIC BashGU. (In Russ.)].
- Йоас Х. Возникновение ценностей. СПб.: Алетейя, 2013. 312 с. [Joas Kh. (2013) *Values formation*. Saint-Petersburg: Aleteiya, 312 p. (In Russ.)].
- Каган М.С. Культурология: учебник для бакалавров / под ред. Ю.Н. Солонина. М.: Юрайт, 2012. 556 с. [Kagan M.S. (2012) *Culturology: manual for bachelors*. Moscow: Yurait, 556 p. (In Russ.)].
- Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. No 4. С. 56—77. [Karasik, V.I. (2016). Discourse Manifestation of Personality. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 56—77. (In Russ.)]
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik V.I. (2002). *Language circle: Personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena Publ. (In Russ.)]
- Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Монография. Волгоград: Парадигма, 2015. 432 с. [Karasik V.I. (2015). *Language spiral: Values, symbols, motives*. Volgograd: Paradigma. (In Russ.)].
- Козлова Л.А. Этнокультурный потенциал залоговых форм и его дискурсивная актуализация // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22, № 4. [Kozlova L. (2018). The ethnocultural potential of voice forms and its discourse actualization. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4) (In Russ.)].
- Ларина Т.В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 2009. [Larina, Tatiana (2009). *Politeness and communicative styles: Comparison of English and Russian language and culture traditions*. Moscow: Jazyki Slavianskih Kul'tur Publ. (In Russ.)].
- Ларина Т.В. *Основы межкультурной коммуникации: учебник для студ. учреждений высш. образования*. М.: Издательский центр «Академия», 2017. [Larina, Tatiana (2017). *Intercultural Communication*. Moscow: Akademiya Publ. (In Russ.)]
- Ларина Т.В., Озюменко В.И. Этническая идентичность и ее проявление в языке и коммуникации // Cuadernos de Rusística Española. 2016. № 12. С. 57—68 [Larina T.V., Ozumenko V.I. (2016). Ethnic identity in language and communication. *Cuadernos de Rusística Española*, 12, 57—68 (In Russ.)].
- Ларина Т.В., Озюменко В.И. Свобода личности как конституирующий компонент английского дискурса // Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. 2017. № 2. С. 160—172. [Larina T.V., Ozumenko V.I. (2017) Personal freedom as a constitutive element of English discourse. *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2, 160—172. (In Russ.)].
- Леонтович О.А. *Русские и американцы: парадоксы межкультурной коммуникации*. М.: Гнозис, 2005. [Leontovich O. A. (2005). *The Russians and Americans: The paradoxes of intercultural communication*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)]
- Мамонтов А.С. *Язык и культуры: основы сопоставительного лингвострановедения*. М.: ИЯРАН, 2000. [Mamontov A.S. (2000). *Language and cultures: The basics of comparative linguistics and country's studies*, Moscow: IYaRAN. (In Russ.)].

- Матвеев П.Е. *Этика. Основы общей теории морали*. Владимир: Изд-во Владимирского гос. ун-та, 2006. 81 с. [Matveev P.E. (2006) *Ethics. The basics of the theory of morality*. Vladimir: Izd-vo Vladimirskogo gos. un-ta, 81 p. (In Russ.)].
- Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. *Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы*. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. [Ryabov A.V., Kurbangaleeva E.Sh. (2003). *The fundamental values of Russians: Social attitudes. Life strategies. Symbols. Myths*. Moscow: Dom intellektual'noi knigi. (In Russ.)].
- Синячкин В.П. *Формы существования общечеловеческих ценностей в русской культуре // Вестник ЧГПУ*. 2009. № 10-2. С. 273—288. [Sinyachkin V.P. (2009) *The forms of universal values existence in Russian culture. Vestnik ChGPU*, 10-2, 273—288. (In Russ.)].
- Тарасов Е.Ф. *Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурном аспекте*. М.: Наука, 2002. [Tarasov E.F. (2002) *The meetings of ethnic cultures in the mirror of language (a comparative linguo cultural aspect*, Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Телия В.Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. [Teliya V.N. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow. (In Russ.)].
- Уфимцева Н.В. *Культура и ее отражение в языковом сознании славян // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2009. № 5. С. 86—99. [Ufimtseva N.V. (2009). *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 5, 86—99. (In Russ.)].
- Уфимцева Н.В. *Ядро языкового сознания как отражение системности образа мира // Язык в пространстве речевых культур. К 80-летию Е.В. Гольдина*. Москва—Саратов: ИД «Наука образования», 2015. С. 335—342. [Ufimtseva N.V. (2015). *The core of a language consciousness as a reflection of image of the world consistency*. Moscow, Saratov, 335—342. (In Russ.)].
- Фразеология в контексте культуры: сборник статей / ред. В.Н. Телия. М., 1999. [Teliya V. (ed.) (1999). *Phraseology in a cultural context*. Moscow (In Russ.)].
- Цэдэндоржийн Э. *Язык и культура: основы национально-ориентированной лексикографии (с позиции носителя монгольского языка): монография*. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2015. [Tsedendorzhiin E. (2015). *Yazyk i kul'tura: Osnovy natsional'no-orientirovannoi leksikografii (s pozitsii nosatelya mongol'skogo yazyka)* (Language and culture: The basics of nationally-oriented lexicography (from a Mongolian native speaker): Moscow: Pushkin State Russian Language Institute. (In Russ.)].
- Шохин В.К. *Классическая философия ценностей: предыстория, проблемы, результаты*. М.: Альфа и Омега, 1998. № 3 (17). С. 295—315. [Shokhin V.K. *The classic philosophy of values: prehistory, problems, results*. Moscow: Al'fa i Omega, 3 (17), 295—315. (In Russ.)].
- Баянсан Ж. *Соёл, хэл, үндэстнийсэтгэлгээ. Улаанбаатар*: МУИС-ийнхэвлэхүйдлвэр, 2002. [Bayansan J. (2002). *Language, culture, ethnic thinking*. UB: Mong. Univer. publishing House (In Mong.)].
- Бямбын Р. *«Монголыншинжлэхүхаан» хэмээх. 108 ботьцуврал*. Улаанбаатар, 2004. [Byambin Rinchen (2004). *Mongolian science. 108-volume edition*. UB (In Mong.)].
- Бямбын Ринчен. *Монгол чуудынугасоёлынтовчоон*. Улаанбаатар, 2003. [Byambin Rinchen. (2003). *Brief ethnographic history of Mongolia*. UB (In Mong.)].
- Бямбын Р. *Монголынцаатанбөөгийнтухай. Аманзохиолсудлал*. Улаанбаатар, 1974. VIII боть. VI дэвтэр, 75—94. [Byambin Rinchen. (1974). *About the shamanism of the Mongolian people Tsaatan*. Oral folk art. UB. Vol. VIII, 75—94. (In Mong.)].
- Бямбын Ринчен. *Орчинцагийн монгол хэлнийүгсийнсангийнсудлалынүндэс*. Улаанбаатар, 1986. [Byambin Rinchen (1986). *The basics of lexicology of the modern Mongolian language*. UB (In Mong.)].

- Төмөрцэрэн Ж. *Монгол хэлний үгсийн сангийн судлал*. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1975. [Tumurtseren J. (1975). *Lexicology of the Mongolian language*. UB: National publishing house (In Mong.)].
- Шагдарсүрэн Ц. Монгол толь бичгийн судлал (1990-ээд он хүртэлх түүхэнтэй). *Толь бичиг-судлалыг насуудалд*. Улаанбаатар: БИС, 2009. [Shagdarsuren Ts. (2009). *Mongolian lexicography (historical overview up to 1990-s). To the question of lexicography*. UB: BIS (In Mong.)].
- Эх хэлээвдэхгүй юм сан. (Монгол хэлний мөнчлэл, онцлог, одоогийн байдал, олон нийтийн хэлний боловсрол, сөрөг үзэгдэл)*. Нэмэн зассан 2-р хэвлэл. Улаанбаатар, 2010. [Unspoken funds (Linguistic, specific, current, multi-cultural education, and psychology) (2010). Revised 2nd edition. UB (In Mong.)].
- Gladkova, Anna and Larina, Tatiana (2018). Anna Wierzbicka, Words and The World. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 499—520. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520.
- Gladkova, Anna and Jesus Romero-Trillo (2014). Ain't it beautiful? The conceptualization of beauty from an ethnopragmatic perspective. *Journal of Pragmatics*, 60, 140—159.
- Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka (Eds.) (2002). *Meaning and Universal Grammar: Theory and empirical findings*. Vols. I, II. Amsterdam: John Benjamins.
- Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka (2014). *Words and Meanings: Lexical Semantics Across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Kecskes, Istvan (2014). *Intercultural Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
- Kluckhohn, F. and Strodtbeck, F.L. (1961). *Variations in Value Orientations*. Connecticut: Greenwood Press.
- Larina, Tatiana (2015). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, 7 (5), 195—215.
- Larina, Tatiana, Mustajoki, Arto and Protassova, Ekaterina. (2017) Dimensions of Russian culture and mind. In Katja Lehtisaari and Arto Mustajoki (eds.) *Philosophical and cultural interpretations of Russian modernisation*. Series: Studies in Contemporary Russia. London/New York: Routledge, 7—19.
- Larina, Tatiana V., Ozyumenko, Vladimir I., Kurteš, Svetlana (2017). I-identity vs we-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics*. Vol. 13, issue 1, 109—128.
- Leech, Geoffrey (2014). *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: Oxford University Press.
- Peeters, Bert (Ed.) (2006) *Semantic Primes and Universal Grammar: Empirical evidence from the Romance languages*. Amsterdam: John Benjamins.
- Wierzbicka, Anna (1997) *Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (1999). *Emotions across languages and cultures: Diversity and universals*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wierzbicka, Anna (2003). *Cross-Cultural Pragmatics*. 2nd ed. Berlin: Mouton de Gruyter.

Словари / Dictionaries

- Денисова М.А. *Лингвострановедческий словарь*. Народное образование в СССР / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М., 1983. [Denisova M.A. (1983) *Lingvostranovedcheskii slovar'*. (*Linguistics and country's study dictionary*), Moscow. (In Russ.)].
- Кузнецов С.А. *Новый большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. [Kuznetsov S.A. (2000) *Novyi bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. (*A new large explanatory Russian dictionary*). Saint-Petersburg: Norint, 1536 p. (In Russ.)].
- Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. М.: Русский язык, 1981. 816 с. [Ozhegov S.I. (1981) *Slovar' russkogo yazyka*. (*Russian language dictionary*). Moscow: Russkii yazyk, 816 p. (In Russ.)].

- РАС — *Русский ассоциативный словарь*: В 2 т. / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: АСТ-Астрель, 2002. [RAS — *Russkii assotsiativnyi slovar' (Russian associative dictionary)*. In 2 vol. Moscow: AST-Astrel', 2002. (In Russ.)].
- Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. *Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь* / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М., 1990. [Felitsyna V.P., Prokhorov Yu.E. (1990) *Russkie frazeologizmy: Lingvostranovedcheskii slovar' (Russian Linguistics and country's study dictionary)*, Moscow. (In Russ.)].
- Философская энциклопедия. В 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1960—1970. Т. 1. [Filosofskaya entsiklopediya. (*An encyclopedia of philosophy*). In 5 volumes. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1960—1970. V. 1. (In Russ.)].
- Чернявская Т.Н. *Художественная культура СССР: Лингвострановедческий словарь*. М., 1984. [Chernyavskaya T.N. (1984) *Khudozhestvennaya kul'tura SSSR: Lingvostranovedcheskii slovar'*. (The artistic culture of the USSR: Linguistics and country's study dictionary), Moscow. (In Russ.)].
- Шохин В.К. *Ценность* // Новая философская энциклопедия, 2010. [Электронный ресурс]: <http://iph.ras.ru>. [Shohin V.K. (2010) *Cennost' (A value)* URL: <http://iph.ras.ru>].
- Дамбажав И. *Монголхэлнийтайлбартольбичиг*: В 2 т. Улаанбаатар: JKC PRINTING, 2002. [Dambajav I. (2002) *Mongolian language dictionary note*: In 2 Vol. UB: PRINTING JKC (In Mong.)].
- Collins The Times English Dictionary & Thesaurus. Glasgow, 2000. 1397 p.
- Cowie A.P. (1999) *English Dictionaries for Foreign Learners: a History*. Oxford.
- IOD — *Illustrated Oxford Dictionary* / Oxford University Press, 2000. 1008 p.
- Landau S.I. (1996) *Dictionaries. The Art and Craft of Lexicography*. Cambridge: University Press, 370 p.
- Segura J., Braun C.R. (2005) *An Eponymous Dictionary of Economics: A Guide To Laws And Theorems Named After Economists*. Cheltenham.
- Svensen B. (1993) *Practical Lexicography. Principles and Methods of Dictionary — Making*. Oxford.
- The New Encyclopedia Britannica / P.B. Norton. In 29 volumes. Chicago — Auckland — London — Madrid — Manila — Paris — Rome — Seol — Sydney — Tokyo — Toronto, 1993—1994.
- ODEE — *The Oxford Dictionary of English etymology* / Onions C.T., Friedrichsen G.W.S., Burchfield R.W. Oxford, 1996. 1040 p.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 ноября 2018

Дата принятия к печати: 19 декабря 2018

Article history:

Received: 10 November 2018

Revised: 08 December 2018

Accepted: 19 December 2018

Для цитирования:

Мамонтов А.С., Цэдэндоржийн Э., Богуславская В.В. Система ценностей в аспекте национально-ориентированной лексикографии (на примере русско-монгольских сопоставлений) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 1. С. 200—222. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-200-222.

For citation:

Mamontov, Aleksandr, Cjedjendorzhijn, Jenhtuja and Vera Boguslavskaya. (2019). A Value System through the Perspective of a Culturally-Oriented Lexicography. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 200—222. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-200-222.

Сведения об авторах:

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ МАМОНТОВ, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, руководитель научно-исследовательского проекта Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина «Обучение русскому языку как средству межкультурной коммуникации с учетом национальной культуры адресата». Действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), почетный работник высшего профессионального образования РФ, выпускник Университета дружбы народов. *Сфера научных интересов:* лингвокультурология, лингвострановедение, межкультурная коммуникации, лексикография, культурология.

Контактная информация: e-mail: as-mamontov2@yandex.ru

ЭНХТУЯА ЦЭДЭНДОРЖИЙН, доктор филологических наук, доцент, директор Института когнитивной лингвистики, Монголия, Улан-Батор. Выпускница аспирантуры и докторантуры Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. Участник научно исследовательского проекта Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина «Обучение русскому языку как средству межкультурной коммуникации с учетом национальной культуры адресата». *Сфера научных интересов:* лексикография, лингвострановедение, лингвокультурология, межкультурная коммуникация.

Контактная информация: e-mail: Tuyana116@gmail.com

ВЕРА ВАСИЛЬЕВНА БОГУСЛАВСКАЯ, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, руководитель программы магистратуры «Филологическое обеспечение СМИ» Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. Член Российского профессорского собрания. Автор многочисленных публикаций по проблемам коммуникации. *Сфера научных интересов:* лингвосоциокультурное моделирование текстов медиа, язык СМИ, лингвокультурология, лингвострановедение, РКИ, теория журналистики.

Контактная информация: e-mail: boguslavskaya@gmail.com

Bionotes:

ALEXANDER MAMONTOV, Ph.D. (Advanced Doctorate), Professor at the Department of Russian Literature and Intercultural Communication, Head of the research project: “Teaching the Russian language as a means of intercultural communication, taking into account the addressee’s national culture”, Pushkin State Russian Language Institute. Full member of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. Graduate of the Peoples’ Friendship University. *Research interests:* Linguoculturology, Linguistics, Intercultural Communication, Lexicography, Cultural Studies.

Contact information: e-mail: as-mamontov2@yandex.ru

JENHTUJA CJEDJENDORZHIJN, Ph.D. (Advanced Doctorate), Head of the Institute of Cognitive Linguistics, Ulaan Baatar, Mongolia. Graduate of the postgraduate and doctoral programs of Pushkin State Russian Language Institute. Participant of the Research project: “Teaching the Russian language as a means of intercultural communication, taking into account the addressee’s national culture” of Pushkin State Russian Language Institute. *Research interests:* Lexicography, Linguoculturology, Linguistics, Intercultural Communication, Russian as a Foreign Language.

Contact information: e-mail: Tuyana116@gmail.com

VERA BOGUSLAVSKAYA, Ph.D. (Advanced Doctorate), Professor at the Department of Russian Literature and Intercultural Communication, Director of the Master course “Language Support of Mass Media”, Pushkin State Russian Language Institute. Member of the Russian Professional Assembly. *Research interests:* Language of Mass-Media, Linguosociocultural modeling of media texts, Russian as a Foreign Language; Cultural, Socio-Psychological, Linguistic problems of the Contemporary Russian language, Theory of Journalism.

Contact information: e-mail: boguslavskaya@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4118-382X

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243

Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков

Н.Ю. Нелюбова¹, В.И. Хильтбруннер², В.И. Ершов³

¹Российский университет дружбы народов
Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, 10-2

²Венский экономический университет
Австрия 1020, Вена, Вельтхандельсплац 2

³Одинцовский филиал МГИМО МИД России
Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, 3

В статье рассматривается отражение основных ценностей русских и французов в пословицах — языковых единицах, наиболее ярко демонстрирующих национальные ценностные ориентиры. Исходя из того, что каждый народ имеет определенную совокупность иерархически организованных ценностей, которые частично перекликаются с ценностями в других культурах, но могут иметь свои особенности, актуальным представляется выявление как универсального, так и уникального — собственно национального, что позволяет не только выстроить иерархию ценностей того или иного народа, но и провести сопоставительный анализ различных лингвокультур в аксиологическом ключе. Для получения общего представления об отражении ценностей и их иерархии в пословицах нами было проведено исследование русского и французского лексикографического материала. Согласно нашей гипотезе тематические классификации — выделенные авторами словарей темы и их формулировка — позволяют прямо или косвенно выявить ценности того или иного народа, а количественный подсчет пословиц, приведенных в рамках каждой темы, может дать представление об иерархии ценностей: большее или меньшее количество пословиц на определенную тему свидетельствует о степени ее важности в сознании представителя соответствующего языка и культуры. В статье приведены предварительные данные исследования, выполненного на ограниченном материале с целью апробации избранной авторами методики. Картотека содержит более 2400 русских и французских пословиц, извлеченных из специальных лексикографических источников путем сплошной выборки. Акцент был сделан на французском практическом материале, а русский послужил фоном для сопоставительного анализа. Произведен подсчет количества пословиц в рамках каждой темы, представлены данные, позволяющие судить об общей картине иерархии ценностей (темы перечислены в порядке убывания количественного показателя), а также результаты сопоставительного анализа. Проведенное исследование подтвердило возможность выявления основных ценностей народа, построения их иерархии и определения ценностной доминанты на основе анализа пословичного фонда, в частности, названия рубрик тематической классификации, обозначенной в лексикографических источниках, и количества единиц в каждой теме. Полученные результаты позволяют уточнить представление о языковой картине мира русских и французов и могут найти применение в процессе лингвоаксиологического анализа различных языков.

Ключевые слова: *ценность, иерархия ценностей, антиценность, пословицы, картина мира, русский язык, французский язык*

The Reflection of the Hierarchy of Values in the Proverbial Fund of the Russian and French languages

Natalia Nelyubova¹, Victoria Hiltbrunner², Victor Ershov³

¹RUDN University

10-2 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

²Vienna University of Economics and Business

Welthandelsplatz 1, 1020 Vienna, Austria

³Moscow State Institute (University) of International Relations, Odintsovo branch

3 Sportivnaya str., Odintsovo, Moscow region, Russia

Abstract

The paper deals with the research focused on the reflection of Russian and French basic values in proverbs — language units that most clearly demonstrate the value systems. Based on the fact that each nation has a certain hierarchically organized set of values, which partially coincide with other cultures but can have their own characteristics, it is important to identify both their universal and culture-specific features. This will allow us not only to build the hierarchy of values of a certain nation but also to conduct a comparative analysis of different languages and cultures from an axiological perspective. To get a general idea of the reflection of values and their hierarchy in proverbs, we have conducted our research on the basis of Russian and French lexicographical material. According to our hypothesis, the thematic classification of proverbs in dictionaries and the corresponding category titles enable us to reveal directly or indirectly the values of a particular nation, and the quantitative correlation of proverbs within each theme can give us an idea of the hierarchy of values: a bigger or smaller number of proverbs on a certain topic indicates the degree of their importance in the consciousness of native speakers of a corresponding linguistic community. The paper presents the preliminary data of the research carried out on a limited material in order to test the methodology chosen by the authors. The research was based on the card index of 2400 Russian and French proverbs elicited from specialized lexicographic sources by means of continuous sampling. The emphasis was made on the French practical material, and the Russian material served as a background for comparative analysis. The paper presents the number of proverbs within each topic, the data giving a general picture of the hierarchy of values (the topics are listed in the descending order of the quantitative indicator). It also contains the results of the comparative analysis. The research has confirmed the possibility of identifying basic values, building their hierarchy and determining the dominant value based on the analysis of the proverbial bank, in particular, the headings of the thematic classification indicated in the lexicographical sources, and the number of units in each topic. The results make it possible to clarify the understanding of the Russian and French linguistic worldviews and can be used in the process of the linguistic and axiological analyses of different languages.

Keywords: *value, hierarchy of values, anti-value, proverbs, worldview, the Russian language, the French language*

1. ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентрическая направленность, характеризующая современную лингвистику, подразумевает исследование не только самих языковых процессов, но и их связи с мышлением и коммуникативной деятельностью человека, а это не представляется возможным в отрыве от изучения человеческой культуры и человеческой деятельности. Последние непосредственно связаны с оценкой, что позволяет говорить об аксиологизации менталитета общества, которая в свою очередь обуславливает аксиологизацию языка и речи.

Ценность, ключевой термин аксиологии, является одним из основных понятий, определяющих сущность человека, а «система ценностей является атрибутом человеческого сознания и определяет его деятельность» (Гибатова 2011: 127). Будучи комплексным феноменом, отражающим различные стороны сознания и деятельности человека, ценность может определяться с точки зрения различных наук, что позволяет говорить о необходимости применения междисциплинарного подхода, которому соответствует определение И.А. Стернина, рассматривающего ценности как «социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом, исследуемые каждым новым поколением... то, что как бы априори оценивается этническим коллективом как нечто..., что «хорошо» и «правильно», является образцом для подражания и воспитания» (Стернин 1996: 108). Вслед за Н.Ф. Алефиренко мы определяем понятие ценности не как материальные или духовные объекты, а как модусные (культурно значимые) отношения человека к окружающему миру, служащие ему ценностными ориентирами (Алефиренко 2002: 160).

Культура с начала XX в. стала пониматься как специфическая система ценностей и идей, т.е. как совокупность ценностей, создаваемых в обществе. Своеобразие систем ценностей является определяющим фактором различия культур; они выступают базовой категорией при формировании картины мира и концепта в лингвокультурологии. У каждого народа имеется определенная иерархически организованная совокупность ценностей, которые частично повторяются в других культурах, но в иной конфигурации. Одни ценности находятся ближе к идеалу, другие — дальше, в совокупности образуя иерархию ценностей. Совокупность ценностных доминант образует определенный тип культуры, сохраняемый языком (Маслова 2015: 24; 2010: 65—66). Ценности организуют культурное пространство и способствуют его постоянному репродуцированию (Иванова et al. 2010: 101). «Культурологическая компонента предполагает культурно-ценностную информацию, совмещенную с языковым значением и локализованную в единицах языковой системы» (Иванова 2002: 174).

В связи с вышесказанным актуальной представляется проблема сопоставительного анализа отражения ценностей разных народов в определенных языковых единицах, что подразумевает выявление как универсальных, так и культурно-специфических ценностных ориентиров и позволяет выстроить иерархию ценностей того или иного народа.

Анализ «лингвокультурологической эквивалентности во фразеологическом фонде в сопоставительном аспекте дает богатый материал для изучения культуры, менталитета, структуры языка разных народов с точки зрения универсального кодирования объективного мира», но в то же время интерес представляет «разработка вопроса национально-культурной специфики фразеоресурсов языка, которые рассматриваются как национально-специфические языковые единицы, представляющие культурный потенциал народа (В.Н. Телия, М.Л. Ковшова) и отражающие различия языков и культур» (Безкоровая et al. 2017: 7—8).

Пластом, отражающим ценности любого народа, являются поговорки: крылатые выражения, пословицы и поговорки, из которых «языковая личность выби-

рает... именно то, что соответствует устойчивым связям между понятиями в ее тезаурусе и выражают тем самым „вечные“, незыблемые для нее истины, в значительной степени отражающие, а значит и определяющие... ее жизненную доминанту» (Караулов 2004: 52—53).

Одним из дискуссионных в паремиологии является вопрос о «соотносимости когнитологической информации „по горизонтали“ и „по вертикали“, т.е. в общем паремиологическом значении пословицы и в концептах, заложенных в ее стержневых компонентах. Паремиологи давно уже занимаются и „вертикальным“ срезом паремиологического пространства. Проблема состоит в том, как соразмерить семантические доминанты „горизонтального“ и „вертикального“ срезов паремиологии. От этого зависит решение одного из кардинальных вопросов когнитологии — вопроса о квоте национального и интернационального в паремиологическом фонде каждого языка» (Мокиенко 2010: 14).

Кроме того, существует мнение, что, несмотря на бесспорную лингвокультурологическую значимость пословиц, часто в них отражаются наиболее древние и устаревшие представления об этническом характере и присутствуют архаические мотивы и образы. Представляя пласт языка древности, пословицы не являются отражением современных концептов культуры и состояния менталитета. В настоящее время на их место приходят такие единицы, как прецедентные фразы, рекламные слоганы, девизы, в которых в полной мере находит свое образное вербальное отражение современный национальный характер (Логина 2016: 35—36). Соглашаясь в целом с данным замечанием, мы, однако, считаем, что пословичный фонд, несмотря на архаичность лежащих в его основе образов и представлений, может помочь выявить картину в том числе современных национальных ценностных приоритетов (например, в антипословицах). Действительно, аккумулируя представления об искомом характере отношений, пословицы остаются одним из важнейших критериев оценки. В силу востребованности содержащихся в них ценностных ориентиров пословицы вовлекают новые поколения носителей языка в «строительство» межличностных отношений. Как отмечал Ю.М. Лотман, «культура определяет.., что следует помнить (хранить), а что подлежит забвению», поэтому дошедшие до наших дней пословицы и крылатые выражения не могут рассматриваться как «пассивные хранилища константной информации, поскольку являются не складами, а генераторами» (Лотман 1992: 201—202). К тому же важным фактором является относительная стабильность ценностей в сознании носителей того или иного языка и культуры. Ведь ценности «устойчивы и подвижны одновременно.., относительность (изменчивость и подвижность ценностей) обусловлена не столько объективными свойствами предметов, сколько именно гибкостью, подвижностью, изменчивостью индивидуальных и общественных потребностей. Из-за этого при известных условиях предмет способен из ценности превратиться в неценность или антиценность» (Маслова 2010: 67), а важным свойством пословиц является амбивалентность — двойственность, выражающаяся в том, что один и тот же объект вызывает у человека одновременно два противоположных чувства. Амбивалентность коренится в неоднознач-

ном отношении человека к окружающему миру, в противоречивости системы ценностей. Данная дефиниция подчеркивает связь пословиц с системой ценностей (Байрамова 2014: 10).

Представляется, что достоверным с точки зрения отражения ценностей в пословицах является анализ лексикографического материала. Согласно нашей гипотезе тематическая классификация, в соответствии с которой составители словарей выделяют рубрики, позволяет выявить ценности того или иного народа в определенный период (в том числе и современный), а количественный подсчет пословиц в каждой рубрике может дать представление об иерархии ценностей. Это связано с тем, что выбор тем и соответствующих пословиц, осуществляемый авторами — нашими современниками, не может не учитывать нынешние нравственные приоритеты, социально-политические взгляды своего народа.

Целью данной статьи является апробация избранной авторами методики для определения особенностей приоритизации ценностных установок в описываемых лингвокультурах и установления иерархии ценностей в русской и французской пословичных картинах мира на основе изучения лексикографического материала. Пословицы были нами изучены с точки зрения анализа тем, послуживших основой их классификации в словарях (Фелицына, Прохоров 1979, Montreynaud, Pierron 2010), в ракурсе отражения в них ценностных представлений русских и французов.

Материалом послужили около 2400 единиц (русских — 266 и французских — 2141), проанализированных с помощью индуктивно-дедуктивного, описательного, количественного, сопоставительного методов и с использованием приема сплошной выборки.

Проведенное нами исследование включало следующие этапы:

- изучение тематики основных рубрик, которые прямо или косвенно являются отражением основных ценностей;
- подсчет количества пословиц в рамках каждой темы, которое прямо пропорционально важности темы (потенциальной ценности или антиценности);
- расположение тем в порядке убывания количества пословиц для представления общей картины иерархии ценностей.

2. ОТРАЖЕНИЕ ОСНОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ПОСЛОВИЧНОМ ФОНДЕ

Проблема представления ценностей ряда этносов в пословичном фонде соответствующих языков и изучение их с различных точек зрения получили широкое отражение в трудах российских и зарубежных лингвистов. Основные ценности и антиценности, закодированные в сознании и культуре разных социумов, могут быть отражены, по мнению Л.К. Байрамовой, в 10 диадах: 1. *Жизнь — Смерть*. 2. *Здоровье — Болезнь*. 3. *Счастье — Несчастье*. 4. *Родина — Чужбина*. 5. *Труд — Отдых*. 6. *Богатство — Бедность*. 7. *Ум — Глупость*. 8. *Правда — Ложь*. 9. *Смех — Плач*. 10. *Рай — Ад* [Байрамова et al. 2014: 10; Байрамова 2014: 10].

Выявляя традиционные ценностные ориентиры русской языковой личности, исследователи приводят их классификации, основанные на различных принципах.

В частности, проведенный Л.Б. Кацюба эксперимент-тестирование, в ходе которого носителям русского языка было предложено определить наиболее важные темы, отраженные в пословицах, позволил составить тематико-идеографическую классификацию русских паремий, детерминированную лингвокультурным сознанием современных носителей языка. Эксперимент позволил заключить, что идея отношения русского человека к духовно-нравственным ценностям, реализованная в паремиях, находит свое активное отражение в современном языковом сознании. Выбирая концептосферы нравственного цикла в качестве важных тем, носители языка подтверждают их панхроничность и актуальность, культурно-историческую значимость и ценность (Кацюба 2013: 278, 280).

Подробное описание и анализ ценностных предпочтений русской языковой личности представлены в трудах Т.Е. Владимировой. Обращаясь к работам Г.П. Федотова, она выделяет: **натуралистически-родовой** пласт пословиц, восходящих к языческим верованиям: *Ты, Небо-отец, ты, Земля-мать; В гостях хорошо, а дома лучше*; **карикативный** пласт, в котором получили отражение ценностные представления, утвердившиеся в основном после крещения Руси: значимость семьи и добрых взаимоотношений (*Где лад, там и клад*); ценность сердечности в общении (*Нет ценности супротив любви*); переживания, свойственные влюбленным (*С милым рай и в шалаше и др.*) и пласт **ритуалистический**. В него входят пословицы, в которых выражается сила веры в Бога: *Тот не унывает, кто на Бога уповаает; Господня воля — наша доля* и др.

Приведенная классификация выявляет связь ценностных представлений с верованиями, религией, что вполне объяснимо, т.к. именно с верой человека связан тот нравственный закон, который служит одним из важных ориентиров, в частности, русского коммуникативного поведения.

Значительная доля русских пословиц, отражающих ведущие ценности, возникла на основе библейских изречений. Причем воспринимаются они нередко как исконно русские и касаются: **чувства глубинной взаимосвязи человека с Богом**: *Кто рано встает, тому Бог подает* (Притч. 20.13); *Дайте и дастся вам* (Лк. 6.38); **любви, дружбы, добрососедства**: *Люби ближнего как себя* (Мк. 12.29—31); *Чти отца твоего и мать твою* (Исх. 20.12); и **нравственных отношений с другими**: *Что посеешь, то и пожнешь* (Гал. 6.7); *Как аукнется, так и откликнется* (Лк. 6.38); **отношения к слову**: *Слово лечит, слово и калечит* (Притч. 12.18); *Уговор дороже денег* (Сир. 29.3). Необходимо отметить особую важность последней ценности в настоящее время, когда невозможно отрицать наличие различных форм экстремизма и их проявление в языке, в частности, в виртуальном пространстве — в текстах, содержащих различные признаки религиозного и национального экстремизма, в связи с чем важной задачей является определение тактик и стратегий перевода подобных иноязычных текстов на русский язык. Оптимальной в данном случае представляется концепция «нейтрализации» (Борисова et al. 2018: 448, 450).

Таким образом, можно отметить долговременную православную доминанту смысложизненных ценностей русских, с одной стороны, гармонизирующих бытие, а, с другой, — задающих его экзистенциальную напряженность (Владимирова 2018: 76). В то же время евангельские заповеди в пословицах могут сочетаться

с языческими (*гром не грянет, мужик не перекрестится*), а евангельский смысл пословицы впоследствии может подвергаться переакцентуации (см. Введение о ценностях и антиценностях). Например, стоит отметить правомерность следования собственной выгоде в отношениях с другими и даже агрессивность (*Своя рубашка ближе к телу; С волками жить — по-волчьи выть*).

Для ряда пословиц характерна явная ирония (*Любовь зла, полюбишь и козла; Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет* и др.). Подобные пословицы не требуют от адресата определенных действий, а вводятся в общий контекст, чтобы вызвать определенную психологическую реакцию собеседника. Данная тенденция отражена и при возникновении новых пословиц — современных вариантов и трансформов известных русских пословиц, метких остроумных выражений и крылатых фраз, вошедших в обиход в последнее время — антипословиц: *Век живи, век учись, / а дураком умрешь; Тише едешь, дальше будешь / от места, куда едешь; С милым и рай в шалаше, / если милый атташе* (Владимирова 2018: 79; Вальтер et al. 2006).

На ценностные приоритеты русских оказал влияние период строительства социалистического общества, «экзистенциальную напряженность» которого подчеркивает Т.Е. Владимирова, иллюстрируя языковую ситуацию тех лет данными «Частотного словаря русского языка» 1977 года, что позволяет говорить о разрыве между идеологизированным общественным сознанием и личностным самосознанием носителей русского языка. «Существование подобного несоответствия неизбежно порождало дискомфортное состояние внутреннего мира человека, свидетельствуя об острой экзистенциальной тревожности мироощущения и личностного бытия» (Владимирова 2018: 82).

В целом, соглашаясь с выводами автора, выскажем лишь некоторые сомнения относительно того, насколько речь может идти о внутреннем конфликте, имевшем место только в советский период. Выше мы также обращали внимание на значительный приоритет для носителей русского языка и культуры коллективного начала и практически полное отсутствие интереса к личности отдельного человека, явный приоритет (может быть даже носящий характер «перекоса») духовного начала перед материальным, от чего, по всей видимости, и возникал тот самый душевный дискомфорт и, как следствие, ироничность и переосмысление значения некоторых пословиц и ценностей в них.

Бесспорным является тот факт, что в русском национальном, культурном и языковом сознании на протяжении длительного исторического периода отсутствовало понятие индивидуальности по отношению к человеку.

Сравнивая различные типы культур, С.Г. Тер-Минасова отмечает повышенный интерес ряда европейских коллективов к отдельной личности или предмету, ссылаясь при этом на наличие артикля, которого нет в русском языке. Эта же тенденция нашла отражение в написании личного местоимения «I» с большой буквы в английском языке, что контрастирует с русской традицией скромности, не одобряющей привлечение внимания к самому себе» (Тер-Минасова, 2004: 274—275). В подтверждение можно сослаться на русские слова с отрицательной коннотацией: *якать, ячество, якалка* (Владимирова 2018: 76).

В рамках изучения национальной (этнической) идентичности и, в частности, говоря о существовании двух типов культур: индивидуалистической и коллективистской, Т.В. Ларина предлагает термины: я-ориентированная и мы-ориентированная. К первому типу относятся представители англоязычных культур, ко второму — славянских, в том числе русской, причем, несмотря на серьезные общественные преобразования последних десятилетий, у русских преобладает именно мы-ориентированность (Larina et al. 2017: 110). Необходимо отметить, что Я-ориентированность характерна не только для представителей англоязычных, но и в целом западноевропейских культур.

Многие исследователи говорят о значимости коллективного начала как важного смысложизненного принципа русских, о коллективизме, особой форме соборности (Владимирова 2018: 77). В целом «коллективизм—индивидуализм» является одним из важнейших критериев описания и сопоставления различных типов культур. Речь идет о степени зависимости поведения индивида от остальных людей, его соотнесенности с группой, коллективом, о приоритете интересов индивида или группы. В данном случае индивидуализм и коллективизм являются крайними проявлениями, находящимися на противоположных концах шкалы. Ближе всего к крайнему индивидуализму расположены «англоговорящие», или англосаксонские культуры. У другой крайней точки находятся культуры некоторых латиноамериканских, африканских и азиатских стран.

Русскую культуру традиционно относят к коллективистскому типу, что не должно быть связано исключительно с советским периодом: она сформировалась задолго до революции 1917 года. В постсоветский период, в особенности у представителей молодого поколения, отмечается ярко выраженная тенденция к индивидуализму. Тем не менее отмечается, что в настоящее время коллективные интересы все-таки превалируют над личностными. По наблюдениям исследователей, по результатам опросов и интервью, Россия по данному критерию находится примерно посередине шкалы.

Характерное для русских желание делать что-либо *за компанию* часто воспринимается представителями индивидуалистских культур как отсутствие инициативы. Исследователи констатируют более частотное употребление русскими местоимения *мы*, а не *я*; важность такой ценности, как общение (Larina 2017: 14—15). Таковы основные особенности, отличающие русскую культуру и ментальность от западной, в частности английской.

Рассуждая о современных ценностных представлениях русских и отражении их в пословицах, Т.Е. Владимирова приводит, опираясь на опыт предыдущих исследований, в частности, К.А. Абульхановой (Абульханова 1997), ведущие концепты, которые можно назвать и ведущими ценностями. Это **совесть** как фундаментальная ценность: *Глаза — мера, душа — вера, совесть — порука; преобладание нравственного сознания над правовыми представлениями* и недоверие к правовой системе в целом: *Чего в другом не любишь, того и сам не делай; Закон, что дышло, куда хочешь, туда и вышло; правда: Все меняется, одна правда остается; Кто правдой живет, тот добро наживет.*

Очень важную характеристику российского менталитета составляет по-прежнему концепт «вера». В разные периоды это могла быть вера в Христа, в царя, в коммунизм и социальную справедливость (Владимирова 2018: 85).

Важную ценность для русского человека представляет **терпение**. Это и житейская мудрость, и христианская ценность: *На всякое хотенье есть терпенье; Терпение и труд все перетрут*.

Несмотря на вышеперечисленные особенности, выявляется также и стремление к **самостоятельности**, проявляющееся в **смелости**, **решительности**: *Смелость города берет; Либо пан, либо пропал; Лиха беда начало*.

К числу важных относятся также **милосердие**, **честь**, **честность**, **сострадание**, **душевность**, **мораль**, **прощение**, **добро** и др. (Владимирова 2018: 87).

В результате обзора трудов различных ученых о становлении ценностных ориентиров представителей русской культуры и отражении их в пословицах можно сделать вывод об их относительной стабильности в языковом сознании носителей русского языка независимо от исторического этапа развития страны. Вера (объект которой зависит от конкретного периода истории), соборность, коллективизм, отсутствие индивидуализма, большая нацеленность на связь человека с Богом и другими людьми и любовь к ним, нежели важность конкретной человеческой личности; совесть, правда, духовность, терпение всегда занимали важное место в иерархии ценностей россиян. Важной особенностью является недоверие в целом к правовой системе. Достаточно активно проявляется стремление к самостоятельности. Смелость и решительность рассматриваются россиянами как ценные и положительные качества.

Ценности носителей французской культуры и их анализ на примере конкретных языковых единиц, в том числе пословиц, также нашли отражение в трудах ряда исследователей. Основываясь на данных опроса, проведенного в 1999 году, П. Брешон (Bréchon 2000) отмечает, что для современных французов в первую очередь важна **семья**, которая имеет бесспорный приоритет перед **работой**, затем следуют **друзья**, **досуг** и в самом конце располагаются **политика** и **религия**.

Отмечаются изменения в восприятии семейных ценностей. Более важное значение придается чувствам и отношениям, чем семье как институту. Отмечается тенденция к **индивидуализации** в семье, которую не следует путать с индивидуализмом (= эгоизмом). Речь идет о персонализации ценностей и принципов внутри семьи, при этом каждый создает и «испытывает» их в своем ближайшем окружении.

Французскими исследователями отмечается интересный факт: французы в возрасте от 18 до 50—60 лет характеризуются относительной общностью системы ценностей, которую можно определить тем же понятием — индивидуализация, которое в данном контексте подразумевает, что каждый человек свободен в выборе основных жизненных ориентиров. Подобной ситуации не наблюдалось еще 30—40 лет назад, когда разница в ценностных ориентирах молодежи и более старших поколений была существенной (Gallard et al. 2014: 259).

Существует ряд исследований, посвященных отдельным концептам на материале французского языка, в том числе в сопоставительном аспекте: французская

национальная личность, дружба и вражда, добро и зло, обладание, вино, женщина, любовь, маскулинность, семья, время, атмосферные явления, гастрономия и гурманство, внутренние органы человека, возраст, эмоциональное состояние человека, гостеприимство, честь, волшебство, путешествие и др. Указанные темы позволяют проследить ценностные ориентиры французов.

Французские лингвисты также подчеркивают связь пословиц с национальными ценностями. В частности, в предисловии к словарю французских пословиц и поговорок, где подробно описаны этапы становления французского пословичного фонда, указано, что пословицы всегда дают совет или приказывают, отражают суждения или логику поступков, то есть непосредственно связаны с системой ценностей, преобладающих в обществе (Montreupaud et al. 2010: XII). Как и русские пословицы, они часто носят ироничный характер, в чем, скорее всего, выражается протест против консервативности, присущей пословицам в целом. Французские пословицы отражают столкновение ценностей разных социальных слоев, деревенских или буржуазных, отмечается, что французские пословицы неизлечимо буржуазны (*incurablement bourgeois*) в самом широком смысле этого слова, они чаще выражают мнение мужчины, главы семьи и порой пронизаны женоненавистничеством; носят характер скорее светский, нежели религиозный (Там же).

Приведенный в данном разделе обзор трудов российских и французских ученых о ценностных приоритетах представителей русской и французской культур, в том числе на материале пословиц, подтверждает актуальность изучаемой нами проблематики, к тому же работ, в которых рассматривалась бы иерархия ценностных представлений русских и французов с точки зрения их отражения в лингвистическом материале, нами обнаружено не было.

3. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

В качестве источника материала исследования русских пословиц был выбран «Лингвострановедческий словарь русских пословиц, поговорок и крылатых выражений» 1979 года, что объясняется не только наличием в нем тематической классификации (Фелицына, Прохоров 1979: 110—124), но и возможностью проиллюстрировать относительную стабильность ценностей русских, на общую направленность которых, по нашему предположению, не смогли радикально повлиять даже события и идеология советского периода.

Приведенную классификацию тем считаем достаточной и оптимальной для проведения нашего исследования на данном этапе и представленного в рамках настоящей статьи, поскольку в разделе 2 нами был дан достаточно подробный обзор источников, в которых различными исследователями ранее были выявлены основные ценности русских. Практический материал в количестве 266 единиц нам представляется достаточно иллюстративным фоном для проведения сопоставительного анализа с материалом французских пословиц, на котором был сделан акцент в данной статье. Кроме того, именно в кратком словаре обязательно должны быть представлены все самые важные темы для носителя определенной

культуры, в данном случае русской, что позволит получить предварительную картину иерархии ценностей, которая в дальнейшем будет верифицироваться и дополняться данными аналогичного анализа на материале более объемных словарей.

Авторами исследуемого нами словаря русских пословиц выделено 83 рубрики (темы), в каждой рубрике представлено от 1 до 12 единиц. Названия рубрик позволяют прямо или косвенно выявить основные ценности и антиценности носителей русской культуры. Для наглядности приведем наш материал с примерами в виде таблицы 1.

Таблица 1

Тематика русских пословиц: количественные показатели

№	Название темы рубрики	Примеры	Количество пословиц
1.	Активность, инициатива	<i>Куй железо, пока горячо.</i>	4
2.	Беда, горе, несчастье	<i>Беда не приходит одна.</i>	4
3.	Бедность, недостаток в чем-либо	<i>Бедность не порок.</i>	4
4.	Беспечность, бездействие	<i>На охоту ехать — собак кормить.</i>	2
5.	Бережливость	<i>Копейка рубль бережет.</i>	1
6.	Болтливость	<i>Мели, Емеля, твоя неделя.</i>	5
7.	Боль, огорчение	<i>У кого что болит, тот о том и говорит.</i>	5
8.	Взаимопомощь, товарищество	<i>В тесноте, да не в обиде.</i>	6
9.	Видимость и сущность	<i>В тихом омуте черти водятся.</i>	5
10.	Виновность, расплата	<i>Быть бычку на веревочке.</i>	7
11.	Выгода	<i>Овчинка выделки не стоит.</i>	3
12.	Глупость	<i>Дуракам закон не писан.</i>	3
13.	Гостеприимство, хлебосольство	<i>Чем богаты, тем и рады.</i>	5
14.	Долг, ответственность	<i>Дружба дружбой, а служба службой.</i>	4
15.	Дом, родина	<i>В гостях хорошо, а дома лучше.</i>	3
16.	Досада	<i>(И) смех, и грех.</i>	1
17.	Дружба	<i>Старый друг лучше новых двух.</i>	6
18.	Жадность	<i>Как собака на сене.</i>	2
19.	Желание	<i>(И) хочется и колется.</i>	2
20.	Жизненные трудности	<i>Жизнь прожить — не поле перейти.</i>	5
21.	Запасливость	<i>Готовь сани летом, а телегу зимой.</i>	2
22.	Избыток, излишество	<i>Кашу маслом не испортишь.</i>	3
23.	Изобретательность	<i>Голь на выдумки хитра.</i>	1
24.	Индивидуальность, своеобразие	<i>В семье не без урода.</i>	4
25.	Коллектив, общество	<i>На миру и смерть красна.</i>	3
26.	Компромисс	<i>И волки сыты, и овцы целы.</i>	1
27.	Красота	<i>Коса — девичья краса.</i>	1
28.	Лень	<i>По лежачий камень (и) вода не течет.</i>	1
29.	Любовь	<i>Для милого дружка и сережка из ушка.</i>	8
30.	Любопытство	<i>Много будешь знать, скоро состаришься.</i>	1
31.	Молодость, неопытность	<i>Молодо — зелено. Яйца курицу не учат.</i>	2
32.	Надежда, ожидание	<i>Будет и на нашей улице праздник.</i>	8
33.	Начало и конец	<i>Все хорошо, что хорошо кончается.</i>	5
34.	Неблагодарность	<i>Как волка ни корми, он все в лес смотрит.</i>	1
35.	Недостижимое, несбыточное	<i>Близок локоть, да не укусишь.</i>	5
36.	Незнание	<i>Слышал звон, да не знает, где он.</i>	2
37.	Неожиданная неприятность	<i>Без меня меня женили.</i>	9

Окончание таблицы 1

№	Название темы рубрики	Примеры	Количество пословиц
38.	Неожиданность	<i>Не знаешь, где найдешь, где потеряешь.</i>	1
39.	Непонимание	<i>Сытый голодного не разумеет.</i>	1
40.	Непоследовательность	<i>В огороде бузина, а в Киеве дядька.</i>	2
41.	Неторопливость, медлительность	<i>Москва не сразу строилась.</i>	3
42.	Обещание	<i>Обещанного три года ждут.</i>	1
43.	Одаренность, способности	<i>Большому кораблю — большое плавание.</i>	2
44.	Одинаковость, подобие	<i>Хрен редьки не слаще.</i>	2
45.	Одиночество	<i>Один в поле не воин.</i>	1
46.	Оплошность, ошибка	<i>И на старуху бывает проруха.</i>	2
47.	Опоздание, запоздалость	<i>Перед смертью не надышишься.</i>	4
48.	Опытность, мастерство	<i>Дело мастера боится.</i>	7
49.	Осторожность	<i>Береженого бог бережет.</i>	4
50.	Повторяемость	<i>Сказка про белого бычка.</i>	1
51.	Подарки	<i>Не дорог подарок, дорога любовь.</i>	2
52.	Потеря	<i>Что с возу упало, то пропало.</i>	1
53.	Правда	<i>Шила в мешке не утаишь.</i>	6
54.	Приветствия, пожелания	<i>Совет да любовь.</i>	3
55.	Причина и следствие	<i>Как аукнется, так и откликнется.</i>	7
56.	Равнодушие, безответственность	<i>У семи нянек дитя без глаза.</i>	2
57.	Решительность	<i>Сказано — сделано.</i>	2
58.	Риск, рискованность	<i>Риск — благородное дело.</i>	6
59.	Самостоятельность, свобода	<i>Вольному воля (спасенному рай).</i>	1
60.	Свое и чужое	<i>Своя ноша не тянет.</i>	5
61.	Своевременность	<i>Дорога ложка к обеду. Всему свое время.</i>	3
62.	Слухи, молва	<i>Нет дыму без огня.</i>	4
63.	Смелость	<i>Смелость города берет.</i>	2
64.	Снисходительность, доброта	<i>Кто старое помянет, тому глаз вон.</i>	3
65.	Совет, предостережение	<i>От добра добра не ищут.</i>	12
66.	Сомнение, неуверенность	<i>Поживем — увидим.</i>	3
67.	Старость	<i>Старость не радость.</i>	1
68.	Судьба	<i>Чему быть, тому не миновать.</i>	1
69.	Существенное и мелочи	<i>Не всякое лыко в строку.</i>	2
70.	Сходство	<i>Рыбак рыбака видит издалека.</i>	5
71.	Счастье, радость	<i>Нет худа без добра.</i>	5
72.	Терпение	<i>Терпенье и труд все перетрут.</i>	3
73.	Труд, трудолюбие	<i>Дела идут, контора пишет.</i>	5
74.	Трусость, страх	<i>Волков бояться — в лес не ходить.</i>	3
75.	Тяжелое положение	<i>Куда ни кинь, все клин.</i>	1
76.	Удача	<i>На ловца и зверь бежит.</i>	2
77.	Ум	<i>Ум хорошо, а два лучше.</i>	1
78.	Умеренность	<i>Хорошенького понемножку.</i>	1
79.	Упрямство	<i>Горбатого могила исправит.</i>	2
80.	Утешение	<i>До свадьбы заживет.</i>	3
81.	Учение, знания	<i>Век живи, век учишь.</i>	2
82.	Ценность, незаменимость	<i>Свято место пусто не бывает.</i>	2
83.	Честь	<i>Уговор дороже денег.</i>	5
ИТОГ			266

Далее, следуя намеченным во Введении этапам исследования, мы расположили названия всех разделов в порядке убывания количества пословиц. Наличие в рамках каждой темы большего или меньшего количества пословиц свидетельствует, на наш взгляд, о степени их ценности для представителя русской культуры. Цель данного этапа — показать иерархию ценностей. Полученные данные представлены в таблице 2. Для большей наглядности и упрощения сопоставительного анализа количество пословиц по каждой теме приведено и в процентах от общего числа единиц.

Таблица 2

Тематика русских пословиц в процентном соотношении

Количество пословиц	Названия тем
12 — 4,5%	Совет, предостережение
9 — 3,4%	Неожиданная неприятность
8 — 3%	Любовь; надежда, ожидание
7 — 2,6%	Виновность, расплата; причина и следствие; опытность, мастерство
6 — 2,3%	Взаимопомощь; товарищество; дружба; правда; риск, рискованность
5 — 1,9%	Болтливость, видимость и сущность; гостеприимство, хлебосольство; жизненные трудности; начало и конец; недостижимое, несбыточное; свое и чужое; сходство; счастье, радость; труд, трудолюбие; честь
4 — 1,5%	Активность, инициатива; беда, горе, несчастье; бедность, недостаток; долг, ответственность; индивидуальность, своеобразие; опоздание, запоздалость; осторожность, предусмотрительность; слухи, молва
3 — 1,1%	Выгода; глупость; дом, родина; избыток, излишество; коллектив, общество; нетерпимость, медлительность; приветствия, пожелания; своевременность; снисходительность, доброта; сомнение, неуверенность; терпение; утешение
2 — 0,8%	Жадность; заискивание; молодость, неопытность; незнание; непоследовательность, нелогичность; одаренность; бездействие, беспечность; подарки; равнодушие, безответственность; решительность, активность; смелость; существенное и мелочи; удача; упрямство; учение, знание; ценность, незаменимость
1 — 0,4%	Бережливость; боль, огорчение; изобретательность; компромисс; конец; красота; лень; любопытство; неблагодарность; неожиданность; непонимание; обещание; одиночество; потеря; самостоятельность, свобода; старость; судьба; ум

Кроме того, авторами словаря представлено еще несколько рубрик, также дающих косвенное представление о ценностных представлениях носителей русской культуры. Это пословицы и поговорки, в которых получили отражение: **быт и обычаи** русского народа (47): *Цыплят по осени считают; Щи да каша — пища наша* и др.; **история страны** (9): *Язык до Киева доведет; Вот тебе, бабушка, и Юрьев День* и др.; названия **животных, птиц и рыб** (30): *Бодливой корове бог рог не дает; Знает кошка, чье мясо съела; Не было у бабы забот, купила баба поросенка; На безрыбье и рак рыба* и др.; названия **чисел** (13): *обещанного три года ждут; Семь раз примерь (отмерь), один раз отрежь* и др.

Данный материал не показывает кардинальных изменений ценностных предпочтений. Даже в самих формулировках тем (рубрик) сразу выявляется и под-

тверждается указываемое многими исследователями **предпочтение** русскими **духовных ценностей** материальным. На такие рубрики, как **выгода**, **запасливость** и даже **подарки**, приходится наименьшее количество пословиц. **Совесть** действительно выступает как одна из фундаментальных ценностей, что находит подтверждение в рубриках **совет**, **предостережение**, **виновность и расплата**, **причина и следствие**, с которыми, возможно, косвенно связаны и темы **неприятностей**, **беды**, **жизненных трудностей**. Все это может ожидать человека, у которого «молчит» голос совести, а жизненные невзгоды принимаются с присущей русскому человеку стойкостью.

Приоритет коллективного перед личным также нашел подтверждение в нашем материале. Хотя на тему **коллектив**, **общество**, **родина** и даже **дом** авторы словаря привели в качестве иллюстрации всего по 3 пословицы, обращенность не к своей индивидуальности, а к другим людям, к духу общинности представлена в темах **взаимопомощи**, **товарищества**, **гостеприимства**, **хлебосольства** (с которыми в первую очередь ассоциируется **дом**, где очень важны **быт** и **обычаи**, даже в большей степени, чем стены). А две из четырех пословиц рубрики **индивидуальность**, **своеобразие** имеют отрицательный смысл (*В семье не без урода* и *Всяк по-своему с ума сходит*).

Важными для русских являются такие ценности, как **любовь и дружба**. Нашло подтверждение также и стремление русского человека к **самостоятельности** (рубрики **смелость**, **решительность**, **активность**, **риск**, **рискованность**), **правде**. Основываясь на данном материале, можно говорить о таких ценностях, как **мастерство** и **опытность**. Такой рубрики, как **Бог** или **вера**, в словаре нет, что объясняется его годом выпуска и соответствующим ему периодом безбожия. Со словом *Бог* зафиксировано всего несколько пословиц, которые скорее подчеркивают роль в судьбе человека его самого, а не Бога (*Береженого Бог бережет; на Бога надейся, а сам не плошай*), однако прочие выявленные ценности косвенно свидетельствуют о том, что в русском человеке вера и некий страх наказания Божьего сохранялся даже в социалистическую эпоху.

Таким образом, полученные нами и приведенные выше результаты, как и предполагалось, позволяют сделать выводы о ценностях и антиценностях русских и приблизительно представить их иерархию.

Лексикографическим источником французского материала послужил словарь пословиц и поговорок под редакцией Монрено, Пьеррона и Сюззони [Montreynaud, Pierron, Suzzoni 2010], в котором содержится необходимая для нашего анализа тематическая классификация пословиц. Авторами словаря выделена 21 тема (раздел), в рамках каждой из которых представлены подразделы. В таблице 3 помещены данные о темах и количестве пословиц по каждой теме аналогично тому, как это было сделано применительно к русскому материалу (см. табл. 1). Поскольку целью настоящей статьи является получение и представление наиболее общих данных, анализ количества пословиц в подразделах каждой темы мы не производили.

Тематика французских пословиц: количественные показатели

№	Название темы рубрики	Примеры	Количество пословиц
1.	La nature (природа)	<i>Le soleil luit pour tout le monde.</i>	110
2.	Le bestiaire (животный мир)	<i>Il faut hurler avec les loups.</i>	151
3.	Le travail de la terre (земледелие)	<i>Il faut semer qui veut moissonner.</i>	93
4.	Les animaux domestiques (домашние животные)	<i>Il ne faut pas acheter chat en poche.</i>	237
5.	L'homme: le corps, les actes, la vie (человек: тело, поступки, жизнь)	<i>D'un petit homme souvent grand ombre.</i>	214
6.	La vie domestique (домашняя жизнь)	<i>Maison sans flamme, corps sans âme.</i>	116
7.	La nourriture, la table (еда, стол)	<i>On ne vieillit point à table.</i>	99
8.	Les objets usuels (предметы быта)	<i>Un clou chasse l'autre.</i>	83
9.	Le drap et l'habit (белье и одежда)	<i>La peau est plus proche que la chemise.</i>	42
10.	Relations humaines (человеческие взаимоотношения)	<i>Les amis de nos amis sont nos amis.</i>	99
11.	Les échanges et les biens (обмен, торговля и блага)	<i>L'argent ne pousse pas sur les arbres.</i>	189
12.	Métiers et monde du travail (ремесла и труд)	<i>Apprenti n'est pas maître.</i>	47
13.	La communication (общение)	<i>En demandant on va à Rome.</i>	92
14.	Logique des actions (логика поступков)	<i>Il n'est jamais trop tard pour bien faire.</i>	96
15.	Conditions et milieux sociaux (социальные условия и слои)	<i>Noblesse oblige.</i>	105
16.	Voyages (путешествия)	<i>Les voyages forment la jeunesse.</i>	57
17.	Le droit et la justice (право и правосудие)	<i>La justice est comme la cuisine, il ne faut pas la voir de trop près.</i>	62
18.	La guerre et les armes (война и оружие)	<i>À la guerre comme à la guerre.</i>	49
19.	La religion (религия)	<i>L'homme propose et Dieu dispose.</i>	111
20.	Morale et vision du monde (мораль и миропонимание)	<i>Pour vivre heureux vivons cachés.</i>	66
21.	Activités intellectuelles (умственная деятельность)	<i>Autant de têtes autant d'avis.</i>	23
ИТОГ			2 141

Как и в русском материале, названия и выбор авторами словаря тем либо прямо, либо косвенно отражают этнокультурные ценности представителей французской культуры. Данные, приведенные ниже в таблице 4 (построенной по аналогии с таблицей 2), позволяют сделать наиболее общие выводы об иерархии ценностей французов на материале пословиц.

Таблица 4

Тематика французских пословиц в процентном соотношении

Количество пословиц	Названия тем
237 — 11%	Les animaux domestiques (домашние животные)
214 — 10%	L'homme: le corps, les actes, la vie (человек: тело, поступки, жизнь)
189 — 8,8%	Les échanges et les biens (обмен и блага)
151 — 7%	Le bestiaire (животный мир)
116 — 5,4%	La vie domestique (домашняя жизнь)
111 — 5,2%	La religion (религия)
110 — 5,1%	La nature (природа)
105 — 4,9%	Conditions et milieux sociaux (социальные условия и слои)
99 — 4,6%	Les relations humaines (человеческие взаимоотношения); la nourriture, la table (еда, стол)
96 — 4,5%	La logique des actions (логика поступков)
93 — 4,3%	Le travail de la terre (земледелие)
92 — 4,3%	La communication (общение)
83 — 3,9%	Les objets usuels (предметы быта)
66 — 3,1%	Morale et vision du monde (мораль и миропонимание)
62 — 2,9%	Le droit et la justice (право и правосудие)
57 — 2,7%	Les voyages (путешествия)
49 — 2,3%	La guerre et les armes (война и оружие)
47 — 2,2%	Les métiers et le monde du travail (ремесла и труд)
42 — 2%	Le drap et l'habit (белье и одежда)
23 — 1,1%	Activités intellectuelles (умственная деятельность)

Собранный нами и представленный выше материал показал, что самое большое количество пословиц приведено по следующим темам (в порядке убывания количества пословиц внутри каждой темы): домашние животные (237), человек (214), обмен и блага (189), животный мир (151), домашняя жизнь (быт) (116), религия (111), природа (110), социальные условия и слои (105), еда и стол (99), человеческие взаимоотношения (99), логика поступков (96), земледелие (93), общение (92). Остальные темы представлены в сравнительно небольшом количестве (83 и менее).

Полученные результаты позволили прийти к следующим выводам.

Как было отмечено выше, исходя из данных, приведенных различными исследователями, что подтвердил также анализ нашего материала, представители западных культур, к которым относятся и французы, сконцентрированы в большей степени на **индивидуальности** человека, в отличие от русских, для которых исключительно важно коллективное начало, и практически нет речи о человеке как личности, индивидуальности. Основную ценность для французов представляет сам **человек** (выделенная тема в словаре): его тело, поступки, здоровье, болезни и в целом состояние, различные возрастные периоды. Объясним и тот факт, что самое большое количество пословиц представлено в разделе **домашние животные** — 237. Та же рубрика ярко представлена и в словаре русских пословиц. Животные находятся на службе у человека или метафорически отражают его свойства характера, внешность, поступки. По этой же причине, на наш взгляд,

достаточно большое количество пословиц связано и с *миром диких животных* (151 пословица). Таким образом, пословицы, связанные с животным миром, косвенно (а в русском языке в основном косвенно) связаны с ценностью самого человека. Важной для французов темой является *жизнь в семье, быт, домашняя жизнь* (116 пословиц).

Хотя выше и была отмечена преимущественно светская направленность французских пословиц, 111 пословиц связано с *религией*, такое же количество выявлено в разделе *природа*. 101 пословица приведена в рубрике *социальные условия и слои*, а всеми, и в первую очередь самими французами, любимая тема *трапезы и стола* отражена в 99 пословицах. Такое же количество выявлено в теме *человеческие взаимоотношения*, где на первом месте указана *любовь* (16 единиц) и *дружба* (28 единиц). На последние темы мы ожидали обнаружить большее количество пословиц. В теме *земледелие* выделен подраздел *вино, виноградарство, виноделие* (34 пословицы), что связано с агрокультурой страны. В целом, проанализированный нами материал дает представление о приоритете у французов материальных ценностей перед духовными. В русском материале наблюдается противоположная картина.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятое и изложенное в данной статье исследование русского и французского лексикографического материала является результатом апробации избранной авторами методики определения лингвоаксиологической приоритизации, отраженной в русских и французских пословицах. Проведенный анализ подтвердил выдвинутую нами гипотезу о возможности выявления основных этнокультурных ценностей на основании тематической рубрикации в выбранных для анализа словарях. Подсчет количества единиц в каждой рубрике позволяет выстроить иерархию ценностей. Подобный анализ, проведенный на материале более 2400 пословиц (русских — 266, французских — 2141), подтверждает указанные различными исследователями ценностные ориентиры русской и западных культур. Так как в статье был приведен достаточно подробный обзор источников, в которых ранее были выявлены основные ценности русских, практический материал в количестве 266 единиц нам представляется достаточно иллюстративным фоном для проведения сопоставительного анализа с материалом французских пословиц, на котором был сделан акцент в данной статье. Кроме того, ценностные доминанты, отраженные в русском и французском фонде пословиц, показаны в процентном соотношении, что доказывает их релевантность. Необходимо отметить также, что в анализируемом словаре представлены все самые важные для носителя русской культуры темы.

Анализ пословиц, проведенный на основе лексикографического материала, подтвердил, что основным отличием, характеризующим ценностные приоритеты русских и французов, является их разная ориентированность. Наиболее важной ценностью для французов является человек, личность, его материальные (преимущественно) и духовные интересы. Для русских исключительно важны духовные ценности и ориентация на коллективное начало.

Перспектива предпринятого исследования видится нами в привлечении к анализу более широкого паремиографического материала, изучении художественных текстов различных эпох с точки зрения выявления ценностных ориентиров авторов и персонажей литературных произведений как представителей изучаемых культур, а также проведении анкетирования информантов, что позволит оценить жизнеспособность на современном этапе ведущих ценностей, выявленных на основе пословичного фонда русского и французского языков.

© Н.Ю. Нелобова, В.И. Хильтбруннер, В. И. Ершов, 2019

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ:

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Авторы выражают благодарность редколлегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Лингвистика», а также анонимным рецензентам за ценные замечания и рекомендации, которые стали для нас очень важными ориентирами в процессе доработки настоящей статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абульханова К.А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // *Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики*. М: Институт психологии РАН, 1997. [Abulhanova, K.A.(1997). Rossiysky mentalitet: kross-kulturny i tipologicheskii podhody (Russian mentality: cross-cultural and typological approaches). Rossiysky mentalitet: voprosy psihologicheskoi teorii i praktiki. M. Institut Psihologii RAN. (In Russ.)].
- Алефиренко Н.Ф. *Поэтическая энергия слова (синергетика языка, сознания и культуры)*. М., 2002. [Alefirenko N.F. (2002). Poeticheskaya energiya slova (sinergetika yazyka, soznaniya i kultury) (Poetic power of the word (synergy of the language, mentality and culture). (In Russ.)].
- Байрамова Л.К., Иванова М.В. Русская культура в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка» // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014. № 3. С. 10—12. [Bairamova L.K., Ivanova M.V. (2014). Russkaya kultura v Aksiologicheskom frazeologicheskom slovare russkogo yazyka. (Russian culture in the Axiological fixed phrases dictionary of the Russian language). Problemy istorii, filologii, kultury (Problems of history, philology, culture), 3, 10—12. (In Russ.)].
- Байрамова Л.К. Пословицы в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка: словаре ценностей и антиценностей» // *Вестник Новгородского государственного университета*. 2014. № 77. С. 10—12. [Bairamova L.K. (2014). “Poslovitsy v ‘Aksiologicheskom frazeologicheskom slovare russkogo yazyka: slovare tsennostey i antitsennostey’”. (“Proverbs in the ‘Axiological fixed phrases dictionary of the Russian language: dictionary of values and antivalues’”). *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 77, 10—12 (In Russ.)].
- Безкоровайная Г., Ломакина О.В., Макарова А.С. Лингвокультурологический потенциал фразеосимвола: общее и национально-специфическое (на материале фразеологизмов с компонентом-символом МЕЧ/SWORD/LE GLAIVE в русском, английском и французском языках) // *Филология и культура*. 2017. № 4 (50). С. 6—10. [Beskorovainaya G., Lomakina O.V., Makarova A.S. (2017). Lingvokulturologicheskiy potentsial frazeosimvola: obshee i natsionalno-spetsificheskoye (na materiale frazeologizmov s komponentom-simvolom MECH/SWORD/LE GRAIVE v russkom, anglijskom i frantsuzskom yazykah. (Linguistic and cultural potential of a phrasal symbol: common and cultural specificity (based on the material of fixed phrases with a symbol-component MECH/SWORD/LE GLAIVE in Russian, English and French). *Filologiya i kultura. Philology and culture*, 4 (50), 6—10 (In Russ.)].

- Борисова А.С., Кургузенкова Ж.В., Никишин В.Д. Проблема перевода религиозно-экстремистских текстов в процессе судебной лингвистической экспертизы // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 448—473. [Borisova A.S., Kurguzenkova Zh.V., Nikishin V.D. (2018). Problems of translation of the religious extremist texts in the process of the forensic linguistic examination. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (2), 448—473. (In Russ.).]
- Вальтер Х., Мокиенко В.М. *Антипословицы русского народа*. СПб.: Нева, 2006. [Valter H., Mokienko V.M. (2006). *Antiposlovitsy russkogo naroda*. (Antiproverbs of the Russian people). Saint Petersburg: Neva. (In Russ.).]
- Владимирова Т.Е. *Русский дискурс в межкультурной коммуникации. Экзистенциально-онтологический подход*. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Ленанд, 2018. [Vladimirova T.E. (2018). *Russkiy diskurs v mezhkulturnoi kommunikatsii. Ekzistentsialno-ontologicheskii podhod*. (Russian discourse in the cross-cultural communication. Existential and ontological approach). 3rd edition. Moscow: LENAND, 320 p. (In Russ.).]
- Гибатова Г.Ф. Аксиология в языке // Вестник ОГУ. 2011. № 2 (121)/февраль. С. 127—132. [Gabaitova G.F. (2011). *Aksiologiya v yazyke*. (Axiology in the language). *Vestnik OGU*, 2 (121), 127—132. (In Russ.).]
- Иванова С.В. Подходы к составлению лингвокультурологического словаря // Вестник Оренбургского государственного университета. 2002. № 6. С. 174—176. [Ivanova, Svetlana (2002). *Podkhody k sostavleniyu lingvokul'turologicheskogo slovarya* (Approaches to the compilation of linguistic culturological dictionary). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Orenburg State University)*, 6, 174—176. (In Russ.).]
- Иванова С.В., Чанышева З.З. *Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения*. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. [Ivanova, Svetlana, Chanysheva, Zul'fira (2010). *Lingvokul'turologiya: problemy, poiski, resheniya* (Linguoculturology: problems, quests, solutions). Ufa: RIC BashGU. (In Russ.)]
- Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. 4-е изд. М.: URSS, 2004. 8-е изд. URSS, 2017. С. 52—53. [Karaulov Yu.N. (2004). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'*. (The Russian language and language personality). 4th edition. Moscow: USSR. 52—53. (In Russ.).]
- Кацюба Л. Б. Нравственные ценности русских паремий как фактор духовной безопасности. Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21 (312). Филология. Искусствоведение. Вып. 80. С. 277—280. [Katsyuba L.B. *Nravstvennyye tsennosti russkikh paremiy kak faktor dukhovnoy bezopasnosti*. [(Katsyuba L.B. (2013). *Moral Values of Russian Paremias as a Factor of Spiritual Security*. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 21. Philology. Art Criticism. Issue 80, 277—280 (In Russ.).]
- Логинава П.Г. Лингвокультурный концепт «вино» в языковом сознании французов // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 2. С. 31—45. [Loginova P.G. (2016). *Linguistic and cultural concept "wine" in the language mentality of the French people*. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (2), 31—45. (In Russ.).]
- Лотман Ю.М. *Избранные статьи в трех томах*. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. [Lotman Yu.M. (1992). *Izbrannye stat'i v treh tomah*. (Selected articles in three volumes). Tallinn: Vol. 1, Alexandra, 1992. (In Russ.).]
- Маслова В.А. Культурный символ и его роль в создании национальных ценностей // *Язык. Ментальность. Культура*. М., 2010. Т. 1. С. 65—67. [Maslova V.A. (2010). *Kulturnyi simvol i ego rol' v sozdanii natsionalnyh tsennostey*. (Cultural symbol and its role in creating values). *Yazyk, mentalnost', kultura*. Language, mentality, culture. Vol. 1. 65—67. (In Russ.).]
- Маслова В.А. СТРАННИК в русской лингвокультуре: ценность, концепт, образ? // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2015. № 3. С. 23—31. [Maslova V.A. (2015). *STRANNIK v russkoi lingvokulture: tsennost', kontsept, obraz?* (STRANGER in the Russian language and culture: value, concept, image). *Russian Journal of Linguistics*, 3, 23—31. (In Russ.).]

- Мокиенко В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты). *Мир русского слова*. 2010. № 3. С. 6—20. [Mokiyenko V.M. (2010) *Sovremennaya paremiologiya (lingvisticheskiye aspekty)*. The Modern Paremyology (Linguistic Aspects). *Mir russkogo slova*, 3, 6—20. (In Russ.)]
- Стернин И.А. Коммуникативное поведение в составе национальной культуры // *Этнокультурная специфика языкового сознания*. М., 1996. С. 97—112. [Sternin I.A. (1996). *Kommunikativnoye povedeniye v sostave natsionalnoi kultury*. (Communicative behavior within the national culture). *Ethnocultural peculiarity of the language mentality*. Moscow, 97—112. (In Russ.)].
- Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Изд-во МГУ, 2004. [Ter-Minasova S.G. (2004). *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. (Language and cross-cultural communication). Moscow: Moscow State University Publishing house. (In Russ.)].
- Bréchon P. (2000). *Les valeurs des Français. Evolution de 1980 à 2000*. (*The values of the French people. Evolution from 1980 to 2000*). P.: Armand Colin.
- Gallard O, Roudet B. (2014). *Une jeunesse différente? Les valeurs des jeunes Français depuis 30 ans*. (Different youth? Values of the French youth from 30 and under age) P.: La documentation Française.
- Larina, Tatiana, Arto, Mustajoki, and Ekaterina Protassova (2017). Dimensions of Russian culture and mind. In Katja Lehtisaari and Arto Mustajoki (eds.) *Philosophical and Cultural Interpretations of Russian Modernisation*. Series: Studies in Contemporary Russia. London/New-York: Routledge, 7—19.
- Larina, Tatiana, Vladimir Ozyumenko, and Svetlana Kurteš (2017). I-identity vs WE-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics*, 13 (1), 2017, 109—128.

Словари / Dictionaries

- Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. *Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения*. Лингвострановедческий словарь под редакцией Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. М.: Русский язык, 1979. [Felitsina V.P., Prohorov Yu.E. (1979). *Russkie poslovitsy, pogovorki i krylatiye vyrazheniya*. (Russian proverbs, sayings and winged words). *Lingvostrannovedcheskiy slovar' pod reduktsiyey E.M. Vereshagina i V.G. Kostomarova*. (Dictionary of linguistic and cultural studies. Editors: Kostomarov V.G. and Vereshagin M.V.). М.: Russian language. 1979. (In Russ.)].
- Montreynaud, F., Pierron, A., Suzzoni F. (2010). *Dictionnaire de proverbes et dictons*. (*Dictionary of proverbs and sayings*). P.: Le Robert, 2010.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 октября 2018

Дата принятия к печати: 22 декабря 2018

Article history:

Received: 18 October 2018

Revised: 01 December 2018

Accepted: 22 December 2018

Для цитирования:

Нелюбова Н.Ю., В.И. Хильтбруннер, Ершов В.И. Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 1. С. 223—243. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243.

For citation:

Nelyubova, Natalia, Hiltbrunner, Victoria, Ershov, Victor The Reflection of the Hierarchy of Values in the Proverbial Fund of the Russian and French languages. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 223—243. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243.

Сведения об авторах:

НАТАЛИЯ ЮРЬЕВНА НЕЛЮБОВА — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН. *Сфера научных интересов:* сравнительное и типологическое языкознание, ценностные ориентиры различных народов и их отражение в языке, паремиология различных языков, исследования в области французского языка (фонетика, морфология, лексика, фразеология).

Контактная информация: e-mail: nat.nelubova@mail.ru.

ВИКТОРИЯ ИГОРЕВНА ХИЛЬТБРУННЕР — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры славянских языков Венского экономического университета. *Сфера научных интересов:* сравнительное языкознание, методика преподавания русского и иностранных (французского, английского и немецкого) языков; лингвокультурология, межкультурная коммуникация; фразеология романских, германских и славянских языков.

Контактная информация: e-mail: victoria.hiltbrunner@wu.ac.at.

ВИКТОР ИВАНОВИЧ ЕРШОВ — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры Лингвистики и переводоведения Одинцовского филиала МГИМО МИД России. *Сфера научных интересов:* теория перевода, инновационные подходы в обучении переводу.

Контактная информация: e-mail: ershovich@mail.ru.

Bionotes:

NATALIA NELYUBOVA — Ph.D., Associate Professor, Foreign Languages Department, RUDN University, Moscow, Russia. *Research interests:* comparative and typological linguistics; cultural values and their reflection in language; proverbs and sayings in different languages; French phonetics, morphology, vocabulary and phraseology.

Contact information: e-mail: nat.nelubova@mail.ru

VICTORIA HILTBRUNNER, Ph.D., Lecturer at Vienna University of Economics and Business, Department of Foreign Language Business Communication, Institute for Slavic Languages. *Research interests:* comparative linguistics; methods of teaching Russian and foreign languages (English, French and German); linguistic anthropology; intercultural communication; phraseology of Romance, Germanic and Slavic languages.

Contact information: e-mail: victoria.hiltbrunner@wu.ac.at

VICTOR ERSHOV, Ph.D., Associate Professor at the Linguistics and Translation Department, MGIMO-University, Odintsovo branch. *Research interests:* theory of translation; innovative approaches in teaching translation.

Contact information: e-mail: ershovich@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-244-246

REVIEW of Andreas Musolff. 2016. *Political metaphor analysis. Discourse and scenarios*. Bloomsbury, 194 p.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Andreas Musolff. 2016. *Political metaphor analysis. Discourse and scenarios*. Bloomsbury, 194 p.

Metaphors in political discourse have recently attracted the attention of many prominent scholars (Anikin, Budayev, Chudinov 2015; Budaev, Chudinov 2017; Charteris-Black 2014; Ponton 2016 among others). Being an important and widely used expressive means, metaphor has a great impact on the course of political communication. Scholars refer to it as “the most relevant of the figures of speech used in political discourse” (Arroyo 2010: 416) and point to its connection with other figures of speech, such as irony and sarcasm (Charteris-Black 2014; Musolff 2017).

Metaphor is aimed at strengthening the speaker’s arguments and enhancing the interest of the audience. According to the researchers, metaphor is a kind of mirror where national consciousness on a particular stage of development is reflected, regardless of anybody’s preferences (Budaev, Chudinov 2017). Consequently, political metaphor is a whole set of mirrors reflecting different aspects of social life. Metaphors make it possible to depict a complicated problem as a less difficult one, single out some of its aspects, accentuating it or, on the contrary, distracting public attention from it. Metaphors can point to possible solutions and warn against negative consequences. They reflect the peculiarities of national mentality and stereotypes and reveal conflicting issues. The meaning of metaphors lies in their captivating nature: “metaphors have the capacity to remain in the collective consciousness for a long time after they have been coined” (Arroyo 2010: 416).

The research of metaphors has a great significance. Developing the theory of G. Lakoff and M. Johnson (Lakoff, Johnson 1980), scholars state that metaphor is more than a rhetoric device, it is a cognitive process between the addresser and the addressee (Budaev, Chudinov 2017), (Charteris-Black 2005). The character and frequency of metaphors largely depend on the recipient. They may perform different functions, forming a positive or negative attitude to its object (Musolff 2017).

In Andreas Musolff’s book “Political metaphor analysis. Discourse and scenarios” the focus is on political metaphors in their close connection with political reality.

Metaphors both form the current political tendencies and appear due to existing situation. The author states that metaphors “are organized around prototypical core concepts that shade into less typical examples” (37). Thus, the notion ‘domain’ is too vague to provide a sufficient grounding for metaphors. According to the author, metaphors form clusters which group around certain political notions and trends.

Andreas Musolff suggests a scenario-oriented approach, which describes the emergence of a metaphor, defines the life and time of a metaphor scenario. The author gives a detailed analysis of the situations that lead to the creation of a new metaphor, its further development and a “complex of blending effects” (52). It is stated that metaphors might be “phenomena of long and short duration”, depending on the sphere they belong to and on political situation.

Some of these spheres are pointed out. For example, the author regards political conflict as war, and metaphors used in this context refer to the notions of fight and battle.

Closely connected with the war is another sphere — racism. This topic has always posed a great challenge for creating new metaphors as well as developing the old ones. Here A. Musolff recalls the “most horrific and far-reaching case of a metaphor becoming reality <...> the reconceptualization of Jewish people from a group defined as ‘a parasite race’ in German Nazi discourse” (23). The metaphor is still alive. Like in Hitler’s rhetoric, which considered Jews as “parasites in the body of other peoples”, some contemporary politicians describe “immigrants as parasites” (80), which gives rise to impairing tolerance and raising national hatred.

Considerable attention is paid to family scenarios, which split into several groups: parent-child relationship; kinship terms (baby, children, cousins across the channel etc.); married life (couple, third partner, adultery, separation, divorce, marriage of convenience) (31—32).

A large group is represented by body-based metaphors, such as: the transplant of a European organ onto the British body (*Financial Times* 17 January 2013) (P. 61), body politic, state body, collective body of the people (P. 62—63). The author states, that there are heart, body and belly metaphors; moreover, nations tend to associate themselves with certain organs/parts of body, considering the whole of it to be the world. Interpretation of the nation as body metaphor is related to particular discourse traditions and rely on socially dominant scenarios. The author stresses that these scenarios are “entrenched in their discourse communities” (131).

There are other ways of metaphorizing nations, for example, representing them as persons. The author states that the metaphorization of a nation/state as a person goes beyond “grammar agency’ and “entails far-reaching political evaluations” (111).

The understanding of metaphors requires four stages: reception, semantic reconstruction, interpretation, ideological acceptance (134). Both sides are engaged in the process — the speaker and the recipient, so metaphor production and interpretation is collaboration, which inevitably requires efforts of all the interlocutors.

In conclusion, Musolff expands on scenario-based approach as the one that has advantages over others because “clusters of metaphor occurrences are related to certain political tendencies” (133) and are viewed in connection with the existing situation.

Nevertheless, the author points out that the analysis of metaphor scenarios is not a replacement but a complement to other levels of cognitive metaphor study (138). The importance of this research is evident, for the communicative social and political “responsibility for any action ensuing political metaphors lies with their users and interpreters” (139).

Andreas Musolff’s book opens vast perspectives for further development of research on metaphors. The analyzed material is up-to-date and sets a vivid example of current political speech. The results of the study can be used in teaching rhetoric, political discourse analysis, theory and practice of the English language.

© Anna Gornostaeva, 2019

REFERENCES

- Anikin, Evgeniy; Budaev, Eduard and Chudinov, Anatoliy (2015). Historical dynamics of metaphoric systems in Russian political communication. *Issues of Cognitive Linguistics*, 3, 26—32.
- Arroyo, Jose (2010). Interpersonal issues in political discourse. In Locher, Miriam (ed). *Interpersonal Pragmatics. Handbook*. Graham, Sage L., 405—434.
- Budaev, Eduard and Chudinov, Anatoliy (2017). Transformations of precedent text “Metaphors We Live by” in academic discourse. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 60—67.
- Charteris-Black, Jonathan (2005). *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. Basingstoke: Palgrave MacMillan.
- Charteris-Black, Jonathan (2014). *Analysing Political Speeches: Rhetoric, Discourse and Metaphor*. Basingstoke: Palgrave-Macmillan.
- Lakoff, George and Johnson, Mark (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.
- Musolff, Andreas (2017). Metaphor, irony and sarcasm in public discourse *Journal of pragmatics* [https://www.researchgate.net/publication/312546590_Metaphor_irony_and_sarcasm_in_public_discourse] [accessed Jul 25 2018].
- Musolff, Andreas (2016). *Political metaphor analysis: Discourse and scenarios*. Bloomsbury.
- Ponton, Douglas (2014). The pragmatics of a handshake. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 2014, 60—76.

Bionote:

ANNA A. GORNOSTAEVA — Ph.D., Associate Professor, Department of Translation and Pedagogics, Moscow State Linguistic University. *Research interests*: political discourse, irony, metaphor.

Contact information: e-mail: anngornostaeva@yandex.ru

Сведения об авторе:

АННА АЛЕКСЕЕВНА ГОРНОСТАЕВА — кандидат филологических наук, доцент кафедры переводческого и педагогического мастерства института непрерывного образования Московского государственного лингвистического университета. *Научные интересы*: политический дискурс, ирония, метафора.

Контактная информация: e-mail: anngornostaeva@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-247-253

Рецензия на монографию

Gunter Senft, 2017. *Imdeduya: Variants of a myth of love and hate from the Trobriand Islands of Papua New Guinea.*

Culture and Language Use. Studies in Anthropological Linguistics. Vol. 20. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 262 p.

REVIEW of Gunter Senft, 2017.

Imdeduya: Variants of a myth of love and hate from the Trobriand Islands of Papua New Guinea. Culture and Language Use. Studies in Anthropological Linguistics. Vol. 20. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 262 p.

Гунтер Сенфт (Институт психолингвистики Макса Планка, Нидерланды) опубликовал монографию об Имдедуге¹ «Имдедуга: варианты мифа о любви и ненависти с тробрианских островов Папуа — Новой Гвинеи» в серии «Культура и использование языка» — исследования в области антропологической лингвистики. Данное исследование, основанное на знании языка, мифов и фольклора, расширяет границы знаний о народах Океании, раскрывает особенности национального мировоззрения и открывает для широкого круга читателей удивительный мир языка и культуры жителей Тробрианских островов в Папуа — Новой Гвинее. Рецензируемая книга также вводит в научный оборот уникальный материал, позволяющий говорить о новых перспективах антропологической лингвистики.

Актуальность рецензируемой работы определяется тем, что подход автора к отбору материала и анализу данных демонстрирует не только эффективные решения конкретных проблем, но и тенденции, которые отражают развитие современной лингвистической парадигмы: интеграция множества дополняющих друг друга подходов и направлений, кросс- и междисциплинарность, переход от анализа структурных языковых уровней к синергетической антропологической интерпретации языковых явлений. Несмотря на то, что основы антропоцентрической концепции были заложены еще в работах лингвистов XVIII—XIX вв., именно в последние десятилетия XX века можно отметить рост интереса к когнитивному направлению (в рамках антропологической лингвистики): антропологической парадигме языкознания, эволюционному развитию человеческой речи, компаративным исследованиям коммуникационных систем приматов и людей и др.

¹ Имдедуга — прародительница, праматерь в мифологии.

Коммуникативная проблематика (в рамках лингвистической антропологии) также отличается широким спектром исследований: роль личности в коммуникативном процессе, изменения в модели коммуникативного процесса, изучение национально-культурной специфики речевого поведения, конфликтогенные зоны в монокультурной и межкультурной и кросскультурной коммуникации, анализ речевых структур и разных типов языковых личностей с позиций этнолингвистики, этнопсихоллингвистики, социоллингвистики, а также паралингвистики, этнологии, этнографии общения, фольклористики, мифологии, поэтики и т.д.

Как известно, лингво-этнографическая школа американистики, основанная Ф. Боасом, открыла новые горизонты для лингвистического анализа, теории текста через призму полевой лингвистики. Э. Сепир, Б. Уорф и их последователи Х. Хойджер, Д. Ли, К. Клакхон и др. сформулировали версию антропологической лингвистики, базирующейся на принципе лингвистической относительности. Данное направление оказало серьезное влияние не только на развитие лингвистической мысли, но и на социальные и политические процессы. Французская этнолингвистика опиралась, в свою очередь, на данные, полученные из африканских колоний (Э. Бонвини, Ж. Калам-Гриоль, Д. Рей-Ульман, Ж. Тома и С. Баюше, М.-П. Ферри и др.).

Анна Вежбицкая (Wierzbicka 1999; 2006) доказывает неразделимую связь языка и культуры, развивает концепцию лингвистической относительности, дополняя ее теорией лингвистических инвариантов, вводит понятие «семантическая вселенная», которую формирует каждый язык. Среди «семантических примитивов», универсальных элементарных понятий, комбинации которых позволяют создавать многочисленные уникальные для каждого языка и культуры конфигурации (см. Gladkova, Larina 2018; Goddard, Wierzbicka 1994, Wierzbicka 1994 и др.), А. Вежбицкая использует, в частности, и данные языков Папуа — Новой Гвинеи.

Сегодня возрастает интерес к анализу грамматики и лексики через призму культуры в кросс- и междисциплинарном аспектах антропологической лингвистики или лингвистической антропологии. Все большее распространение получают антропологические исследования, базирующиеся на знании национальных языков, лингвистические исследования, основанные на детальном анализе функционирования речевых форм в определенном сообществе (см. Clayre 1973; Keesing 1997; Keller 2002; Burenhult 2008; Senft 2017; 2018 и др.).

Когнитивные лингвистические исследования в культурном контексте также являются одним из важных направлений в современной науке. В частности, анализ конвергенции языка, культуры и познания с позиций когнитивной лингвистики позволяет дополнить знания о языке как неотъемлемой частью культуры и познания. Качественный и количественный лингвистический анализ в синхроническом и диахроническом аспектах раскрывает новые грани и перспективы изучения тернарной структуры язык — культура — познание.

Среди последних работ можно назвать исследование Н. Bromhead (2018) *Landscape and Culture — Cross-linguistic Perspectives*, в котором анализируется взаимосвязь между ландшафтом и культурой, реализуемая языковыми средствами. Подобный подход позволяет выявить новые особенности межкультурной комму-

никации и интегральные элементы в географической категоризации. Так, контрастный анализ лексической семантики номинаций ландшафта в разных языках демонстрирует, как географический словарь помогает расшифровывать культурно-исторические стереотипы.

Монография Гунтера Сенфта, опубликованная в 2017 году, развивает традиции антропологической лингвистики и переводит их на новый теоретический уровень. Уникальность данного исследования заключается в описании картины мира коренного населения Папуа — Новой Гвинеи, реконструированного по мифологическим представлениям.

Анализ мифологической системы жителей Тробрианских островов позволяет автору сделать чрезвычайно важные выводы о том, что мифология папуасов, которая занимает важное место в мифологии народов Океании, может быть признана реликтом ранних стадий развития мифологии в качестве регионального варианта. Доказательством данного положения служат схожие характеристики, объединяющие локальные мифологические системы, которые сумел обнаружить Гунтер Сенфт. Важность, научная значимость данного открытия определяется тем, что мифология папуасов представляет собой конгломерат самостоятельных и относительно замкнутых локальных племенных систем, только историко-типологический анализ позволяет восстановить целостную конструкцию. Результаты представленного анализа могут послужить основой для дальнейшего восполнения лакун, существующих в понимании менталитета жителей, культуры и языковой ситуации Океании.

Известно, что официальным языком в Папуа — Новой Гвинее конституцией закреплён английский язык, который знает незначительная часть населения, прежде всего руководители государственных структур и чиновники, которым английский необходим для осуществления служебных обязанностей. Национальными языками являются хири-моту (моту), ток-писин (пиджин, основанный на английском, креольский язык), которыми владеет большинство жителей.

Независимое государство Папуа — Новая Гвинея известно как страна с самым большим языковым разнообразием в мире: на территории 462 840 км² с населением около 8 млн человек (коренное население — папуасы и меланезийцы) зафиксировано почти 800 наречий. Большая часть из них (примерно 70%) — это папуасские языки, остальные — австронезийские языки, которые являются средством общения примерно для 15% населения. Австронезийские языки Папуа — Новой Гвинеи, распространённые на побережье и прилегающих островах, характеризуются генетической близостью, в отличие от папуасских, носители которых живут преимущественно во внутренних и горных районах острова Новая Гвинея и на некоторых малых островах. Именно папуасские языки достаточно сильно отличаются друг от друга, характеризуют разнообразный лингвистический ландшафт.

Специфика языковой ситуации Папуа — Новой Гвинеи определялась во многом практически полной изоляцией племен друг от друга, традиционным отсутствием межплеменной коммуникации, замкнутостью членов общины внутри своего мира. Кроме того, труднодоступность большей части территории страны, сложные

природные условия также способствовали сохранению языкового разнообразия Новой Гвинеи. Множество племенных групп, часто с небольшой численностью, оказывались изолированными в течение долгого времени и формировали собственный уклад жизни и коммуникационную систему.

Сложность социолингвистической ситуации Папуа — Новой Гвинеи определяется также и тем, что этнической интеграции препятствует наследие колонизации, в частности, территориальные границы страны, сформированные без учета этнической ситуации, и др. Однако именно борьба против колониального режима сплотила папуасов и меланезийцев, которые сегодня пытаются решить этнические, социальные, политическое и пр. проблемы, в рамках единого Независимого государства Папуа — Новая Гвинея (подробнее см. Baldwin 1950; 1971; Harwood 1976; Leach 1983; Leach & Leach 1983; Reesink 1987; Kleef & Kleef 2012; Ammann, Keck & Wassmann 2013; Senft & Senft 2018 и др.).

Монография Гюнтера Сенфта «Имдедуя: варианты мифа о любви и ненависти с тромбрианских островов Папуа — Новой Гвинеи» содержит пять вариантов мифа об Имдедуя, из которых две версии самого мифа, рассказ, песня и английская поэма Джона Касайпвалова «Парус полуночного солнца». Последнее стихотворное произведение в значительной степени опирается на миф о древних жителях островов Тробриан, главными героями выступают Имдедуя и Йолина. Миф повествует о трагической истории любви юных героев, о страстном желании Йолины жениться на прекрасной девушке, о его долгом путешествии в деревню Имдедуя, о препятствиях, которые возникают на пути к их счастью. Автор проводит тщательный сопоставительный анализ текстов, особое внимание уделяется противоречиям между устными и письменными фиксациями мифа.

В противоположность существующему поэтическому тексту *Касайпвалова* устные версии Имдедуя демонстрируют вариативность, характерную для фольклорной традиции. В данном контексте автор рассматривает проблемы традиционной стабильности и вариативности устных преданий, вопросы о меняющейся роли мифа и магии у тробрианцев, которые все больше интегрируются с другими племенами Папуа-Новой Гвинеи, и др.

Книга содержит введение, семь глав и семь приложений, в котором представлен разноуровневый и разноаспектный анализ письменного памятника, имеющего особое значение для тробрианских островитян. Следует особо отметить эмпирическую базу, представленную в книге. Техническая группа из Института психолингвистики сделала возможным открытый доступ в киберпространстве к аутентичным аудиоматериалам, представляющим уникальные данные, собранные Гюнтером Сенфтом.

Во второй главе автором представлены оригинальный анализ и обсуждение рассказа Герубары об Имдедуя.

В третьей главе читателям предлагается интерпретация версии мифа Мокопея с аргументированным формально-семантическим анализом.

Четвертая глава посвящена аннотированному английскому переводу «Народная сказка Кула² с Киравины³», который опубликовал Джерри У. Лич (Народная

² Кула — особый тип ритуального обмена.

сказка Кула с Киривины. Бикмаус: Журнал о Папуа — Новой Гвинее. Идеи и искусство 2 (1): 50—92. 1981). Гюнтер Сенфт проявляет исследовательскую скрупулезность в изучении предыдущей научной традиции. Автором представлена версия Себвагау⁴ из «Имдедуи» и толкование структуры, характеристики культурно-специфических особенностей данной версии.

Отдельная глава (5) посвящена изучению стихотворения Иоанна Касайпвадова «Плыви (,) полуночное солнце».

Изучение мифологических представлений коренного населения Новой Гвинеи позволяет обогатить понимание современного мира и расширить рамки научных исследований. Сложность изучения языка и культуры папуасов определяется значительным языковым делением в разных племенах. Конгломерат локальных систем, составляющих мифологию и культуру жителей островов, дифференциальные и интегральные характеристики позволяют рассматривать представленную мифологическую систему как региональную версию одного из ранних этапов развития мифологии.

Особую ценность представляет изучение макро- и микроструктуры фольклора, что позволяет сделать выводы о системе ценностных координат и особенностях языкового сознания жителей Тробрианских островов Папуа — Новой Гвинеи. Гюнтер Сенфт подробно анализирует макроструктуру сказок, которая делится на простые эпизоды, состоящие из одного события, и сложные эпизоды, состоящие из двух и более подуровней.

Книга Гюнтера Сенфта «Имдедуя: варианты мифа о любви и ненависти с Тробрианских островов Папуа — Новой Гвинеи» представляет собой прекрасный пример современного междисциплинарного антропологического исследования. Автор убедительно доказывает, что детальный анализ, основанный на глубоком понимании функций речевых структур в изучаемом родовом или племенном сообществе, может раскрыть особенности культуры и языка народа в синхронии и диахронии.

© Пильгун М.А., Пивоварчик Т.Н., 2019

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРСТИ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ (№ 17-26-01007) и БРФФИ (№ Г17Р-069) научного проекта «Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспекты».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ammann, R., K., V. & Wassmann, J. (2013). The sound of a person. A musiccognitive study in the Finisterre Range in Papua New Guinea. *Oceania* 83: 63—87.
- Baldwin, B.K. (1950). Songs of the Trobriand sunset isles. *Oceania* XX, 263—285. doi: 10.1002/j.1834-4461.1950.tb00165.x.

³ Населенный остров в Папуа — Новой Гвинее. Крупнейший остров из группы островов Тробриан.

⁴ Себвагау (Seb wagau) — один из самых известных на о. Тробриан певцов и композиторов.

- Baldwin, B. (1971). *Dokonikani — Cannibal Tales of the Wild Western Pacific*. Pekina: Typoscript. Downloadable at: <<http://trobriandsindepth.com/myths.html>>.
- Bromhead H. (2018). *Landscape and Culture — Cross-linguistic Perspectives*. Cognitive Linguistic Studies in Cultural Contexts, 9. Xii. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 227 pp.
- Burenhult, N. (ed.). (2008). Language and landscape: Geographical ontology in cross-linguistic perspective. *Language Sciences* [Special Issue] 30: 135—382.
- Clayre, In. (1973) Notes on spatial deixis in Melanau. *Anthropological Linguistics*. 16: 71—86.
- Gladkova, A. and Larina, T. (2018). Anna Wierzbicka, Words and The World. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (3), 499—520. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520.
- Goddard, Cliff, and Wierzbicka, A. (eds.) (1994). *Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings*. Amsterdam: John Benjamins.
- Francois, A. (2010) A comparison of geocentric directionals across Banks and Torres languages. *Talk presented at the 8th International Conference on Oceanic Linguistics*, COOL 8, University of Auckland, 4—9 January 2010.
- Harwood, F. (1976). Myth, memory and oral tradition: Cicero in the Trobriands. *American Anthropologist*, N.S., 78: 783—796. doi: 10.1525/aa.1976.78.4.02a00040.
- Keesing, R. M. (1997). Constructing Space in Kwaio (Solomon Islands). In Gunter Senft (Ed.), *Referring to Space. Studies in Austronesian and Papuan Languages*. 15: 71—86.
- Keller, J. D. (2002). Spatial representation of island worlds. In Giovanni Bennardo (Ed.), *Representing Space in Oceania*, 249—260. Canberra: Pacific Linguistics.
- Kleef, J. van, Kleef, S. van. (2012). The use of a conceptual metaphor in the Siroi language of Papua New Guinea: Narrative is climbing a mountain. Anna Idström and Elisabeth Piirainen, eds., *Endangered Metaphors*. Cognitive Linguistic Studies in Cultural Contexts, 2, 127—141. Oxford: Clarendon Press.
- Leach, J.W. & Leach, E. (eds.) (1983). *The Kula — New Perspectives on Massim Exchange*. Cambridge: CUP. 234 p.
- Leach, J. W. (1983). Trobriand territorial categories and the problem of who is not in the kula. In *The Kula — New Perspectives on Massim Exchange*, Jerry W. Leach & Edmund Leach (eds), Cambridge: CUP. pp. 121—146.
- Reesink, G.P. (1987). *Structures and their Functions in Usan*. Studies in Language Companion Series, 13. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 369 p.
- Senft, B., Senft, G. (2018). Growing up on the Trobriand Islands in Papua New Guinea. *Culture and Language Use*, 21. <https://doi.org/10.1075/clu.21>.
- Senft, G. (2018). Pragmatics and its Interfaces. *Pragmatics & Beyond New Series*, 294, 185. <https://doi.org/10.1075/pbns.294.09sen>.
- Senft, G. (2017). Absolute Frames of Spatial Reference in Austronesian Languages. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 686—705. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-4-686-705.
- Wierzbicka, A. (2006). *English: Meaning and culture*. Oxford University Press, 368 p.
- Wierzbicka, A. (1996). *Semantics: Primes and universals*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, A. (1999). *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and universals*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Wierzbicka, A. (1996), Goddard and Wierzbicka (eds. 2002, 2014).

Сведения об авторах:

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПИЛЬГУН — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания Российской академии наук. Профессиональные интересы: этнопсихолингвистика, мультимодальный психолинг-

вистический анализ контента социальных сетей, медиатекст. Работала в качестве приглашенного профессора в Болонском университете (Италия, Болонья), университете Пескара (Италия, Пескара), Centro ProLingua (Италия, Рим), университете китайской культуры (Тайвань, Тайбей). Автор более 200 научных, методических и публицистических работ, изданных в России, Испании, Польше, Словакии, США, Чешской республике, Китае на Тайване. Являлась руководителем и участником более 30 проектов Общественной палаты РФ, Министерства образования и науки РФ, Европейской комиссии (Marie Curie IRSES), РГНФ, РФФИ.

Контактная информация: e-mail: pilgunm@yandex.ru

ТАМАРА АЛЕКСАНДРОВНА ПИВОВАРЧИК — кандидат филологических наук, доцент, декан факультета истории, коммуникации и туризма, доцент кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Научные интересы: лингвистическая прагматика, теория и практика массовых коммуникаций, медиалингвистика, маркетинг образовательных услуг. Автор более 140 научных и научно-методических публикаций, изданных в Беларуси, России, Украине, Болгарии, Польше, Словении, Чехии. Являлась руководителем и соисполнителем шести научных проектов TEMPUS, БРФФИ-РФФИ, ГПНИ, в том числе по темам «Белорусский государственный протокол: адаптация национальных традиций к международно-признанным обычаям», «Прагматика общения: языковые и этнокультурные стереотипы», «Белорусский и русский язык в традиционных и новых региональных медиа», «Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспекты». Член Белорусского союза журналистов.

Контактная информация: e-mail: t.pivovarchik@grsu.by

Bionotes:

MARIA PILGUN, Ph.D., Professor, Leading Researcher at the Sector of Ethnopsycholinguistics of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Professional interests: ethnopsycholinguistics, multimodal psycholinguistic analysis of social network content, media text. She worked as a Visiting Professor at the University of Bologna (Italy, Bologna), the University of Pescara (Italy, Pescara), Centro ProLingua (Italy, Rome) and the University of Chinese Culture (Taiwan, Taipei). Author of more than 200 academic, methodological and journalistic works published in Russia, Spain, Poland, Slovakia, USA, Czech Republic and China in Taiwan. She was the head and participant in more than 30 projects of the Public Chamber of the Russian Federation, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the European Commission (Marie Curie IRSES), Russian Foundation for Humanities and Russian Foundation for Basic Research.

Contact information: e-mail: pilgunm@yandex.ru

TAMARA PIVOVARCHIK, Ph.D, Associate Professor, Dean at the Faculty of History, Communication and Tourism, Associate Professor of the Department of Journalism at Yanka Kupala Grodno State University. Research interests: linguistic pragmatics, theory and practice of mass communications, media linguistics and marketing of educational services. Author of more than 140 academic and methodological works published in Belarus, Russia, Ukraine, Bulgaria, Poland, Slovenia and Czech Republic. She was the head and co-executor of six scientific projects TEMPUS, BRFFI-RFFI, GPNI, including the topics “Belarusian State Protocol: Adaptation of National Traditions to Internationally Recognized Customs”, “Pragmatics of Communication: Language and Ethnocultural Stereotypes”, “Belarusian and Russian Language in Traditional and New Regional Media” and “Culture of Communication in the Conditions of Digital and Sociocultural Globalization: Global and Regional Aspects”. Member of the Belarusian Union of Journalists.

Contact information: e-mail: t.pivovarchik@grsu.by

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-254-266

Рецензия на монографию:
Рахимов Г.Х. Инглиз тили Ўзбекистонда:
социолингвистик ва прагматик кўрсаткичлар
(Английский язык в Узбекистане: социолингвистический
и прагматический аспекты). Ташкент: TAMADDUN, 2017

Джусупов Маханбет

Узбекский государственный университет мировых языков
Узбекистан, Ташкент, 100133, ул. Решетова, дом 5, кв-ра 10

В статье-рецензии исследуется проблема вхождения английского языка в тюркский мир Евразии (на примере Республики Узбекистан) на основе чтения и анализа монографии Г.Х. Рахимова, собственных наблюдений и научных работ, опубликованных автором данной статьи. В статье вхождение английского языка в тюркский языковой мир анализируется в сравнении с вхождением русского языка и культуры в республики Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан). Тюркский мир Евразии характеризуется многовековыми традициями формирования би- и полилингвизма. Контактное взаимодействие с арабским, персидским, русским языками и культурами оказало влияние на развитие языков и национальных культур. Вхождение английского языка в социальные сферы государства (образование, наука, экономика, бизнес, дипломатия и т.д.) определяется в монографии Г.Х. Рахимова как положительное явление, способствующее более быстрому внедрению узбекистанского национального потенциала в международные и в целом в мировые полисистемы. Национальный язык — постоянная категория в прошлом, настоящем и будущем, поэтому влияние других языков и культур должно дозироваться государством, потому что контактное взаимодействие языков и культур имеет позитивные и негативные аспекты, что доказано историей развития человечества. Английский язык в тюркском мире Евразии (например, в Узбекистане или в Казахстане и т.д.) так же, как и русский язык, по всей видимости, будет иметь положительную тенденцию контактного взаимодействия, так как узбекский язык и культура (так же, как казахский язык и культура) сформированы в статусе постоянных категорий, характеризующихся позитивной динамикой развития.

Ключевые слова: язык, культура, контактное взаимодействие, социальные сферы, узбекский, казахский, русский, английский, взаимовлияние

Review of Rakhimov G.H. 2017.
Ingliz tili O'zbekistonda: sociolinguistik va pragmatik kursatkichlar
(The English language in Uzbekistan: sociolinguistic
and pragmatic aspects). Tashkent: TAMADDUN

Makhanbet Dzhusupov

Uzbekistan State University of World Languages
Reshetov St. 5, Flat 10, Uzbekistan, Tashkent, 100133

Abstract

The review deals with the spread of the English language in the Turkic-speaking states of Eurasia (e.g. Uzbekistan) and is based on G.H. Rakhimov's monograph and the author's personal observations. The spread of English in the Turkic-speaking world is studied in comparison with the spread of the Russian language

and culture in Central Asia (e.g. Kazakhstan and Uzbekistan). The Turkic world of Eurasia is characterized by centuries-old traditions of bilingualism and multilingualism. Contacts with the Arabic, Persian, Russian languages and cultures influenced the development of local languages and cultures. In G.H. Rakhimov's monograph the spread of English in the spheres of social life (e.g. education, science, business, trade, diplomacy, etc.) is seen as a positive phenomenon with favourable effects on the further realization of the country's potential in the international community. An ethnic language is a constant category in the past, present and future; therefore the influences of other languages and cultures have to be regulated by the government, because language and culture contact has both positive and negative effects, which have been proved by the history of human development. The English language in the Turkic world of Eurasia (e.g. Uzbekistan) as well as the Russian language might have a positive tendency for contacts with the local language. The Uzbek and Kazakh languages and cultures are formed within the status of constant categories characterized by positive dynamics of their development.

Key words: *language, culture, language contact, spheres of social life, Uzbek, Kazakh, Turkic, Russian, English, functioning, mutual influence*

1. ВВЕДЕНИЕ

Статья-рецензия написана на основе анализа содержания монографии Г.Х. Рахимова «Инглиз тили Ўзбекистонда: социолингвистик ва прагматик кўрсаткичлар» («Английский язык в Узбекистане: социолингвистический и прагматические аспекты»), посвященной проблеме функционирования английского языка в Республике Узбекистан (РУз) в условиях контактирования с узбекским (прежде всего) и другими языками республики.

Контактирование языков и культур в республиках Центральной Азии (в СНГ) имеет древнюю историю. На этом полиэтническом, полиязыковом географическом пространстве их «столкновение» и контактное софункционирование с проявлением донорства и реципиентства является обычным явлением. Это контактирование с фарси, с арабским, с монгольским, с русским языками привело к серьезным взаимообогащениям языков, культур и народов (узбекского, казахского, туркменского, кыргызского, каракалпакского). (См.: Алпатов 2000; Джусупов 2010).

Каждая эпоха контактирования языков и культур разных этносов оставляет свой след в их развитии и совершенствовании, которое реализуется, прежде всего, в языке и культуре. При этом национальный язык, как правило, остается таким же национальным, каким был, но с заимствованиями из контактирующих языков, например: арабская, персидская, русская лексика (и лексика, проникшая через русский язык) в тюркских языках (китап — китоб; мектеп — мактаб; сынып — синф; пікір — фикр; концерт, автобус), тюркская лексика в русском языке (кумыс, башлык, бешмет, Иртыш, Байкал). В период Золотой Орды и ранее наблюдалось серьезное влияние тюркской культуры и языка на славянские языки и культуры (см.: Сулейменов 1975).

Двадцатый век — век обратного глобального контактирования русского и тюркских языков, что привело к полиаспектному взаимовлиянию в языке, культуре, экономике, науке, в государственном строительстве и т.д. Поэтому в последние 150—200 лет (особенно в XX-м веке) основным донором был русский язык и русская культура, основным реципиентом были тюркские языки и культуры (см.: Алпатов 2000; Джусупов 2010).

В области науки также происходили процессы серьезного взаимовлияния, когда, например, тюркские языки анализировались и интерпретированно описывались на основе синтеза научных теорий, сформированных в России, Европе и Азии (Казахстан, Узбекистан и др.). Например, в области языкознания можно назвать работы таких ученых-лингвистов, как А. Байтурсынов (1914, 1992), М. Джусупов (1991, 1995), У.К. Юсупов (1980), Дж.Б. Буранов (1983), Э.Д. Сулейменова (1996). Так, например, звуковой строй казахского языка (в одной научной версии) описан на основе синтеза теории сингармофонологии (Джусупов М.) и теории фонем Московской фонологии (см. подробно: Байтурсынов 1914; 1992; Джусупов 1991; 1995).

В настоящее время в тюркский мир Евразии активно входит английский язык, проникая почти во все социальные аспекты деятельности индивида и общества. Вхождение английского языка осуществляется планомерно, на государственном уровне. Объясняется это тем, что через английский язык молодежь может выйти на более широкое и глубокое поле деятельности во многих социальных сферах — образовательной, научной, экономической, дипломатической и др.

Этому способствуют как большая распространенность английского языка в мире, так и постановления, указы руководителей государств о развитии, совершенствовании преподавания иностранных языков (прежде всего английского) в школе и вузе (Назарбаев, 2011; Каримов, 2012).

Вхождение английского языка в тюркский мир Евразии, где в контактировании языков доминировали тюркские языки (узбекский, казахский, киргизский, туркменский, каракалпакский) и русский язык, способствует формированию трилингвального языкового контактирования, в котором сегодня и завтра будут доминировать тюркско-русские лингвоотношения, а тюркско-английские будут сопровождающими, дополняющими, охватывающими гораздо меньший объем территории и учреждений.

Монография Г.Х. Рахимова посвящена исследованию и анализу функционирования английского языка в условиях Узбекистана в нескольких социальных сферах деятельности индивида и общества (Рахимов 2017).

2. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ

Монография опубликована на узбекском языке и посвящена интересной и актуальной проблеме теории языка в аспекте анализа и описания социолингвистических и прагматических свойств английского языка, которые в условиях контактирования с узбекским и др. языками в Узбекистане возникли в годы независимости (после 1991 г.). Проблема внедрения английского языка в бывшие республики СССР (в условиях современного СНГ) стояла, стоит и будет стоять на всем евразийском пространстве, что связано с расширением экономических, научных, образовательных и других аспектов каждой республики СНГ в отдельности и в целом ЕЭС.

Английский язык в Узбекистане занимает свою нишу в системе образования, в системе науки, в системе дипломатических отношений, в системе экономики и бизнеса и т.д. Традиционно доминирующим неродным языком в этих и других

социальных сферах стран СНГ является русский язык. Вхождение английского языка не ущемляет социолингвистические функции русского языка в Узбекистане. Английский язык является языком, внедряющимся в условиях искусственного билингвизма, тогда как русский язык функционирует в условиях и естественного, и искусственного билингвизма.

Монография состоит из предисловия, четырех глав, списка использованной литературы.

В первой главе монографии «Варианты и вариативность английского языка в современном мире и особенности его функционирования» (Рахимов 2017: 13—58) исследуется проблема вариантов английского литературного языка, их различия, которые вырисовываются на фоне общих языко-речевых свойств английского языка. Эта проблема является планетарной проблемой современности. Использование английского языка в республиках СНГ в одних случаях базируется на его британском варианте, в других — на американском.

В аспекте данной проблемы научно обоснованно анализируются разновидности *Lingua franca*, порождающиеся в результате контактирования английского и других языков. Рассматривается проблема *English franca* в условиях Узбекистана, ее социолингвистические аспекты. Отмечается, что в РУз английский язык распространяется через нормативное школьное и вузовское обучение, поэтому разговорно-бытовой *English franca* существует короткое время и исчезает, так как не имеет под собой постоянную естественную сферу функционирования в большом объеме, охватывающую разговорно-бытовую сферу общения людей.

Во второй главе монографии «Социолингвистическая мотивация *English franca* в Узбекистане» (Рахимов 2017: 59—126) рассматриваются такие проблемы, как социолингвистические характеристики учебных, научных и др. текстов, созданных на основе *English franca*: английский язык в сфере предпринимательства, в сфере полиграфии и т.д. В главе раскрывается уровень функционирования английского языка в этих сферах деятельности индивида и общества в условиях Республики Узбекистан. Определяются положительные моменты и проблемы, которые следует решать.

Касаясь проблем, рассматриваемых в 1-й и 2-й главах книги, хотелось отметить, что *English franca* (термин, используемый Г.Х. Рахимовым как синоним термина *Lingua franca*), или новый литературный вариант английского языка в Узбекистане или в Казахстане, где уделяется большое внимание (на уровне правительств) обучению английскому языку наряду с обучением русскому языку, их формирование и широкое социальное функционирование по многим объективным причинам несостоятельно в силу нескольких факторов.

1. Английский язык в настоящее время, так же, как и русский язык в свое время, пришел в тюркоязычный мир Евразии не в диалектах, как когда-то в Америку (США, Канада), а в литературных нормах, охватывающих все уровни языка (фонетику, лексику, словообразование, морфологию, синтаксис), а также стилистику и просодику, т.е. преподается в нормах, следовательно, в локальных территориях функционирует также в нормах. А это значит, что возможности формирования

большого социально значимого *Lingua franca*, а тем более нового литературного варианта английского языка сводятся почти к нулю. Другое дело, что английский язык преподается в школах не только в варианте британского английского (как правило), но в некоторых случаях и в варианте американского английского и очень редко фрагментами смешения элементов *British English* и *American English*. Но надо иметь в виду, что эти варианты английского языка являются нормативными. К тому же смешение элементов этих двух литературных вариантов английского языка наблюдается и в самой Англии (см.: Джусупов 2016).

Еще одним доказательством этому является русский язык, который вошел в тюркский мир Средней Азии и Казахстана 200—250 лет назад и особенно распространился в XX веке. Однако основе контактирования с местными (узбекским, казахским и другими) языками его нового литературного варианта нет, так как он распространялся по строгим нормам единого русского литературного языка через систему школьного образования, а в советское время — в единых советских образовательных стандартах, касающихся как языка, так и всех других дисциплин.

Таким образом, английский язык в тюркоязычном мире Евразии контактирует с литературным узбекским, казахским и другими языками. Контактирования диалекта английского языка с тюркским языком или диалекта тюркского языка с английским языком не существует, поэтому и отсутствуют лингвистические и экстралингвистические факторы формирования нового литературного варианта английского языка в тюркской Средней Азии и в Казахстане, и тем более социально значимых *Lingua franca* или языков пиджин.

2. Следующим фактором, не способствующим формированию нового варианта английского языка и социально значимого *Lingua franca* (*Lingua English*), является полидиалектность узбекского языка и наличие нормативного узбекского литературного языка.

Узбекский язык — многодиалектный язык. Его диалекты входят в систему трех наречий узбекского языка — карлуко-чигилийского, кыпчакского, огузского, которые являются и основными тремя наречиями и тюркских языков в целом. Таким образом, узбекский язык — это язык, состоящий из диалектов, которые резко отличаются друг от друга, так как одни из них сформированы в системе одного наречия, вторые — в системе другого наречия, а третьи — в системе третьего наречия. Объединяет генетических узбекоговорящих носителей узбекского языка нормативный узбекский литературный язык, язык, который в такой же степени резко отличается от большинства диалектов узбекского языка, особенно огузских и кыпчакских (см.: Туйчибоев, Хасанов 2004).

Генетический носитель узбекского языка, как правило, владеет узбекским родным диалектом и родным узбекским литературным языком, т.е. он внутри своего родного языка является внутриязыковым билингвальным индивидом. Это положение в подавляющем большинстве распространяется и на узбекские территориальные лингвосоциумы, стремящиеся к овладению нормативным узбекским литературным языком, что осуществляется, прежде всего, в системе школьного образования.

Итак, стремление к единой языко-речевой норме, овладению ею заложено в виде лингводеятельностного психообраза в сознании узбека, узбекского общества. Эти психические, психолингвистические, собственно языковые, лингвокультурологические умения и навыки, выработанные на материале родного языка, узбекский индивид-учащийся переносит и на овладение нормативным литературным английским языком, что у старшего поколения уже выработано в процессе овладения русским литературным языком.

Это обстоятельство (внутриязыковой узбекский билингвизм) оказывает серьезное воздействие на нейтрализацию возможностей формирования *English franca* и тем более нового варианта английского литературного языка в условиях узбекофонии.

В условиях казахской языковой среды, в которой нет диалектов (см.: Джусупов 2015), также отсутствуют какие-либо серьезные лингвистические и экстралингвистические факторы для формирования социально значимого *English franca* или нового варианта английского литературного языка, так как бездиалектный индивид-казах и казахский социум на родном языке говорит и пишет в одних нормах — в нормах казахского литературного языка. В его сознании контактируют две языковые стихии — казахский литературный язык и литературный вариант английского языка. Они оба нормативные. В сознании казаха, в отличие от сознания узбека, отсутствует контактирование диалекта и литературного языка, т.е. отсутствует смешение нормативных и ненормативных языковых единиц, языковых явлений. Эти нормативные умения и навыки переносятся на овладение едиными нормами литературного варианта английского языка, поэтому возможности формирования англо-казахского *English franca* или нового варианта литературного английского языка сводятся почти к нулю.

3. В свое время русский язык, как сейчас английский язык, пришел на тюркофонную территорию Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Каракалпакстан, Кыргызстан, Туркменистан), когда уже была сформирована тюркская великая художественная литература, история, философия, математика, религиоведение, символы, устные и письменные многовековые традиции (А. Навои, М.Х. Дулати, К.К. Джалаири, Абай и др.), которые были нормативными. Письменная элита этих народов в прошлом (когда грамотных было немного) строго придерживалась норм, традиций, философских, религиозных и др. научных воззрений (к чему хотели стремиться и неумеющие читать и писать), что послужило частью фундамента для овладения, например, русским языком (еще до прихода английского языка) в его литературных нормах, который и преподавался в строгих нормативных традициях. Эти лингвистические и социальные факторы в настоящее время являются одним из гарантов овладения английским языком в нормах литературного варианта английского языка (а не в *English franca*), так как в сознании тюркофона сформированы психообразы осознания своего прошлого многовекового письменного знания (хоть и на другой графике) и настоящего письменного и устного знания, которые держат его в рамках норм не только родного языка, но и изучаемого языка.

4. Все эти лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на процесс контактирования языков в сознании тюркофона и на процесс овладения, в нашем случае, английским языком, не способствуют формированию *pidgin English* или нового литературного варианта английского языка в условиях тюркской языковой среды, а дают стимул к овладению нормативным британским или американским вариантом английского литературного языка.

В третьей главе монографии «Прагматические особенности английского языка в речи узбекистанцев» (Рахимов 2017: 127—186) рассматриваются такие проблемы в речи узбекистанцев на английском языке, как: лингвокультурологическая проблема, проблема категории вежливости, акцент.

Проблемы лингвокультурологии и акцента анализируются во взаимосвязи, так как культура языка и речи тесно соприкасается с проблемой речевого акцента; уменьшение акцента повышает в целом культурные и лингвокультурологические аспекты владения неродным языком и наоборот.

В работе акцент рассматривается как некоторый недостаток в речи на втором языке и даже как ошибки. Такое понимание акцента в речи на втором языке широко распространенное. В этом случае акцент является проблемой речевой интерференции. С таким подходом к пониманию акцента можно и соглашаться, и не соглашаться. Мы стоим на научной позиции, что акцент — это не в полной мере речевая интерференция: это явление, которое формируется после преодоления речевой интерференции почти на всех уровнях языка. Акцент — это уже устоявшаяся специфика речи на неродном языке, которая многими слушателями и специалистами не рассматривается как недостаток в речи на втором языке. Такая речь часто привлекает внимание большого количества слушателей, собеседников (кавказский акцент, прибалтийский акцент). Согласно определению в Терминологическом словаре акцент — это «...своеобразное произношение на Втором языке, в котором непроизвольно проявляется Артикуляционная база Родного языка...», далее написано, что это «...проявление интерференции на фонетическом уровне» (Тіл білімі сөздігі 1996: 28).

В целом мы согласны с таким определением акцента, а в частности же — не полностью. Во-первых, следовало бы, на наш взгляд, говорить о некотором проявлении в речи на втором языке некоторых особенностей работы (функций) артикуляционной базы родного языка, а не полностью всей работы артикуляционной базы, потому что индивид и социум, говорящие на втором языке, уже им владеют хорошо или даже в совершенстве (лексикой, грамматикой, стилистикой, просодикой). Акцент в данном случае проявляется в большей степени на уровне интонации, ритма, тона и потом на сегментном фонемно-звуковом уровне, но который не искажает звукопроизносительные и акустические нормы второго языка. Поэтому завершающую часть определения акцента в словаре как «...проявление Интерференции на фонетическом уровне» (согласные — «на звуковом уровне») можно отнести к традиционному обыденному пониманию акцента. Акцент — это явление, которое и типично, и нетипично, и проявляется (или формируется) после преодоления речевой интерференции, которая понимается как явные и неявные

ошибки в речи на втором языке, когда такая речь воспринимается специалистами как невладение или плохое, слабое владение неродным языком, на котором индивид пытается общаться или который он изучает. Поэтому понимание акцента в речи, на наш взгляд, следует рассматривать не как речевую интерференцию, а как девиацию, которая проявляется в устной или письменной речи на втором языке как преднамеренно (осознанно), так и непроизвольно (неспециально, неосознанно) (О девиации подробно см.: Джусупов 2016).

В четвертой главе монографии «Английский язык в системе образования Узбекистана» (Рахимов 2017: 187—235) исследуются такие актуальные проблемы, как: методология и методика обучения иностранным языкам в целом и английскому языку в частности; психолингвистические и когнитивные особенности усвоения неродного языка; варианты английского языка и проблема языкового образования; *Lingua franca* в системе образования.

Анализ обучения английскому языку в аспекте проблем социолингвистики дает возможность рассмотреть лингводидактику и методику с новых (нетрадиционных) учебно-научных позиций, которые позволяют во главу угла ставить не только собственно языковедческие, но и экстралингвистические факторы, связанные, с одной стороны, с предлагаемым обучающимся английским языковым материалом и, с другой стороны, с социолингвистической ситуацией английского языка в условиях контактирования в РУз не только с узбекским, но и с русским, и с другими языками, функционирующими на этой полиязычной, полиэтнической географической территории.

Обзор научной литературы, ее анализ, выводы и умозаключения свидетельствуют о научной компетентности автора книги.

Книга интересна, она способствует решению существующих проблем и видению новых проблем как в области теории языка, сравнительного языкознания, социолингвистики, так и в области лингводидактики и методики обучения неродному (английскому) языку. Логическая взаимосвязь, взаимопоследовательность и взаимообусловленность рассматриваемых проблем в монографии последовательно дополняют друг друга.

В монографии теоретические и практические аспекты английского языка в условиях Узбекистана, когда он контактирует больше всего с тюркскими языками (узбекский, каракалпакский, казахский и др.), анализируются через призму тюркского фонологического сита, которое пропускает или не пропускает те или иные особенности английского языка для восприятия и речепроизводства тюркофоном (прежде всего узбекофоном), независимо от типа литературного варианта английского языка (о тюркском фонологическом сите см.: Поливанов 1935).

Многие общелингвистические, лингвоконтрастивные, социолингвистические, лингводидактические и методические проблемы, рассматриваемые в монографии, существуют и в других странах СНГ, в которых активное вхождение английского языка в сферу образования, предпринимательства, бизнеса, дипломатии, лингвокультурных отношений и т.д. началось в такое же время, почти в таких же социальных условиях, поэтому умозаключения, материалы, представленные в книге

Г.Х. Рахимова, в научном и практическом планах будут полезны не только для специалистов Республики Узбекистан, но и для специалистов, работающих и в других тюркоязычных республиках СНГ.

Список использованной литературы (314 наименований) обширный, разносторонний, достаточный и необходимый для книги, написанной в жанре монографии, как первичного научного текста.

Наши пожелания касаются следующего.

1. В книге желательно было бы глубже дифференцировать лингводидактическое описание теоретического языкового материала от методики его внедрения в учебный процесс.

2. Желательно было бы в работе рассмотреть и проблему интерференции в английской речи тюркофонов (прежде всего узбекофонов), так как процесс изучения неродного языка (в данном случае английского) обязательно сопровождается уровневой, межуровневой и просодической речевой интерференцией, для преодоления которой нужно осуществить лингводидактическое описание теории английского языка для целей обучения учащихся узбекской аудитории и хотя бы схематично представить методику его внедрения в учебный процесс.

3. Желательно было бы рассмотреть явление акцента с позиции различных научных точек зрения на его понимание как устойчивого, артикуляционно-интонационного аспекта в речи на неродном языке у определенного национального социума (социумов), уже хорошо или в совершенстве владеющего (владеющих) вторым языком. Акцент в этом случае не воспринимается слушателем как речевая интерференция, поэтому, как правило, рассматривается как положительное свойство речи на неродном языке и привлекает внимание большего количества слушателей.

Монография Рахимова Г.Х. «Инглиз тили Ўзбекистонда: социолингвистик ва прагматик кўрсаткичлар» (Английский язык в Узбекистане: социолингвистический и прагматический аспекты) характеризуется научностью, объективностью, скрупулезной методикой анализа языкового материала, выводами и умозаключениями, вбирающими в себя как традиционные проблемы контактирования языков и функционирования неродного (инострannого) языка в условиях тюркского языкового мышления и восприятия другой инофонии (германской), так и новые (зародившиеся и зарождающиеся) социолингвистические, прагматические проблемы, охватывающие различные социальные сферы деятельности индивида и общества в новых условиях — в условиях независимого развития государства и локального, но активного вхождения английского языка.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процессы развития языков и культур в современных условиях имеют позитивные и негативные аспекты. Позитивные аспекты связаны с взаимообогащением языков и культур в результате их контактирования как родственных языков (например, узбекского и казахского), так и неродственных языков (например, узбекского, казахского и др., с одной стороны, и русского и английского —

с другой). Негативные аспекты связаны с тотальным доминированием широко распространенного языка и культуры при контактировании их с языками и культурами малочисленных народов, в результате которого последние или функционируют на грани исчезновения или уже исчезли. Таких примеров в современном мире немало, когда под воздействием английского, французского, русского и других языков и культур языки и культуры малочисленных народов становятся достоянием истории (см.: Араева, Булгакова, и др. 2016).

Русский язык в свое время и английский язык в настоящее время пришли в тюркский мир Центральной Азии, когда были сформированы национальные литературные языки в области художественной литературы, науки, государственной деятельности, экономики и т.д., поэтому «угроза» их «отрицательного» влияния на ход развития узбекского или казахского языков и культур не будет ощущаться как процесс серьезной нейтрализации, так как эти тюркские языки прошли основные этапы формирования национального языка как государственного во всех социальных сферах деятельности общества.

То, что узбекский или казахский языки — это постоянная категория в пространстве времени и территории, доказывает тесное, почти 150-летнее, контактирование их с русским языком и культурой, в результате которого эти тюркские языки получили дополнительный заряд в ходе своего функционирования в XX веке и в настоящее время, т.е. в полном виде сохранили и совершенствовали свои общетюркские и частнотюркские характеристики.

Планомерное, взвешенное внедрение английского языка в узбекский или казахский мир языка и культуры, в котором уже активно функционирует русский язык, на наш взгляд, будет способствовать расширению языкового и культурного функционирования этих народов в настоящем и будущем. Дозирование инофонии и инокультуры в условиях национального государственного языка и культуры дает положительные результаты в области образования, науки и в других социальных сферах (см.: Махкамова 2010; 2011), оттеснив негативные аспекты в системе контактирования языков и культур.

© М. Джусупов, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917—2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства М.: Крафт+; ИВ РАН, 2000. [Alpatov V.M. (2000). 150 jazykov i politika. 1917—2000. Sociolingvisticicheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva (150 languages and politics. 1917—2000 sociolinguistic problems of USSR and post-soviet area) Moscow.: Kraft+ IV RAN].
- Араева Л.А., Булгакова О.А., Калентьева Л.С. и др. Языковая картина мира телеутов: монография / отв. ред. А.В. Проскурина. — Кемерово: КГУ, 2016. [Araeva L.A., Bulgakova O.A., Kalent'eva L.S. i dr. Jazykovaja kartina mira teleutov (Linguistic world image of Teleuts). отв. red. A.V. Proskurina. Kemerovo: KGU, 2016].
- Байтурсынов А. Тіл — құрал (қазақ тілінің сарфы) Бірінші жылдық. Орынбор, 1914. [Bajtursynov A. Til — qural (qazaq tilining sarfy) (Language as a toolset (content of the Kazakh language)) Birinshi zhyldyq. Orynbor, 1914].

- Байтурсынов А. Тіл тағылымы (қазақ тілі мен оқу-ағартуға қатысты еңбектері). Алматы, Ана тілі, 1992. [Bajtursynov A. Til tagylymy (qazaq tili men oqu-agartuga qatysty engbekteri) (Teaching language (the Kazakh language and educational works)). Almaty, «Ana tili», 1992].
- Буранов Дж.Б. Сравнительная типология английского и тюркских языков. М.: Высшая школа, 1983. [Buranov Dzh.B. Sravnitel'naja tipologija anglijskogo i tjurkskih jazykov (Comparative typology of the English and Turkic languages). M.: Vysshaja shkola, 1983].
- Джусупов М. Русский и английский языки в системе школьного полилингвального образования в Узбекистане // Русский язык за рубежом. Специальный выпуск / русистика стран СНГ. М., 2017, С. 52—59. [Russkiy yazyk v sisteme shkolnogo poplilingvalnogo obrazovaniya v Uzbekitane (The Russian and English languages in the system of school multilingual education of Uzbekistan). *Russkiy yazyk za rubezhom. Spetsialnyi vipusk / Rusistika v SNG*. M., 2017, 52—59].
- Джусупов М. Звуковые системы русского и казахского языков. Слог. Интерференция. Обучение произношению. Ташкент: Фан, 1991. [Dzhusupov M. Zvukovye sistemy russkogo i kazahskogo jazykov. Slog. Interferencija. Obuchenie proiznosheniju (Phonetic system of the Russian and Kazakh languages. Syllable. Teaching of pronunciation). Tashkent: Fan, 1991].
- Джусупов М. Казахская государственность и бездиалектный казахский язык // Материалы Международной научно-практической конференции «От тюркского эля к Казахскому ханству». Москва: МГУ, 2015. С. 313—318. [Kazakhskaya gosudarstvennost i bezdialektyi kazahskiy yazyk (The Kazakh statehood and the dialectless Kazakh language). *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii "Ot tyurkskogo Elya k Kazahskomu khanstvu"*. Moscva, MGU, 313—318].
- Джусупов М. Русский язык в тюркофонном речевом пространстве Центральной Азии SLAVICA HELSINGIENSIA 40. INSTRUMENTARIUM OF LINGUISTICS: SOCIOLINGUISTIC APPROACHES TO NON-STANDARD RUSSIAN. HELSINKI University Press, 2010. [Dzhusupov M. Russkij yazyk v tjurkofonnom rechevom prostranstve Central'noj Azii (The Russian language in the Turkic-speaking area of Central Asia). *Slavica Helsingiensia 40. instrumentarium of linguistics: sociolinguistic approaches to non-standard Russian*. Helsinki University Press, 2010].
- Джусупов М. Фонемография А. Байтурсынова и фонология сингармонизма. Ташкент, Узбекистан, 1995. [Dzhusupov M. Fonemografija A. Bajtursynova i fonologija singlarmonizma [A. Bajtursynov's phonemography and phonology of synharmonism]. Tashkent, Uzbekistan, 1995].
- Джусупов Н.М. Активные стилистически релевантные процессы как результат выдвигания языковых девиаций (на материале английского и русского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 1. С. 19—27. [Aktivnye stilisticheskie process kak rezultat vydvizheniya yazykovykh deviaciy (na material angliyskogo I russkogo yazykov) (Active stylistically relevant processes as a result of foregrounding of linguistic deviations (using the materials of english and russian)). *Vesnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya yazyki I specialnost*, Moscva, 2016, 1, 19—27].
- Каримов И.А. О мерах по дальнейшему совершенствованию системы изучения иностранных языков. Постановление президента // Народное слово. 2012. № 240 (5630). [Karimov I.A. O merah po dal'nejshemu sovershenstvovaniju sistemy izuchenija inostrannyh jazykov. Postanovlenie prezidenta (About measures of further improving of the system of foreign language learning. Decree of President). *Narodnoe slovo*, 2012, № 240 (5630)].
- Махкамова Г.Т. Концепция формирования межкультурной компетенции студентов факультетов английского языка. Монография. Т.: Фан, 2010. [Mahkamova G.T. Konceptcija formirovaniya

mezhhkul'turnoj kompetencii studentov fakul'tetov anglijskogo jazyka (Concept of forming intercultural competence of faculty of the English language students). Monografija. T.: Fan, 2010].

Назарбаев Н.А. Указ Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева «О Государственной программе развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011—2020 годы». 29.06.2011. [Nazarbaev N.A. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan N.A. Nazarbaeva «O Gosudarstvennoj programme razvitija i funkcionirovanija jazykov v Respublike Kazahstan na 2011—2020 gody» (Decree of the President of Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbaev “About state development program and functioning of languages in the Republic of Kazakhstan). 29.06.2011. URL: <http://ru.government.kz/docsul10000011-02011629.htm> [Data obrashhenija 5.06.2015].

Поливанов Е.Д. Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. Ташкент; Самарканд, 1935 [Polivanov E.D. Opyt chastnoj metodiki prepodavanija russkogo jazyka uzbekam (Experience of individual methodology of teaching the Russian language to Uzbeks). Tashkent; Samarkand, 1935].

Рахимов Г.Х. Инглиз тили Ўзбекистонда: социолингвистик ва прагматик кўрсаткичлар. Ташкент, TAMADDUN, 2017. [Rahimov G.H. Ingliz tili O'zbekistonda: sociolingvistik va pragmatik kursatkichlar (The English language in Uzbekistan: sociolinguistic and pragmatic aspects). Tashkent, TAMADDUN, 2017].

Сулейменов О.О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата: Жазушы, 1975. [Sulejmenov O.O. Az i Ja. Kniga blagonamerennogo chitatelja (Az and Ya. Book of well-meaning reader). Alma-Ata: Zhazushy, 1975].

Сулейменова Э.Д. Казахский и русский языки: основы контрастивной лингвистики. Алматы, 1996. [Sulejmenova Je.D. Kazahskij i russkij jazyki: osnovy kontrastivnoj ligvistiki (The Kazakh and Russian languages: basis of contrastive linguistics). Almaty, 1996].

Тіл білімі сөздігі. Словарь по языкознанию / под общ. ред. проф. Э.Д. Сулейменовой. Алматы: Ғылым, 1998. 544 с. [Til bilimi sozdigi. Slovar po yazykoznaniju (The Dictionary on linguistics). Pod obshej redakciey prof. E.D. Suleymenovoy. Almaty, Gylym, 1998].

Туйчибоев Б., Хасанов Б. Узбекская диалектология (на узбекском языке): учебник для педагогических институтов и университетов. Ташкент, 2004. 186 с. [Uzbekskaya dialektologiya (na uzbekskom yazyke) (Uzbek dialectology (on the material of the Uzbek language)) Uchebnik dlya pedagogicheskikh istitutov i universitetov. Tashkent, 2004].

Юсупов У.К. Теоретические основы сопоставительной лингвистики. Ташкент: Фан, 2007. [Jusupov U.K. Teoreticheskie osnovy sopostavitel'noj lingvistiki (Theoretical basis of contrastive linguistics). Tashkent: Fan, 2007.]

Makhkamova G.T. Culture matters. Учебное пособие для студентов-бакалавров. Т.: Taffakkur Qanoti, 2011. [(Culture matters). Uchebnoe posobie dlja studentov-bakalavrov. Taffakkur Qanoti, 2011].

Для цитирования:

Джусупов М. Рецензия на монографию: Рахимов Г.Х. *Инглиз тили Ўзбекистонда: социолингвистик ва прагматик кўрсаткичлар* (Английский язык в Узбекистане: социолингвистический и прагматический аспекты). Ташкент: TAMADDUN, 2017 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 23. № 1. С. 254—266. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-254-266.

For citation:

Dzhusupov, Makhanbet (2018). The English language in Uzbekistan: sociolinguistic and pragmatic aspects. *Russian journal of linguistics*, 23 (1), 254—266. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-254-266.

Сведения об авторе:

МАХАНБЕТ ДЖУСУПОВ — доктор филол. наук, профессор, заслуженный профессор, почетный зав. кафедрой русского языка Узбекского государственного университета мировых языков. Один из основоположников фонологии сингармонизма, положения которых активно используются в сопоставительной лингвистике и методике обучения русскому языку студентов тюркоязычной аудитории. *Сфера научных интересов:* фонетика и фонология русского языка; стилистика русского языка; основы ведения научного исследования; сравнительное языкознание; сопоставительная лингвистика; социолингвистика; лексикография; контактирование русского и тюркских языков: билингвизм, интерференция; лингводидактика и методика. Автор 290 публикаций, в том числе 8 монографий, 8 учебников и 3 учебно-методических пособий. *Контактная информация:* e-mail: mah.dzhusupov@mail.ru

Bionote:

MAKHANBET DZHUSUPOV, Ph.D. (Advanced Doctorate), Professor, Honorary Professor and Honorary Head of the Department of the Russian Language at the Uzbekistan State University of World Languages. He is one of the founders of synharmonic phonology. His ideas are actively used in the studies of contrastive linguistics and methodology of teaching Russian to Turkic-speaking students. *Research Interests:* Phonetics and phonology; Russian stylistics; comparative linguistics; sociolinguistics; lexicography; Russian and Turkic languages contacts: bilingualism; linguodidactics and methodology of teaching languages. He has over 290 publications, including 8 monographs, 8 textbooks and 3 manuals. *Contact information:* e-mail: mah.dzhusupov@mail.ru

ЮБИЛЯРЫ

ВИКТОР ИВАНОВИЧ ШАХОВСКИЙ **к 80-летию со дня рождения**

9 января исполнилось 80 лет известному ученому-лингвисту, автору и другу журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика» Виктору Ивановичу Шаховскому.

В дни празднования круглых дат ученых принято вспоминать прошлое и говорить о пройденном юбиларом пути. Но когда речь идет о В.И. Шаховском, то, несмотря на солидную дату, все слова о нем невольно касаются категорий настоящего и будущего времени.

Почетный доктор Волгоградского государственного социально-педагогического университета, В.И. Шаховский и сегодня, как предыдущие полвека, работает в этом университете. Он главный научный сотрудник кафедры общего языкознания, которая была им создана и которой он руководил много лет, подготовив смену молодых руководителей — кандидатов и докторов наук. Его кафедра стала одним из центров российской теоретической лингвистики. Виктор Иванович — основатель российской школы эмотиологии и теории эмотивной лингвоэкологии, нова-

тор, открытый всему современному и умеющий создавать новое, не боящийся идти, если нужно, наперекор традициям, человек, умеющий опережать время.

Профессор В.И. Шаховский ведет активную научную деятельность, руководит аспирантами, оппонирует в диссертационных советах, продолжает читать лекционные курсы, пишет статьи и книги. Его рейтинг исчисляется не только количеством публикаций, но и многочисленными идеями, которыми он щедро делится с читателями своих печатных работ.

В.И. Шаховский — активный автор нашего журнала. [См.: Шаховский В.И., Волкова П.С. *Этико-эстетический аспект экологичности эмоций в произведениях искусства* (2015. № 1); Шаховский В.И. *Эмоциональная коммуникация как модератор модуса экологичности* (2015. № 1); Шаховский В.И. *Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности* (2018. № 1); Ионова С.В., Шаховский В.И. *Перспекция лингвокультурологической теории эмоций Анны Вежбицкой* (2018. № 4)]. Каждая его публикация активно цитируется, становится началом обсуждения или научной дискуссии. Мы благодарны Виктору Ивановичу за то, что своим научным авторитетом, широкими филологическими знаниями, редакционным опытом он всегда поддерживал деятельность журнала.

Слова благодарности, безусловно, будут неоднократно сказаны в адрес юбиляра, ведь умение помогать людям и поддерживать новые начинания — это то, что отмечают многие из тех, кто знаком с В.И. Шаховским, учился у него или обращался к нему за советом, помощью, рекомендацией. Высокий профессионализм, невероятное трудолюбие, умение отстаивать свои убеждения и в то же время понять другого и пойти на компромисс, острый ум и тонкий юмор, энтузиазм и оптимизм даже в самых сложных жизненных ситуациях — это те качества, которые создают уникальный образ личности большого ученого и мудрого человека — В.И. Шаховского.

Редколлегия журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика» вместе с нашими читателями поздравляет Виктора Ивановича Шаховского с замечательным юбилеем и желает ему крепкого здоровья, сил, бодрости и научного долголетия.

К нашим поздравлениям присоединились коллеги, ученики и друзья В.И. Шаховского, которые прислали в редакцию свои поздравления, мысли и воспоминания. Мы с радостью публикуем их как наш подарок юбиляру.

Имя Профессора В.И. Шаховского как основателя и руководителя научной школы эмотивной лингвистики известно не только в нашей стране, но и в научных кругах многих стран.

В 50-х годах прошлого века Виктор Шаховский, выпускник сельской школы, поступил в Волгоградский педагогический институт и навсегда связал свою жизнь с этим вузом и выбранной специальностью — учителя-филолога. Преданность своему вузу, науке в целом и выбранной исследовательской парадигме — доминирующая черта личности В.И. Шаховского, определяющая его научную и гражданскую позицию и весь образ жизни.

Поражает его одержимость, способность генерировать новаторские идеи, выявлять новые лакуны в научном поле эмотивной лингвистики. Обращение Виктора Ивановича к проблемам лингвоэкологии доказывает, что им движет не только научный энтузиазм, но и забота о сохранении русского языка, национальной коммуникативной культуры, что понимается как возможная духовная скрепа нашего общества.

Настоящий ученый, как известно, продолжает себя в своих учениках, а круг учеников Виктора Ивановича достаточно представительен: под его руководством защищено 14 докторских и 36 кандидатских диссертаций. «Питомцы гнезда» В.И. Шаховского не только представляют высококвалифицированный кадровый потенциал Волгоградского государственного социально-педагогического университета, но и работают во многих вузах нашей страны, продолжая развивать идеи своего научного наставника — теорию эмотивной лингвистики.

Виктор Иванович — не только выдающийся ученый, но и уникальный преподаватель, чьи авторские лекционные курсы по лексикологии, стилистике английского языка и типологии языков, спецкурсы по лингвокультурологии эмоций заряжают будущих филологов научным энтузиазмом и интересом к изучаемым дисциплинам. А разработанная им новая концепция учебника по стилистике английского языка активно внедряется в учебный процесс не только в российских университетах, но и в ряде вузов Испании.

Виктор Иванович Шаховский — автор около 550 научных работ, опубликованных в российских и зарубежных изданиях, он дважды включен в топ-лист «Языкознание: Топ-100 самых цитируемых российских ученых по данным eLibrary.ru (2016, 2017 гг.)».

В эти юбилейные дни мы, коллеги, ученики и друзья Виктора Ивановича, от всей души желаем ему здоровья, долгих лет жизни и новых научных свершений!

От имени Института иностранных языков
Волгоградского государственного
социально-педагогического университета

Надежда Николаевна Панченко

доктор филологических наук, профессор,
директор Института,
заведующая кафедрой языкознания

Елена Константиновна Черничкина

доктор филологических наук,
профессор кафедры английского языка
и методики его преподавания

Ольга Аркадьевна Леонтович

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой межкультурной
коммуникации и перевода

Дорогой Виктор Иванович!

Спешим поздравить Вас с замечательным Юбилеем! 80 лет — возраст мудрости! Вы — славный труженик на ниве российской науки, создавший свою научную школу, воспитавший многих замечательных исследователей. Мы, московские психолингвисты, счастливы, что Вы много лет с нами, разделяете наши радости и невзгоды. Вы — неременный участник всех наших психолингвистических мероприятий, член редакционного совета нашего журнала «Вопросы психолингвистики», а самое главное — замечательный человек и верный товарищ. Желаем Вам неиссякаемого оптимизма, сил и здоровья и продолжения научного творчества.

От имени московских психолингвистов

Наталья Владимировна Уфимцева

доктор филологических наук, профессор,

заведующая сектором этнопсихолингвистики ИЯ РАН

В Томском государственном педагогическом университете знают и ценят Виктора Ивановича Шаховского как выдающегося ученого и многогранную личность.

Виктор Иванович Шаховский широко известен в России и за рубежом как автор интересных книг, учебных пособий, статей по актуальным вопросам теории языка, лингвоперсоналогии, эмотивной лингвистики, основателем которой он является, как знаток и ценитель русской речевой культуры, как уважаемый всеми профессор, талантливый организатор и вдохновитель научной деятельности возглавляемой им в течение долгих лет кафедры языкознания в Волгоградском социально-педагогическом университете. Как ученый Виктор Иванович внес особенно большой вклад в разработку лингвистической теории эмоций и новых подходов к изучению их роли в жизни человека. Его научные труды всегда интересны не только ученым-специалистам, но и преподавателям вузов, аспирантам, студентам. Увлеченность делом, талант и творческая энергия Виктора Ивановича, обаяние его личности не могут не привлекать всех, кто его окружает.

Дорогой Виктор Иванович! Поздравляя Вас с замечательным Юбилеем, желаем Вам неиссякаемой творческой энергии, бодрости, крепкого здоровья на долгие годы, любви и понимания всех, кто рядом.

Нина Сергеевна Болотнова

доктор филологических наук, профессор,

заведующая кафедрой русского языка

и ученые Томского государственного

педагогического университета

Дорогого Виктора Ивановича от всей души поздравляют участники научной школы скрытой прагмалингвистики! Мы считаем себя и Вашими, Виктор Иванович, учениками и с нетерпением ждем Ваших новых книг, идеи которых вносят

неоценимый вклад в развитие нашего направления! Мы желаем Вам и Вашим родным и близким крепкого здоровья на долгие годы на радость нам и всему лингвистическому сообществу! Пусть крепнет наша дружба и сотрудничество еще многие годы! Ура!

С уважением,
Галина Григорьевна Матвеева
доктор филологических наук,
профессор кафедры «Мировые языки и культуры»
Донского государственного технического университета

Не каждому ученому дано построить оригинальную концепцию, которая становится направлением науки. И не всегда эта концепция бывает принята научным сообществом. Виктору Ивановичу Шаховскому удалось создать целостную теорию эмотивной лингвистики, органически сочетающую в себе достижения системно-структурного и антропологического языкознания, вырастить школу учеников и последователей и сделать педагогический университет в Волгограде одним из центров российской лингвистики. Книги и статьи профессора В.И. Шаховского востребованы, на его лекциях студентам всегда интересно, его выступления на конференциях остаются в памяти. В нем органически сочетаются страстное стремление к совершенству, оптимизм и чувство юмора. В день юбилея я хочу пожелать моему учителю и коллеге творческого вдохновения, новых интересных идей и крепкого здоровья!

Владимир Ильин Карасик
доктор филологических наук,
профессор кафедры общего и русского языкознания
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

Дорогой Виктор! От всей души поздравляю Вас, талантливого ученого и исследователя, автора многочисленных фундаментальных и прикладных работ по фразеологии, теории эмотивности, лингвокультурологии, психолингвистике, прекрасного учителя и наставника, удивительного человека с замечательным юбилеем! Я с Вами знакома почти 40 лет. Мы вместе восхищались трудами Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова (ЮСА), дружили с В.Н. Телия.

Вы щедро одарены талантами, а потому стали основателем целого научного направления, большой научной школы, которая под Вашим руководством работает на благо науке, беззаветному служению которой Вы посвятили свою жизнь. Крепкого Вам здоровья, неиссякаемой энергии, творческих успехов на поприще служения лингвистике. Многая лета Вам!

Валентина Авраамовна Маслова
доктор филологических наук,
профессор кафедры германской филологии
Витебского государственного университета
им. П.М. Машерова, Беларусь

Дорогой мой друг, дорогой профессор Шаховский!

Поздравляю с 80-летием! Желаю здоровья! Пусть твое большое и человеколюбивое сердце в этот прекрасный день торжествует от лучезарных слов любви, благодарности и уважения, которые будут говорить тебе твои близкие, друзья и коллеги из России и со всего мира. Поклон тебе за твою преданность друзьям, за твою удивительную творческую энергию блестящего ученого, обогатившего российскую и мировую лингвистику новыми идеями, открытиями и проникновенными языковедческими трудами. Поклон твоему таланту и нравственной силе. Поклон твоей восхитительной способности создавать единомышленников и последователей в преподавательской и научно-исследовательской деятельности. Многая лета!

Руси Димитров Русев

доктор филологических наук,
профессор кафедры болгарского языка,
литературы и искусств
Русенского университета «Ангел Кънчев», Болгария

Дорогой Виктор Иванович!

Сердечно поздравляю Вас с Днем рождения, с Юбилеем! Мы с вами вступили в возраст зрелый, мудрый. Но я как-то не ощущаю в себе ни зрелости, ни мудрости. Так, вот, я думаю, что, коль я молодая, то и Вы тоже молодой. По крайней мере, я желаю, чтобы Вы оставались таким же молодым, каким я помню Вас в нашу первую встречу Новосибирске в 69-м или 71-м году.

Вы настоящий друг, неравнодушный ученый, искренне желающий донести свои мысли, идеи, достижения до своих коллег и получить ответную реакцию. Отсюда наш постоянный обмен работами, который длился на протяжении многих лет. Какие-то проблемы были у нас общими, например, проблема эмотивности. Вы шли своим путем, я — своим. Но всегда Ваши работы были для меня путеводной звездой. На них я опиралась в своих «исканиях истины».

Вся Ваша жизнь посвящена науке. И даже сейчас, когда можно, как говорится, отдохнуть, почить на лаврах, Вы продолжаете активно работать. Я искренне желаю Вам успешной работы, осуществления всех Ваших научных планов и чтобы Вас всегда окружали Ваши родные, коллеги, ученики и друзья.

Нина Александровна Лукьянова

доктор филологических наук,
профессор кафедры общего и русского языкознания
Новосибирского государственного университета,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Дорогой Виктор Иванович! Не верится, что Вы на пороге весомого юбилея. Вы всегда молоды, энергичны, полны идей, умеете заражать ими всех вокруг, даже тех, кто не занимается эмоциями, эмотивностью и др. Вы никогда не оста-

навливаются, всегда идете вперед, неудержимы в своем движении. Это заставляет нас иначе смотреть на привычные лингвистические предметы и объекты, а значит, Вы, как локомотив, двигаете НАУКУ и нас! Вы неравнодушный, страстный человек и ученый, который показывает всем нам, что может сделать ЛИНГВИСТ в СОВРЕМЕННОЙ науке. Это дорого стоит! Встречи с Вами незабываемы, как Ваши статьи, книги, отзывы на диссертации! Многие Вам лета!

Лариса Олеговна Бутакова

доктор филологических наук, профессор
от имени ученых кафедры русского языка,
славянского и классического языкознания
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Выражаю искреннюю благодарность главному редактору журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика» Татьяне Викторовне Лариной за возможность сказать несколько слов об уважаемом юбиляре — Викторе Ивановиче Шаховском, благодаря работам которого лингвистика эмоций стала отдельной большой областью исследований. Я не имела возможности лично общаться с Виктором Ивановичем, но о личности человека можно судить по его поступкам и его работам. В 2007 году моя аспирантка А.С. Ильинская написала кандидатскую диссертацию, посвященную исследованию грамматических маркеров эмоциональности в английском языке. Мы послали автореферат Виктору Ивановичу, даже не смея просить его об отзыве, хорошо зная о его занятости. Можете себе представить нашу радость, когда мы получили от Виктора Ивановича отзыв, в котором была дана высокая оценка диссертации. Это очень много говорит о личности ученого, хорошо понимающего, как важна для начинающего исследователя оценка его работы. Знакомство с работами Виктора Ивановича также позволяет составить представление о личности ученого как о человеке огромной эрудиции, относящимся с большим уважением к иному мнению и, что самое главное, как о человеке, влюбленном в свое дело. От души желаю Виктору Ивановичу здоровья, счастья, успехов и новых работ!

Любовь Александровна Козлова

доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии
Алтайского государственного педагогического университета

Виктор Иванович Шаховский — это ученый, с которого мне в мои аспирантские годы Вероника Николаевна Телия, называвшая его книги «Эмотивный компонент значения и методы его описания» (Волгоград, 1983) и «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» (Воронеж, 1987) образцовыми, рекомендовала делать себя. Этот совет мне очень пригодился. Когда у меня стопорится работа над статьей об эмоциях, я перечитываю абзацы из книг Виктора Ивановича, фрагменты из книг, на которые он ссылается, и приобретаю

«чувственную ткань» (А.Н. Леонтьев), которая есть не только у конкретной лексики, но и у абстрактных терминов и даже математических символов, необходимую для познания истины. Виктор Иванович не только выдающийся ученый, но и человек большой душевной щедрости. Для меня, кроме моих научных руководителей — Владимира Леонидовича Архангельского и Николая Андреевича Кондрашова — это главный помощник в научной жизни.

Я желаю Виктору Ивановичу долгих лет жизни, крепкого здоровья, творческих замыслов и их успешного воплощения и чтобы люди были к нему так же щедры, как и он к ним!

Ирина Владимировна Труфанова

доктор филологических наук,
доцент Московского Центра
развития кадрового потенциала образования

Я благодарна судьбе за то, что 25 лет назад она сделала меня ученицей Виктора Ивановича Шаховского, крупного Ученого и талантливое Учителя, создателя научной школы эмотивной лингвистики. Талант Виктора Ивановича — в том, что он увидел будущее науке о языке, показав, что эмоции могут и должны быть предметом лингвистических исследований; в том, что он смог донести свои идеи и концепции до широкой научной аудитории; в том, что он своим энтузиазмом и силой мысли собрал и организовал вокруг себя многочисленных учеников и последователей. Выражая свою признательность, благодарность, уважение, восхищение и любовь к Учителю, хочу пожелать ему новых идей, новых проектов и новых достижений!

Яна Александровна Волкова

аспирант и докторант В.И. Шаховского,
доктор филологических наук,
профессор Российского университета дружбы народов

Виктор Иванович Шаховский, вероятно, пришел из Античности. Главное в нем — забытое многими умение не отрывать науку от жизни, а теорию от ценностей человека. В своей книге «Азбука человечности» об учителях, коллегах, тех, кому Виктор Иванович остается благодарным и кем восхищается, он нам показал, что хорошая гуманитарная наука всегда отражение моральных качеств ученых, а талант — это умение поднять теоретическую идею до высот освоенной практики. Эти принципы он передал нам, его ученикам, и мы стараемся воплотить их в своей работе и в жизни. Умение Виктора Ивановича открыто декларировать и самоотверженно отстаивать свои благородные идеи, а также «без страха и упрека» защищать всех тех, кто нуждается в помощи, вызывает

невероятное уважение и восхищение его личностью, дает чувство уверенности в своих силах, заражает научным и жизненным оптимизмом всех, кто находится рядом с ним.

Здоровья и бесконечного творчества Вам, дорогой Виктор Иванович.

Светлана Валентиновна Ионова

аспирант и докторант В.И. Шаховского,

доктор филологических наук,

профессор кафедры общего и русского языкознания

Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

*Вклад профессора В.И. Шаховского и основанной им в стенах Волгоградского социально-педагогического университета школы эмотиологии в отечественную науку далеко выходит за границы лингвистики. Мы убеждены в том, что методологический потенциал эмотивности, которая инициирует мыслеречевую деятельность языкового субъекта, направляя и корректируя его речевое поведение, напрямую связан с актуализацией смыслообразующей деятельности сознания. Поскольку именно смыслообразующая деятельность сознания выступает неотъемлемой составляющей подлинной личности, эмотивность оказывается одинаково значимой как для обыденной, так и для художественной коммуникации. Потому весьма перспективными видятся научные разработки, в рамках которых проекция категории эмотивности в пространство художественной литературы, музыки, изобразительного творчества, в том числе таких синтетических видов искусства, как балет, опера, театр, кинематограф и др., будет способствовать выявлению механизма, обеспечивающего духовное становление актора. В данном контексте имеется в виду роль эмотивности в снятии ложной установки сознания, (...) которая затрудняет формирование осуществляющего речевой поступок коммуниканта, чья мыследеятельность определяется внутренней социальностью. Последняя есть не что иное, как нравственное самосознание личности, выступающее в качестве источника зарождения общественных качеств речевого субъекта. Обуславливая единство *emotio* и *ratio* как единство внутреннего и внешнего, невербального и вербального, континуального и дискретного, эмотивность обретает статус универсального метода организации коммуникативно-языковых процессов, пробуждая в человеке собственно человеческое, т.е. способность реализовать себя на уровне полноправно владеющей своей речевой собственностью целостной эмоционально-коммуникативной личности.*

Полина Станиславовна Волкова

кандидат филологических наук, доктор философских наук,

доктор искусствоведения, профессор кафедры социологии

и культурологии Кубанского государственного

аграрного университета им. И.Т. Трубилина,

член Союза композиторов России

Уважаемый Виктор Иванович!

Примите самые искренние поздравления и выражение глубокой благодарности за Ваш неустомимый труд и огромный вклад в современную лингвистическую науку. Я благодарна судьбе за то, что она свела меня с Вами, и горжусь, что вхожу в число Ваших многочисленных учеников и последователей.

Впервые я встретила с Виктором Ивановичем в 1998 году, когда он проводил экспертизу содержания и качества подготовки студентов историко-филологического факультета в Волжском гуманитарном институте (филиале) ВолГУ. Меня удивило, что, прежде чем приступить к изучению документации, он изъявил желание пообщаться со студентами. Обладая необходимой профессиональной компетентностью, а также практическим опытом, Виктор Иванович покорила всех своей эрудицией и огромным запасом знаний во многих смежных с лингвистикой областях. Преподаватели и студенты, знающие профессора В.И. Шаховского лишь по его научным трудам, были восхищены поразительно легким общением с ним, его креативным мышлением и работоспособностью.

Позже Виктор Иванович стал консультантом моей докторской диссертации. Для меня особенно ценно, что Виктор Иванович не только талантливый ученый и новатор, но и интересный собеседник и замечательный человек редких душевных качеств. Его неумная энергия, высокая интеллектуальная активность, умение работать и решать поставленные задачи служат для меня примером, который воодушевляет и заставляет поверить в собственные силы.

Татьяна Гавриловна Ренц

доктор филологических наук,

доцент Волжского филиала

Волгоградского государственного университета

ЛЮБОВЬ АЛЕКСАНДРОВНА КОЗЛОВА **к 75-летию со дня рождения**

1 марта отмечает юбилей известный ученый, прекрасный наставник и замечательный человек Любовь Александровна Козлова. Вся ее жизнь неразрывно связана с Алтайским государственным педагогическим университетом, где она прошла все академические ступени — от студентки до доктора филологических наук, профессора, Почетного профессора АлтГПУ. Здесь она стала видным российским ученым, ведущим специалистом в передовых областях лингвистической науки, среди которых когнитивная и функциональная лингвистика, этнолингвистика, сопоставительная прагматика и лингвокультурология.

В течение 35 лет Л.А. Козлова возглавляла кафедру английской филологии Лингвистического института АлтГПУ. За это время благодаря ее участию не только повысился научный и профессиональный уровень коллег и учеников, но и качественно изменился коллектив кафедры, где выросли десятки кандидатов и докторов наук. Под руководством Л.А. Козловой было защищено 28 кандидатских диссертаций и 3 докторских. Она автор многочисленных публикаций, среди которых монографии, учебники, учебные пособия, научные статьи.

Любовь Александровна продолжает неустанно трудиться. В своих научных исследованиях она успешно разрабатывает новое междисциплинарное направление — этнограмматику, показывая, как особенности культуры определяют грамматический строй английского языка и его функционирование. Среди ее последних работ, развивающих эту тему, статья «*Этнокультурный потенциал залоговых форм и его дискурсная актуализация*», написанная к юбилею Анны Вежбицкой и опубликованная в нашем журнале (2018. № 4).

Редколлегия журнала «Вестник Российского университета. Серия: Лингвистика» благодарит Любовь Александровну Козлову за сотрудничество и присоединяется к многочисленным поздравлениям ее коллег, друзей и учеников, поступившим в нашу редакцию. Мы поздравляем Любовь Александровну с замечательным юбилеем и желаем крепкого здоровья, нескончаемого оптимизма, счастья и еще многих лет научного творчества. Мы присоединяемся к высокой оценке ее научных достижений и человеческих качеств, которые звучат в поздравлениях.

Дорогая Любовь Александровна!

Вы внесли заметный вклад в становление и развитие лингвистического образования на Алтае и по праву являетесь Почетным профессором Алтайского государственного педагогического университета, в котором, цитируя известную песню о школе, «пройдено и прожито немало». Вы долгие годы возглавляли кафедру английской филологии, где сформировали атмосферу взаимного уважения, творчества и постоянного профессионального совершенствования.

Концепт ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОТДЫХ Вы еще не включили в свою картину мира, Вы преисполнены планов и энергии и остаетесь востребованной в своей профессии и в вузе. Блестящий, неугомонный лектор, Учитель по призванию, Вы одинаково хорошо себя чувствуете и в студенческой, и в аспирантской аудитории, и в кругу своих коллег — ученых. Вы всегда в работе, всегда обращены в будущее, успешно реализуя свои планы и мечты.

Вы продолжаете быть требовательной к себе и своим ученикам, проявляете себя высокообразованным лектором, талантливым наставником молодежи, неугомонным организатором науки. Ваши лингвистические курсы и семинары не перестают быть прекрасной школой для студентов, аспирантов и докторантов лингвистического института АлтГПУ и других вузов Сибири.

Дорогая Любовь Александровна!

В этот счастливый день Вашего юбилея мы, Ваши коллеги и друзья, желаем Вам самого главного: крепкого сибирского здоровья и созидательных успехов, благополучия Вам и Вашим близким.

От имени Института лингвистики АлтГПУ Алтайского государственного педагогического университета

Игорь Юрьевич Колесов

доктор филологических наук,
профессор, декан института

Любовь Александровна Козлова относится к числу ученых, которые успешно совмещают в своей профессиональной деятельности педагогический, исследовательский и наставнический таланты, неизменно посвящая их делу служения образованию.

Л.А. Козлова уже много лет активный член диссертационных советов. Под ее руководством выросла целая плеяда ученых. Для ее последователей и учеников имя и дело Учителя всегда значимы.

Автор нескольких монографий, учебных пособий и многочисленных статей, Любовь Александровна всегда проявляет творческую активность и многостороннюю лингвистическую эрудицию.

Мастер, увлеченный своим делом, профессор Л.А. Козлова обладает замечательными личностными качествами, которые высоко ценят ее ученики и коллеги: природным обаянием, уважением к окружающим, скромностью и демократичностью взглядов.

Примите наши поздравления с юбилеем, дорогая Любовь Александровна, и искренние пожелания здоровья и осуществления всех творческих замыслов!

От имени ученых факультета лингвистики и перевода
Челябинского государственного университета

Лилия Амирянна Нефедова

доктор филологических наук, профессор, декан факультета

Говоря о разносторонней деятельности Любви Александровны Козловой, хочу отметить следующие моменты. Во-первых, ей принадлежит ряд трудов в области грамматического строя английского языка, раскрывающих механизм его функционирования. Естественно, в первую очередь, они вносят вклад в германское языкознание, однако представленный в них материал и формулируемые на его основе положения и выводы не менее интересны для специалистов в области теории языка. Так обстоит дело и с ее докторской диссертацией «Функциональное сближение частей речи в английском языке: Сущность, формы, механизмы и последствия», которая была защищена более двадцати лет назад, но до сих пор сохраняет свою актуальность. Во-вторых, — что, на наш взгляд, особенно ценно — ею был проведен ряд исследований, посвященных, пожалуй, одной из самых сложных и дискуссионных проблем науки о языке со времен В. фон Гумбольдта — взаимосвязи между грамматической структурой языка и тем, что традиционно именуется его национально-культурной спецификой. (Назовем, в первую очередь, написанную в соавторстве с С.А. Добричевым и Т.Г. Пиенкиной монографию «Этнокультурный потенциал языковых единиц различных уровней»). Как названное исследование, так и другие работы Любви Александровны, включая опубликованную в журнале «Вестник РУДН. Серия: Лингвистика» (т. 22, № 4, 2018) статью «Этнокультурный потенциал залоговых форм и его дискурсная актуализация», отличает, с одной стороны, стремление к широким теоретическим

обобщениям в области этнограмматики, а с другой — опора на обширный и многообразный фактический материал, позволяющий сохранить прочную связь с языковой реальностью и не допускающий отрыва от нее, чем порой грешат, если можно так выразиться, «чистые теоретики» в области лингвистики.

Поздравляя Любовь Александровну в день ее юбилея, желаю ей крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов в научной деятельности.

Георгий Теймуразович Хухуни

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории языка и англистики
Московского государственного областного университета

Дорогая Любовь Александровна!

Сердечно поздравляю Вас со славным юбилеем!

Я очень дорожу нашими дружескими отношениями, установившимися между нами с первой встречи в Алтайском государственном педагогическом университете на кафедре английской филологии, которую Вы тогда возглавляли. Вы делали все возможное, чтобы создать во вверенном Вам коллективе атмосферу взаимного уважения, творчества и постоянного научного поиска. И Вам это удалось. Теперь кафедра английской филологии АлтГПУ по праву считается гаванью лингвистической науки не только в Алтайском крае, но и в России. Вы сами никогда не стоите на месте, всегда в поиске и движении. Благодаря неиссякаемой энергии, высокому профессионализму и разносторонности научных интересов, Вы добились многого: стали блестящим наставником молодежи, видным российским ученым, ведущим специалистом в ряде областей лингвистической науки, но главное — остаётесь доброй, скромной, отзывчивой и очень человечной с друзьями, коллегами и окружающими, заботливой и нежно любящей мамой и бабушкой.

В этот счастливый день Вашего юбилея от души желаю Вам долгого здоровья и бодрости, созидательных успехов на поприще лингвистической науки. Благополучия Вам и Вашим близким!

Людмила Михайловна Босова

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры английского языка
Московского государственного института
международных отношений (Университета)
МИД России, г. Москва

Моя первая встреча с Любовью Александровной состоялась ровно 20 лет назад на заседании диссертационного совета в Алтайском государственном университете, где в феврале 1999 года я защищал кандидатскую диссертацию «Прагмалингвистические условия порождения рекламного текста (на материале англоязычной рекламы)». Вопросы, заданные мне во время защиты, как и выступ-

ление Любови Александровны в научной дискуссии, побудили меня к личному знакомству, а впоследствии и к изучению ее научного творчества. Через пять лет в этом же диссертационном совете состоялась защита моей докторской диссертации, и опять Любовь Александровна поразила меня своей активностью и научным интересом к проблематике диссертационного исследования «Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности». Наше дальнейшее общение проходит уже как бы в равных статусах на научных форумах разного уровня и сессиях диссертационного совета по германским языкам, где мы успешно сотрудничаем уже много лет. Употребление частицы «как бы» вовсе не случайно в данном контексте, поскольку только опыт научной деятельности позволит приблизиться к мудрости ученого Любови Александровны Козловой. Она проявляется в удивительной способности к глубокому проникновению в суть проблемы в многоаспектной парадигме современного языкознания, в логичности и аналитизме, в богатейших фундаментальных знаниях, в великолепных научных трудах, читать и слушать которые доставляет огромное удовольствие.

Спасибо Вам за обновление восторга души!

Многих лет творческой жизни, здоровья и благополучия!

Андрей Геннадьевич Фомин

профессор, доктор филологических наук,
профессор кафедры переводоведения и лингвистики
Кемеровского государственного университета

Я знакома с профессором Л.А. Козловой с 2001 года. И очень дорожу этим знакомством и дружескими отношениями, которые существуют все эти годы между нами. Хорошо знакома и с ее работами, в том числе с монографией «Этнокультурный потенциал языковых единиц разных уровней». Даже написала рецензию на первое издание этой книги, опубликованное в «Вестнике Удмуртского университета. Серия: История и филология». А позже я разработала небольшой курс по этнограмматике, который с интересом и удовольствием преподавала некоторое время моим студентам.

Сегодня я испытываю огромную радость и счастье от возможности поздравить мою дорогую, любимую Любовь Александровну с юбилеем! В этом Человеке удивительным и естественным образом связаны благородство души и талант ученого. Таких людей Марсель Пруст называл «очаровательными садовниками», заставляющими наши души цвести. От всего сердца желаю Любови Александровне долголетия — и творческого, и физического, любви, тепла, добра в семье, самого доброжелательного отношения со стороны окружающих. Желаю Здоровья и Счастья!!!

Наталья Иосифовна Пушина

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории языка, межкультурной
коммуникации и зарубежной литературы
Института языка и литературы
Удмуртского государственного университета, г. Ижевск

В научном творчестве Любови Александровны Козловой интегрированы интересы к разным сторонам языка — его когнитивному устройству и коммуникативной сущности, грамматике и лексике, семантике и прагматике... Именно эта черта научных изысканий Л.А. Козловой делает ее лингвистические труды интересными для читателя и стимулирующими его размышления в научной, практически-педагогической и языково-коммуникативной области. Мне посчастливилось в течение нескольких лет работать с Любовью Александровной в диссертационном совете при Алтайском государственном университете. В составе совета Л.А. Козлова входила в секцию теории языка. И это не случайно: ее работы в области грамматики английского языка, по своей проблематике и методологии, выполнены в контексте теории языка, а результаты исследования оказываются значимыми и для германистики, и для теории языка. Как члена совета профессора Козлову отличал высокий уровень требовательности к защищаемым диссертациям в соединении с уважительным отношением к их автору, будь то аспирант или докторант, к их научным руководителям и консультантам, поэтому у меня — как председателя совета — всегда было основание положиться на оценки и квалификации Л.А. Козловой. Таковы некоторые штрихи к портрету Любови Александровны Козловой — Человека Профессионального!

Дорогая Любовь Александровна, поздравляю Вас с юбилеем!

Многие Вам лета!

Алексей Андреевич Чувакин

доктор филологических наук, Почетный профессор

Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Уважаемая Любовь Александровна, поздравляю Вас с Юбилеем! Ваш вклад в науку неоспорим. На меня, как ученого, повлияли Ваши работы по теоретической грамматике, этносемантике и теории дискурса. Хочу пожелать Вам здоровья, а также продолжения активной подготовки научных кадров для российской научной школы.

Сергей Геннадьевич Проскурин

доктор филологических наук, профессор,

профессор Гуманитарного института

Новосибирского национального исследовательского государственного университета (НГУ)

Дорогая Любовь Александровна, разрешите от всей души поздравить Вас с красивой юбилейной датой и пожелать Вам счастья и легкости бытия, которую заслуживает человек в определенный период своей честной и красивой жизни. Как лингвист могу сказать, что имя дано человеку не зря. Ваше имя — Любовь, и это не случайно! Любовь лучезарно исходит от Вас, Вы ею дышите и насыщаете все окружающее пространство. Пространство любви Любови Александровны Козловой — это то, что Вы созда-

ете вокруг себя, это то, чем Вы одариваете друзей, коллег, товарищей, учеников. С Вами хочется находиться рядом, Вас хочется слушать, с Вами хочется говорить — говорить и о науке, и о жизни. Я счастлива, что научная судьба свела меня с Вами. Я горда тем, что и меня согрели теплые лучи Вашей души. Пусть долгие века длится Ваш день! Многия лета!

Светлана Викторовна Иванова

доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой англ. филологии
Ленинградского государственного университета
им. А.С. Пушкина

Я благодарна судьбе за то, что мне удалось пообщаться с этим удивительным человеком, слушать ее выступления на заседаниях диссертационного совета, на конференциях, читать ее научные работы, в которых отражается многосторонняя лингвистическая эрудиция ученого. Следует особо отметить ее исследования в области этнокультурного потенциала грамматического строя языка.

Любовь Александровна — пример устремленности вперед и жажды творчества. Она обладает обаянием и удивительной скромностью.

С Днем рождения Вас, дорогая Любовь Александровна!

Галина Федоровна Коваленко

кандидат филологических наук, доцент
кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Тихоокеанского государственного университета,
г. Хабаровск

Учитель, наставник, товарищ и друг — так гармонично эти ипостаси слились в одной личности — Любви Александровне Козловой. От себя, своей семьи, коллег и студентов Горно-Алтайского государственного университета поздравляю ее с юбилеем! Хотим выразить Вам, дорогая Любовь Александровна, огромную признательность и почтение за Ваш неустомимый труд и ценный вклад в развитие современного языкознания, за Ваши многочисленные научные труды и подготовленные научные кадры. Желаем Вам мира, вдохновения, энергии. Я безмерно рада, что была Вашей студенткой, аспиранткой, коллегой, что на пути мне встретился такой необыкновенный, уникальный и редкий самородок, Человек с большой буквы!

С благодарностью и наилучшими пожеланиями,

Татьяна Викторовна Федосова

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Горно-Алтайского государственного университета,
г. Горно-Алтайск

Любовь Александровна — многогранная личность, гармонично сочетающая в себе все самые лучшие качества. Прежде всего, Любовь Александровна — талантливый Ученый, постоянно удивляющий широтой своих научных интересов, глубиной знаний, незаурядностью мысли. Это Человек высокой внутренней культуры, скромности и такта, ответственности и обязательности. Любовь Александровна — мудрый Учитель и опытный Наставник, тонко чувствующий своих учеников, умело направляющий их к цели. И, наконец, Любовь Александровна — это добрый Друг, общения с которым всегда мало, но каждая встреча с которым, заряжает энергией, новыми интересными идеями и только положительными эмоциями.

С чувством глубокой благодарности, с особым чувством гордости за то, что довелось стать одним из ее многочисленных учеников, поздравляю Любовь Александровну с Юбилеем и желаю здоровья, счастья, неиссякаемого вдохновения и благополучия!

Елена Владимировна Федяева

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Гуманитарного факультета Новосибирского
государственного технического университета

Дорогая Любовь Александровна, с Юбилеем Вас!

Позвольте поблагодарить Вас за мою личную подготовку к защите кандидатской диссертации, за Ваши рекомендации по выбору места защиты, за Вашу доброту и внимание.

Крепкого Вам здоровья и семейного счастья!

Анна Вячеславовна Проскурина

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Гуманитарного факультета Новосибирского
государственного технического университета

Сердечно поздравляю Любовь Александровну Козлову, доктора филологических наук, Почетного профессора АлтГПУ с юбилеем!

Мне посчастливилось быть в ряду ее студентов, и я могу с уверенностью сказать, что Любовь Александровна — это безусловный лидер и профессионал своего дела. На ее лекции по грамматике и семинары по теории речевых актов мы шли с большим удовольствием, а подача сложного языкового материала, энтузиазм и легкость, с которой она работала с нами, не оставляли шансов на то, чтобы что-то осталось непонятым или неувоенным. Огромного внимания и уважения заслуживают идеи Любви Александровны и ее вклад в лингвистику,

в частности, идеи о тесной взаимосвязи грамматики, дискурса и культуры. Как и других исследователей, меня особенно вдохновляет ее мысль о том, что грамматические структуры, а не только лексические единицы, обладают огромным потенциалом к раскрытию этнокультурной специфики языковых категорий и концептов, а соответственно менталитета, национального характера и коммуникативного поведения различных лингвокультурных сообществ. Именно об этом пишет Любовь Александровна в своей новой статье «Этнокультурный потенциал залоговых форм и его дискурсная актуализация» (Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. No 4. С. 874—894). Мне, как практикующему преподавателю английского языка, тесная взаимосвязь грамматики, коммуникации и культуры кажется особенно важной. Я также смогла убедиться в этом, работая в свое время над собственным диссертационным исследованием.

Дорогая Любовь Александровна, я еще раз искренне поздравляю Вас с юбилеем и хочу пожелать крепкого здоровья, увлеченных студентов, коллег и друзей, разделяющих Ваши личные, профессиональные и научные ценности, а также благополучия, мира и добра Вашей семье! Спасибо, что помните своих студентов спустя годы — это дорогого стоит!

С огромным уважением и любовью,

Маргарита Харлова

кандидат филологических наук,
старший преподаватель английского языка,
методист Центра корпоративного обучения
иностранным языкам (г. Москва),
выпускница Лингвистического института
Барнаульского государственного
педагогического университета 2007 года